
UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 01568608 2

Исторія Европы по эпохамъ и странамъ въ средніе вѣка и новое время.
Изд. подъ ред. Н. И. Карѣева и И. В. Лучицкаго.

А. Я. ЕФИМЕНКО.

ИСТОРІЯ УКРАИНСКАГО НАРОДА.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

8 рисунковъ въ текстѣ и 12 на отдѣльныхъ таблицахъ.

Изданіе Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ. Прачешный пер. № 6.
1906.

опасность. Несмотря на жалкое состоянiе своего кварцянаго войска, измученнаго походомъ въ Молдавiю, несмотря на совершенно неблагопрiятное для похода время года, по снѣгамъ и весенней распутицѣ, двинулся Жолкѣвскiй въ походъ на своевольное войско Наливайка, стягивая по дорогѣ отряды украинскихъ пановъ, уговаривая Лободу и его низовцевъ. Но на гетманскiя убѣжденiя низовцы отвѣтили тѣмъ, что соединились съ Наливайкомъ. Началась погоня Жолкѣвскаго за козацкимъ войскомъ, которое, связанное въ своихъ дѣйствiяхъ женщинами и дѣтьми, все отступало къ Днѣпру и успѣло переправиться на лѣвый берегъ: здѣсь оно чувствовало себя въ безопасности, такъ какъ имѣло впереди московскiй рубежъ и донскую степь. Но Жолкѣвскiй успѣлъ одушевить своей энергiей и жолнеровъ и тѣхъ украинскихъ пановъ, которые теперь присоединились къ нему въ большомъ числѣ: они преслѣдовали вмѣстѣ и своихъ убѣжавшихъ подданныхъ, которыхъ было много среди козаковъ. Войска Жолкѣвскаго успѣли не только догнать, но и обойти козаковъ и запереть ихъ въ очень невыгодной для нихъ позицiи, недалеко отъ Лубенъ, при урочищѣ Солоницѣ. Поляки могли теперь „потопить пожаръ въ холопской крови" и широко воспользовались этой возможностью. Они соглашались на пощаду лишь подъ условiемъ выдачи Наливайка съ другими зачинщиками и всѣхъ подданныхъ, бѣжавшихъ изъ панскихъ имѣнiй,—такiя условiя не могли быть приняты. Послѣ двухъ недѣль осады козацкаго лагеря, полной всякихъ ужасовъ для осаждаемыхъ, лишенныхъ, съ женщинами и дѣтьми, не только съѣстныхъ припасовъ, но и воды, лагерь былъ взятъ, и лишь небольшая часть осажденныхъ успѣла спастись, прорвавшись: вся остальная масса осталась на мѣстѣ и изрублена жолнерами. Наливайко съ нѣсколькими другими предводителями былъ оставленъ въ живыхъ для того, чтобы покончить жизнь подъ топоромъ палача, на площадяхъ Варшавы. Около имени его и казни сложилась цѣлая легенда, которая изъ народныхъ устъ перешла и въ писанную исторiю, пока не была, въ относительно позднее время, разбита исторической критикой; ни исторiя, ни народная поэзiя не сохранили свидѣтельствъ о тѣхъ кровавыхъ слѣдахъ, какiе оставила въ душѣ южно-русскаго народа ужасная лубенская катастрофа.

Новое сеймовое постановленiе требовало сносить своевольниковъ „до послѣдней капли крови". У реестровыхъ козаковъ за участiе въ бунтѣ отняты были Терехтемировъ и та доля самоуправленiя, какая за ними признавалась распоряженiемъ Стефана Баторiя: впередъ государство соглашалось признавать въ нихъ лишь обыкновенную пограничную стражу. Край былъ усмиренъ; спокойствiе возстановлено настолько, насколько оно вообще могло быть возстановлено въ тогдашней Украинѣ.

Вслѣдъ за этимъ первымъ пораженiемъ, нанесеннымъ Польскимъ государствомъ украинскимъ анти-государственнымъ элементамъ, настала эпоха, когда Украина, по выраженiю одного польскаго историка, „сдѣлалась добычею польскаго плуга". Конечно, на самомъ дѣлѣ украинскiй плугъ всегда былъ и оставался русскимъ; но польскiе и ополяченные паны дѣйствительно много потратили средствъ и личной энергiи, чтобы оживить край. Эпоха эта,

т.-е. первая четверть XVII вѣка, отмѣчается чрезвычайнымъ ростомъ населенія и земледѣльческой культуры на Украинѣ. Населеніе это пока спокойно оставалось на своихъ хозяйствахъ, широко пользуясь льготными сроками; а для своевольныхъ элементовъ, которые не могли ни въ какихъ формахъ мириться съ властью, навязываемой имъ государствомъ, историческія обстоятельства приготовили отвлеченіе.

Полякамъ пришлось въ это время вести трудныя внѣшнія войны, и они не пренебрегали тѣмъ, чтобы привлекать къ участію „низовыхъ разбойниковъ", только-что объявленныхъ ими „баннитами". Начало XVII вѣка застаетъ запорожцевъ въ Молдавіи, въ обозѣ великаго короннаго гетмана Замойскаго, который снялъ съ нихъ банницію силою своихъ полномочій. Только-что была закончена эта война, какъ гетманъ приглашаетъ запорожцевъ въ Лифляндію, театръ войны поляковъ со шведами. За услуги козаковъ въ обоихъ этихъ войнахъ имъ возвращаютъ Терехтемировъ и отобранныя-было права. Но, конечно, лишь московская самозванщина создала для Украины то сильное отвлеченіе, которое чуть не на цѣлое десятилѣтіе предохранило край отъ новыхъ столкновеній козаковъ съ требованіями государства.

Какъ низовцы водили господарчиковъ-самозванцевъ въ Молдавію, такъ повели польскіе паны, съ Мнишками во главѣ, царевича-самозванца въ Московское царство. Конечно, при этомъ былъ кликнутъ кличъ на охотниковъ, и украинскому своеволію открыто было новое широкое русло еще до того, пока въ войну вмѣшалось государство, и гетманъ самъ повелъ козаковъ на православный сѣверъ. Достаточно извѣстно, какъ показали здѣсь себя украинцы, и какая доля участія въ тяжелой эпопеѣ „Смутнаго времени" относится на счетъ низоваго козачества.

Конецъ междуцарствія, когда водворяющійся порядокъ вытѣсняетъ обратно, на родину, украинскіе своевольные элементы, снова выдвигаетъ на сцену роковой вопросъ: какъ быть дальше? Украинская вольница, не имѣя предоставляемаго ей государствомъ дѣла, ищетъ его сама, и ищетъ его пока все-таки внѣ, въ традиціонныхъ набѣгахъ на басурманъ, татаръ и турокъ. Но, очевидно, низовое козачество за это время усиленной дѣятельности въ Московщинѣ и Молдавіи—куда украинскіе паны Потоцкіе, Корецкіе и Вишневецкіе предпринимали въ то же время большіе походы, завоевывая господарство для Могилъ—такъ выросло и окрѣпло, что эти набѣги пріобрѣтаютъ новый неожиданный характеръ.

Рядъ морскихъ походовъ, выходящихъ изъ ряду вонъ по своей дерзости и по своимъ результатамъ, прославилъ имя днѣпровскихъ козаковъ по всей Европѣ, а на Турцію произвелъ потрясающее впечатлѣніе. Козаки не довольствовались тѣмъ, что на своихъ челнахъ достигали Константинополя, жгли и грабили окрестныя села, такъ что султаны изъ своихъ дворцовъ и садовъ могли видѣть дымъ и зарево пожаровъ: они рискнули переплыть поперекъ Черное море, и беззащитные берега Малой Азіи, до тѣхъ поръ пользовавшіеся полною безопасностью, открыли для нихъ новый источникъ добычи. Взятіе и разореніе Синопа (1613 г.), богатаго, торговаго малоазійскаго города, само по себѣ

представляло крупное событіе; за Синопомъ такой же участи подвергся и Трапезундъ. Черезъ три года (1616 г.) взята была Кафа, причемъ было освобождено множество христіанскихъ невольниковъ. Но эти козацкіе подвиги, радуя и поднимая украинскую душу, конечно, должны были производить совсѣмъ иное впечатлѣніе на душу польскую и особенно на душу польскихъ государственныхъ людей. Нельзя было безнаказанно дразнить турокъ такъ, какъ дразнили ихъ козаки своими набѣгами 1613—16 годовъ. Турки приняли самыя экстренныя мѣры: турецкая флотилія сторожила въ устьяхъ Днѣпра; дѣлались усиленныя приготовленія къ постройкѣ крѣпостей на низовьяхъ рѣки; Ибрагимъ-паша пріобрѣлъ себѣ крупную славу тѣмъ, что проникъ до самаго Запорожья, хотя, конечно, результаты этого подвига, въ виду условій запорожской жизни, могли быть лишь самые скромные: небольшому числу низовцевъ, которыхъ онъ засталъ на мѣстѣ, ничего не стоило скрыться, а коши ихъ были слишкомъ незавидною добычею.

Въ то же время Турція, раздражаемая, съ одной стороны, козаками, съ другой—украинскими панами съ ихъ постояннымъ вмѣшательствомъ въ молдавскую политику, собирала противъ Польши военныя силы, дѣйствительно страшныя своею численностью. Въ 1617 году турецкое войско впервые вступило въ предѣлы Польши, въ Подолье, и Польшѣ предстояла грозная необходимость встать лицомъ къ лицу съ своей сосѣдкой. Однако, на этотъ разъ гетманъ Жолкѣвскій цѣной уступокъ и обѣщаній, касающихся козаковъ и Молдавіи, отвелъ грозившую-было Польшѣ бѣду. Но теперь уже онъ рѣшилъ безъ отлагательствъ и энергично приняться за козаковъ, чтобы тѣмъ или инымъ путемъ, „vi альбо consilio“ *), по его собственному выраженію, положить узду на украинское своеволіе.

Тотчасъ же началъ Жолкѣвскій усиленно стягивать украинскихъ пановъ въ опредѣленный пунктъ, который назначенъ былъ у села Ольшанки, для участія въ „комиссіи“ по козацкимъ дѣламъ. Это была оригинальная комиссія, имѣющая мало общаго съ современными комиссіями. Украинскіе паны, теперь уже изъ-за своихъ подданныхъ всѣ заинтересованные въ козацкихъ дѣлахъ, собрались со своими военными силами, какими располагали. Сюда же были приглашены и уполномоченные отъ козацкаго войска. Если бы переговоры не привели къ желанному результату,—иначе говоря, козаки не согласились бы на предложенныя имъ условія,—всѣ собравшіеся панскіе отряды подъ предводительствомъ Жолкѣвскаго должны были быть двинуты противъ нихъ.

Но Ольшанская комиссія не разразилась никакой катастрофой: все покончилось мирно и благополучно. Въ то время во главѣ запорожскаго войска стоялъ гетманъ Петръ Конашевичъ (т.-е. Кононовичъ) Сагайдачный, человѣкъ, высокаго достоинства котораго одинаково признавались какъ русскими, такъ и поляками. Біографическихъ данныхъ о немъ сохранилось немного: знаемъ, что онъ былъ родомъ русинъ изъ Галиціи, учился въ Острожскомъ училищѣ. Всюду, гдѣ онъ появляется, онъ господинъ положенія—одновременно искусный

*) Силою или совѣтомъ.

полководецъ и умный дипломатъ, но прежде всего и всегда человѣкъ, глубоко и цѣльно преданный родинѣ и ея интересамъ. Блестящіе походы козаковъ на Черное море совершались подъ его руководствомъ. Но во всѣхъ своихъ непосредственныхъ сношеніяхъ съ представителями польской государственности онъ держалъ себя и войско вполнѣ лойяльно, не давая никакого повода къ репрессивнымъ мѣрамъ. Такъ и въ Ольшанской комиссіи, являясь старшимъ представителемъ запорожскаго козачества, онъ согласился на всѣ уступки, которыхъ требовали поляки, включая сюда даже и ограниченіе войска одной тысячей. Это было невозможно; но онъ, очевидно, понималъ, что фактическая невозможность такъ и останется невозможностью, какими бы формальными отрицаніями ее ни обставляли. И обстоятельства оправдали его разсчеты самымъ блестящимъ образомъ. Едва кончилась комиссія, какъ помощь Сагайдачнаго съ его войскомъ неотложно понадобилась, чтобы спасти королевича Владислава, погибавшаго подъ Можайскомъ (1618 г.). Разумѣется, теперь уже не было ни думы, ни рѣчи о тысячѣ, и Сагайдачный повелъ въ Московское царство ни больше, ни меньше, какъ двадцать тысячъ козаковъ. Въ результатѣ этого похода не только спасенъ былъ королевичъ со своимъ войскомъ, но Польшѣ была возвращена Сѣверская земля. Однако, козацкій вопросъ оставался все въ томъ же положеніи, тѣмъ болѣе, что козаки, не получивъ жалованья за этотъ московскій походъ, снова отправлялись по обычаю искать на югъ козацкаго хлѣба. Понадобилась новая козацкая комиссія, которая и собралась въ 1619 году на рѣчкѣ Раставицѣ, ниже Паволочи. Здѣсь козакамъ предложены были еще болѣе тяжелыя условія: помимо прочихъ ограниченій, они должны были уничтожить челны, на которыхъ ходили въ море, а, главное, должны были обѣщать повиноваться панамъ, на территоріи которыхъ имѣли свою постоянную или временную осѣдлость. Хотя Сагайдачный стоялъ во время Раставицкой комиссіи подъ Бѣлою Церковью со своимъ козацкимъ войскомъ, которое смѣло могло помѣряться силами съ польскимъ, но онъ, повидимому, и не думалъ о сопротивленіи силой. Большимъ усиліемъ и терпѣніемъ добивался онъ тѣхъ или иныхъ уступокъ и ограниченія панскихъ требованій, но въ общемъ выражалъ полную готовность подчиниться всему, отъ чего нельзя было мирно уклониться. Когда, въ слѣдующемъ же 1620 году, молдавскія дѣла повлекли новыя столкновенія Польши съ Турціей, то въ сраженіи подъ Цецорой, которое кончилось тяжелымъ пораженіемъ поляковъ, смертью Жолкѣвскаго и плѣномъ Конецпольскаго, вовсе не было ни Сагайдачнаго, ни его войска: козаки должны были оставаться дома и исполнять постановленіе Раставицкой комиссіи — выселяться изъ панскихъ имѣній, если не хотѣли обращаться въ панскихъ подданныхъ. Естественно, что они не спѣшили водворять новый порядокъ, который равнялся для нихъ самоуничтоженію, а цецорская трагедія показала, что имъ и незачѣмъ было спѣшить: Польша опять въ нихъ нуждалась и больше прежняго.

Въ 1621 году султанъ Османъ I выступилъ въ походъ, лично предводительствуя огромнымъ войскомъ, въ нѣсколько сотъ тысячъ, съ цѣлью завоевать Польшу. Опасность была самая крайняя; помощь со стороны козацкаго войска

была теперь для Польскаго государства вопросомъ о томъ, быть ему, или не быть? Сагайдачный не отказался придти на помощь,—хотя и выставилъ при этомъ нѣкоторыя свои условія и привелъ подъ Хотинъ уже тридцать тысячъ козаковъ. Блестящей Хотинской побѣдой, спасшей Польшу, были обязаны по-

Гетманъ Петръ Конашевичъ Сагайдачный † 1622 г.

ляки лишь Сагайдачному и его козацкому войску. Самъ Сагайдачный умеръ отъ ранъ, полученныхъ имъ подъ Хотиномъ, въ слѣдующемъ же 1622 году.

Смерть этого замѣчательнаго человѣка заключила собой ту мирную эпоху козацко-польскихъ отношеній, которую можно назвать эпохою Сагайдачнаго.

Несмотря на крайнюю напряженность положенія, которое, казалось, каждый моментъ должно было бы разразиться взрывомъ, взрыва не происходило, а въ то же время козаки, такъ стѣсненные юридически, фактически оставались при своихъ старыхъ правахъ. Это было дѣломъ рукъ Сагайдачнаго. Но такого результата нельзя было добиться безъ общественныхъ жертвъ, болѣе или менѣе тяжелыхъ. Въ жертву принесены были хлопы, панскіе подданные. Они также тянулись къ козацкому положенію, но козаки въ видахъ собственнаго спасенія, должны были ихъ отталкивать. Въ этомъ отношеніи Сагайдачный дѣйствовалъ съ сознательной рѣшимостью, вѣроятно, вытекавшей изъ искренняго убѣжденія въ невозможности иного порядка. Какъ бы то ни было, въ постановленіяхъ Раставицкой комиссіи есть одинъ пунктъ, въ силу котораго запорожцы обязуются выключать изъ состава войска всѣхъ ремесленниковъ, шинкарей, войтовъ, бурмистровъ, рѣзниковъ и т. п., о хлопахъ же нѣтъ ни слова, очевидно, потому, что вопросъ о хлопахъ не возбуждалъ никакихъ сомнѣній ни одной, ни другой стороны. Но за то фактическая сила козацкаго войска, подъ управленіемъ Сагайдачнаго, несмотря на комиссіи и ихъ постановленія, не только не уменьшалась, а благодаря войнамъ сильно выросла. А подъ ея прикрытіемъ осуществился фактъ такой огромной важности, какъ возстановленіе православной іерархіи. Впервые козачество выступило дѣйствительной опорой русской народности въ одномъ изъ существеннѣйшихъ ея интересовъ.

Всѣ тяжелыя противорѣчія украинской жизни, съ которыми умѣла какъ-то ладить сильная рука, выступили ярко наружу, какъ только ея не стало. Украина вступила въ эпоху (1625—1638 гг.) потрясеній, повторявшихся другъ за другомъ въ самые короткіе промежутки, пока не наступилъ десятилѣтній отдыхъ, за которымъ послѣдовалъ страшный, окончательный взрывъ, снесшій не прививавшійся къ украинскому населенію общественный порядокъ.

Смерть Сагайдачнаго застала украинское козачество въ такой моментъ, когда ему нужнѣе, чѣмъ когда-либо, былъ талантливый и энергичный руководитель. Къ обычнымъ трудностямъ, какими была обставлена общественная жизнь козачества, присоединились новыя усложненія. Еще при жизни Сагайдачнаго низовое войско in corpore было вписано въ число членовъ Кіевскаго церковнаго братства, слѣдовательно, открыто признало своею обязанностью покровительство и защиту православной церкви. Стояло ли оно раньше совсѣмъ въ сторонѣ отъ церковныхъ дѣлъ, какъ это утверждаетъ Кулишъ, или нѣтъ, во всякомъ случаѣ, и при жизни Сагайдачнаго и послѣ его смерти оно заявляетъ себя въ роли оффиціальнаго покровителя православія. Новый митрополитъ Іовъ Борецкій, такъ удачно выбранный на свой высокій, а теперь и опасный постъ, заявлялъ, что онъ держится лишь защитой „черкасскихъ молодцовъ“ (т.-е. запорожскихъ козаковъ): надо замѣтить, что со смертью Сагайдачнаго наступили усиленныя гоненія на членовъ возстановленной православной іерархіи. Въ концѣ 1624 года нѣкоторые члены кіевскаго магистрата, съ войтомъ Ходыкой во главѣ, начали запечатывать въ г. Кіевѣ православныя церкви. Тотчасъ появляются въ Кіевѣ два низовыхъ полковника съ козаками для „обереганья христіанской вѣры“ и расправляются съ ея оскорбителями.

Конечно, польское правительство не могло смотрѣть благосклонно на это козацкое самоуправство. А на Запорожьѣ, между тѣмъ, происходило кое-что, еще болѣе непріятное и угрожающее государственнымъ интересамъ Польши. Тамъ появился нѣкто Ахія или царевичъ Александръ, якобы окрещенный сынъ султана Магомеда и законный наслѣдникъ турецкаго престола. Не Запорожье испекло этого новаго самозванца, но оно готово было идти за нимъ къ возстановленію, при содѣйствіи болгаръ, сербовъ, грековъ и албанцевъ, православной восточной имперіи. Одновременно козаки впутались въ политику Крыма, гдѣ происходили тяжелыя внутреннія замѣшательства, вытекавшія изъ вассальныхъ отношеній ханства къ Портѣ: они рѣшились поддерживать ставшихъ во враждебныя отношенія къ Турціи Магомеда и Шагинъ Гиреевъ, — послѣдній лично явился на Запорожье за помощью. Въ результатѣ всѣхъ этихъ политическихъ комбинацій оказались новые набѣги на Крымъ и Турцію, сушею и моремъ. Кафа была занята, козацкія чайки снова появились подъ Константинополемъ, жгли и грабили его предмѣстья и окрестныя села и мѣстечки. Въ слѣдующемъ 1625 году Запорожцы повторили морской набѣгъ на черноморскіе берега, съ большими силами и болѣе широкимъ планомъ, но потерпѣли неудачу: много козацкихъ челновъ было затоплено и захвачено въ плѣнъ. Въ то же время Запорожье, и непосредственно и при посредствѣ духовенства, находилось въ постоянныхъ сношеніяхъ съ московскимъ царемъ. Іовъ Борецкій не только имѣлъ съ Москвой самыя тѣсныя связи, но видимо серьезно задумывался надъ вопросомъ о присоединеніи Украины къ православному восточно-русскому царству. О сношеніяхъ знало польское правительство; конечно, такое положеніе дѣлъ, съ его точки зрѣнія, было непереносимо.

Еще въ 1623 году сеймовымъ постановленіемъ назначена была новая военно-судная козацкая комиссія изъ русскихъ землевладѣльцевъ съ Ѳомой Замойскимъ во главѣ. Но комиссары, какъ ни были лично заинтересованы въ козацкихъ дѣлахъ, все-таки собирались не охотно, считая участіе въ такой комиссіи „самой опасной и убыточной войной". Такимъ образомъ, комиссія не осуществилась. Но въ слѣдующемъ же 1624 году Кантеміръ-мурза, по прозвищу Кровавый Мечъ, глава свирѣпой Буджацкой орды, сдѣлалъ страшно опустошительный набѣгъ на Подолье и Червонную Русь. Для того чтобы перехватить его съ добычей, коронный гетманъ Конецпольскій собралъ всѣ силы, какими только онъ могъ располагать. Послѣ расправы съ Кантеміромъ, силы эти, растянутыя, уже могли быть легко направлены и въ другую сторону, противъ козаковъ, тѣмъ болѣе, что Польша въ это время была свободна отъ иныхъ политическихъ осложненій.

А между тѣмъ на Запорожьѣ окончательно взяла верхъ крайняя партія, которая не хотѣла слышать ни о какихъ уступкахъ польскому правительству и выбрала въ гетманы Жмайла. Осенью 1625 года Конецпольскій двинулся изъ Подолья на Днѣпръ; комиссары по дорогѣ присоединились къ нему со своими отрядами.

Конецпольскій не уступалъ талантами и энергіей своему предшественнику и тестю Жолкѣвскому, усмирителю Наливайковщины; но, кромѣ того, онъ былъ и однимъ изъ крупнѣйшихъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, слѣдовательно, былъ

близко знакомъ съ украинскими дѣлами и лично въ нихъ заинтересованъ. Какъ всѣ вообще мѣстные люди, онъ предпочиталъ рѣшать украинскій вопросъ мирно, не прибѣгая къ насилію: и теперь онъ открывалъ свое движеніе противъ козаковъ ласковымъ увѣщаніемъ, которое онъ посылаетъ имъ „какъ человѣкъ рыцарскій такимъ же рыцарскимъ людямъ". Но могучее теченіе всецѣло увлекало Запорожье въ противоположномъ направленіи.

Однако, запорожцы, народъ опытный въ военномъ дѣлѣ, видѣли, что ихъ войску, въ общемъ плохо вооруженному и плохо дисциплинированному, хотя и превосходящему численностью, трудно взять верхъ надъ силами Конецпольскаго, который имѣлъ въ своемъ распоряженіи, кромѣ кварцяныхъ жолнеровъ и комиссарскихъ полковъ, еще и отрядъ нѣмецкой пѣхоты. Обѣ стороны сошлись надъ рѣчкою Цыбульникомъ недалеко отъ Крылова, но козаки старались выиграть время подъ разными предлогами. Однако, выяснилось окончательно, что переговоры, сколько бы ни тянулись, не могутъ привести ни къ чему. Козаки не хотѣли поступиться своими вольностями, которыя они считали законной наградой за свои услуги Рѣчи Посполитой: а въ вольности ихъ входило и свободное пользованіе земельными имуществами, даже и находящимися на панскихъ территоріяхъ, и право принимать на Запорожье всякаго, кто бы ни пришелъ, включая, слѣдовательно, и всякихъ политическихъ авантюристовъ, право свободнаго выбора своихъ властей и, наконецъ, права свободы для православной церкви. Государство не могло согласиться на такое толкованіе козацкихъ волостей. Военныя дѣйствія были открыты. Но прежде чѣмъ дѣло дошло до чего-либо рѣшительнаго, козаки ночью выскользнули изъ лагеря, можетъ-быть, расчитывая просто разсѣяться пока въ лугахъ и плавняхъ. Однако, Конецпольскій, который имѣлъ подъ рукой такого помощника, какъ Стефанъ Хмелецкій, своевременно замѣтилъ ихъ отступленіе. Козаки, дойдя до Курукова озера (близъ теперешняго Крюкова), здѣсь остановились и укрѣпились въ урочищѣ Медвѣжьихъ Лозахъ, на старомъ городищѣ. Начался энергичный штурмъ, гдѣ на первомъ планѣ со стороны нападающихъ дѣйствовали нѣмцы, и не менѣе энергичный отпоръ. Въ концѣ концовъ, козаки вынуждены были признать себя побѣжденными и принять, съ нѣкоторыми смягченіями, предлагаемыя имъ условія. Куруковскій договоръ 1625 г., иначе договоръ на Медвѣжьихъ Лозахъ, служилъ на послѣдующее время той законной нормой козацко-польскихъ отношеній, на которой настаивала одна сторона, и отъ которой стремилась уклониться другая. Вотъ къ чему сводилась эта норма.

Козаки впередъ не имѣли права предпринимать никакихъ походовъ, ни сухопутныхъ, ни морскихъ, безъ разрѣшенія правительства, какъ не имѣли права и сноситься съ сосѣдними державами; слѣдовательно, совершенно лишались присвоенныхъ ими себѣ политическихъ правъ и признавались за простыхъ подданныхъ Польскаго государства. Въ козацкомъ реестрѣ, т.-е. въ козацкомъ званіи, оставлялось лишь шесть тысячъ козаковъ, которые и должны были исправлять обязанности пограничной сторожи: одна тысяча должна была постоянно жить и сторожить на Запорожьѣ, остальные находиться на Украинѣ въ готовности исполнять распоряженіе властей. Всѣ, не вошедшіе въ реестръ,

обязаны были вернуться въ то общественное положеніе, изъ котораго они, предполагается, вышли, т.-е. должны были или обратиться въ королевскихъ мѣщанъ, или шляхетскихъ подданныхъ. Козаки признанные, т.-е. вписанные въ реестръ, пользовались „козацкими вольностями“, которыя заключались въ личной свободѣ, въ правѣ судиться своимъ войсковымъ судомъ и въ правѣ свободно заниматься звѣринымъ и рыбнымъ промыслами, а также торговлей; кромѣ того, они получали отъ правительства денежное жалованье. „Старшого“ назначало имъ государство. Наиболѣе трудный для рѣшенія вопросъ земельныхъ отношеній куруковской комиссіей разрѣшался такъ. Тѣ козаки, которые имѣютъ свои осѣдлости на земляхъ королевскихъ, остаются—какъ были; тѣ же, земли которыхъ лежатъ на территоріяхъ шляхты или духовенства, могутъ на нихъ оставаться лишь съ разрѣшенія владѣльцевъ на правахъ подданныхъ. Кто не желаетъ подчиняться этому, тотъ обязанъ выселиться въ теченіе 12 недѣль, возвратя владѣльцамъ „неправильно пріобрѣтенное“ имущество. Если же на такое земельное имущество окажется законный документъ—что, конечно, могло имѣть мѣсто лишь въ исключительныхъ условіяхъ,—то козакъ имѣетъ право продать такое имущество и собрать сдѣланные посѣвы.

Огромное практическое затрудненіе представлялъ собою и шеститысячный реестръ въ то время, когда въ войскѣ числилось около пятидесяти тысячъ человѣкъ. Самъ Конецпольскій писалъ королю, что въ козацкій реестръ нельзя помѣстить даже наиболѣе заслуженныхъ воиновъ, т.-е. такихъ, которые рисковали жизнью за государство въ теченіе десяти, двадцати и даже тридцати лѣтъ, которые изувѣчены на службѣ. А польское правительство находило и цифру шести тысячъ рискованной для себя и согласилось на нее лишь послѣ большихъ домогательствъ со стороны козаковъ, за которыхъ въ данномъ случаѣ стоялъ и Конецпольскій.

Но польская политика, всегда легкомысленная и полная противорѣчій, уже снова приготовила выходъ для украинскихъ затрудненій. Осенью и зимою 1625 года новый старшой, или гетманъ, назначенный правительствомъ, Михаилъ Дорошенко, объѣзжалъ вмѣстѣ съ польскими комиссарами Украину, чтобы привести въ исполненіе постановленіе комиссіи насчетъ реестра: надо было отдѣлить реестровыхъ отъ „выписчиковъ“, которые переставали юридически быть козаками и переходили въ посполъство. Но едва ли успѣлъ пройти годъ по окончаніи этой важной, съ формальной точки зрѣнія, процедуры, которая должна была плохо ли, хорошо ли, упорядочить сословныя отношенія Украины, какъ снова все пришло въ хаосъ: „запорожскіе выписные козаки опять понадобились Польшѣ для новой войны со шведами, такъ какъ реестровые отказались идти противъ шведовъ на томъ основаніи, что „король польскій и паны радные пожитки всякіе отняли, на море ходить не велятъ, на службу противъ шведскаго короля подняться нечѣмъ“. На Балтійскомъ морѣ появились даже, нѣсколько лѣтъ спустя, козацкіе челны, выстроенные на счетъ литовскаго магната Радзивилла,—и здѣсь запорожцы показали надъ шведскими кораблями, какъ прежде надъ турецкими галерами, тѣ же чудеса ловкости и искусства, возбуждавшія изумленіе современниковъ. А между тѣмъ на

Низу, опять предоставленному самому себѣ, все снова пошло по-старому. Теченіе было такъ сильно, что увлекло даже такого сторонника правительства, какъ Дорошенко.

Въ 1628 году Дорошенко со своими реестровыми козаками предпринялъ самовольный походъ въ Крымъ на помощь Магомедъ- и Шагинъ-Гиреямъ, по дорогѣ разрушилъ вновь построенный турецкій городъ Исланкермень на татарской переправѣ противъ острова Тавани и самъ палъ въ битвѣ съ Кантеміромъ-мурзой, сторонникомъ султана, осаждавшимъ Бахчисарай, гдѣ заперлись Гиреи. Козаки выбрали себѣ въ гетманы Грицька Чернаго, освободили Гиреевъ и побѣдителями вернулись въ Запорожье. Въ то же время корсунскій полковникъ Филоненко вторгся въ турецкія владѣнія въ Молдавіи.

Правительство должно было проглотить пилюлю—принять нехитрыя козацкія оправданія и объясненія, тѣмъ болѣе, что въ это время исправлялъ должность украинскаго регментаря, т.-е. главнаго начальника мѣстныхъ военныхъ силъ, Стефанъ Хмелецкій, человѣкъ очень гуманный, прекрасно знакомый съ положеніемъ дѣлъ на Украинѣ и искренне расположенный къ козакамъ, которые всегда видѣли въ немъ заступника и ходатая передъ верховной властью. Въ то же время новый козацкій гетманъ Григорій Савичъ, или Грицко Черный, также дѣйствовалъ, какъ убѣжденный сторонникъ правительства. Такимъ образомъ, на одинъ моментъ водворилась-было въ козацко-польскихъ отношеніяхъ гармонія, результатомъ которой была блестящая побѣда Хмелецкаго надъ Кантеміровской ордой подъ Бурштыномъ (1629 г.), гдѣ козаки сражались подъ польскими знаменами.

Но это былъ только моментъ. Въ слѣдующемъ же году Украина вся опять принимаетъ видъ крайней враждебности „къ панамъ-ляхамъ". Всюду распространяются слухи, что поляки хотятъ истребить православную вѣру, чтобы ввести насильственно римскую, что ляхи намѣрены вырѣзать всю Русь вплоть до московской границы и т. п. Нѣкоторымъ поводомъ для этихъ слуховъ служили отдѣльные случаи безобразій и насилій, какія дозволяли себѣ польскіе жолнеры, расквартированные на Украинѣ со времени Куруковской комиссіи. Открылись волненія прежде всего въ окрестностяхъ Кіева, гдѣ козаки вмѣстѣ съ хлопами начали истреблять жолнеровъ. Грицько Черный принялъ-было, съ своей стороны, мѣры, чтобы успокоить волненіе, но возставшіе „жестокосердно его замучили". На сцену появляется гетманъ, выбранный на Низу, который становится во главѣ начавшагося движенія, быстро принимающаго характеръ козацкаго возстанія. Гетманъ этотъ — Тарасъ Ѳедоровичъ, по прозвищу Трясило; изъ шести тысячъ реестровыхъ къ нему пристало четыре тысячи, двѣ тысячи остались на сторонѣ правительства.

Какъ только до коронназо гетмана дошло извѣстіе о томъ, что запорожцы вышли съ Низу „на власти"—т.-е. появились на украинской территоріи,—онъ тотчасъ же послалъ въ Кіевщину нѣсколькихъ ротмистровъ, въ томъ числѣ короннаго стражника Самуила Лаща, этого типичнѣйшаго представителя беззастѣнчиваго шляхетскаго своеволія. Вѣроятно, дикая энергія Лаща, для которой не существовало препятствій, сыграла не малую роль въ томъ, что поль-

скій отрядъ, сравнительно очень малочисленный, оттѣснилъ козаковъ за Днѣпръ. Вообще главной ареной настоящаго возстанія надо считать Заднѣпровье, владѣнія князей Вишневецкихъ, уже успѣвшія къ тому времени изъ пустыхъ обратиться въ довольно заселенныя мѣстности. Центральнымъ пунктомъ возстанія былъ Переяславль, гдѣ инсургенты и укрѣпились.

Мѣстный человѣкъ, Конецпольскій прекрасно зналъ, что украинскія волненія все равно, что пожаръ—упустишь время, не потушишь,—и самъ, съ своимъ войскомъ и панскими отрядами, появился на Украинѣ со всевозможной скоростью: въ войскѣ его были и „черкассы лучшіе люди", т.-е. реестровые козаки, оставшіеся вѣрными правительству. Обложеніе Переяславля, которое продолжалось три недѣли и кончилось тѣмъ, что осажденные изъявили покорность, составляетъ все содержаніе этого эпизода. Ближайшія подробности того, что и какъ происходило, намъ неизвѣстны: не сохранилось почти никакихъ документовъ, мемуаровъ участниковъ и свидѣтелей событія. Можно съ увѣренностью сказать, что „Тарасову ночь" надо отнести изъ области историческихъ фактовъ въ область легендъ; но, съ другой стороны, повидимому, и торжество поляковъ не было очень рѣшительнымъ. „Переяславскіе пакты" настаиваютъ лишь на соблюденіи куруковскаго договора; даже вопросъ о выдачѣ главнаго виновника, т.-е. Тараса Ѳедоровича, не ставится рѣзко, а обставляется условіями. Вѣроятно, на ходѣ событій сильно отразился расколъ въ козацкой средѣ, то, что „лучшіе люди" ея не примкнули къ возстанію. Такимъ образомъ, „Переяславщина" не внесла ничего новаго въ козацко-польскія отношенія, съ формальной точки зрѣнія; взаимныя же непріязненныя чувства, конечно, выростали и крѣпли послѣ каждаго столкновенія.

Въ то время, когда состоялся переяславскій договоръ, часть самовольныхъ козаковъ опять ушла на море.

Владиславъ IV, тотчасъ по вступленіи своемъ на престолъ, задумалъ новый походъ въ Московское царство (1632 г.). Безъ помощи козаковъ трудно было осуществить съ успѣхомъ такое предпріятіе. Правительство потребовало на помощь себѣ пятнадцать тысячъ козацкой силы, не стѣсняясь шеститысячнымъ реестромъ. Поляновскій миръ, снова присоединившій къ Польшѣ области Чернигова, Новгородъ-Сѣверска и Смоленска, былъ результатомъ участія въ походѣ козаковъ.

Въ то же время помощь козаковъ была настоятельно нужна Польшѣ и въ другой сторонѣ. Лѣтомъ (1633 г.) Кантеміръ со своей ордой снова опустошилъ Подолье; Конецпольскій, правда, перехватилъ татаръ съ добычею на обратномъ пути, но набѣгъ Кантеміра оказался лишь предвѣстникомъ большого турецкаго нашествія подъ начальствомъ Абазы, которому ввѣрены были всѣ военныя силы Балканскаго полуострова, и къ которому присоединились молдавскій и валашскій господари. А когда Конецпольскому, благодаря позднему осеннему времени и крайнему напряженію силъ, удалось задержать Абазу, турецкій султанъ началъ лично готовиться къ большому походу съ цѣлью завоеванія Польши.

Въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ Конецпольскій призвалъ къ себѣ на

помощь реестровыхъ козаковъ: тѣ, хотя неохотно, но повиновались. Но гроза миновала, и опять чуть не въ десятый разъ, заключенъ былъ между Польшей и Турціей вѣчный миръ съ тѣмъ условіемъ, что Польша заставитъ козаковъ прекратить морскіе походы, а Турція удержитъ татаръ отъ хищническихъ набѣговъ.

Но тутъ начались волненія среди реестровыхъ, призванныхъ въ Подолье ґетманомъ: они кинулись въ имѣнія мѣстныхъ пановъ, начали ихъ грабить, смѣнили свою старшину, убили нѣкоторыхъ изъ ея состава, а затѣмъ самовольно отправились домой. Все это находилось, повидимому, въ связи съ морскими походами, которые тянулись себѣ своимъ чередомъ, независимо отъ отношеній Польскаго государства къ Турціи. Между тѣмъ вернулись козаки и изъ московскаго похода и, конечно, не увеличили собою мирныхъ элементовъ украинской жизни. Всюду на Украинѣ чувствовалось то острое недовольство, которое проявлялось неповиновеніемъ массъ, множествомъ отдѣльныхъ случаевъ разныхъ насилій и самовольныхъ расправъ: постоянные симптомы приближающагося общаго взрыва. Но Конецпольскій тотчасъ же двинулъ за волнующимися реестровиками въ Кіевщину свои хоругви— и до общаго возстанія не дошло. Однако, онъ рѣшилъ, что настала неотложная необходимость осуществить одну мѣру, которая должна была дать рѣшительный перевѣсъ на Украинѣ государственности и польскому правовому порядку: необходимо было выстроить на порогахъ крѣпкій замокъ.

Мѣстомъ для замка выбрано было урочище Кодакъ, выше пороговъ. Здѣсь заложенъ былъ въ 1635 г. замокъ французскимъ инженеромъ Бопланомъ, который и оставилъ намъ свое знаменитое „Описаніе Украины". Комендантомъ замка былъ французскій полковникъ Маріэтъ, въ распоряженіи котораго состоялъ нѣмецкій гарнизонъ.

Вновь, и такъ быстро, возникшая кодакская твердыня должна была сыграть роль поворотнаго пункта въ развитіи козачества,—такъ велико было ея значеніе для хозяйственныхъ и даже политическихъ условій козацкаго быта. Конечно, она не могла прямо помѣшать козацкимъ челнамъ выходить въ море; но она не допускала на Низъ „липъ" для этихъ челновъ, которыя спускались сюда съ верхняго Днѣпра. Но еще важнѣе было то, что Кодакъ могъ препятствовать доставкѣ на Низъ пороху и огнестрѣльнаго оружія, а, главное, съѣстныхъ припасовъ: „липы", кромѣ верхняго Днѣпра, сплавлялись еще изъ Волчьихъ Водъ. Однимъ словомъ, Кодакъ держалъ въ своихъ рукахъ торговыя сношенія Запорожья съ Украиной, которая посылала на Низъ продукты сельскаго и лѣсного хозяйства, получая въ обмѣнъ, вмѣстѣ съ рыбой, и восточные товары, добычу морскихъ набѣговъ. Низъ, безъ Украины, не могъ прокормиться однимъ своимъ промысломъ. Такимъ образомъ, Кодакъ имѣлъ возможность властвовать надъ низовымъ козачествомъ угрозой лишенія насущно необходимаго,—хлѣба, горѣлки, пороха. Не пропуская товару, Кодакъ могъ не пропускать того вольнаго люда, который постоянно передвигался изъ Украины на Низъ и обратно, пользуясь Днѣпромъ, какъ главнѣйшимъ и удобнѣйшимъ путемъ сообщенія. А затѣмъ кодакскій комендантъ не позволялъ козакамъ промышлять въ окрестностяхъ, считая окрестную территорію при-

надлежащей замку; всѣхъ сопротивляющихся его рѣшеніямъ онъ хваталъ и держалъ въ оковахъ.

Не трудно представить себѣ, сколько негодованія, возмущенія, злобы возбуждалъ въ козацкихъ сердцахъ Кодакъ съ Маріэтомъ и его нѣмцами. Необходимо было вырвать это ненавистное бѣльмо, этотъ сучокъ въ глазу запорожскаго козачества. И—какъ это обыкновенно бываетъ въ минуту большого массоваго возбужденія—тотчасъ же нашелся человѣкъ, способный встать во главѣ дѣла, сосредоточившаго въ себѣ интересы даннаго момента. Этимъ человѣкомъ оказался нѣкто Самуилъ Сулима, извѣстный не только на Черномъ, но и на Средиземномъ морѣ, и даже въ Римѣ, гдѣ онъ подарилъ папѣ Павлу V захваченную имъ турецкую галеру съ тремя стами турокъ. Этотъ Сулима, во главѣ шести тысячъ нереестровыхъ козаковъ, напалъ врасплохъ на кодакскій замокъ, взялъ его и разрушилъ, истребилъ гарнизонъ и разстрѣлялъ Маріэта (1635 г.).

Конечно, козаки знали, что такое дѣло не могло остаться безнаказаннымъ; но они надѣялись на шведскую войну, которая отвлекала великаго гетмана: какъ-разъ, въ это время запорожскіе челны дѣйствовали противъ шведскихъ кораблей на Балтійскомъ морѣ. Однако, козацкіе разсчеты не оправдались. Война кончилась, и Конецпольскій, конечно, готовъ былъ обратить свободныя теперь военныя силы противъ козаковъ. Чтобы отвратить бѣду, болѣе мирно настроенная часть козачества рѣшилась захватить и выдать правительству Сулиму съ четырьмя его главнѣйшими сподвижниками. Ихъ судили и казнили, несмотря на то, что многіе вліятельные поляки сожалѣли объ участи такого героя, какъ Сулима, и самъ король склонялся къ помилованію: только одному изъ осужденныхъ, уже на эшафотѣ, объявлено было прощеніе— и этотъ одинъ былъ Павло Михновичъ Бутъ или Павлюкъ, который два года спустя выступаетъ на сцену какъ руководитель новаго возстанія.

Выдача Сулимы съ товарищами показываетъ, какъ глубоко пошелъ расколъ внутрь самой козацкой массы. Реестровые могли быть недовольны той или другой мѣрой правительства, особенно задержкой жалованья, и, случалось, увлекались на какую-нибудь крайность, въ родѣ самовольнаго похода въ Крымъ; но, въ общемъ, они склонялись къ тому, чтобы довольствоваться тѣми правами, какія давала имъ ихъ козацкая служба, ставившая ихъ по отношенію къ землевладѣнію на шляхетское положеніе, а впереди обѣщавшая, путемъ военныхъ заслугъ, и настоящее шляхетство. Не могли безповоротно примириться съ своимъ положеніемъ лишь выписчики и, вообще, непризнанные правительствомъ козаки. Часть ихъ, въ виду правительственныхъ мѣръ и ряда неудачныхъ возстаній, уже ушла въ подданство, въ крестьяне, тѣмъ болѣе, что положеніе украинскаго крестьянина пока еще было болѣе чѣмъ сносно, или осѣла въ городахъ на мѣщанствѣ. Но положеніе той части, которая не примирялась съ переходомъ въ посполитые, становилось все труднѣе и необезпеченнѣе: земли ихъ уже перешли на самомъ законномъ основаніи въ собственность пановъ; семьи ихъ оставались на украинской территоріи въ полномъ распоряженіи пановъ и старостъ, которые всегда имѣли возможность

выместить на нихъ свое неудовольствіе; а въ то же время промысловый трудъ, рыбная и звѣриная ловли,—въ связи съ большимъ рискомъ пребыванія въ дикой степи,—не представлялъ большой привлекательности, особенно, если онъ не пополнялся сухопутными или морскими экспедиціями на сосѣднія территоріи. Недовольство и склонность ко всякаго рода крайностямъ, туманившимъ головы надеждой на какой-нибудь выходъ изъ неопредѣленности, были естественной стихіей существованія этой массы. Это былъ горючій матеріалъ, готовый вспыхнуть отъ малѣйшей искры. Правительство же, тратя столько энергіи на то, чтобы тушить постоянно вспыхивавшіе пожары, одновременно поддерживало складъ этого матеріала, то-и-дѣло привлекая выписчиковъ въ свои войска. То же дѣлали и украинскіе паны, вербуя отсюда надворные козацкіе отряды, съ которыми они являлись на войну и съ которыми, еще гораздо чаще, вели домашнія войны другъ съ другомъ. Безъ такихъ войнъ на Украинѣ землевладѣльцы даже не умѣли опредѣлить взаимнаго права на землевладѣніе: на техническомъ украинскомъ языкѣ того времени вести такую сосѣдскую войну называлось „граничиться", т.-е. устанавливать межи, границы владѣній.

Итакъ, какъ ни странно существованіе въ государствѣ массы людей безъ опредѣленнаго общественнаго положенія, безъ опредѣленныхъ правъ и обязанностей, но въ особенныхъ условіяхъ украинской жизни эта аномалія выросла и окрѣпла.

Реестровый козакъ и панскій подданный, крестьянинъ, были тѣми элементами украинской жизни, которые уже улеглись, хотя пока еще и не совсѣмъ прочно, въ государственные кадры; вольный козакъ стоялъ внѣ и постоянными судорогами общественнаго организма давалъ знать о своемъ существованіи. Конечно, всѣ эти три элемента въ данный моментъ еще находились въ извѣстномъ соприкосновеніи, между ними происходилъ взаимный обмѣнъ; тѣмъ не менѣе, могло казаться, что уже дѣло недалекаго будущаго ихъ окончательное обособленіе, которое должно было сопровождаться отмираніемъ элемента, не вмѣщающагося въ государственныя рамки. Но это будущее не наступило.

Послѣ того, какъ реестровые козаки выдали правительству Сулиму, „разорили своевольный кошъ, овладѣли его арматой и сожгли морскіе челны", Украина въ ближайшіе годы уже не знала спокойствія. Въ средѣ самихъ реестровыхъ, рядовое товариство волновалось противъ правительства и своей старшины. Общее броженіе умовъ все росло. Всѣ недовольные элементы украинской жизни сплачивались, чтобы еще разъ сдѣлать вызовъ государству. Произошелъ новый взрывъ, и взрывъ еще небывалой силы.

Къ обычнымъ слухамъ, которыми обыкновенно защищалась атмосфера Украины передъ грозой — слухамъ о разрушеніи и оскверненіи католиками церквей, истребленіи жолнерами козацкихъ женъ и дѣтей и т. п.,—присоединился на этотъ разъ новый, необычайный и многознаменательный слухъ о томъ, что новый король Владиславъ IV, такъ благосклонный къ украинскимъ козакамъ, бѣжалъ отъ пановъ изъ Польши въ Литву и ждетъ себѣ помощи отъ украинскаго народа. Вѣрило или нѣтъ этимъ слухамъ Запорожье, но оно было готово къ дѣйствію.

Лѣтомъ 1637 года явился изъ Запорожья на Украину новый самоволь-

ный гетманъ, только-что упомянутый выше, Павло Бутъ или Павлюкъ. Онъ схватилъ и казнилъ реестровую старшину и началъ дѣйствовать какъ полноправный господинъ Украины; его главнымъ помощникомъ былъ нѣкто Скиданъ. Крайне любопытно, что Павлюкъ, въ качествѣ гетмана украинскаго войска, совсѣмъ не взывалъ къ террору, и въ это время, на самомъ дѣлѣ, мы еще совсѣмъ не наблюдаемъ тѣхъ ужасающихъ проявленій злобы и мести, какія наблюдаемъ десять лѣтъ спустя. Конечно, шляхта волновалась, почувствовавъ себя на чужой и враждебной территоріи; но Павлюкъ не только не поднималъ подданныхъ противъ пановъ, а, наоборотъ, обращался къ панамъ въ своихъ универсалахъ съ совершенно спокойными увѣщаніями не мѣшать тѣмъ своимъ подданнымъ, которые обращены въ подданство изъ козаковъ, присоединяться къ козацкому войску. Козаковъ же онъ убѣждалъ дѣйствовать заодно съ нимъ, чтобы вмѣстѣ защищать „вѣру христіанскую и золотыя вольности, которыя мы кровью заслужили“.

Но какъ ни старались возставшіе держаться на своемъ условно-легальномъ положеніи, поляки не хотѣли знать этой легальности: наоборотъ, чѣмъ дальше, тѣмъ больше они были склонны трактовать возставшихъ не какъ козаковъ „рыцарскихъ людей“, а какъ взбунтовавшихся хлоповъ, на которыхъ шляхетская честь не позволяетъ смотрѣть какъ на воюющую сторону. Жолкѣвскій и Конецпольскій могли въ своихъ частныхъ сношеніяхъ обзывать козаковъ рабами или хлопами; но въ сношеніяхъ оффиціальныхъ они придерживались тѣхъ пріемовъ, какими обычно обставлялись отношенія воюющихъ сторонъ. Потоцкій, польскій гетманъ, который осенью явился на Украину во главѣ польскаго войска для усмиренія новаго бунта, иначе смотрѣлъ на дѣло. Къ коронному войску присоединилась часть реестровыхъ козаковъ. Встрѣча враждующихъ сторонъ, сопровождавшаяся тяжелой, упорной, кровопролитной битвой, была подъ Кумейками, и снова лучшее вооруженіе, дисциплина и искусство польскаго войска, съ его иноземными отрядами, взяли верхъ надъ численностью и отчаянной храбростью козаковъ. Козаки отступили къ с. Боровицѣ, укрѣпились здѣсь и продолжали сопротивляться; однако, поляки такъ ихъ стѣснили, что пришлось просить пощады. Козаки должны были выдать Павлюка и его товарищей; только Скиданъ успѣлъ уйти на Запорожье. Посредникомъ въ переговорахъ съ козаками, съ польской стороны, былъ русскій и православный панъ Адамъ Кисель—одинъ изъ послѣднихъ представителей того панства, у котораго, по украинскому выраженію, „русскія кости обросли польскимъ мясомъ“. Онъ ручался, что выданныхъ помилуютъ; но теперь уже брала верхъ та точка зрѣнія, что съ хлопами нечего особенно церемониться, и ихъ казнили въ Варшавѣ. Кизименка, предводителя отдѣльнаго козацкаго отряда, также попавшагося въ руки Потоцкому, послѣдній распорядился казнить той позорной и мучительной казнью, которая позже вошла въ обиходъ обоюдныхъ козацко-польскихъ отношеній,—посадить на колъ.

Козакамъ пересмотрѣннаго и вновь набраннаго шеститысячнаго реестра приказано поодиночкѣ присягнуть на статьяхъ куруковскаго договора. И въ то самое время, какъ происходила эта присяга, т.-е. въ началѣ новаго 1638 г.,

состоялась сеймовая „ординація войска Запорожскаго“. Ординаціей этой уничтожались „на вѣчныя времена всѣ козацкія льготы, доходы, право на самосудъ и на выборъ старшины“. Всѣ участвовавшіе въ бунтѣ обращаются въ хлоповъ. Упраздняется должность старшого, т.-е. гетмана, а мѣсто его долженъ замѣнить комиссаръ отъ правительства изъ лицъ шляхетскаго сословія; комиссару подчиняются также назначаемые правительствомъ есаулы и полковники изъ шляхтичей, и только низшіе чины, сотники и атаманы могутъ быть выбираемы самими козаками.

Поляки торжествовали свою побѣду надъ „стоглавой козацкой гидрой“; но она еще далеко не была придущена.

Только-что настала весна, и вскрылись рѣки, какъ снова все пришло въ движеніе. Волненіе открывалось не только на Украинѣ, но и на Волыни, Подолѣ и даже Червонной Руси—всюду по городамъ, монастырямъ и даже дворамъ православныхъ шляхтичей расходились монахи и священники съ воззваніями. По приглашенію низовцевъ собирались на помощь имъ донцы. Въ апрѣлѣ появился на Украинѣ съ Запорожья, сухимъ путемъ и водою, новый гетманъ Остранинъ, который рѣшился держаться Заднѣпровья, гдѣ происходило самое усиленное броженіе населенія: онъ укрѣпился съ своимъ войскомъ въ Голтвѣ, городѣ кн. Іереміи Вишневецкаго, съ очень выгоднымъ для обороны мѣстоположеніемъ. Коронное войско, въ составъ котораго входили теперь значительная часть реестровыхъ козаковъ и панскіе отряды, не успѣвъ удержать Остранина въ степи, преслѣдовало его, но понесло подъ Голтвой значительное пораженіе и отступило къ Лубнамъ. Между тѣмъ Остранинъ зналъ, что къ нему идутъ съ разныхъ сторонъ подкрѣпленія, между прочимъ Путивлецъ съ донцами. Онъ послѣдовалъ за короннымъ войскомъ, надѣясь, что подкрѣпленіе присоединится къ нему дорогою, но обманулся въ разсчетѣ. При встрѣчѣ съ коронымъ войскомъ Остранину ничего не оставалось, какъ поспѣшно уйти, и такимъ образомъ полякамъ уже нетрудно было справиться съ подоспѣвшимъ тѣмъ временемъ Путивльцемъ. Снова козаки вынуждены были просить прощенія въ такихъ же униженныхъ выраженіяхъ, какъ и подъ Боровицей. Прощеніе было имъ обѣщано подъ условіемъ выдачи предводителей; но послѣ того какъ предводители были выданы, поляки напали врасплохъ на козацкій таборъ и перерѣзали козаковъ, не стѣсняясь даннымъ словомъ. Все это происходило въ маѣ. Но въ слѣдующемъ мѣсяцѣ Остранинъ, усилившись подкрѣпленіями, снова былъ готовъ помѣряться силами съ поляками, но въ битвѣ подъ Жовниномъ былъ разбитъ и скрылся за московскій рубежъ. На мѣсто Остранина козаки выбрали себѣ старшимъ Гуню и продолжали борьбу. Они окопались при впаденіи рѣки Старца въ Днѣпръ въ очень выгодной для себя мѣстности, гдѣ они могли бы очень долго выдерживать нападенія короннаго войска со всей его артиллеріей и постоянно возраставшими силами, если бы не недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ и порохѣ. На выручку окопавшихся явился въ лодкахъ Филоненко съ припасами и подмогой; но ему удалось пробиться черезъ атакующихъ лишь съ большою потерею и въ людяхъ и въ припасахъ. Тогда осажденные убѣдились, что имъ опять-таки ничего не

остается, какъ сдаться на милость польскаго гетмана, который лично руководилъ осадой на Старцѣ.

Въ концѣ того же 1638 года состоялась „заключительная комиссія съ козаками“ на Масловомъ-Ставѣ. Козаки вынуждены были подчиниться всѣмъ пунктамъ сеймоваго постановленія, изложеннаго выше. Козацкая артиллерія передана была въ завѣдываніе правительственнаго комиссара. Центромъ козацкаго управленія назначенъ былъ Корсунь, такъ какъ Терехтемировъ, тѣмъ временемъ, уже оказался въ рукахъ короннаго стражника Лаща, какъ награда за его труды по усмиренію возстаній.

Итакъ, вотъ къ какому положенію приведено было украинское козачество тяжелыми усиліями и жертвами 1637—8 годовъ. Въ козацкомъ званіи или реестрѣ, теперь уже пересмотрѣнномъ и на-ново составленномъ подъ наблюденіемъ агентовъ правительства, было, какъ и раньше, шесть тысячъ. Но изъ старыхъ правъ и вольностей у этихъ шести тысячъ не оставалось уже почти ничего: это была пограничная стража, состоящая въ полномъ распоряженіи короннаго гетмана и назначенной отъ него старшины. Она дѣлилась на шесть полковъ въ связи съ тѣми территоріями, на которыхъ козаки могли исключительно имѣть свою осѣдлость. Территоріями этими были староства Бѣлоцерковское, Каневское, Корсунское, Чигиринское, Черкасское, Переяславское. Здѣсь и нигдѣ въ иномъ мѣстѣ—за козаками признавалась земельная собственность „на вѣчномъ и наслѣдственномъ“, т.-е. шляхетскомъ правѣ. Все, не вошедшее въ реестръ, теперь уже неминуемо должно было обратиться въ посполъство: въ мѣщанъ ли королевскихъ городовъ, или въ панскихъ подданныхъ. Новые порядки, приводимые въ исполненіе подъ наблюденіемъ агентовъ правительственной власти изъ шляхты, лично заинтересованной въ дѣлѣ, лишали самовольное козачество узурпированныхъ-было имъ правъ на существованіе. Конечно, степь, особенно Запорожье, Заднѣпровье, представляла еще достаточно такихъ дикихъ мѣстъ, гдѣ люди могли жить свободно на собственный рискъ и страхъ, но новые порядки не допускали ихъ вмѣшательства въ общій строй гражданской жизни.

Плотина перехватила русло старой вольной украинской жизни и остановила ея теченіе. Кое-какъ началъ дѣйствовать прилаженный на Украинѣ механизмъ того государственнаго и общественнаго строя, который принесла сюда Польша. Но плотина ли оказалась мало устойчивой, сила ли сдерживаемой стихіи слишкомъ великой, только всѣхъ приспособленій, со всей затраченной на нихъ польскимъ государствомъ энергіей, хватило лишь на десять лѣтъ. Все было снесено ужасающей катастрофой 1648 года.

Главные источники: J a b l o n o w s k y, „Zródla dziejowe“; К у л и ш ъ, „Исторія возсоединенія Руси“; Б о б р ж и н с к і й, „Исторія Польши“; Ч и с т о в и ч ъ, „Очеркъ исторіи западно-русской церкви“; Ф л е р о в ъ, „О западно-русскихъ церковныхъ братствахъ“; К о я л о в и ч ъ, „Чтенія о церковныхъ западно-русскихъ братствахъ“ Митр. М а к а р і й, „Исторія русской церкви“; „Кіевская Старина“ съ 1882 г.; „Записки наукового товариства имени Шевченка“; Opowiadaniu historyczne“ dr. Antoni J.; „Мемуары, относящіеся къ исторіи Южной Руси“; К о с т о м а р о в ъ, „Историческія монографіи и изслѣдованія“; „Архивъ юго-западной Россіи“; „Акты изд. виленской ко-

миссіи"; Szasnocha, Karol, „Dziela"; „Жизнь кн. Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни"; „Записки Эриха Ляссоты"; „Pisma Stanislawa Zolkiewskiego"; Иванишевъ, „Собраніе сочиненій"; „Историческія пѣсни малорусскаго народа", Антоновича и Драгоманова; Соловьевъ, „Исторія козачества"; Максимовичъ „Собраніе сочиненій"; „Библіотека иностранныхъ писателей" (записки Барбара, Контарини и пр.); „Сулимовскій Архивъ"; Lubomirski Tadeusz, ksiaze, „Ludnosi rolnicza w Polsce od XVI do XVII wieki"; Czacki Tadeusz, „O litewskich u polskich prawach"; „Документы Московскаго Архива"; „Yolumina legum"; Kubala „Szkice historyczne"; Gurski, „Historya piechoty polskiej"; „Historya jazdy polskiej".

Глава шестая.

Хмельнищина и Руина.

I.

Украина и козачество—вотъ къ чему сводится пока южно-русская исторія. Лишь на территоріи воеводствъ Кіевскаго и Брацлавскаго сосредоточивается вниманіе историка, а на территоріи этой оно всецѣло поглощается однимъ общественнымъ элементомъ, который самъ становится въ рѣзкую оппозицію къ государству и беретъ на себя представительство всѣхъ неудовлетворенныхъ интересовъ южно-русской земли. Но жизненный пульсъ, который такъ лихорадочно бьется въ южной Украинѣ, служитъ лишь показателемъ процесса, развивающагося далеко за ея предѣлами.

Хмельнищина выяснила съ наглядностью, какая широкая территорія примыкала своими интересами къ козацкой Украинѣ: предѣлъ ея совпадалъ съ этнографическими предѣлами Южной Руси. Та же Хмельнищина—и съ не меньшею наглядностью—очертила взаимныя отношенія элементовъ, составлявшихъ южно-русское общество.

Конечно, Хмельнищина лишь положила свои кровавыя зарубки на тѣ черты, которыя уже были отмѣчены и выяснены всѣмъ предыдущимъ. Несмотря на кажущійся хаотическій безпорядокъ, которымъ поражаетъ наблюдателя южно-русская и въ особенности украинская жизнь того времени, къ концу первой половины XVII вѣка основныя черты новаго общественнаго строя, сформировавшагося подъ культурнымъ воздѣйствіемъ Польскаго государства, уже успѣли сложиться и до извѣстной степени окрѣпнуть даже и на Украинѣ.

Шляхтичъ съ дополняющимъ его хлопомъ—альфа и омега этого новаго строя. Духовенство и мѣщанство—двѣ остальныя группы южно-русскаго общества—лишены существеннаго вѣса и значенія. Мѣщанство южно-русскихъ городовъ, большею частью новыхъ, не отдѣляетъ своихъ интересовъ отъ интересовъ козачества: недаромъ современники отмѣчали тотъ фактъ, что въ козацкомъ лагерѣ всегда можно найти ремесленниковъ всякаго рода; мѣщанство старыхъ городовъ, въ родѣ Кіева или городовъ Волыни, не могло не чувство-

вать, какъ трудно процвѣтать промышленной или торговой дѣятельности на такой вулканической почвѣ: но оно слишкомъ единодушно и энергично встало на защиту православія, которое находило поддержку въ козачествѣ. Духовенство православнаго обряда—схизматическое, по польской терминологіи—не имѣло или почти не имѣло никакой фактической силы даже и послѣ того, какъ при вступленіи на престолъ Владислава IV былъ формально произведенъ раздѣлъ епархій, церквей и монастырей между нимъ и духовенствомъ уніатскимъ; симпатіи же его, конечно, лежали всецѣло на сторонѣ козачества. Но духовенство, какъ и мѣщанство, стояло въ сторонѣ отъ того соціальнаго процесса, который непосредственно питалъ собою козацкое движеніе. Двѣ общественныхъ силы—одна дѣятельная, другая страдательная—творили этотъ процессъ: шляхетство и хлопство.

Южно-русское дворянство неудержимо стремилось къ полному сліянію съ дворянствомъ польскимъ. Оно быстро втягивалось въ общую политическую жизнь государства, шумѣло на своихъ провинціальныхъ сеймикахъ, ѣздило на сеймъ въ Варшаву, принимало живое участіе въ политическихъ интригахъ, рокошахъ и конфедераціяхъ. Крупные интересы государства заслонили въ его глазахъ относительно мелкіе интересы родного края; Волынская и Кіевская земли поглощались теперь на-ново Польшею—поглощались въ душахъ и симпатіяхъ ихъ представителей. Понятіе земли отождествилось съ той сословной группой, которая дѣлила между собой обладаніе этой землею; и южно-русское дворянство быстро усвоило себѣ искусство польскаго шляхетства употреблять свое политическое вліяніе лишь на пользу своего сословія и отдѣльныхъ его представителей, къ ущербу и стѣсненію остальныхъ общественныхъ элементовъ. Естественно, что процессъ денаціонализаціи южно-русскаго дворянства шелъ съ поразительною быстротою. Кидая вмѣстѣ съ одеждою, бытовую обстановкою и языкомъ внѣшній обликъ русскаго человѣка, оно одновременно разставалось легко и съ своимъ традиціоннымъ міровоззрѣніемъ, служившимъ подъ инымъ культурнымъ вліяніемъ—разставалось сначала для религіознаго раціонализма, а затѣмъ уже всецѣло для католицизма. Къ половинѣ XVII вѣка ополяченіе дворянъ еще не завершилось; среди южно-русскихъ дворянъ, и преимущественно болѣе мелкихъ, еще оставались такіе, которые, вмѣстѣ съ дворянствомъ западно-русскимъ, поддерживали православныя братства, представляли собою интересы православія на сеймахъ, хлопотали о поддержаніи признанныхъ Люблинскою уніей правъ русскаго языка, какъ оффиціальнаго языка соединенныхъ южно-русскихъ воеводствъ. Но слишкомъ ясно было, куда направляется теченіе: ряды этихъ послѣднихъ могиканъ все рѣдѣли, и являлось лишь вопросомъ времени, когда эти ряды должны были совсѣмъ разсѣяться и исчезнуть. Хмельнищина лишь ускорила то, что не затянулось бы и безъ нея.

Да оно и не могло быть иначе. Подъ поверхностью, на которой происходили эти явленія, совершался тотъ глубокій соціально-экономическій процессъ, съ главными чертами котораго мы уже познакомились выше. Онъ объединялъ въ общую группу всѣхъ землевладѣльцевъ, враждебнопротивопоставляя эту группу земледѣльцамъ. Земледѣлецъ превращался въ хлопа, его земля въ

волоку; на развалинахъ свободнаго крестьянскаго хутора возникалъ панскій фольваркъ съ барщиннымъ трудомъ, продукты котораго шли на рынокъ и обращались въ деньги: вотъ схема новыхъ хозяйственныхъ отношеній. Отношенія эти уже вполнѣ водворились на земляхъ стараго заселенія. Теперь они завладѣваютъ и Украиной. Первая четверть XVII вѣка—та эпоха, когда новый хозяйственный строй развивается на Украинѣ съ необычайною быстротою и силою. Это было время Сагайдачнаго, вообще то мирное время, когда козачество, послѣ первыхъ попытокъ насильственной оппозиціи съ Косинскимъ и Наливайкомъ, пыталось найти modus vivendi въ какомъ-нибудь компромиссѣ. Десятилѣтіе козацкихъ волненій двадцатыхъ—тридцатыхъ годовъ задержало-было на нѣкоторое время это хозяйственное превращеніе Украины. Но подавленіе возстанія соединенными силами мѣстнаго дворянства и Польскаго государства снова открыло гладкое поле для дальнѣйшаго движенія въ томъ же направленіи. И, такимъ образомъ, слѣдующее десятилѣтіе, до рокового 48-го года, опять представляетъ оживленную картину хозяйственнаго развитія Украины, за блестящими результатами котораго незамѣтно было, во что она обходится народной массѣ,—незамѣтно было до тѣхъ поръ, пока соціальная катастрофа не раскрыла глазъ на эту закулисную сторону дѣла.

Какъ увеличились за это время населеніе Украины и число населенныхъ мѣстъ — объ этомъ уже была рѣчь выше; особенно поразителенъ ростъ городскихъ поселеній, хотя эти города и не представляли собою почти ничего спеціально городского, кромѣ городскихъ стѣнъ. Весь этотъ приростъ населенія относится почти цѣликомъ къ частнымъ владѣніямъ: магнаты, мѣстные русскіе и пришлые польскіе, тратили свои богатства на захватъ неистощимыхъ рессурсовъ украинской почвы подъ охраной воздвигаемыхъ ими городовъ и городковъ или мѣстечекъ, замковъ и замочковъ. Для привлеченія населенія они не жалѣли льготныхъ сроковъ „слободъ". Но какъ ни продолжительны были эти льготные сроки, а все-таки имъ приходилъ конецъ; и есть основаніе думать, что ко временамъ Хмельнищины изжиты были огромнымъ большинствомъ украинскаго населенія уже эти сроки. Такимъ образомъ, украинская масса, съ присоединеніемъ и козацкихъ выписчиковъ, перешла на крѣпостное положеніе. Теперь уже могла и на Украинѣ водворяться фольварочная система, выгоды которой были такъ хорошо извѣстны панамъ; надо думать, что особенно благопріятенъ ея распространенію былъ промежутокъ времени между подавленіемъ послѣднихъ козацкихъ волненій и Хмельнищиной. Къ сожалѣнію, отсутствіе точныхъ цифровыхъ данныхъ позволяетъ намъ говорить объ этомъ лишь предположительно. Но вѣскимъ доказательствомъ въ пользу такого предположенія служитъ усиленіе хлѣбной торговли. Въ то время, какъ Украина отпускала раньше лишь продукты промысловаго труда, теперь она начинаетъ отпускать въ Данцигъ хлѣбъ; одновременно сильно возрастаетъ число мельницъ. Трудно допустить, чтобы этотъ хлѣбъ,—на доставку котораго паны составляютъ контракты съ данцигскими купцами, къ перевозу котораго употребляютъ трудъ цѣлыхъ деревень, освобожденныхъ отъ всякихъ иныхъ повинностей,—чтобъ этотъ хлѣбъ выращивался не барщиннымъ трудомъ на фольва-

рочномъ полѣ. Во всякомъ случаѣ, мы имѣемъ несомнѣнныя данныя изъ инвентарей панскихъ имѣній, свидѣтельствующія, что въ первой четверти XVII в., передъ десятилѣтіемъ козацкихъ волненій, барщинный трудъ уже игралъ большую роль въ повинностяхъ крестьянъ Кіевскаго Полѣсья и, слѣдовательно, уже перебрался изъ сосѣдней Волыни на территорію Украины.

Измѣненіе хозяйственныхъ условій украинской жизни привлекало на Украину евреевъ все въ бо́льшемъ и бо́льшемъ числѣ. Сначала они ютятся только въ Кіевѣ и другихъ городахъ края, обходя какъ-то, къ большому огорченію и вѣчнымъ жалобамъ мѣстнаго мѣщанства, ограничительные законы. Въ частныхъ имѣніяхъ земли Волынской, въ особенности въ той ея части, которая составляетъ владѣнія князей Острожскихъ, они селятся еще въ XVI вѣкѣ. Съ начала XVII вѣка они появляются на Украинѣ по частнымъ имѣніямъ и староствамъ, быстро и успѣшно приспособляясь къ ея условіямъ. Евреи занимаются торговлею, производствомъ поташа и селитры, корчмарствомъ и всякаго рода арендою. Мало-по-малу, они захватываютъ въ свои руки всѣ виды посредничества между паномъ и подда̀ннымъ,—что было на Украинѣ особенно удобно: въ украинскихъ латифундіяхъ владѣльцы не могли стоять въ непосредственныхъ отношеніяхъ къ своимъ пода̀ннымъ. Ихъ умѣнье извлекать доходъ и все обращать въ деньги такъ краснорѣчиво говорило за себя, что даже старосты передавали евреямъ управленіе староствами, предпочитая получать годовые доходы и проживать ихъ въ Варшавѣ. Легко понять, какъ увеличивалось общественное зло этимъ посредничествомъ людей, не связанныхъ съ народною массою никакою живою нитью взаимнаго пониманія и сочувствія. Подавленіе козацкихъ возстаній развязало руки хищничеству, и жгучая ненависть къ „жиду", какъ бы втравленная съ тѣхъ поръ въ душу украинца, показываетъ, какъ умѣло воспользовались евреи выгодами положенія.

Въ данныхъ условіяхъ жизни общественная катастрофа была неизбѣжна для Южной Руси,—такъ смотритъ на дѣло историкъ. Но не такъ понимали свое положеніе современники. Наканунѣ Хмельнищины еще никто не думалъ о ея возможности ни въ томъ, ни въ другомъ лагерѣ. Паны русскаго и польскаго происхожденія съ евреями, которые успѣли сдѣлаться имъ необходимыми, твердо вѣрили въ завтрашній день, наполняя всяческимъ добромъ свои храмины и житницы, не тревожимые уже теперь татарскими набѣгами, которые становились все рѣже. Народная масса, съ своимъ невѣжественнымъ духовенствомъ, была спокойна, не показывая никакихъ признаковъ недовольства. Реестровые или городовые козаки дорожили тѣми личными и имущественными льготами, которыя выдвигали ихъ изъ рядовъ народной массы—и, повидимому, вовсе не были склонны рисковать своимъ положеніемъ. На Низу, конечно, происходило вѣчное броженіе, но вѣдь тамъ былъ всякій сбродъ, для удержанія котораго отъ вмѣшательства въ правильное теченіе государственной жизни былъ снова отстроенъ Кодакъ, и содержалось на Украинѣ кварцяное войско. И если справедливо, что никто не ожидалъ катастрофы, то, конечно, не больше другихъ ждалъ и желалъ ее тотъ, на кого обстоятельства возложили поистинѣ провиденціальную роль—самъ Богданъ Хмельницкій.

Въ 1648 году, т.-е. въ годъ катастрофы, чигиринскому сотнику Хмельницкому было уже подъ пятьдесятъ лѣтъ. Въ эти годы человѣкъ, обыкновенно,

Богданъ Хмелницкій Гетманъ

Портретъ-апотеозъ гетмана Богдана Хмельницкаго.

выясняется и для самого себя и для окружающихъ. Повидимому, вся тяжелая и длительная эпоха козацкихъ волненій 20—30-хъ годовъ прошла передъ его глазами; доказательствомъ его близости къ театру совершающихся событій

служитъ его подпись, какъ генеральнаго писаря, подъ Боровицкимъ договоромъ 1637-го года.

Все это время онъ оставался въ тѣни, вѣроятно, держась въ рядахъ той козацкой старшины, которая предпочитала пользоваться, въ ладахъ съ государствомъ, преимуществами своего положенія. Для того, чтобы выбить этого, уже пожилого, человѣка изъ колеи, конечно, необходимо было то роковое стеченіе личныхъ несчастій, жертвой котораго сдѣлался Хмельницкій,— притомъ такихъ личныхъ несчастій, которыя находились бы въ тѣсной связи съ общественными бѣдствіями. Рядъ тяжелыхъ обидъ, нанесенныхъ маленькимъ шляхтичемъ, подстаростой Чаплинскимъ, заслуженному и уважаемому Хмельницкому, обидъ и оскорбленій, несмытыхъ и невознагражденныхъ, только потому могъ имѣть мѣсто, что за шляхтичемъ этимъ стоялъ его патронъ, магнатъ Конецпольскій. Лишеніе имущества, на пріобрѣтеніе и благоустройство котораго нужны были долгіе годы, коренилось въ общей неясности и неустойчивости козацкихъ правъ на землю передъ лицомъ правъ панскихъ. Къ личнымъ обидамъ и матеріальнымъ утратамъ присоединилось еще, повидимому, острое чувство оскорбленной страсти. Все это, нахлынувшее разомъ, всколыхнуло душу до тѣхъ глубинъ, гдѣ таились ея скрытыя силы.

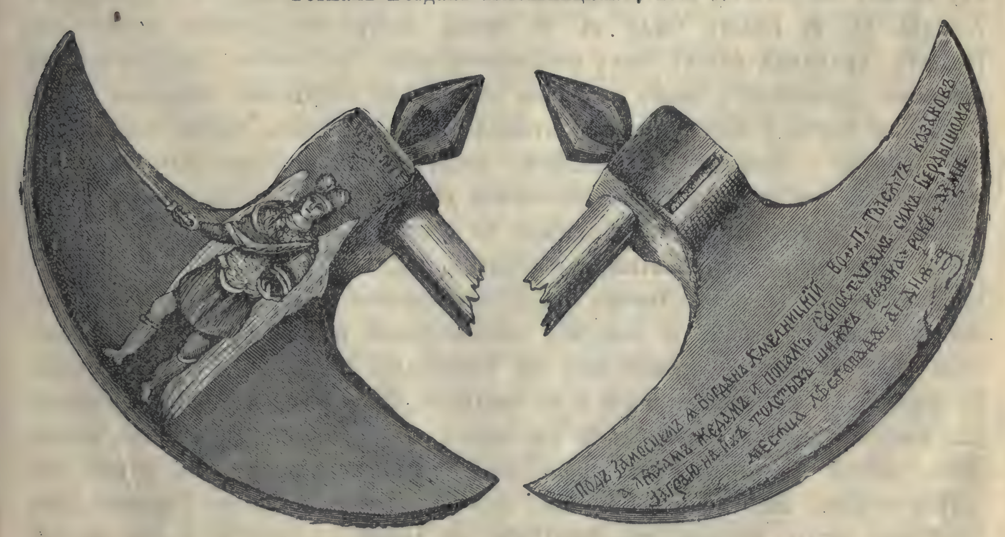
Конечно, у Богдана Хмельницкаго были эти силы. Его энергія и предпріимчивость проявились еще въ молодости, въ тѣхъ двухъ черноморскихъ походахъ 1621 и 29 гг., которые извѣстны какъ совершенные подъ его предводительствомъ. Да и обстоятельства его жизни, сколько мы о нихъ знаемъ, способствовали развитію его природныхъ силъ и дарованій. Учился онъ, по преданіямъ, сначала въ Кіевской братской школѣ, затѣмъ, какъ кажется, въ Іезуитскомъ коллегіумѣ въ Ярославлѣ: латынь, повидимому, была ему не чужда. Послѣ несчастной битвы при Цецорѣ, гдѣ былъ убитъ его отецъ, онъ находился въ теченіи двухъ лѣтъ въ плѣну въ Константинополѣ. Не разъ участвовалъ онъ въ депутаціяхъ, посылаемыхъ козаками на сеймы и къ королю съ разными ходатайствами. Все это, вмѣстѣ взятое, даетъ основаніе предполагать, что Богданъ Хмельницкій былъ до извѣстной степени подготовленъ къ той выдающейся политической роли, которую навязала ему судьба.

Случайное ли стеченіе обстоятельствъ руководило Хмельницкимъ, или сознательное пониманіе положенія—только выборъ момента, чтобы поднять знамя возстанія, былъ чрезвычайно удаченъ. Само польское правительство, въ лицѣ короля и его приближенныхъ, подготовило на этотъ разъ почву для взрыва.

Король Владиславъ IV былъ страстно увлеченъ идеей о грандіозной войнѣ съ Турціей; съ этой войной у него была связана надежда на усиленіе королевской власти и обузданіе шляхетскаго самовольства. Но вся шляхетская Польша, за исключеніемъ самаго малаго числа приверженцевъ короля, сочувствовавшихъ его планамъ, была поголовно возбуждена противъ военныхъ замысловъ короля. Въ этихъ обстоятельствахъ король видѣлъ въ козачествѣ единственную надежную опору,—конечно, въ томъ сильномъ украинскомъ козачествѣ, съ которымъ онъ когда-то такъ успѣшно дѣйствовалъ противъ турокъ подъ Хотиномъ. И не только какъ военная сила нужны были ему козаки:

Гетманъ Богданъ Хмельницкій. † 1657 г.

Бердышъ гетмана Богдана Хмельницкаго.

лишь они могли своими задирательными морскими набѣгами возбудить гнѣвъ турокъ и сдѣлать желанную войну неизбѣжной для Польши.

И вотъ Владиславъ входитъ въ тайныя сношенія съ нѣкоторыми лицами изъ козацкой старшины, въ томъ числѣ и съ Богданомъ Хмельницкимъ. Фактъ этихъ сношеній выясненъ достовѣрно; въ результатѣ ихъ оказался въ рукахъ старшины какой-то документъ, грамота или привилегія, разрѣшавшая козакамъ строить снова морскіе челны и увеличить реестръ до двѣнадцати тысячъ. Надо полагать, что такимъ разрѣшеніемъ и ограничивалась вся эта конспирація короля съ козаками. Но какъ ни скромна была эта почва, а на ней легко могли вырасти самые фантастическіе предположенія и слухи, особенно на Украинѣ, столь стѣсненной и, вмѣстѣ съ тѣмъ, столь полной живыхъ воспоминаній и представленій о самой неограниченной волѣ. Возбужденное воображеніе массы не довольствовалось слухами о томъ, что „окрестные короли велятъ Польскому королю Нѣпръ отпереть“—какъ сообщалъ печерскій архимандритъ въ Москву; быстро сложилась и завладѣла умами легенда о томъ, что король есть врагъ пановъ, которые хотятъ его погубить, такъ что онъ вынужденъ бѣжать въ Литву и ждать помощи отъ украинскаго народа. Если эта легенда могла найти довѣріе къ себѣ лишь у темной массы, незнакомой съ настоящимъ положеніемъ дѣла въ высокихъ политическихъ сферахъ, то и между самыми свѣдущими современниками передавался, напримѣръ, разсказъ о томъ, что король на жалобу Хмельницкаго объ обидѣ и несправедливости сказалъ: „Vel non habes frameam, stupide“ (развѣ у тебя нѣтъ сабли, глупецъ).

Немного надо было, чтобы поднять Украину. И чигиринскій сотникъ рѣшился взять на себя это. Не только оскорбленный и ограбленный, но и преслѣдуемый по подозрѣнію въ противогосударственныхъ замыслахъ, Хмельницкій, въ концѣ 47 года, бѣжалъ на Низъ, гдѣ такъ легко было всякому укрыться отъ руки карающаго закона. Полное сочувствіе и содѣйствіе низовцевъ было ему вполнѣ обезпечено. На Запорожьѣ всегда знали, что дѣлается у крымскихъ сосѣдей. Но въ Крыму было въ то время настроеніе, крайне враждебное Польшѣ: правящій классъ былъ раздраженъ тѣмъ, что ему не были присланы обычные „упоминки“, чернь страдала отъ голода вслѣдствіе неурожая травъ и падежа скота и потому крайне нуждалась въ набѣгахъ, чтобы поживиться чѣмъ-нибудь у сосѣдей. Хмельницкому нетрудно было понять выгоды, какія можно было извлечь изъ такого положенія дѣлъ. Козачество, въ своихъ столкновеніяхъ съ государствомъ, и прежде не разъ думало о союзѣ съ Крымомъ; но не было тѣхъ благопріятныхъ обстоятельствъ, при которыхъ могъ бы осуществиться этотъ союзъ. Теперь эти обстоятельства были на-лицо, Хмельницкій поѣхалъ въ Крымъ и вернулся обезпеченный помощью: глава Перекопской орды Тугай-Бей прикочевалъ къ предѣламъ Украины и готовъ былъ, по первому знаку, присоединиться къ козакамъ. Въ ожиданіи удобнаго момента для начала дѣйствій, Хмельницкій съ своими сторонниками, частью изъ низовцевъ, частью изъ бѣжавшихъ украинцевъ, укрѣпился на островѣ Буцкѣ или Днѣпровскомъ. Надо думать, что еще оттуда разсылалъ онъ по Украинѣ свои зазывные листы, которые, къ сожалѣнію, не дошли до насъ въ подлинникѣ—

гдѣ онъ, обращаясь, главнымъ образомъ, къ реестровымъ козакамъ, призывалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, къ возстанію и селянъ.

На Украинѣ, однако, пока все было тихо, но той тишиной, въ которой опытные мѣстные люди ясно осущали приближающуюся грозу. Украинское шляхетство, урядники и владѣльцы усиленно просили великаго гетмана, должность котораго, за смертью Конецпольскаго, исправлялъ Потоцкій—поспѣшить въ Приднѣпровье. Дѣлали и сами что могли: стягивали свои надворные отряды, забирали оружіе въ замкахъ, чтобы имъ не завладѣли мятежники, обезоруживали подданныхъ—одинъ Вишневецкій отобралъ въ своей Либенщинѣ у крестьянъ нѣсколько тысячъ самопаловъ, то же дѣлали и другіе. Всѣмъ было ясно, что каждый городъ, каждая деревня подниметса, лишь только покажутся желанные гости съ Низу.

Можно сказать съ увѣренностью, что бѣда на этотъ разъ не застала мѣстныя власти врасплохъ неподготовленными. Уже въ началѣ новаго, т.-е. 48-го года, Потоцкій былъ на Украинѣ и разсылалъ универсалы съ предостереженіями и угрозами. Онъ стянулъ съ зимнихъ квартиръ къ Днѣпру кварцяное войско; въ распоряженіи его находились реестровые козаки, которые пока выражали полную преданность правительству; къ нему явились нѣкоторые крупные украинскіе магнаты съ значительными отрядами. Потоцкій находился въ Черкассахъ, а польный гетманъ Калиновскій въ Корсуни: въ общей сложности у нихъ было, повидимому, больше тридцати тысячъ войска. Переговаривались съ Хмельницкимъ, переписывались съ королемъ, который былъ рѣшительно противъ всякихъ крайнихъ мѣръ по отношенію къ козакамъ, — и ждали, пока пройдетъ Свѣтлый праздникъ, и установится весна.

Лишь презрѣніемъ къ хлопамъ и хлопской войнѣ, которое воспитали въ себѣ Потоцкій и русскіе магнаты, можно объяснить то, что они рѣшились отдѣлить отъ войска и выслать навстрѣчу неизвѣстному врагу два отряда,— одинъ сухопутьемъ, другой Днѣпромъ. Хмельницкій, между тѣмъ, съ татарами, которые, не соединяясь, подвигались за нимъ на нѣкоторомъ разстояніи, обошелъ Кодакъ и, приблизившись къ устьямъ р. Тясмини, въ концѣ апрѣля, сталъ таборомъ при урочищѣ Жовти-Воды. Рѣчной отрядъ состоялъ изъ реестровыхъ козаковъ со своей старшиной и нѣмецкой пѣхотой. Онъ долженъ былъ идти на одной параллели съ отрядомъ сухопутнымъ, но, благодаря быстротѣ теченія, успѣлъ далеко его опередить. 4-го мая, у Каменнаго Затона, реестровые козаки, плывшіе на байдакахъ, взбунтовались, собрали „черную раду", перебили полковниковъ и старшину—кто извѣстенъ былъ своею преданностью правительству— и отправились въ лагерь Хмельницкаго. А, между тѣмъ, сухопутный отрядъ, въ которомъ были лучшія силы войска, тоже приблизился къ Жовтимъ-Водамъ. Произошла встрѣча враговъ, тотчасъ же обнаружившая, какъ плохи были шансы смѣльчаковъ, зашедшихъ въ степь на розыски непріятеля: вслѣдъ за козаками рѣчного отряда стали перебѣгать къ Хмельницкому и русскіе драгуны изъ отряда сухопутнаго; а, главное, пришлось убѣдиться въ томъ, „чего никому и не снилось въ польскомъ лагерѣ", что съ Хмельницкимъ стоятъ татары; начались переговоры. Въ результатѣ

этихъ переговоровъ польское войско выдало пушки и отправилось назадъ. Но лишь только оно тронулось въ обратный путь, какъ 8-го мая, при урочищѣ Княжихъ Байракахъ, его нагнали татары, окружили и при помощи козаковъ, которые, зашедши впередъ, испортили дорогу, частью перебили, частью взяли въ плѣнъ. Въ главномъ лагерѣ, между тѣмъ, нѣсколько дней еще не подозрѣвали о случившейся бѣдѣ,—не тотчасъ повѣрили и послѣ того, какъ получили первыя вѣсти. Но когда все-таки пришлось повѣрить, начался страшный безпорядокъ, главнымъ источникомъ котораго были, конечно, распри между гетманами короннымъ и польнымъ. Наконецъ, рѣшили отступить къ Корсуню (на рѣкѣ Роси), истребивъ всѣ населенныя мѣста территоріи. Но лишь только польское войско успѣло наскоро окопаться между Корсунемъ и Стеблевомъ, какъ явился Хмельницкій съ татарами: русскіе изъ польскаго лагеря начали перебѣгать къ Хмельницкому, туда же сходились со всѣхъ сторонъ окрестные люди и свозились съѣстные припасы; между тѣмъ, распространился слухъ, что самъ крымскій ханъ съ ордой приближается на помощь козакамъ. По настоянію Потоцкаго, войско стало отступать дальше, вглубь страны, къ западу. Но собственная ли неосмотрительность и незнаніе мѣстности, или, можетъ-быть, измѣна и хитрость врага завели войско въ какія-то лѣсныя трущобы, загроможденныя нарочно поваленными деревьями, съ болотами и рвами: здѣсь польское войско было окружено врагами и потерпѣло полнѣйшее пораженіе. Много было убитыхъ, но еще больше взятыхъ въ плѣнъ, въ томъ числѣ и оба гетмана. Все это была татарская добыча—вознагражденіе за помощь. Корсунская битва произошла въ половинѣ мая, въ концѣ мая Хмельницкій уже стоялъ со своимъ войскомъ подъ Бѣлою-Церковью. А, между тѣмъ, пришла на Украину и облетѣла ее съ быстротой молніи вѣсть о томъ, что король, покровитель козачества и украинскаго народа, умеръ и, конечно, какъ думала масса, умеръ не безъ содѣйствія шляхты.

Въ теченіе какихъ-нибудь двухъ-трехъ недѣль видъ Украины измѣнился какъ въ феерія. Ни войска, ни короля; единственной опорой государственнаго режима оставалось нѣсколько небольшихъ гарнизоновъ, запертыхъ по крѣпкимъ украинскимъ замкамъ, да Іеремія Вишневецкій, который собралъ на Заднѣпровьѣ изъ своихъ владѣній до восьми тысячъ мелкой шляхты. Хлопство почувствовало, что ярмо ослабѣло, и тотчасъ же сбросило его совсѣмъ: Хмельницкій звалъ къ себѣ въ таборъ подъ Бѣлую-Церковь всякаго, кто способенъ къ войнѣ, и украинскій хлопъ, съ дѣтства пріученный къ оружію, тотчасъ почувствовалъ, что онъ рожденъ козакомъ, а не подданнымъ. Владѣльцы и всѣ, кто пользовался ихъ доходами отъ подданства, т.-е. мелкая шляхта, какъ панская кліентела, и евреи, спасались бѣгствомъ за стѣны ближайшихъ замковъ или во внутреннія провинціи; всякій хлопъ сразу обратился во врага, всякая громада въ непріятельскій отрядъ. Народъ принялся очищать Украину путемъ поголовнаго избіенія всѣхъ шляхтичей, католиковъ и евреевъ. Всюду складывались отдѣльныя купы, которыя, по мѣрѣ надобности, соединялись въ большіе отряды или „загоны“, съ опытными и энергичными предводителями,—и дѣлали свое страшное дѣло. Города и укрѣпленныя мѣстечки, большею

частью, сами открывали ворота: русское и православное мѣщанство не только всюду готово было передать въ руки истребителей укрывшихся за городскими стѣнами шляхтичей и евреевъ, но и само принимало участіе въ очищеніи. Немногіе укрѣпленные пункты приходилось брать силою, конечно, при содѣйствіи тѣхъ же мѣщанъ. Такъ, взяты были отдѣльными загонами Тульчинъ, Ладыжинъ, Бершада, Винница, Брацлавъ, Красное, Полонное, Немировъ, Межирицъ, наконецъ, сильно укрѣпленный Баръ; а въ Заднѣпровьѣ—Гомель, Стародубъ, Новгородъ-Сѣверскій, Черниговъ, Лоевъ, Любечъ, Остеръ. Тутъ-то, по преимуществу,— въ раздраженіи отъ сопротивленія и понесенныхъ жертвъ, въ опьянѣніи успѣха,—и разыгрывались тѣ звѣрскія сцены, самое описаніе которыхъ потрясаетъ душу негодованіемъ и скорбью за человѣка. Но при оцѣнкѣ этихъ ужасовъ—буде они подлежатъ оцѣнкѣ—мы не имѣемъ права забывать, что крайнія проявленія человѣческой злобы направлены были здѣсь темною массою противъ просвѣщеннаго класса, который воспользовался своимъ просвѣщеніемъ, чтобы придать утонченную форму такой чудовищной мысли, глубоко противной всѣмъ завѣтамъ христіанской культуры: „rustica gens optima flens pessima ridens“ (сельскій людъ лучше, когда плачетъ, хуже когда смѣется). Мудреное ли дѣло, что украинскій gens rustica лаконически отвѣтилъ на своемъ простонародномъ діалектѣ такимъ дьявольскимъ сарказмомъ: „Шляхтичъ та жидъ тильки печені добрі“. Да и теперь, на самомъ театрѣ событій, противная сторона не теряла случая платить „pieknym za nadobne“. Горькой правдой звучали слова Хмельницкаго, который, отвѣчая на обвиненія въ жестокостяхъ, допущенныхъ Кривоносомъ, начальникомъ одного изъ загоновъ, указывалъ на пущія жестокости, которыя позволялъ себѣ Іеремія Вишневецкій, иронически подчеркивая, что Кривоносъ и Вишневецкій совсѣмъ два разныхъ лица, и что трудно предъявлять требованія къ какому-то простецу Кривоносу, разъ ихъ не выдерживаетъ культурный Вишневецкій.

Дѣйствительно, Іеремія Вишневецкій, воевода русскій, сдѣлалъ, со своей стороны, все, что могъ, чтобы усилить трагическій колоритъ 48-го года. Человѣкъ выдающейся энергіи и военныхъ дарованій, онъ очутился послѣ Корсунской битвы единственной опорой власти на Украинѣ. Сдѣлавъ все, что могъ, для подавленія народнаго волненія въ Заднѣпровьѣ, онъ со своимъ отрядомъ подъ Любечемъ перешелъ Днѣпръ и черезъ Кіевское Полѣсье и Житоміръ врѣзался въ самую глубину степной Украины,—туда, гдѣ наисильнѣе бушевала буря народной ненависти. Свой путь онъ отмѣчалъ нечеловѣческими жестокостями: онъ былъ убѣжденъ, что ужасъ—единственное чувство, которымъ должно дѣйствовать на презрѣнныхъ хлоповъ. И, дѣйствительно, онъ добился того, что самое его имя „Ярема“ возбуждало на Украинѣ трепетъ. Его военныя способности доставили ему, несмотря на малочисленность отряда, побѣду надъ встрѣчными загонами; онъ выдержалъ столкновеніе съ самимъ Кривоносомъ, который стоялъ во главѣ очень сильнаго загона, сложившагося изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ отрядовъ. Но все, чего онъ могъ достигнуть, это—пробиться къ западнымъ предѣламъ Украины.

Въ нѣсколько недѣль, слѣдующихъ за Корсунскимъ пораженіемъ, Украина

была очищена. Всѣ, кто не успѣлъ убѣжать, были немилосердно избиты. За одно съ шляхтой польской гибла и шляхта русская, православная, кой-кто лишь спасся по монастырямъ, особенно въ монастырѣ Кіево-Печерскомъ. Число жертвъ этой категоріи нельзя опредѣлить даже и приблизительно, по полному отсутствію данныхъ. Но еврейскіе писатели, которые составили описаніе бѣдствій своего народа въ эту тяжелую для нихъ годину украинской соціальной революціи, отмѣченную даже до сихъ поръ въ еврейскомъ календарѣ однимъ днемъ скорби, указываютъ такія цифры: погибшихъ евреевъ при взятіи Немирова—6000, Тульчина и Бара—по 2000, Полоннаго—10000, въ общей сложности до 250000 въ 300 кагалахъ. Теперь, когда вырвались на свободу всѣ страсти, заявилъ себя и религіозный фанатизмъ, до тѣхъ поръ, повидимому, совсѣмъ чуждый душѣ украинскаго народа; очевидно, его успѣли развить въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій унія и іезуитско-католическое вліяніе. Католическій монахъ съ жидомъ подвергался утонченнымъ истязаніямъ; синагоги или школы и костелы съ католической святыней оскверняли́сь и истреблялись безъ пощады. Уже въ первой половинѣ лѣта 1648 года были очищены воеводства Кіевское, Черниговское, Брацлавское и восточная часть Подольскаго. Взятъ былъ послѣ долгой осады и крѣпкій Кодакскій замокъ. На всей этой громадной территоріи оставался во власти государства одинъ единственный замокъ, неприступный Каменецъ-Подольскій, гдѣ задержалась крупица польско-католическаго элемента. Въ августѣ волненіе передалось на Волынь; началось очищеніе и здѣсь. Отдѣльные козацкіе отряды взяли Кременецъ, Луцкъ, Острогъ, Владиміръ, Заславль и т. п., конечно, съ содѣйствіемъ православныхъ мѣщанъ; тѣ же сцены поголовнаго избіенія и всякихъ ужасовъ сопровождали возстаніе Волыни.

А, между тѣмъ, Хмельницкій все стоялъ подъ Бѣлой-Церковью. Конечно, онъ зналъ обо всемъ, что совершалось, и, тѣмъ не менѣе, все совершалось помимо его. Онъ могъ управлять событіями не больше того, какъ можетъ управлять рулевой челномъ, уносимымъ мощнымъ теченіемъ. События были ему благопріятны; поднявшіеся хлопы стекались къ нему, и онъ организовалъ изъ нихъ сильное войско, безъ котораго не могъ обойтись; возстаніе хлоповъ ломало панскую силу, на которой держался весь старый режимъ, враждебный козачеству, а, слѣдовательно, и самому Хмельницкому. И въ то же время Хмельницкій совсѣмъ не желалъ и не могъ желать кореннаго истребленія шляхетства, водвореніе на мѣстѣ шляхетскаго землевладѣнія, на которомъ держался данный строй, землевладѣнія хлопскаго: это было противно всѣмъ его понятіямъ о людскихъ отношеніяхъ, какъ было противно понятіямъ всякаго другого, причастнаго культурѣ, человѣка того времени. Больше того: въ данный моментъ Хмельницкій совсѣмъ не желалъ доводить дѣло до разрыва съ Польшей.

Стоя подъ Бѣлою-Церковью, Хмельницкій сносится съ Варшавою въ самомъ почтительномъ тонѣ, дѣлая объясненія и оправданія своимъ поступкамъ. Его требованія—если это можно назвать требованіями—болѣе чѣмъ умѣренны, не выходятъ за предѣлы того, чѣмъ козацкое войско пользовалось до послѣднихъ ограниченій. Временное польское правительство принимало козацкую

депутацію съ ея инструкціями и жалобами, назначало комиссіи для улаженія недоразумѣній во главѣ съ брацлавскимъ воеводой Киселемъ, который, благодаря своему православію, выдвигался какъ естественный посредникъ въ этомъ щекотливомъ дѣлѣ; но въ то же время обѣ стороны слишкомъ ясно понимали, что среди той общей бури, которая свирѣпствовала по всему краю, нѣтъ мѣста для мирныхъ соглашеній. Хмельницкій велъ переговоры съ Крымомъ и новой помощи; Польша созывала на Посполитое рушеніе шляхту угрожаемыхъ земель и вобще стягивала къ западнымъ предѣламъ Украины свои военныя силы.

Но въ Польшѣ было междуцарствіе, и какъ результатъ его—безголовье. Только полнымъ разбродомъ умовъ можно объяснить то, что начальство надъ войскомъ поручено было не Вишневецкому, тому „Яремѣ“, который козаковъ, по ихъ собственному сознанію, „якъ бье тай бье“, а ничтожному тріумвирату изъ мѣстныхъ русскихъ магнатовъ съ дополненіемъ изъ 26 комиссаровъ. „Дурні ляхи—выправили перину, дитину, латину“, говорили козаки, насмѣхаясь надъ изнѣженностью и лѣнью Заславскаго, молодостью Конецпольскаго и ученостью Остророга. Войска эти сбирались подъ Глинянами, недалеко отъ Львова, и затѣмъ расположились лагеремъ подъ Константиновымъ, ожидая дальнѣйшихъ распоряженій своего многоголоваго начальства, которое терялось въ хаосѣ противорѣчивыхъ соображеній.

Хмельницкому же его положеніе было ясно: надо было загородить врагамъ дорогу на Украину. Онъ двигается навстрѣчу, усиленно призывая черезъ своего сына Тимоша на помощь татаръ и стягивая къ себѣ загоны: къ нему присоединился Кривоносъ послѣ неудачной осады Каменца, Лисенко со своими страшными „вовгурівцями“ Нечай и Морозенко, имена которыхъ прославлены народомъ въ думахъ и пр.

Огромное войско Хмельницкаго состояло преимущественно изъ хлоповъ, меньшее по численности, но также очень значительное—до ста тысячъ, какъ говорятъ свидѣтели-современники—польское войско представляло собою почти исключительно шляхту, которая, повидимому, хотѣла импонировать хлопству своей блестящей внѣшностью. По крайней мѣрѣ, всѣ современники обоихъ лагерей указываютъ на множество дорогихъ вещей, дорогую одежду, оружіе, посуду и разныя принадлежности домашняго комфорта, привезенныхъ поляками болѣе чѣмъ на двухъ тысячахъ возахъ. Тѣмъ болѣе поразительный эффектъ произвелъ Пилявецкій скандалъ, потому что другимъ словомъ нельзя назвать то, что произошло. Войска сошлись подъ Пилявцами,—мѣстечкомъ надъ рѣчкой Пилявой, и здѣсь 23 сентября, безъ боя, при одной, и то невѣрной, вѣсти о приближеніи татаръ, панское войско кинулось въ неудержимое бѣгство, оставивъ въ рукахъ козацкаго войска всю артиллерію и богатый обозъ. Пилявецкія „донаживы“ долго и широко обращались въ украинскомъ войскѣ. Весь общественный гнѣвъ за обиду и позоръ обрушился на бѣднаго князя Доминика Заславскаго,—но онъ едва ли виноватъ больше, чѣмъ кто-либо другой изъ тѣхъ, кто, будучи званнымъ, но не избраннымъ, взялъ въ руки власть: очевидно, мы имѣемъ здѣсь дѣло просто съ патологическимъ случаемъ коллективной нервной заразы.

Какъ бы то ни было, Пилявецкій погромъ открылъ козацкому войску

путь внутрь Польши. Получивъ откупъ съ Львова, Хмельницкій вступилъ на территорію исконной Польши и сталъ подъ Замостьемъ, сильной польской крѣпостью; татары же распустили свои загоны подъ Краковъ, Люблинъ и даже за Вислу—въ глубину Польши. А, между тѣмъ, теперь, когда государство снова было обезоружено, пламя народныхъ волненій хлынуло изъ предѣловъ Украины и Волыни и неудержимой волной разлилось дальше по русскимъ землямъ. Поднялась вся Галицкая Русь, до тѣхъ поръ спокойная: православные мѣщане и крестьяне кинулись, по примѣру украинцевъ, на замки, костелы и панскіе дворы; повторились тѣ же сцены пожаровъ, грабежей и избіеній. Оригинальный характеръ имѣло это движеніе на правомъ Поднѣстровьѣ, особенно въ такъ называемомъ Покутьѣ. Здѣсь, вмѣстѣ съ низшимъ классомъ, поднялась и мѣстная, православная и русская, мелкая шляхта и стала во главѣ возставшихъ, образовавъ какъ бы старшину войска, организованнаго по козацкому образцу; главой этого войска былъ нѣкто Семенъ Высочанъ. Распространились народныя волненія и на Литовскую, такъ называемую Бѣлую Русь, проникая въ нее одновременно изъ Сѣверщины и изъ Волыни.

Шляхетскій „народъ" Польши былъ охваченъ паникой; казалось, государство на краю гибели; но, къ счастью для него, этой гибели совсѣмъ не хотѣлъ Хмельницкій. Ведя лѣниво осаду Замостья, онъ, повидимому, лишь уступаетъ энергичнымъ настояніямъ окружающихъ; всѣ его интересы сосредоточены на Варшавѣ, на выборѣ новаго короля. „У этихъ хлоповъ ничего не значитъ величіе республики"—говорилъ о Хмельницкомъ и его войскѣ Кисель, который считался у своихъ польскихъ современниковъ экспертомъ по украинскимъ дѣламъ. По словамъ Киселя, козаки говорили: „а що то есть Рѣчь Посполита? Мы сами Рѣчь Посполита, але король—то у насъ панъ. Хмельницкій не хочетъ и знать, будетъ ли Рѣчь Посполитая именовать его гетманомъ; онъ пишется гетманомъ войска его королевскаго величества. Король у нихъ, хлоповъ, что-то божественное".

Дѣйствительно ли король былъ чѣмъ-то божественнымъ въ глазахъ украинскаго хлопа или козака—дѣло темное, но что Рѣчь Посполитая, т.-е. польская республика, отождествлялась для нихъ съ ненавистной шляхетской олигархіей—это несомнѣнно. Вотъ почему Хмельницкій, посылая изъ-подъ Замостья въ Варшаву свои условія, требуетъ вмѣстѣ съ амнистіей, уничтоженіемъ уніи, возвращеніемъ отнятыхъ вольностей—и непосредственнаго подчиненія козацкаго войска королю. Вотъ почему онъ и относится съ такимъ интересомъ къ вопросу объ избраніи короля. Повидимому, онъ пользуется всей силой своего вліянія, чтобы склонить чашу вѣсовъ въ пользу королевича Яна-Казиміра. Но когда Янъ-Казиміръ былъ дѣйствительно избранъ, Хмельницкій, якобы повинуясь волѣ имъ самимъ поставленнаго монарха, оставляетъ осаду Замостья и мирно отступаетъ со своими полчищами на Украину, къ удивленію и радости поляковъ, къ удивленію и горю украинцевъ. Очевидно, всѣ политическіе виды и планы Хмельницкаго пока еще держались въ предѣлахъ стараго неразрывнаго союза Украины съ Польшей.

Въ послѣднихъ числахъ декабря 1648 года Хмельницкій совершилъ свой

тріумфальный въѣздъ въ Кіевъ. Этотъ моментъ—это былъ кульминаціонный пунктъ всей его эпопеи.. И странное дѣло! Хмельницкій какъ-будто только теперь понялъ, на какую головокружительную высоту онъ былъ вынесенъ вихремъ событій. При звонѣ колоколовъ кіевскихъ церквей, громѣ пушекъ и радостныхъ кликахъ народа, выслушивая привѣтствія митрополита и духовенства, бурсацкіе канты, посвященные восхваленію великаго подвига освобожденія Руси отъ лядской неволи,—Хмельницкій дѣйствительно могъ впервые почувствовать, что онъ не взбунтовавшійся подданный, слуга, порвавшій узы связывавшихъ его обязательствъ, а „гетманъ Божіей милостію, illustrissimus princeps своего народа“. Все сошлось къ тому, чтобы укрѣпить его въ этомъ настроеніи. Народъ, еще не потерпѣвшій разочарованій, слѣпо вѣрилъ въ его звѣзду; іерусалимскій патріархъ Паисій, случайно проѣзжавшій черезъ Кіевъ, отъ лица всей восточной православной церкви освящалъ его положеніе своимъ признаніемъ и благословлялъ его на дальнѣйшій подвигъ; наконецъ—и самое важное—къ Хмельницкому, какъ къ самодержцу, явились послы отъ сосѣднихъ державъ: отъ московскаго царя, турецкаго султана, отъ трансильванскаго князя, отъ господарей Молдавіи и Валахіи. Нетрудно повѣрить въ свое значеніе, когда въ него вѣритъ все окружающее. И вотъ, когда въ февралѣ явились въ Переяславль къ Хмельницкому польскіе комиссары, съ тѣмъ же Киселемъ во главѣ, они уже не нашли стараго Хмельницкаго, который переговаривался съ Варшавой изъ-подъ Бѣлой-Церкви и потомъ изъ-подъ Замостья. Это былъ уже не тотъ человѣкъ, который, по его собственнымъ словамъ—ихъ передаетъ въ своемъ дневникѣ Войцѣхъ Мясковскій, бывшій въ числѣ членовъ комиссіи,— „воювавъ за свою шкоду та кривду“ и лишь случайно „доказавъ те, объ чимъ и не мысливъ“, а человѣкъ, который хочетъ доказать „те, що умысливъ“, который хочетъ воевать „за віру православную нашу“, хочетъ „выбить зъ ляцькой неволі народъ руській весь“. Правдоподобно, что въ этихъ словахъ выразилась не зрѣлая мысль, не сложившійся планъ, а просто мечта, вырвавшаяся наружу въ минуту волненія: но уже важно то, что такая мечта была. И мало того: Хмельницкій теперь понималъ, что такая мечта осуществима лишь при участіи поспольства, черни, что было равносильно коренному потрясенію польскаго общественнаго строя. Кисель вполнѣ разумно и логично, съ своей точки зрѣнія, доказывалъ Хмельницкому, что онъ долженъ сдѣлать такъ, „чтобы мужики пахали, а воевали одни козаки“. Но Хмельницкій, и безъ всякихъ доказательствъ, самъ ясно понималъ, что это должно быть такъ. Только, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не менѣе ясно понималъ, что если государство справится съ хлопами, то вслѣдъ затѣмъ оно ударитъ и на козаковъ. Понимая это и, вмѣстѣ съ тѣмъ, увлекаясь своимъ новымъ настроеніемъ, онъ готовъ былъ поднять „всю чернь по Люблинъ и Краковъ“, образовать украинское княжество по Холмъ, Львовъ и Галичъ, загнать за Вислу „всіхъ дуківъ и князівъ, чтобъ не зосталось на Украині ни одного князя, ни шляхтюка“. Но и въ старомъ своемъ, козацкомъ, настроеніи, какъ и въ новомъ, демагогическомъ, Хмельницкій равно становился передъ глухою стѣною неразрѣшимой дилеммы. Логика

жизни не преминула раскрыть тѣ невозможности, которыя пока закрывались свѣтлымъ туманомъ иллюзій.

Какъ бы то ни было, польская комиссія ничего не могла добиться, несмотря на свои широкія полномочія, дипломатическія способности и умъ Адама Киселя, на большую готовность къ уступкамъ. Не чувствовалось почвы, на какой могли бы сойтись стороны, а атмосфера жгучей ненависти, какая окружала на Украинѣ все польское, парализовала самое стремленіе искать этой почвы: даже жизни польскихъ комиссаровъ постоянно угрожала опасность. Съ очевидной цѣлью, лишь какъ-нибудь отдѣлаться отъ комиссіи, Хмельницкій предложилъ такія условія, на какія комиссары могли отвѣтить лишь выраженіемъ недоумѣнія, такъ какъ они выходили совсѣмъ изъ сферы ихъ полномочій: въ родѣ того, напримѣръ, чтобы митрополитъ кіевскій занималъ въ польскомъ сенатѣ первое мѣсто по примасѣ и т. п. Единственно, на чемъ сошлись стороны, это—продолженіе перемирія до Троицына дня, „до травы".

Тѣмъ временемъ непріятельскія дѣйствія не прекращались ни съ той ни съ другой стороны: кое-гдѣ еще продолжались ужасныя сцены очищенія—такъ былъ очищенъ въ три дня Кіевъ; польскіе отряды отнимали захваченные уже города, между прочимъ, возвращенъ былъ въ это время государству сильный Баръ. А, между тѣмъ, обѣ стороны усиленно приготовлялись къ новой войнѣ. Сеймъ разрѣшилъ королю созвать общее посполитое рушенье (земское ополченіе всего государства). Чтобы уничтожить пагубное разногласіе, самъ король сталъ во главѣ войска, такъ что новый тріумвиратъ предводителей изъ Фирлея, Лянскоронскаго и Остророга занималъ подчиненное положеніе. Хмельницкій разсылалъ универсалы, вновь сзывающіе всѣхъ, кто можетъ владѣть оружіемъ, и снова полчища хлоповъ тянулись къ Чигирину; шелъ на помощь къ Хмельницкому и самъ ханъ Исламъ-Гирей, въ войскѣ котораго, кромѣ горныхъ татаръ, степныхъ ногайцевъ и дикихъ буджаковъ, были кавказскіе горцы-черкесы; шелъ туда же и отрядъ румелійскихъ турокъ; наконецъ, шли старые пріятели запорожцевъ—донскіе козаки. Все это производило впечатлѣніе какой-то восточной орды, еще разъ двинувшейся на завоеваніе запада. Войска сошлись лишь во второй половинѣ лѣта приблизительно на той же территоріи, что и въ предыдущемъ году. Польское войско, руководимое Іереміей Вишневецкимъ, героически выдержало обложеніе Зборова соединенными силами, украинскими и татарскими. Но когда на выручку Зборова явился король съ шляхтой посполитаго рушенія, то подъ Зборовомъ снова чуть-чуть не повторилась пилявецкая катастрофа. Польское войско было спасено лишь измѣной хана Исламъ-Гирея, которому польское правительство обѣщало выплачивать задержанные „упоминки". Кромѣ того, въ счетъ уплаты татарамъ дано было секретно согласіе распустить свои загоны по землямъ, черезъ которыя шелъ ихъ обратный путь—земли эти были исключительно русскія.

Хмельницкій вынужденъ былъ заключить съ польскимъ государствомъ такъ называемый Зборовскій договоръ.

Зборовскимъ договоромъ изъ состава Южной Руси выдѣлялась козацкая Украина, которая должна была заключать въ себѣ территоріи трехъ воеводствъ:

Кіевскаго, Черниговскаго и Брацлавскаго; воеводства Волынское и Подольское оставались, какъ были до возстанія. Лишь изъ состава населенія этой Украины складывалось козацкое войско съ реестромъ въ 40000. Козацкій реестръ могъ пополняться равно живущими на владѣльческихъ земляхъ, какъ и на королевскихъ, которыя теперь становились собственностью козацкаго войска. Весь избытокъ населенія, остающихся за реестромъ, возвращался въ старое званіе—мѣщанское или хлопское: владѣльцы могли вернуться въ свои земли и вступить въ свои права. Такимъ образомъ, на Украинѣ водворялись одновременно два режима: козацкій и шляхетскій. Козацкому войску предоставлено было полное самоуправленіе; во главѣ его стоялъ гетманъ, который имѣлъ свою резиденцію въ Чигиринѣ и подчинялся королю; войско дѣлилось, по территоріямъ, на полки, полки на сотни *)—съ выборными полковниками и сотниками. Но параллельно на той же территоріи оставался и старый шляхетскій режимъ съ той разницей, что всѣ чины и должности, до воеводъ включительно, теперь, по условіямъ Зборовскаго договора, замѣщались лишь православнымъ дворянствомъ: на первый разъ кіевскимъ воеводой назначенъ былъ тотъ же самый Адамъ Кисель. На территорію козацкой Украины не могли вступать коронныя войска, не могли жить евреи, а отцы-іезуиты удалялись со своими школами изъ всѣхъ мѣстъ, гдѣ были школы русскія; вообще охрана русскихъ школъ была внесена какъ одно изъ условій договора.

Конечно, положеніе козацкой Украины или, точнѣе сказать, украинскаго козачества, сравнительно съ недавнимъ прошлымъ, теперь было блестящее. Если бы козачество могло всецѣло видѣлить свое дѣло изъ общей связи дѣлъ и интересовъ южно-русскаго народа, въ частности хлопства, то оно могло бы быть довольнымъ. Но независимо отъ его хотѣнія или нехотѣнія, такое выдѣленіе было прямой невозможностью. Козацкая Украина была страшна Польшѣ тѣмъ, что за ней стояли остальныя русскія земли, на первомъ планѣ Волынь и Подолье, которые Зборовскимъ договоромъ совсѣмъ отрѣзывались отъ Украины и всецѣло передавались снова подъ владычество польскаго права—это во-первыхъ. Во-вторыхъ, несокрушимость козацкой силы коренилась въ питающемъ ее хлопствѣ — „правой рукѣ козачества“, по выраженію самого Хмельницкаго. И вотъ не успѣла козацкая Украина вылупиться на свѣтъ Божій, какъ въ ней обнаружилась страшная трещина.

Войсковые реестры очень растягивались въ козацкомъ толкованіи; кромѣ козацкихъ семей, въ нихъ включались еще козацкіе замѣстители, по два на каждаго козака—конный и пѣшій; такимъ образомъ, число состоящихъ въ войсковомъ реестрѣ должно было въ нѣсколько разъ превышать условленныя сорокъ тысячъ, не говоря уже о томъ, что контролировать дѣйствія гетмана и старшинъ, составлявшихъ реестръ, было невозможно. Но все-таки, несмотря на это, значительная часть людей, уже испробовавшихъ козацкой воли и козац-

*) Всего было 16 полковъ: брацлавскій, уманскій, кальницкій, чигиринскій, корсунскій, черкасскій, каневскій, кіевскій, бѣлоцерковскій—на правомъ берегу, а на лѣвомъ, кропивинскій, переяславскій, прилуцкій, миргородскій, полтавскій, нѣжинскій, черниговскій.

каго хлѣба, должна была оставаться внѣ реестровъ и превратиться въ хлопство. Даже и тому, кто не мечталъ о козачествѣ, а предпочиталъ оставаться хліборобомъ, послѣ краткаго періода свободы была невыносима мысль снова сдѣлаться подданнымъ, снова поступить въ „лядскую неволю“.

Люди эти, которые уже порвали со своими обязательствами, могли быть возвращены къ нимъ лишь силою. Но на козацкой Украинѣ не было иной силы, кромѣ козацкой. Козаки должны были отсѣчь свою правую руку, наложить узы на своихъ братьевъ по старой долѣ и недавней волѣ. Было ли все это возможно?

И гетманъ Богданъ въ своемъ Чигиринѣ, среди всѣхъ проявленій могущества и величія, чувствовалъ свое полное безсиліе передъ предстоящей ему задачей: перевести Украину на новое положеніе, т.-е. прежде и главнѣе всего устроить отношенія землевладѣльцевъ къ земледѣльцамъ. Видя безысходность положенія, онъ пытается затянуть дѣло: не разрѣшаетъ возвращенія владѣльцевъ до утвержденія сеймомъ договора, самъ отъ себя не совѣтуетъ шляхтичамъ спѣшить съ возвращеніемъ; тѣмъ временемъ онъ торопится ослабить украинскихъ магнатовъ, особенно ненавистныхъ ему Конецпольскаго и Вишневецкаго, набирая въ реестръ населеніе ихъ имѣній и прямо отбирая у нихъ земли, какъ бывшія королевщины, принадлежащія теперь войску. Но всякой отсрочкѣ наступалъ конецъ, тѣмъ болѣе, что шляхта, вынужденная на бездомное скитальчество, рвалась назадъ, въ свои украинскія мѣстности, и осаждала козацкаго гетмана просьбами о покровительствѣ. Изъ Варшавы была снаряжена комиссія съ той же цѣлью—водворенія владѣльцевъ: надо было приступать къ развязкѣ. Кое-гдѣ, при первомъ появленіи пановъ, хлопы произвели надъ ними снова кровавую расправу: Хмельницкій, представлявшій въ данный моментъ главу всей исполнительной и судебной власти въ краѣ, вынужденъ былъ, разсматривая эти дѣйствія крестьянъ, какъ преступленія, казнить преступниковъ. Это произвело свое устрашающее дѣйствіе, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, возбудило страшное неудовольствіе народное противъ гетмана; на Запорожьѣ появился-было новый гетманъ. Однако, все, чего могъ добиться Хмельницкій своими крутыми мѣрами, это обезпечить личность пановъ отъ насилія; заставить же хлоповъ возвратиться къ старымъ обременительнымъ повинностямъ—было совсѣмъ не въ его власти. Все украинское шляхетство, возвратившееся въ свои имѣнія, находилось „въ рабствѣ“, по выраженію Киселя, у козаковъ и хлоповъ, по той причинѣ, что за нимъ не было никакой фактической силы. Прежде всего, владѣльцы заставали свои имѣнія, въ значительной степени, пустыми; такъ, напримѣръ, по сохранившимся гродскимъ и земскимъ книгамъ житомірскаго повѣта, гдѣ записаны данныя подъ присягою показанія мѣстнаго населенія, изъ ста крестьянскихъ осѣдлостей на панскихъ земляхъ едва насчитывалось жилыхъ 2—4. Можетъ-быть, и не вездѣ было такъ, но вездѣ крестьяне „хотѣли оставаться крестьянами только по имени и не хотѣли платить никакихъ податей. „Козаки же со своими властями, къ которымъ только и могли обращаться шляхтичи за содѣйствіемъ, были для нихъ притаившимся пугаломъ, „шорохъ отъ котораго слышенъ былъ по всей Украинѣ“, „шершнями, которыхъ лучше не дразнить“. Не могла же прибыв-

Кіевскій воевода Адамъ Кисель. † 1653 г.

шая шляхта, въ самомъ дѣлѣ, разсчитывать на то, что козакъ встанетъ съ нагайкой надъ хлопомъ, чтобы погонять его на панщину. Такимъ образомъ, владѣльцы вынуждены были, надѣвая передъ хлопствомъ личину смиренія, передъ козацкимъ урядомъ—лести и подобострастія, добиваться какихъ-нибудь соглашеній съ своими подданными, въ родѣ, напримѣръ, уплаты десятины. Подъ давленіемъ козацкаго уряда, который былъ заинтересованъ въ томъ, чтобы отношенія какъ-нибудь устроились, хлопы сходились и обсуждали нелегкій вопросъ о томъ, какъ имъ жить съ панами. Въ одномъ мѣстѣ рѣшали дать пану „плугъ волівъ та чотыри мірки солоду; буде з его, абы не вмеръ з голоду"; въ другомъ рѣшали, что надо отдавать панамъ что-нибудь на поклонъ по большимъ праздникамъ и т. п. Никто изъ самыхъ крупныхъ магнатовъ не получалъ ни гроша изъ своихъ огромныхъ маетностей; а менѣе состоятельные шляхтичи сами должны были, чтобы не умереть съ голоду, работать на ряду съ хлопами. Конечно, съ такимъ положеніемъ трудно было примириться: „принимая во вниманіе униженіе, перетерпѣваемое нами въ мірѣ, похожемъ на рабство, лучше попытаться прибѣгнуть къ оружію, нежели имѣть подданныхъ и не владѣть ими", такъ выражаетъ Кисель въ письмѣ къ королю настроенія и чувства украинскихъ землевладѣльцевъ-шлятичей.

Тяжесть положенія усиливалась общей хозяйственной дезорганизаціей края. Уже два года, какъ поля лежали въ запустѣніи, а земледѣльцы или перековывали свои плуги и рала на копья, или просто шли на войну съ косами и цѣпями *). Старые запасы были истощены, новыхъ не было. Правда, Московское государство выразило свое сочувствіе единовѣрцамъ тѣмъ, что разрѣшило безпошлинный вывозъ на Украину хлѣба. Но на пріобрѣтеніе хлѣба нужны были деньги, а хотя въ рукахъ украинскаго народа теперь и обращалось много дорогихъ вещей изъ корсунской, и въ особенности пилявецкой добычи, изъ разграбленныхъ имуществъ шляхты, евреевъ и католическихъ святынь, но вещи эти отъ обилія теряли свою цѣнность, повышая соотвѣтственно цѣну хлѣба, и быстро уходили къ московскимъ и турецкимъ купцамъ. Въ сосѣдней Бѣлоруссіи, между тѣмъ, оказался неурожай. Обнаружилась сначала дороговизна, а затѣмъ и настоящій голодъ. Народъ выкапывалъ и ѣлъ коренья, ѣлъ листья и тащился со всѣхъ сторонъ на Заднѣпровье и далѣе, въ предѣлы Московскаго государства, надѣясь тамъ найти пропитаніе. Явились и спутники голода, тяжелыя повальныя болѣзни: отъ моровой язвы 1650 г. „люди падаютъ и лежатъ какъ дрова къ Днѣстру, около Шаргорода и далѣе къ Брацлавлю",—пишетъ одинъ современникъ. Все это, конечно, не облегчало разрѣшенія той тяжелой задачи, какую задавали условія украинской жизни ея руководителямъ.

Но если украинская сторона имѣла важныя основанія быть недовольной Зборовскимъ договоромъ, то, конечно, еще больше имѣла ихъ сторона польская. Сеймъ, который утверждалъ договоръ, даже не имѣлъ духа выслушать

*) „Одни съ палками, другіе съ косами, съ обожженными косами, съ топорами, цѣпами... О, позоръ! чѣмъ хлопъ билъ скотъ, съ тѣмъ идетъ въ бой", такъ описываетъ одинъ современный польскій поэтъ Зборовскую битву.

его полностью. Въ атмосферѣ общаго унынія и угнетенія отъ понесеннаго позора раздавались успокоительные голоса духовныхъ руководителей панской совѣсти, которые съ высоты своихъ каѳедръ проповѣдывали шляхтѣ, что ей нечего стыдиться пораженія отъ наглаго хлопства, этихъ убійцъ, проклятыхъ звѣрей, вѣроломныхъ подданныхъ, что въ данномъ случаѣ Господь Богъ поступаетъ такъ, какъ поступилъ бы какой-нибудь „вельможный, который, вздумавши наказать за проступокъ своего сына, для лучшаго вразумленія, не наказываетъ его самъ и не поручаетъ это достойнѣйшему, а кличетъ Стаська или Мацька, подданнаго своего, чтобы при немъ отпоролъ сына; и совсѣмъ это не вредитъ въ глазахъ свѣта наказанному сыну“,—продолжаетъ краснорѣчивый іезуитъ Цюцишевскій,—„потому что Стасекъ, хотя и билъ, все-таки остается по-старому хлопомъ Стасекомъ, а панскій сынъ, хотя и битый, по-старому паномъ и сыномъ панскимъ“. Никакіе договоры съ хлопами, по мнѣнію духовнаго отца, ничего не стоятъ, и нечего о нихъ безпокоиться. Успокаиваясь на мысли, что все случившееся есть лишь проявленіе Божьяго гнѣва, который, конечно, не преминетъ обратиться на милость, польское общество готово было видѣть вокругъ себя разныя сверхъестественныя знаменія, предсказывающія поворотъ событій. Всюду обращались многочисленные разсказы о чудесахъ, не возбуждавшіе никакого скептицизма: въ Барѣ днемъ вышла изъ костела процессія мертвецовъ, замученныхъ Кривоносомъ, съ воплями объ отмщеніи; въ Дубнѣ три распятія сами отвернулись отъ своихъ поставахъ отъ востока, козацкой стороны, къ западу и т. д. Конечно, люди такого настроенія не могли искать причинъ зла въ реальныхъ отношеніяхъ или думать объ ихъ улучшеніи. Возвращающіеся въ русскія земли шляхтичи были полны злобныхъ и мстительныхъ чувствъ по отношенію къ своимъ хлопамъ. Тѣ, которые имѣли свои земли на Украинѣ, должны были глубоко прятать эти чувства; но иначе стояло дѣло на Волыни или Подольѣ. Козаки далеко, а коронныя войска близко—это мѣняло положеніе. Конечно, владѣльцы знали, что Зборовскимъ договоромъ обѣщана была всѣмъ полная амнистія, объ осуществленіи которой очень заботился король, что, наконецъ, разсчетъ своей собственной выгоды побуждаетъ быть на первый разъ осторожнымъ и сдержаннымъ. Но шляхетская душа такъ рвалась къ мести, что иные владѣльцы забывали все, и въ опьянѣніи своей вновь пріобрѣтенной власти дозволяли себѣ жестокія расправы съ своими хлопами. Народъ, несмотря на близость короннаго войска, глухо волновался; болѣе отважные убѣгали и соединялись въ шайки удальцовъ, которыхъ въ Подольѣ называли левенцами, въ Галицкой Руси—опришками. Панскія расправы возбуждали глубокое негодованіе и въ козацкой Украинѣ. Глава Брацлавскаго полка, пограничнаго съ Волынью и Подольемъ, Нечай, человѣкъ, пользовавшійся большою популярностью, а также уваженіемъ Хмельницкаго, съ которымъ состоялъ въ свойствѣ, не могъ сдерживать негодованія не своего лишь лично, но и подчиненныхъ козаковъ, и позволялъ себѣ нарушать, для защиты хлоповъ, пограничную черту. Между тѣмъ изъ плѣна вернулись Потоцкій и Калиновскій и вступили въ свои гетманскія обязанности съ страстной жаждой смыть позоръ, нанесенный имъ козаками:

оба они стояли съ кварцянымъ войскомъ на Подольѣ, усмиряя пока мятежныя шайки и расправляясь съ хлопами, но въ полной готовности къ открытію настоящихъ военныхъ дѣйствій. Общее настроеніе польскаго общества разрѣшилось тѣмъ, что чрезвычайный сеймъ, созванный въ декабрѣ 1650 г., снова объявилъ посполитое рушенье; чтобы отвлечь татаръ отъ союза съ козаками, были посланы въ Крымъ „упоминки“ съ обѣщаніемъ новыхъ и богатые подарки для мурзъ.

Хмельницкій имѣлъ въ Польшѣ своихъ агентовъ и прекрасно зналъ все, что тамъ дѣлалось: онъ не дозволилъ бы застать себя врасплохъ. Можетъ-быть, онъ и искренне считалъ возможнымъ устроить свою козацкую Украину на старыхъ, завѣщанныхъ Польшей, основаніяхъ, съ козаками, панами и хлопами, иначе онъ не разсылалъ бы грозныхъ универсаловъ о повиновеніи, не наказывалъ бы такъ жестоко хлоповъ за преступленія и проступки противъ владѣльцевъ, которые особенно участились, когда козаки вышли лѣтомъ въ молдавскій походъ. Но въ прочность мира съ Польшей онъ уже не вѣрилъ совсѣмъ, перестalъ вѣрить еще и до Зборовскаго договора. Онъ завязывалъ на всѣ стороны нити дипломатическихъ сношеній, пытаясь найти такую опору, которая позволила бы порвать ему съ Польшей. Татары, волохи, венгры, даже отдаленные шведы—всѣ могли пригодиться какъ временные союзники; но политическую устойчивость могъ дать Украинѣ лишь прочный союзъ, или, вѣрнѣе, патронатъ такихъ сильныхъ сосѣдей, какъ Московское и Турецкое государства. Къ Москвѣ, съ которой находилось въ постоянныхъ сношеніяхъ православное духовенство, съ которой сами козаки также сносились отъ себя до тѣхъ поръ, пока польское государство не скрутило окончательно рукъ,—къ Москвѣ, прежде всего, и обратился Хмельницкій. Но московская политика всегда отличалась крайней осторожностью, а теперь, послѣ столь неудачныхъ для себя столкновеній съ Польшей, сопровождавшихся тяжелыми потерями большихъ территорій, обычная осторожность переходила въ страхъ передъ грознымъ сосѣдомъ: соблазнъ былъ великъ, но на козачество и прочность его симпатій трудно было положиться—и осторожная Москва, осыпая козацкихъ пословъ ласковыми словами, обѣщаніями въ будущемъ и подарками, не обнаруживала никакой готовности къ существенной помощи. А помощь, между тѣмъ, могла понадобиться каждую минуту. Невольно взоры Хмельницкаго обратились къ Портѣ: покровительство ея обѣщало, по крайней мѣрѣ, одну несомнѣнную, и осязательную выгоду—татарскую помощь. Козачество въ послѣдніе годы наглядно убѣдилось, какое огромное значеніе имѣетъ, въ борьбѣ съ Польшей, именно помощь татаръ, которые всегда были подъ рукой. Но пока татары были союзниками случайными, они могли въ каждый моментъ перейти на сторону враговъ, лишь бы увидѣли въ томъ выгоду, а затѣмъ погнали бы своихъ недавнихъ друзей съ арканами на шеѣ на невольничьи крымскіе рынки. Покровительство Порты обезпечивало бы до нѣкоторой степени козацкой Украинѣ ихъ постоянную и прочную помощь. И вотъ гетманъ начинаетъ добиваться этого покровительства. Въ связи съ его турецкими сношеніями стоитъ и мысль вступить въ родство съ вассаломъ Порты, молдавскимъ госпо-

даремъ, черезъ женитьбу сына Тимоша на дочери господаря Лупулла, Домнѣ Розандѣ.

Походъ въ Молдавію, предпринятый лѣтомъ 1650 г. сильнымъ отрядомъ козацкихъ „сватовъ", съ Тимошемъ во главѣ и татарской ордой, удовлетворялъ разомъ нѣсколькимъ цѣлямъ: давалъ занятіе собственнымъ своимъ безпокойнымъ элементамъ, бросалъ легкую и богатую добычу татарамъ, которые иначе пошли бы ее искать или въ Москвѣ, или на той же Украинѣ, и, наконецъ, вынудилъ господаря къ формальному обѣщанію—выдать дочь за Тимоша. Султанъ, съ своей стороны, покровительствовалъ этому союзу, видя въ Хмельницкомъ своего будущаго вассала. Въ декабрѣ того же года, въ то время, какъ въ Варшавѣ сбирался чрезвычайный сеймъ по вопросу о войнѣ съ козаками, Хмельницкій получилъ грамоту султана Махмета, въ которой тотъ, отвѣчая на какія-то неизвѣстныя намъ просьбы о покровительствѣ и предложеніи дани со стороны козацкаго гетмана, заявлялъ, что сердечно и любовно принимаетъ „наиизбраннѣйшаго изъ монарховъ религіи Іисусовой гетмана козацкаго Богдана Хмельницкаго подъ протекцію непобѣдимой Порты нашей", сообщая притомъ, что къ крымскому хану посланъ „крѣпкій и строгій указъ, чтобы онъ никогда своихъ очей и ушей не обращалъ на польскую сторону", а „чтобы тотчасъ своимъ быстролетнымъ войскомъ старался подать помощь, гдѣ бы только оказалось это нужнымъ". Татарская помощь,—это все, что пока было нужно Хмельницкому.

Еще не наступила и весна 1651 года, какъ военныя дѣйствія уже были открыты на подольскомъ пограничьѣ, гдѣ накопилось особенно много горючаго матеріала. Энергичный Калиновскій, ожесточенный врагъ козаковъ, стоя теперь, за отлучкой Потоцкаго, во главѣ кварцянаго войска, готовъ былъ ухватиться за всякій, удовлетворительный съ формальной стороны, поводъ начать войну; не менѣе энергичный и не менѣе ожесточенный врагъ шляхетства Нечай былъ вполнѣ расположенъ дать своему противнику сколько угодно такихъ поводовъ. Первыя дѣйствія Калиновскаго, начатыя еще въ февралѣ 1651 г., были очень удачны: внезапнымъ нападеніемъ на мѣстечко Красное, гдѣ держался Нечай со своими козаками, онъ совершенно разбилъ ихъ, причемъ былъ убитъ и самъ Нечай. Конецпольскій двинулся было вглубь „бужескаго козачества", захватывая замки и опустошая страну между Бугомъ и Днѣстромъ. Но на территоріи Винницы польскій гетманъ встрѣтилъ достойнаго противника въ лицѣ полковника Богуна, одного изъ самыхъ замѣчательныхъ дѣятелей эпохи Хмельницкаго, не только по уму, энергіи и военнымъ дарованіямъ, но и по чистотѣ мотивовъ, которая какъ бы выдѣляетъ его изъ ряда остальныхъ восьмидесяти, отмѣченныхъ исторіею, украинскихъ дѣятелей Хмельнищины. Посредствомъ своей необыкновенной изобрѣтательности—„фиглей", по выраженію современниковъ— онъ умѣлъ такъ ловко распорядиться своими небольшими силами, что кварцяное войско должно было оставить захваченную территорію и уйти подъ Каменецъ, гдѣ расположилось лагеремъ въ ожиданіи дальнѣйшаго. А дальнѣйшее не заставило себя ждать. Вся Польша снова готовилась къ посполитому рушенью, и Калиновскій получилъ приказъ при-

соединиться къ главному войску, которое собиралось у Сокаля, подъ личнымъ предводительствомъ короля. Дворянское ополченіе, по обыкновенію, сбиралось медленно, однако, все-таки сбиралось, воеводство за воеводствомъ. Но за спиной шляхты, которая двигалась, чтобы дать отпоръ Хмельницкому, появилась и начала расти туча, которая грозила разрѣшиться своею домашнею Хмельнищиною: въ связи съ крестьянскимъ движеніемъ въ Червонной Руси появился и на польской территоріи въ окрестностяхъ Кракова, шляхтичъ Костка Наперскій, который прямо побуждалъ крестьянское населеніе тамошняго Подгорья подниматься противъ шляхты, пользуясь благопріятной минутой.

Хмельницкій, между тѣмъ, сбиралъ своихъ козаковъ подъ Зборовомъ и поджидалъ хана. Войско его было менѣе численно, чѣмъ въ предыдущіе походы: лѣвобережные полки, черниговскій и нѣжинскій, онъ вынужденъ былъ, подъ начальствомъ Небабы, оставить на мѣстѣ, чтобы охранять Украину отъ литовскаго войска. Собравши всѣ свои силы, поголовное ополченіе, кварцяное войско, иноземное, король рѣшилъ перенести лагерь далѣе къ востоку, на болѣе удобное мѣсто, и двинулся, въ половинѣ іюня, отъ Сокаля по направленію къ р. Стыри. Туда же двинулся изъ-подъ Зборова и Хмельницкій, дождавшись хана. Встрѣча произошла, во второй половинѣ іюня, „підъ містечкомъ та підъ Берестечкомъ" по выраженію одной украинской думы.

Берестечко есть тотъ поворотный пунктъ, съ котораго счастливая звѣзда гетмана Хмельницкаго, поднявшаяся такъ быстро и такъ высоко, начала клониться къ своему закату. Весь этотъ эпизодъ отмѣченъ какой-то роковой печатью неудачи и несчастья, какъ бы отрицающей даже возможность уясненія истинныхъ причинъ того, что произошло. Почему ханъ бѣжалъ съ своими татарами съ поля битвы, когда для этого не было никакихъ видимыхъ основаній? Дѣйствительно ли онъ пришелъ на помощь Хмельницкому противъ своего желанія, по приказу падишаха, и вѣроломнымъ бѣгствомъ хотѣлъ отомстить украинцамъ, какъ утверждаютъ одни? Или онъ испугался измѣны со стороны козаковъ, какъ утверждаютъ другіе? Или, наконецъ, на татаръ просто напалъ страхъ, въ виду численнаго и мужественнаго непріятеля? Это одна серія загадокъ; а вотъ и другая. Куда исчезалъ Хмельницкій? Послѣдовалъ ли онъ самъ за татарами, чтобы уговорить хана вернуться, или онъ былъ ими увлеченъ насильственно, захваченъ въ плѣнъ? Все это различно разсказывается и объясняется современниками и, такъ сказать, до нѣкоторой степени очевидцами событій. Несомнѣнно одно, что козацкое войско, въ критическій моментъ, передъ лицомъ сильнаго непріятельскаго войска съ королемъ во главѣ, осталось не только безъ помощи союзниковъ, но и безъ вождя. И все-таки положеніе еще не казалось окончательно безвыходнымъ. Козаки быстро замкнулись въ своемъ таборѣ, который окопали валами съ трехъ сторонъ, примкнувъ четвертой стороной къ болотамъ. Поляки ждали, что враги придутъ къ нимъ съ повинной головой, и дѣйствительно козаки явились просить мира, но не иначе, какъ на условіяхъ Зборовскаго договора. Очевидно, они не считали свое положеніе особенно опаснымъ. И въ самомъ дѣлѣ, у нихъ были съѣстные припасы и военные снаряды, было достаточно силъ для обороны обширнаго табора,

наконецъ, выборъ Богуна, въ качествѣ наказнаго гетмана, давалъ осажденнымъ опытнаго и искуснаго, въ высшей степени энергичнаго вождя. Осаждающіе же страдали отъ повальныхъ болѣзней и недостатка съѣстныхъ припасовъ, страдали, вмѣстѣ съ тѣмъ, и отъ безурядицы: даже присутствіе короля не могло сдерживать въ должныхъ границахъ дворянское ополченіе. Но неудача преслѣдовала на этотъ разъ украинское дѣло до конца. Богунъ задумалъ втихомолку вывести войско изъ табора, намостивъ черезъ болото плотины изъ возовъ, походныхъ шатровъ, конской сбруи, кожуховъ, наконецъ, человѣческихъ труповъ. Можетъ-быть, это ему и удалось бы, если бы въ критическій моментъ не дала себя знать та скрытая язва, которая уже точила украинскій народъ—язва взаимнаго недовѣрія между привилегированнымъ и непривилегированнымъ, козакомъ и хлопомъ. Когда часть войскъ уже успѣла выбраться изъ лагеря, вдругъ между оставшимися хлопами распространился слухъ, что старшина съ козаками кидаютъ хлоповъ на жертву ляхамъ: началась паника, всѣ разомъ кинулись къ переправѣ, толкали другъ друга, топили плотины и тонули сами. Напрасно Богунъ, вернувшись навстрѣчу, убѣждалъ успокоиться и не губить себя и другихъ: ничто не помогало. Поляки ворвались тѣмъ временемъ въ таборъ, и началось истребленіе. Этой катастрофой закончился несчастный эпизодъ Берестечской войны.

Пораженіе при Берестечкѣ само по себѣ не имѣло большого вліянія на фактическое ослабленіе козацкаго войска. Главныя козацкія силы успѣли скрыться въ Полѣсьѣ; преслѣдованіямъ поляковъ подверглись по преимуществу хлопы, часть которыхъ была истреблена въ таборѣ, часть по окрестнымъ лѣсамъ. Къ тому же въ польскомъ лагерѣ, несмотря на побѣду, обнаружилась полная дезорганизація: дворянское ополченіе разошлось по домамъ, не обращая вниманія ни на присутствіе короля, ни на убѣжденія, просьбы, угрозы; вслѣдъ за разбѣжавшейся шляхтой вернулся домой и король, такъ что лишь относительно небольшое войско двинулось, подъ начальствомъ гетмана Потоцкаго, вглубь края.

И въ то же время положеніе Украины, послѣ пораженія при Берестечкѣ, было очень не завидно. Литовскій гетманъ Радзивиллъ разбилъ козацкое ополченіе подъ начальствомъ Небабы и занялъ Кіевъ; такимъ образомъ, опасность угрожала козацкой территоріи съ двухъ сторонъ. А, между тѣмъ, авторитетъ Хмельницкаго былъ глубоко потрясенъ; не только исчезла старая слѣпая вѣра въ удачу вождя, но явилось даже сомнѣніе въ его личности: онъ ли, Богданъ Хмельницкій, разсылалъ универсалы изъ-подъ Корсуня и Бѣлой-Церкви, или кто-нибудь другой его именемъ? А когда сомнѣнія въ его личности разсѣялись, на него посыпались всякія обвиненія. Въ вину гетману ставилось и то, что татары его постоянные союзники, возвращаясь изъ-подъ Берестечка, поувозили въ Крымъ дѣтей и женщинъ, защищать которыхъ было некому. Чернь и козаки были одинаково возбуждены противъ Хмельницкаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, другъ противъ друга.

На р. Русивѣ, на урочищѣ Масловомъ Бродѣ, собралась противъ Хмельницкаго „чорная рада“; онъ явился на нее, и обаяніемъ своей личности разо-

гналъ тучу. Но неудовольствіе бродило и прорывалось по всей территоріи. Одно спасало положеніе: это общая ненависть населенія къ ляхамъ, обусловливавшая единодушіе чувствъ и дѣйствій. Польское войско двигалось медленно вглубь козацкой территоріи, сначала совершенно опустошенной Волынью, затѣмъ богатой и плодородной Украиной. Но народная ненависть успѣла сдѣлать голодной для ляховъ даже и эту Украину, все истребляя на ихъ пути: если они встрѣчали хлѣбъ на корню, то не находили ни полевыхъ орудій, ни мельницъ, чтобы имъ воспользоваться. Всюду войско наталкивалась на самое полное, самое упорное сопротивленіе; никто нигдѣ не просилъ о прощеніи или помилованіи, при всякой встрѣчѣ съ украинцами слышались только язвительныя насмѣшки и совѣты убраться назадъ за Вислу, къ Кракову. Не въ лучшемъ положеніи было и войско литовское, которое двигалось изъ разореннаго и соженнаго Кіева навстрѣчу войску польскому. И хотя соединившіяся войска представляли собою довольно внушительную силу, но они чувствовали, тѣмъ не менѣе, какъ опасно ихъ положеніе въ этой озлобленной странѣ. На пути умеръ Іеремія Вишневецкій, страстный противникъ всякихъ соглашеній съ козаками. Потоцкій и Радзивиллъ охотно готовы были уклониться отъ рѣшительныхъ дѣйствій, пойти на миръ, хотя бы и очень далекій отъ тѣхъ иллюзій о полномъ подчиненіи Украины, съ какими польское войско вступало въ страну. Хмельницкій, съ своей стороны, при содѣйствіи Богуна собралъ подъ Бѣлой-Церковью разсѣянныя-было козацкія силы, могъ разсчитывать и на татарскую помощь, но, видимо, также боялся поставить на карту, можетъ-быть, все свое будущее. Въ этихъ условіяхъ не трудно было придти къ мирному соглашенію, чтобы разрѣшить какъ-нибудь положеніе въ данный моментъ, хотя бы и безъ всякой вѣры въ устойчивость этого разрѣшенія. 17-го сентября 1651 г. подписанъ былъ обѣими сторонами Бѣлоцерковскій договоръ, положившій новую, хотя и недолговѣчную зарубку на облитыхъ кровью скрижаляхъ украинской исторіи. Вокругъ договаривающихся сторонъ бушевало такое море ненависти, озлобленія, недовѣрія, что нелѣпо было бы вѣрить въ возможность укротить эту дикую стихію договоромъ; никто и не вѣрилъ. Однако, договоръ состоялся, хотя, какъ не утвержденный сеймомъ, и не получилъ вполнѣ законной силы,—и состоялся па слѣдующихъ условіяхъ. Самостоятельность козацкой Украины, выдѣленной Зборовскимъ договоромъ изъ Польскаго государства, какъ бы въ качествѣ вассальнаго княжества, уничтожается договоромъ Бѣлоцерковскимъ. Извѣстная доля самостоятельности, по этому договору, остается лишь за воеводствомъ Кіевскимъ, на территоріи котораго должны впредь жить козаки; воеводства Браславское и Черниговское возвращаются на старое положеніе, входя въ общій составъ государства Польскаго. Козацкое войско уменьшается въ числѣ до двадцати тысячъ; оно можетъ набираться лишь въ имѣніяхъ королевскихъ, не шляхетскихъ; если же кто окажется вписаннымъ въ реестръ изъ имѣнія шляхетскаго, или изъ территоріи воеводствъ Браславскаго и Черниговскаго, тотъ долженъ, если желаетъ пользоваться козацкими правами, выселиться въ Кіевское воеводство. Козацкій гетманъ долженъ впредь повиноваться гетману коронному, а не королю непосредственно. Евреи имѣютъ право жительства и

аренды имѣній повсемѣстно, включая и Кіевское воеводство. Коронныя войска не могутъ располагаться только тамъ, гдѣ располагается войско козацкое, т.-е. въ воеводствѣ Кіевскомъ.

Итакъ, козацкая гидра не была задушена, а только затиснута въ предѣлахъ Кіевскаго воеводства: слишкомъ много достигнуто для одной стороны, слишкомъ много уступлено—для другой.

То, что наступаетъ въ Украинѣ послѣ Бѣлоцерковскаго договора, уже носитъ на себѣ слѣды какъ бы начинающагося политическаго разложенія. Отдѣльныя и значительныя части территоріи не хотятъ знать ни Бѣлоцерковскаго договора, ни вообще какихъ-либо обязательствъ къ государству и замыкаются въ молчаливомъ и пассивномъ, но несокрушимо упорномъ сопротивленіи: въ такомъ состояніи пребывали территоріи Побужья и Заднѣпровья, та и другая съ сильнымъ мѣстнымъ козачествомъ, которое теперь, условіями Бѣлоцерковскаго договора, превращалось въ зависимое посполитство или осуждалось на выселеніе. Въ другихъ частяхъ южно-русскаго края дезорганизація выражалась иначе: начались массовыя выселенія за Днѣпръ, въ предѣлы Московскаго государства. Послѣ Берестечскаго пораженія двинулись волынцы изъ своей опустошенной страны; затѣмъ поднѣпряне и бужане, которые сами истребляли свое имущество, чтобы не досталось врагамъ. Московское правительство принимало украинцевъ очень радушно: казна помогала имъ въ первомъ обзаведеніи и имъ разрѣшалось устраиваться на козацкомъ положеніи. Волынцы, поселенные на Тихой Соснѣ, образовали первый слободской полкъ Острогожскій. Въ самое короткое время появилось, на пространствѣ отъ Путивля до Острогожска, много слободъ, изъ которыхъ въ скоромъ времени выросли города и большія мѣстечки: Харьковъ, Сумы, Лебединъ, Ахтырка, Бѣлополье, Короча и т. п. Возникла новая Слободская Украина, вмѣсто пустѣвшей старой. Стремленіе къ выселенію было такъ сильно, что даже военная сила не могла его сдерживать: переселенцы двигались также вооруженные и, отбиваясь отъ жолнеровъ, ружьями и даже пушками пробивали себѣ путь въ новое отечество.

Кое-гдѣ на Украинѣ вспыхивали бунты, прямо направленные противъ гетмана; стали появляться новые претенденты на гетманское достоинство. Съ особенной силой проявились такія волненія въ Сѣверщинѣ.

Въ виду политической дезорганизаціи, обхватившей Украину, затруднительно было положеніе козацкаго гетмана, но не менѣе затруднительно было положеніе и польской власти, которая не знала, съ какого конца начать реализацію своихъ новыхъ правъ и чувствовала себя въ положеніи врага въ непріятельской странѣ, которую надо было, несмотря на мирные трактаты, всетаки завоевывать. Представители государства обращались за содѣйствіемъ къ гетману; могъ или не могъ гетманъ оказать это содѣйствіе, но онъ указывалъ на зачинщиковъ волненій, направленныхъ противъ его власти, какъ на главную причину, въ силу которой онъ не можетъ привести въ исполненіе справедливыхъ требованій польскаго правительства. Поляки, вѣчно обманываемые той личной покорности и вѣрноподданническихъ чувствъ, какую такъ умѣло

носилъ Хмельницкій въ случаѣ надобности, предлагали свое содѣйствіе, чтобы справиться съ этими возмутителями общественнаго спокойствія. Такимъ образомъ, было схвачено и казнено нѣсколько противниковъ гетмана, представителей народной вражды къ нему, какъ то: Хмелецкій, Гурскій, Гладкій, Мозыра. Но положеніе отъ этого не мѣнялось къ лучшему. Измѣнить его могло лишь крупное измѣненіе внѣшнихъ условій. И всѣ помысли Хмельницкаго обращались на вопросы политики и дипломатіи.

Онъ продолжалъ сношенія съ московскимъ и константинопольскимъ дворами, прося одновременно о протекторатѣ и тутъ и тамъ. Но въ то время, какъ правительство константинопольское очень благосклонно отнеслось къ заявленіямъ Хмельницкаго, московское все еще держалось строго выжидательной политики, не рѣшаясь ни на какой обязывающій шагъ.

А, между тѣмъ, Хмельницкій не могъ ждать. Постоянное отвлеченіе необходимо было и для своихъ собственныхъ безпокойныхъ элементовъ и еще больше для татаръ: если бы Хмельницкій не указалъ имъ дѣла и добычи, они кинулись бы на Украину, что они и дѣлали не разъ въ небольшихъ размѣрахъ, такъ что самому Хмельницкому случалось выкупать у своихъ союзниковъ ихъ ясыръ, состоящій изъ козацкихъ женъ и дѣтей.

Къ веснѣ 1652 г. у Хмельницкаго уже опять готовъ былъ планъ военнаго предпріятія, тонко обдуманный и хорошо обставленный. Это былъ новый походъ въ Молдавію, съ цѣлью заставить господаря Лупулла исполнить свое обѣщаніе о выдачѣ дочери замужъ за Тимоша Хмельниченка. Конечно, гетманъ имѣлъ въ виду въ будущемъ Молдавское господарство, если не для себя, то для сына,—въ связи, разумѣется, съ турецкимъ протекторатомъ. Однако, не одну эту цѣль преслѣдовалъ молдавскій походъ. Хмельницкій хорошо зналъ, что поляки считаютъ Лупулла своимъ союзникомъ и не могутъ дозволить козакамъ безпрепятственно направиться въ Молдавію. И, въ самомъ дѣлѣ Калиновскій, теперь великій коронный гетманъ, стянулъ свое кварцяное войско къ горѣ Батогу, на рѣкѣ Бугѣ, въ окрестностяхъ гор. Ладыжина, чтобы загородить дорогу, а въ войско прибылъ изъ Польши цвѣтъ рыцарской молодежи, романтически настроенной въ виду посягательствъ неотесаннаго козака на руку молдавской красавицы, которой добывались сыновья польскихъ магнатовъ. Продолжая разыгрывать свою роль вѣрноподданнаго, Хмельницкій предупреждаетъ письмомъ Калиновскаго, что его сынъ, съ отрядомъ козаковъ и татаръ, якобы вопреки его отцовской воли, идетъ въ Молдавію. Обманувъ такимъ образомъ поляковъ, которые разсчитывали имѣть дѣло лишь съ слабымъ непріятелемъ, Хмельницкій напалъ на польскій лагерь съ значительными силами, козацкими и татарскими, и въ самомъ концѣ мая или началѣ іюня 1652 г. полякамъ нанесено было страшное пораженіе. По кровопролитію, по числу убитой шляхты изъ знатныхъ домовъ Польши, оно, повидимому, превосходило всѣ предшествовавшія битвы; лишь татары, больше всего дорожа ясыромъ, могли немногихъ спасти отъ истребленія; былъ убитъ и самъ Калиновскій. Тимошъ Хмельницкій прошелъ въ Молдавію и безпрепятственно вывезъ оттуда молодую жену на Украину.

Снова повторяются на Украинѣ старыя сцены—бѣгутъ въ Польшу тѣ владѣльцы, кто успѣлъ водвориться, бѣгутъ жолнеры съ своихъ квартиръ, бѣжитъ, въ паническомъ страхѣ, кидая все и спасая лишь жизнь, все польское и еврейское, что рѣшилось еще разъ осѣсть на вулканической почвѣ Украины. И снова Хмельницкій разыгрывалъ передъ польскимъ правительствомъ и сеймомъ ту же комедію невинно пострадавшаго, нечаянно вовлеченнаго въ невольный проступокъ—комедію, которая теперь уже никого не обманывала. Искреннѣе звучали тѣ универсалы, которые онъ разсылалъ по Украинѣ и Сѣверщинѣ, съ запрещеніемъ причинять оскорбленіе панамъ или ущербъ ихъ имуществамъ: „нехай кожный зъ свого тишиться, нехай кожный свого глядить",—пишетъ онъ, желая заставить хлоповъ платить хоть „десятую копу" владѣльцамъ земель, среди которыхъ уже теперь появляется и шляхта, признавшая надъ собой власть войска запорожскаго. Но универсалы не могли укрѣпить узы общественности, которыя начали ослабѣвать. Поляки, дѣлая видъ довѣрія къ мирному настроенію козацкаго гетмана, посылали къ нему новую комиссію для переговоровъ и готовились къ новой войнѣ настолько энергично, насколько позволяла имъ ихъ сила, истощенная безплодной и безконечной борьбой, безысходной неурядицей, цѣлымъ рядомъ общественныхъ бѣдствій, обрушившихся на Польшу въ видѣ голода, мора, пожаровъ, наводненій.

Съ самымъ началомъ 1653 г. передъ нами развертывается картина не войны, а какого-то сплошного ужаса, болѣе похожаго на дикій горячечный бредъ, чѣмъ на дѣйствительность. На сцену выступаетъ Стефанъ Чарнецкій, съ одной стороны горячій польскій патріотъ, съ другой—какое-то безчеловѣчное чудовище: терроризировать Украину, во что бы то ни стало,—вотъ единственный мотивъ, которымъ онъ руководствовался. Если нельзя было купить повиновеніе болѣе дешевой цѣной, то онъ готовъ былъ и на то, „чтобы не оставить русина и на лекарство"—собственное выраженіе Чарнецкаго. Польское правительство ввѣрило энергіи и патріотизму короннаго обознаго небольшое войско, тысячъ десять, и предоставило свободу дѣйствій. Нежданно-негаданно появляется онъ въ Брацлавщинѣ, на территоріи Бужскаго козачества, всегда отличавшейся духомъ закоснѣлаго и непреодолимаго упорства по отношенію всего польскаго и шляхетскаго. Съ быстротою молніи кидался Чарнецкій изъ одного конца края въ другой, вырѣзывалъ и выжигалъ село за селомъ, мѣстечко за мѣстечкомъ. Истребляя безъ пощады все русское, онъ оставлялъ за собою пустыню. Къ счастью для края, онъ могъ здѣсь встрѣтить такого врага какъ Богунъ, не уступающаго ему по энергіи и превосходящаго его по находчивости. Богунъ успѣлъ-таки задержать Чарнецкаго въ его страшномъ движеніи; въ битвѣ подъ Монастырищемъ раненъ былъ самъ Чарнецкій, и войско его разбѣжалось, напуганное ложнымъ слухомъ о приближающейся ордѣ. Чарнецкій присоединился къ главному войску, которое сбиралось подъ Глинянами, неподалеку отъ Львова.

Король Янъ-Казиміръ, который лично сталъ во главѣ новаго военнаго предпріятія, теперь уже окончательно убѣдился въ вѣроломствѣ козацкаго гетмана и рѣшилъ, не слушая никакихъ дальнѣйшихъ его предложеній, просьбъ, обѣщаній,

еще разъ напрячь всѣ силы государства на попытку сломить упорство украинскаго народа. Тщетно Хмельницкій посылалъ пословъ въ королевскій лагерь,— ихъ не слушали и задерживали какъ шпіоновъ. Собственно Хмельницкому нечего было особенно опасаться со стороны Польши: войска, по обыкновенію, собирались крайне медленно, среди жолнеровъ то-и-дѣло вспыхивали безпорядки; Хмельницкій же былъ снова обезпеченъ татарской помощью. Но его отвлекали молдавскія дѣла. Въ началѣ августа 53 года Тимошъ Хмельницкій отправился въ Молдавію на выручку своей тещи господарши, которая, защищаясь отъ враговъ враждебной партіи молдаванъ, опиравшейся на валашскаго господаря и трансильванскаго князя Ракочи, заперлась въ Сочавскомъ замкѣ, на берегу Серета; это былъ уже второй походъ—первый и очень удачный походъ, весной того же года совершилъ молодой Хмельницкій, чтобы вернуть своему тестю престолъ, отнятый-было тѣми же непріятелями. Но такъ какъ положеніе козацкаго отряда, окруженнаго сильнымъ непріятелемъ, приняло опасный характеръ, то Богданъ Хмельницкій рѣшилъ поспѣшить на помощь сыну, несмотря на опасность, какая угрожала Украинѣ со стороны польскаго войска, которое кое-какъ, наконецъ, сформировалось и готово было къ наступленію. Хмельницкій двинулся въ Молдавію, но на дорогѣ встрѣтилъ козаковъ, которые возвращались изъ-подъ Сочавы и везли съ собой тѣло Тимоша, умершаго отъ раны, полученной имъ на валу Сочавскаго замка. Слѣпой случай положилъ предѣлъ всѣмъ широкимъ планамъ Хмельницкаго, связаннымъ съ покровительствомъ Турціи.

Но гетману некогда было отдаваться своимъ чувствамъ: польское войско двигалось на Поднѣстровье, чтобы не упускать въ одно и то же время изъ виду и Украину и Молдавію, политическіе интересы которой Польша всегда вводила въ свои разсчеты и планы. Уже во второй половинѣ сентября польское войско расположилось лагеремъ недалеко отъ Каменца подъ Жванцемъ, на лѣвомъ берегу Днѣстра, противъ Хотина. Хмельницкій, на помощь къ которому теперь снова пришелъ самъ крымскій ханъ Исламъ-Гирей, какъ всегда, прекрасно зналъ все, что дѣлалось въ непріятельскомъ лагерѣ, и не спѣшилъ нападеніемъ: онъ выжидалъ, пока враги совсѣмъ ослабѣютъ отъ недостатка съѣстныхъ припасовъ и еще больше отъ холода, такъ какъ у нихъ не было теплой одежды. И, дѣйствительно, въ войскѣ былъ большой безпорядокъ. Когда же къ польскому лагерю приблизились, окружая его, татары и козаки, войско начало просто разбѣгаться. И опять повторилась старая исторія: еще разъ польское войско спасено было отъ полнаго истребленія татарами, которые принудили козаковъ заключить миръ. По Жванецкому договору, заключенному въ декабрѣ 53 года, Украинѣ возвращалось то положеніе, которымъ она пользовалась по Зборовскимъ статьямъ. Въ награду за свое участіе татары распустили загоны не только по Украинѣ и Волыни, но и дальше на сѣверъ, до такихъ мѣстъ Литовской Руси, которыя больше двухъ вѣковъ не видѣли степныхъ хищниковъ. Только-что Хмельницкій вернулся изъ-подъ Жванца въ Чигиринъ, какъ въ Переяславль прибыли московскіе послы, бояринъ Бутурлинъ съ товарищами, съ изъявленіемъ готовности московскаго государя принять Украину подъ свое покровительство.

Шесть лѣтъ слѣдила Москва съ интересомъ за всѣмъ, что дѣлалось у ея ближайшихъ сосѣдей, уклоняясь отъ поры до времени отъ всякаго вмѣшательства и выжидая моментъ. Моментъ этотъ, по ея соображеніямъ, наступилъ. Еще лѣтомъ, когда поляки готовились къ Жванецкому походу, явились въ Варшаву московскіе послы съ большими зацѣпками насчетъ неправильностей въ царскомъ титулѣ, допускаемыхъ какъ польскимъ правительствомъ, такъ и частными лицами, и неприличныхъ рѣчей о московскомъ государѣ въ польскихъ книгахъ,—обычная тактика московской дипломатіи, когда ей хотѣлось повернуть дѣло на „розмирье"; сюда же присоединялись требованія насчетъ удовлетворенія Украины и правъ православной вѣры. 1-го октября въ Москвѣ состоялся земскій соборъ, на которомъ земля дала согласіе на присоединеніе къ Московскому государству украинскаго народа, вольнаго теперь, по мнѣнію московскаго правительства, отъ присяги Польшѣ. 8-го января 1654 года собрана была въ Переяславлѣ рада, на которой украинскій народъ изъявилъ свое желаніе отдаться подъ покровительство Московскаго государства. Такъ произошелъ великій актъ соединенія двухъ русскихъ народностей со всѣми его громадными послѣдствіями для обѣихъ соединившихся частей.

Взвѣшивалъ ли Хмельницкій важность того шага, который онъ дѣлалъ? По всей вѣроятности, нѣтъ, если судить по его дальнѣйшему поведенію. Онъ руководился потребностями момента. Въ данную минуту онъ совершенно изверился въ договоры съ поляками, въ надежность крымскихъ союзниковъ, разсѣялись прахомъ и его молдавско-валашскіе планы, а съ ними и виды на турецкій протекторатъ. А бороться съ Польшею безъ надежнаго союзника было теперь труднѣе, чѣмъ когда-либо: силы страны были истощены, тотъ народъ, который еще недавно рвался неудержимо на борьбу, теперь, наученный горькимъ опытомъ, предпочиталъ воздѣлывать свои поля, чѣмъ рисковать жизнью; и его приходилось чуть-ли не силой гнать на войну. Хмельницкій кидается къ Москвѣ, совершенно игнорируя то, что союзъ съ ней не можетъ быть того же характера, условнаго и легко расторжимаго, какъ союзъ съ Крымомъ или Портой: не можетъ, во-первыхъ, въ силу исторически сложившихся особенностей Московскаго государства, во-вторыхъ, въ силу того, что между южной, Малой, и сѣверной, Великой Русью всегда существовали связывавшія ихъ органическія нити племенного родства, историческихъ традицій, наконецъ,—и самое важное—общей религіи, слѣдовательно, общей стихіи, на фонѣ которой складывалась культурная жизнь одного и другого общества. Политическій союзъ, въ данныхъ условіяхъ, могъ произвести такую спайку, которую было легче создать, чѣмъ разрушить.

Итакъ, козацкая Украина, въ территоріальномъ составѣ ея, опредѣленномъ Зборовскимъ договоромъ, присоединилась къ Московскому государству. Напрасно представители украинской стороны стремились удержать за актомъ присоединенія видъ договора; непреклонная настойчивость московскихъ дипломатовъ сумѣла навязать ему характеръ милости. Московскій воевода съ сильнымъ гарнизономъ тотчасъ же водворился въ Кіевѣ. Однако, московскій государь подтвердилъ всѣ „права и вольности" украинскаго народа, собственно

говоря, украинскаго козачества, какія только были внесены на его разсмотрѣніе, ограничивъ лишь нѣсколько свободу дипломатическихъ сношеній гетмана съ иностранными государствами; изъ численности войска, опредѣленнаго Хмельницкимъ въ 60000, московское правительство также не дѣлало никакого вопроса; не воспользовалось даже на первый разъ предоставленнымъ-было ему правомъ сбирать доходы съ украинскихъ имѣній, за исключеніемъ козацкихъ и духовныхъ (православнаго духовенства). И, тѣмъ не менѣе, на первыхъ же порахъ оказалось много недовольныхъ соединеніемъ въ верхнемъ слоѣ украинскаго общества; къ числу недовольныхъ принадлежали и лица высшаго православнаго духовенства, руководители просвѣщенія, принявшаго, по инициативѣ Петра Могилы, западно-европейское направленіе—съ митрополитомъ Сильверстомъ Коссовымъ во главѣ: духовенство, прежде всего, опасалось зависимости отъ московскаго патріарха.

Не былъ доволенъ созданнымъ имъ положеніемъ и самъ Хмельницкій. Правда, новый союзъ тотчасъ далъ украинскому дѣлу огромный перевѣсъ надъ Польшей, несмотря на то, что татары перешли на ея сторону. Одна московская армія выступила въ Литву, другая появилась на Украинѣ. Встрѣча двухъ враждебныхъ силъ польско-татарской и московско-козацкой въ январѣ 1655 г. подъ Охматовымъ или „на Дрыжиполѣ", по образному народному выраженію—обѣ арміи сильно страдали отъ холода,— хотя и имѣла исходомъ перевѣсъ поляковъ, но это была лишь случайность, не имѣвшая значенія. Какъ бы то ни было, осенью того же года Хмельницкій снова стоялъ подъ Львовомъ. Польскаго государства фактически почти не существовало, такъ какъ русскіе захватили Литву и Южную Русь по Львовъ и Люблинъ, а шведы — остальную Польшу. Если бы можно было закрѣпить это положеніе, южно-русскій вопросъ былъ бы рѣшенъ окончательно: Хмельницкій видѣлъ ясно, что Польша, пока она будетъ самостоятельно существовать, не оставитъ своихъ притязаній на Украину. Но Московское государство не могло оцѣнивать положеніе съ этой, такъ сказать, южно-русской точки зрѣнія и не считало нужнымъ скрывать этого. Виленскій договоръ, заключенный между Москвой и Польшей въ августѣ 1656 г., ясно освѣтилъ эгоизмъ московской политики и былъ настоящимъ ударомъ для Хмельницкаго. Плѣненный перспективой польскаго престола, коварно развернутой передъ нимъ польской дипломатіей, Алексѣй Михайловичъ не воспользовался преимуществами, добытыми имъ при помощи козачества, и заключилъ миръ, причемъ козацкимъ депутатамъ не дозволено было даже и присутствовать при переговорахъ. Московское правительство не предало Украину Польшѣ, какъ утверждали его польскіе и украинскіе недруги къ великому огорченію и смущенію украинскаго народа, наоборотъ, независимость Украины отъ Польши была оговорена въ трактатѣ. Однако, новое напряженіе и трата силъ опять-таки не дали никакихъ положительныхъ результатовъ: снова Украина очутилась лицомъ къ лицу съ Польшей, которая, по мѣрѣ возстановленія силъ, не преминула бы обратить ихъ на новую борьбу, лицомъ къ лицу съ татарами, которые топерь, въ качествѣ враговъ, терзали ее постоянно.

И старый гетманъ, дѣлая видъ преданности московскому правительству,

придумывалъ новыя политическія комбинаціи, которыя лучше могли бы обезпечить будущность Украины, чѣмъ устроенный имъ союзъ съ Москвой. Вѣрнѣйшее средство ее обезпечить въ его глазахъ, было все-таки если не уничтожить, то возможно больше ослабить Польшу. Такимъ образомъ, Хмельницкій, вопреки своимъ обязательствамъ, входитъ въ переговоры со шведами, врагами Москвы, и съ седмиградскимъ княземъ Ракочи, имѣющимъ свои виды на Польшу, чтобы при помощи ихъ добиться того, чего онъ добился при помощи Москвы. Въ то же время, привыкши въ своемъ неустойчивомъ положеніи всегда оглядываться во всѣ стороны, Хмельницкій не отвергаетъ, по крайней мѣрѣ, наружно, возможности соглашеній и съ поляками, которые, прошедши послѣдніе годы черезъ тяжелыя политическія невзгоды и испытанія, дѣлаются болѣе склонными къ уступкамъ.

Среди тревогъ и волненій, несбывшихся плановъ и новыхъ сомнительныхъ комбинацій, гетманъ заболѣлъ и умеръ въ іюлѣ 1657 г. Руль выскользнулъ изъ властной руки, и дѣло украинскаго народа, которое эта рука умѣло проводила среди всѣхъ враждебныхъ и разрушительныхъ силъ, напиравшихъ на него не только снаружи, но и изнутри, теперь предоставлено было на произволъ стихіи.

II.

Если смотрѣть на девять лѣтъ Хмельнищины исключительно со стороны политическихъ событій, безпрерывныхъ опустошительныхъ войнъ, ужасныхъ очищеній съ ихъ массовыми истребленіями, гдѣ люди гибли съ продуктами ихъ труда и творчества, то легко представить себѣ эту эпоху какъ первые шаги на пути „руины", того почти полнаго уничтоженія, какому подверглась позже козацкая Украина. Но это ошибочно. Несмотря на страшное напряженіе силъ, на тяжелыя жертвы, даже на признаки дезорганизаціи и разложенія въ сферѣ политическихъ отношеній, жизнь массы носила на себѣ отпечатокъ сильнаго развитія. Тяжелымъ усиліемъ украинскій народъ очистилъ свою территорію отъ всѣхъ чуждыхъ элементовъ, которые, прицѣпившись къ ней, затянули его въ узы зависимыхъ отношеній и вернули себѣ ту атмосферу свободы, въ которой онъ выросъ и сложился; опасность и борьба были, въ его глазахъ, необходимымъ дополненіемъ этой свободы. Возбуждаемый этимъ духомъ свободы, полно и сильно бьется жизненный пульсъ народа, быстро и легко залечиваются наносимыя ему раны. Діаконъ Павелъ Алеппскій, сопровождавшій антіохійскаго патріарха Макарія и оставившій въ высшей степени интересное описаніе своего путешествія, лѣтомъ 1654 г. ѣхалъ черезъ Рашковъ и Умань на Кіевъ, слѣдовательно, перерѣзалъ ту территорію, которую наисильнѣе опустошали непріятели, и поляки и татары. А между тѣмъ Павелъ приходитъ въ восторгъ именно отъ кипучей жизненности страны. Правда, то тамъ, то сямъ встрѣчается мѣстечко—„базаръ", по его выраженію,—носящее слѣды недавняго разоренія, но, вообще, базаровъ такъ много и лежатъ они въ такомъ близкомъ разстояніи одинъ отъ другого, не только на большихъ дорогахъ, но и по сторонѣ отъ нихъ, что путешественникъ только восклицаетъ:

„о, какая это благословенная страна“! Если въ этомъ или другомъ мѣстечкѣ попадается разоренная или оскверненная непріятелемъ церковь, то она непремѣнно поправляется, перестраивается или уже перестроена и ждетъ освященія отъ проѣзжаго духовнаго владыки. Самые рѣзкіе слѣды тяжелыхъ пережитыхъ событій, конечно, въ томъ, постоянно отмѣчаемомъ Павломъ, фактѣ, что въ толпахъ народа, которыя всюду выбѣгали навстрѣчу патріарху, замѣчалось несоотвѣтствіе въ смыслѣ малаго процента взрослыхъ мужчинъ. Но зато обиліе дѣтей, красивыхъ бѣлоголовыхъ мальчиковъ, изумляло путешественниковъ. „Умы наши поражались изумленіемъ при видѣ огромнаго множества дѣтей всѣхъ возрастовъ, которыя сыпались какъ песокъ“, пишетъ онъ съ свойственной ему восточной вычурностью; „въ домѣ каждаго человѣка по десяти и болѣе дѣтей, погодки и идутъ лѣсенкой одинъ за другимъ“ и т. д. Павелъ сообщаетъ, что множество народа погибло на войнахъ и отъ моровой язвы, которая свирѣпствовала послѣдніе годы, и все-таки „они многочисленны, какъ муравьи, и безсчетнѣе звѣздъ,—добавляетъ онъ, подумаешь, что женщины у нихъ родятъ три, четыре раза въ годъ и всякій разъ по три, по четыре младенца“... На ряду съ этимъ, Павелъ всюду отмѣчаетъ матеріальное благосостояніе, идущее рука-объ-руку съ крайней простотой жизненныхъ потребностей и обстановки: множество домашней птицы и животныхъ, особенно свиней, огромные и разнообразные посѣвы, сады и огороды, рыбные пруды и мельницы съ толчеями приводили описателя въ удивленіе и въ восторгъ. Но ничто такъ не характеризуетъ данную эпоху, какъ тѣ несомнѣнные и яркіе симптомы духовной культурности украинской массы, на которыхъ съ такой любовью останавливается вниманіе восточныхъ путешественниковъ. Многочисленные храмы, большею частью только-что отстроенные, со времени освобожденія отличаются красотой своей постройки и живописью своихъ иконъ: „козацкіе живописцы заимствовали красоты живописи лицъ и цвѣта одеждъ отъ франкскихъ и ляшскихъ живописцевъ-художниковъ и теперь пишутъ православные образа, будучи обученными и искусными; они обладаютъ большою ловкостью въ изображеніи человѣческихъ лицъ съ совершеннымъ сходствомъ“, свидѣтельствуетъ Павелъ. Прекрасное, стройное церковное пѣніе вызываетъ повсюду у Павла восторженныя похвалы. Помимо церковнаго благолѣпія, свидѣтельствующаго „о набожности, богобоязненности, благочестіи, приводящихъ умъ въ изумленіе“, Павелъ указываетъ на шпитали или страннопріимные дома, которые „во всей странѣ козаковъ, въ каждой улицѣ и въ каждой деревнѣ, выстроены для ихъ бѣдняковъ и сиротъ, при концѣ мостовъ или внутри города, служащіе имъ убѣжищемъ, на нихъ снаружи множество образовъ; кто къ нимъ заходитъ, даетъ имъ милостыню“. Кромѣ того, онъ отмѣчаетъ еще такую форму общественной благотворительности: „У козаковъ есть безчисленное множество вдовъ и сиротъ, ибо со времени появленія гетмана Хмеля и до настоящей поры не прекращались страшныя войны. Въ теченіе всего года, по вечерамъ, начиная съ заката солнца, эти сироты ходятъ по всѣмъ домамъ просить милостыню, поя хоромъ гимны Пресвятой Дѣвѣ, пріятнымъ, восхищающимъ душу напѣвомъ; ихъ громкое пѣніе слышно на большомъ разстоя-

ніи. Окончивъ пѣніе, они получаютъ изъ того дома милостыню деньгами, хлѣбомъ, кушаньемъ или инымъ подобнымъ, годнымъ для поддержанія ихъ существованія". Но, конечно, самое цѣнное изъ всѣхъ указаній, какія далъ намъ любознательный діаконъ, есть то, что онъ оставилъ на счетъ развитія грамотности въ украинскомъ народѣ временъ Хмельницкаго. „По всей землѣ козаковъ мы замѣтили возбудившее наше удивленіе прекрасную черту, — говоритъ Павелъ:—всѣ они, за исключеніемъ немногихъ, даже большинство ихъ женъ и дѣтей, умѣютъ читать и знаютъ порядокъ церковныхъ службъ и церковные напѣвы; кромѣ того, священники обучаютъ сиротъ и не оставляютъ ихъ шататься по улицамъ невѣждами; послѣ освобожденія люди предались съ бо́льшею страстью ученію, чтенію и церковному пѣнію..." *). Всѣ эти факты, отмѣченные очевидцемъ, и притомъ человѣкомъ совершенно постороннимъ, такъ краснорѣчивы, что пояснять ихъ излишне. Очевидно, мы имѣемъ дѣло съ народомъ, способнымъ къ здоровому, сильному развитію. Но народъ этотъ лишился руководителя, который велъ бы его дѣло силой личной талантливости; а историческія обстоятельства оставили его безъ той общественной группы, въ которой вырабатывался бы и традиціонно хранился опытъ веденія государственнаго дѣла. Дѣло украинскаго народа оказалось брошеннымъ на произволъ стихіи, игрушкою то слѣпыхъ и безсознательныхъ, то сознательно-враждебныхъ силъ.

Сознательно-враждебными силами были, конечно, тѣ сосѣдніе государственные организмы, которые стремились къ Украинѣ, какъ къ привлекательной добычѣ. На первомъ планѣ Польша и Москва, затѣмъ Крымъ и, позже, Турція. Крымскіе татары то-и-дѣло оказывались кому-нибудь нужными на Украинѣ какъ союзники, и, освоившись здѣсь еще при Хмельницкомъ, дальше уже гостили почти безвыходно, сбирая дань людьми. Но татары были только бѣдствіемъ; не простымъ бѣдствіемъ, а источникомъ безысходной, терзающей край, смуты было для Украины соперничество Московскаго и Польскаго государствъ. Не стремясь къ этому и даже не желая, это соперничество стихійной силой условій разрывало украинскую территорію на двѣ части, раздѣленныя Днѣпромъ: лѣвобережье, ближе зная Москву и имѣя больше основаній, съ одной стороны, бояться ея силы, съ другой, надѣяться на ея помощь, рѣшительно тянуло къ московскому протекторату; правобережье,

---

*) Не безынтересно то сравнительное впечатлѣніе, какое вынесъ Павелъ изъ своего пребыванія въ землѣ козацкой и затѣмъ въ Московіи, гдѣ онъ пробылъ два года. Вотъ какъ выражаетъ онъ это впечатлѣніе: „съ той минуты, какъ мы увидѣли Печерскій монастырь, блестѣвшій въ отдаленіи своими куполами, и какъ только коснулось насъ благоуханіе этихъ цвѣтущихъ земель, сердца наши раскрылись, и мы излились въ благодареніяхъ Господу Богу. Въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ въ Московіи замокъ висѣлъ на нашихъ сердцахъ, а умъ былъ до крайности стѣсненъ и подавленъ, ибо въ той странѣ никто не можетъ чувствовать себя сколько-нибудь свободнымъ, кромѣ развѣ коренныхъ жителей. Напротивъ, страна козаковъ была для насъ какъ бы наша собственная страна, и ея обитатели были намъ добрыми пріятелями и людьми въ родѣ насъ самихъ".

по тѣмъ же основаніямъ,—къ польскому. Мало того: соперничество это, разрывая Украину територіально, усиливало и внутреннюю ея смуту.

Съ тѣхъ поръ какъ Польша съ ея панами была устранена, посполитый уже не противопоставлялся такъ рѣзко козаку, какъ раньше. Будучи свободенъ отъ панскаго суда и произвола, земледѣлецъ могъ даже предпочесть отдать десятую копу кому-либо, заступающему роль землевладѣльца, чѣмъ нести тяготы козацкой службы; къ тому же ему былъ доступенъ переходъ въ козаки. Но еще при Богданѣ Хмельницкомъ обнаружилась — и чѣмъ дальше, тѣмъ больше росла — рознь въ самой козацкой средѣ, между козацкой старшиной, значными, и простой козацкой чернью. Значные, вмѣстѣ съ тѣмъ, и болѣе культурные люди своего общества, стремились къ тому, чтобы водворить польско-шляхетскій типъ общественныхъ отношеній, единственный, который представлялся имъ возможнымъ; чернь относилась къ этимъ стремленіямъ съ глубокой враждебностью. Естественно, что все, болѣе вліятельное по положенію, богатое, образованное, видѣло въ союзѣ съ Польшей осуществленіе возможности закрѣпить за собою свою привилегированность; наоборотъ, чернь искала въ самодержавной, демократической Москвѣ гарантій для общественнаго равенства, въ которомъ была заинтересована. Такимъ образомъ, соперничество двухъ сосѣднихъ державъ усиливало внутреннюю рознь Украины.

Было и еще одно условіе, увеличивавшее анархію. Это была та роль, какую начало теперь играть Запорожье въ украинскихъ дѣлахъ.

Въ періодъ, предшествующій Хмельнищинѣ, не обнаруживается никакой розни или противопоставленія между Украиной и Запорожьемъ—наоборотъ, Запорожье служитъ необходимымъ дополненіемъ Украины, которое поддерживаетъ и питаетъ ея свободныя козацкія стремленія тѣмъ, что даетъ гостепріимный пріютъ всѣмъ недовольнымъ и поддерживаетъ всякое открытое проявленіе недовольства. Такимъ образомъ, въ эпоху волненій Запорожье становилось во главѣ Украины, организовало и заправляло движеніемъ. Въ мирное время оно находилось съ Украиной въ постоянныхъ сношеніяхъ; Польское государство никакъ не могло добиться того, чтобы прекратить экономическій обмѣнъ и вообще связь между этими территоріями, поддерживаемую насущными требованіями обѣихъ сторонъ, не только матеріальными, но и нравственными. Хмельнищина, уничтоживъ старый режимъ, измѣнила и отношенія между Украиной и Запорожьемъ. Украина начинала новую жизнь, какъ политически самостоятельное гражданское общество; Запорожье продолжало свое существованіе въ качествѣ военной общины, исключившей семью. При наличности тѣсныхъ узъ, связывавшихъ эти два соціальныхъ организма, обнаружилась между ними рознь тотчасъ же, какъ добытая свобода открыла возможность самоопредѣленія. Запорожье не могло цѣнить мирныхъ культурныхъ интересовъ; самымъ своимъ строемъ оно побуждалось постоянно къ дѣятельности, къ вмѣшательству; борьба была для него необходимостью, какъ естественная стихія его существованія. Такимъ образомъ, Запорожье въ жизни тѣсно связанной съ нимъ Украины постоянно сообщало закваску новому и новому броженію. Въ той борьбѣ внѣшнихъ и внутреннихъ силъ, о которой

сказано выше, Запорожье, обыкновенно, становилось на сторону Московскаго государства и козацкой черни противъ Польши и значнаго козачества. Но въ этомъ отношеніи Запорожье могло при случаѣ и измѣнить позицію; одно, чему оно не измѣняло никогда, это—борьба, постоянная готовность принять воинствующее положеніе. Нетрудно представить себѣ, какимъ ухудшающимъ элементомъ въ жизни Украины являлось Запорожье теперь, когда и безъ того жизнь эта была предоставлена на произволъ стихійныхъ силъ.

Все, что происходитъ послѣ смерти Хмельницкаго на политической сценѣ Украинской земли, имѣетъ видъ какой-то безпорядочной и безсмысленной игры случайностей. Не успѣетъ появиться какой-нибудь фактъ и выяснить свое содержаніе, какъ исчезаетъ подъ напоромъ иныхъ фактовъ, также, въ свою очередь, быстро исчезающихъ. Смѣняющіе другъ друга гетманы, возникающія и исчезающія партіи, перекрещивающіяся вліянія, походы, битвы и миры, политическіе договоры и компромиссы—мелькаютъ передъ нами какъ въ калейдоскопѣ. Все, въ концѣ концовъ, рушится, унося съ собою политическую цѣльность и самобытность Украины.

Богданъ Хмельницкій передъ смертью употребилъ свое вліяніе на то, чтобы обезпечить гетманство за своимъ сыномъ Юріемъ, болѣзненнымъ и малоспособнымъ, къ тому же еще и несовершеннолѣтнимъ: козацкая рада признала его наслѣдникомъ. Но власть успѣлъ перехватить, подъ видомъ опекуна, на виду у многочисленныхъ соискателей, войсковой писарь Выговскій, человѣкъ, наиболѣе близкій старому Хмельницкому и по своей опытности въ дѣлахъ управленія, можетъ-быть, наиболѣе заслуживавшій власти. Однако, Выговскій, хотя по происхожденію и православный южнорусъ, все-таки былъ природный шляхтичъ, черезъ женитьбу связанный родствомъ съ нѣкоторыми значительными домами Рѣчи Посполитой. Все влекло его къ Польшѣ и отталкивало отъ Москвы, которая успѣла уже возбудить на Украинѣ много враждебныхъ чувствъ вмѣшательствомъ во внутреннія дѣла, притѣсненіями со стороны ратныхъ людей, высокомѣріемъ воеводъ. Избраніе Выговскаго вызвало бунтъ на лѣвомъ берегу, въ Полтавщинѣ: Полтавскій полковникъ Пушкарь, любимецъ черни, не хотѣлъ признавать за Выговскимъ гетманскаго достоинства. Пушкаря поддерживало и Запорожье. Выговскій былъ въ правѣ ожидать дѣятельнаго содѣйствія московскаго правительства для подавленія бунта; но оно—имѣя черезъ своихъ воеводъ и агентовъ ближайшее понятіе о томъ, что дѣлалось на Украинѣ—видѣло, что бунтовавшій Пушкарь, съ своими дейнеками (голотой) и запорожцами, искреннѣе тяготѣетъ къ Москвѣ, чѣмъ гетманъ Выговскій, и подъ благовидными предлогами уклонялось отъ дѣятельнаго вмѣшательства. А, между тѣмъ, бунтъ все распространялся, и дейнеки усердно грабили значныхъ. Выговскій зоветъ татаръ, всегда готовыхъ на скорую помощь, и вмѣстѣ съ ними, а также наемными нѣмцами, подавляетъ волненіе. Но обращеніе Выговскаго къ татарамъ, теперь уже постояннымъ союзникамъ Польши, было, съ его стороны, какъ бы вызовомъ московскому правительству. Если Выговскому и раньше трудно было завладѣть довѣріемъ Москвы, то теперь это сдѣлалось уже невозможнымъ. Обстоятельства толкали его туда же, куда

влекли симпатіи. Онъ рѣшился на тотъ шагъ, къ которому его давно, настойчиво и умѣло, склоняли польскіе агенты, между ними на первомъ планѣ извѣстный Юрій Немиричъ, изъ панскаго украинскаго рода Немиричей, убѣжденный послѣдователь социніанской секты, человѣкъ выдающагося ума и образованія. Въ сентябрѣ 1658 года, козацкая рада, руководимая Выговскимъ, приняла такъ называемыя „гадяцкія статьи", которыми утверждался на новыхъ основаніяхъ союзъ Украины съ Польшей. Эти новыя основанія были основаніями федеративнаго союза. Украина, въ составѣ воеводствъ Кіевскаго, Черниговскаго и Брацлавскаго, присоединялась къ Польшѣ подъ именемъ княжества Русскаго, согласно формулѣ „ какъ вольные къ вольнымъ и равные къ равнымъ". Русскому княжеству предоставлялся свой сеймъ и трибуналъ, слѣдовательно, своя законодательная и судебная власть, самостоятельная администрація по образцу польской, полная свобода православной религіи, обезпеченіе правъ гетмана и козацкаго сословія, право учреждать школы и типографіи, открыть два университета и т. д. Немало шума вызвали „гадяцкія статьи"; Юрій Немиричъ сказалъ на сеймѣ по этому поводу блестящую рѣчь; Польша торжественно приняла заблудшую дочь въ свои объятія. Все это было очень красиво—и совершенно безплодно; Украина продолжала неудержимо катиться по своей роковой наклонной плоскости. Какъ только разнеслась вѣсть о новомъ союзѣ съ Польшей, сейчасъ же поднялось лѣвобережье, гдѣ пользовались вліяніемъ шурья Богдана Хмельницкаго: Сомко и Золотаренко, поднялось Запорожье съ своимъ кошевымъ, знаменитымъ Сиркомъ. Не встрѣтилъ Выговскій сочувствія и поддержки даже на правомъ берегу, такъ что долженъ былъ бѣжать, спасая жизнь. Козацкая рада подъ Терехтемировомъ, на Жердевскомъ полѣ, осенью 1659 года высказалась за московскій протекторатъ и объявила гетманомъ Юрія Хмельницкаго.

Между тѣмъ, московское правительство, съ свойственной ему настойчивостью, не пропускало никакого случая, чтобы расширить и усилить свое вліяніе на дѣла протежируемой имъ страны. Измѣна Выговскаго дала ему опять такой случай. Въ новыхъ статьяхъ, навязанныхъ козачеству, стѣснилась политическая власть гетмана; воеводы съ ратными людьми водворялись, кромѣ Кіева, въ Переяславлѣ, Нѣжинѣ, Черниговѣ, Брацлавлѣ, Умани; выборъ гетмана долженъ былъ утверждаться царской властью. Для козачества эти новыя ограниченія были тѣмъ тяжелѣе, что были неожиданными: въ виду такихъ уступокъ со стороны Польскаго государства, какъ Гадяцкій договоръ, они разсчитывали на соотвѣтствующія уступки и со стороны государства Московскаго. Неудовольствію противъ Москвы дана была новая пища. Немудрено поэтому, что, когда въ слѣдующемъ 1660 году загорѣлась война изъ-за Украины между Москвой и Польшей, козацкое войско, съ Юріемъ Хмельницкимъ во главѣ, въ критическій моментъ перешло на сторону поляковъ, и войско московское подъ Чудновымъ потерпѣло настоящую катастрофу, такъ что даже предводитель его Шереметьевъ пошелъ въ плѣнъ татарамъ. Чудновскимъ договоромъ между козачествомъ и Польшей возстановляется, хотя и не вполнѣ, сила договора Гадяцкаго. Но все это опять не привело ни къ

чему. Если на правомъ берегу, подъ давленіемъ Польши, признавался до нѣкоторой степени и этотъ договоръ и гетманъ Хмельницкій, то лѣвобережье и Запорожье не хотѣли одинаково знать ни гетмана, ни Польши. Здѣсь идетъ своя собственная борьба партій, изъ которыхъ каждая всѣми силами старается привлечь на свою сторону въ высшей степени осторожную и недовѣрчивую благосклонность Москвы. Пока дѣйствуютъ еще родственники и свойственники Богдана Хмельницкаго; но начинаетъ выдвигаться одна личность, уже ничего не черпающая изъ ореола, какимъ отмѣчена въ душахъ украинцевъ память объ ихъ первомъ руководителѣ: это ничтожная креатура Запорожья—Иванъ Брюховецкій. Между тѣмъ, то польское войско съ правобережными козаками появляется, съ цѣлью насильственнаго подчиненія, на лѣвомъ берегу, то московское, съ лѣвобережными,—на правомъ; татары грабятъ и тутъ и тамъ; ошеломленный этой безурядицей, украинскій народъ ждетъ свѣтопреставленія. Слабый Хмельницкій, совсѣмъ неспособный руководить событіями, на своемъ отвѣтственномъ посту, окончательно теряетъ голову подъ гнетомъ общаго негодованія и постригается, отказавшись отъ власти, въ монахи въ началѣ 1663 года. Брошенную, такимъ образомъ, гетманскую булаву купилъ у польскаго правительства зять стараго Хмельницкаго—Тетеря, человѣкъ не превышавшій своего предшественника ни умственными, ни нравственными достоинствами, но несомнѣнно болѣе ловкій и изворотливый. Но лѣвобережье также не хотѣло знать его, тѣмъ болѣе, что Тетеря всегда заявлялъ себя преданнымъ сторонникомъ Польши. Здѣсь, на лѣвомъ берегу, положеніе временнаго или наказного гетмана занималъ Сомко, человѣкъ, повидимому, не совсѣмъ заурядный; но противъ него направлены были интриги и доносы со стороны другихъ соискателей власти, и московское правительство не довѣряло его преданности. Зато все болѣе и болѣе выигрывалъ въ этомъ довѣріи Брюховецкій, который пользовался симпатіями Запорожья и лѣвобережной черни. Онъ былъ достаточно уменъ, чтобы понять, какимъ путемъ можно было добиться власти, и достаточно лишенъ нравственнаго чувства, чтобы свободно перейти изъ роли представителя и защитника интересовъ своей родины въ роль предателя. Московское правительство пріобрѣтало въ немъ если не надежное, то въ высшей степени полезное орудіе своимъ видамъ. Оно рѣшило помочь Брюховецкому захватить булаву. Единственное легальное средство, какимъ можно было осуществить избраніе Брюховецкаго въ гетманы, являлось созваніе „черной рады“, т.-е. такого избирательнаго собранія, гдѣ были бы не только представители козачества, а весь народъ. Чернь, симпатизирующая Брюховецкому, какъ предполагаемому врагу значнаго козачества, должна была дать ему перевѣсъ своей численностью; съ другой стороны, суматоха и безпорядокъ, необходимо господствующіе въ такомъ огромномъ и не организованномъ сборищѣ, при содѣйствіи московскихъ ратныхъ людей, могли легко прикрыть пробѣлы въ формальной сторонѣ избирательнаго процесса.

Черная рада, собравшаяся въ Нѣжинѣ въ іюнѣ 1663 г., дѣйствительно, избрала въ гетманы Брюховецкаго; вмѣстѣ съ тѣмъ, чернь грабила три дня значныхъ козаковъ, явившихся на раду съ приличной торжественности случая обстанов-

кой. Первымъ дѣломъ Брюховецкаго было обвинить въ измѣнѣ своихъ противниковъ, во главѣ ихъ бывшаго наказного гетмана Сомка и нѣжинскаго полковника Золотаренка, и казнить ихъ.

Итакъ, раздѣленіе Украины на двѣ половины какъ бы закрѣпилось: на правой сторонѣ сидѣлъ Тетеря, преданный сторонникъ Польши; на лѣвой — Брюховецкій, не менѣе преданный сторонникъ Москвы. Но оба государства еще не могли примириться съ этимъ statu quo, въ особенности Польское. Собравшись съ силами, потрясенными предыдущими тяжелыми войнами и внутренней анархіей, оно предприняло снова чуть-что не крестовый походъ для завоеванія лѣвобережной Украины: двинулся самъ король Янъ-Казиміръ лично и съ нимъ, во главѣ двухъ другихъ войскъ, жестокій Чарнецкій и Янъ Собѣсскій, будущій герой польской исторіи, оба военачальники, выдающіеся по опытности и способностямъ; татары явились на помощь, сама Сѣчь начала колебаться въ пользу Польши. Зимой 1663 — 64 годовъ польскія войска прошли по лѣвобережью: Янъ-Казиміръ направился-было черезъ Сѣверщину на соединеніе съ литовскимъ войскомъ, имѣя цѣлью, вслѣдъ за покореніемъ лѣвобережной Украины, двинуться на самую Москву. Но все это громкое предпріятіе свелось ни къ чему: много было взято украинскихъ городовъ и мѣстечекъ, но удержать ихъ за собой, въ виду полной враждебности населенія и отпора со стороны московско-козацкаго войска, было слишкомъ трудно. Къ тому же татары ушли домой, такъ какъ Сирко съ запорожцами напалъ на Крымъ, а на правомъ берегу снова начались волненія, при дѣятельномъ содѣйствіи того же неутомимаго Сирка, и польскія войска вынуждены были, не добившись ничего, возвратиться назадъ. Вслѣдъ за ними переправился на правую сторону и Брюховецкій съ козаками и небольшимъ отрядомъ московскихъ ратныхъ людей. Еще разъ несчастный край дѣлается ареной войны, еще разъ проходитъ по нему жестокій Чарнецкій: и все остается безъ прочнаго политическаго результата, все лишь шагъ дальше по пути „руины"—безсмысленнаго стихійнаго истребленія жизни, такъ много обѣщавшей, такъ богатой культурными задатками. Домашнія неурядицы отвлекаютъ отъ Украины польскія войска, которыя оставляютъ за собою лишь нѣсколько гарнизоновъ въ городахъ. Брюховецкій, заинтересованный своими лѣвобережными дѣлами, уѣзжаетъ въ Москву, занявъ своими силами тоже нѣкоторые пункты, кидаетъ гетманство безсильный и ничтожный Тетеря, фактической силой въ правобережной Украинѣ остаются татары. Съ ихъ-то поддержкой и выдвигается новое лицо, которому удается на нѣкоторое время овладѣть положеніемъ: это чигиринскій полковникъ Петръ Дорошенко, съ осени 1665 г. выступающій какъ правобережный гетманъ.

Дорошенко одинъ изъ тѣхъ немногихъ дѣятелей этой тяжелой эпохи, которые были выдвинуты наверхъ не случайной игрой стихійныхъ силъ, а естественнымъ тяготѣніемъ своихъ личныхъ достоинствъ. Умъ, способный захватывать широкіе горизонты, природное краснорѣчіе, помогавшее ему увлекать за собой толпу, сильное честолюбіе — все это дѣлало изъ него политическаго человѣка, вожака массы. Но положеніе Украины было таково, что и онъ не могъ вывести ее на спокойный, правильный путь.

Гетманъ Петръ Дорошенко. † 1676 г.

Между тѣмъ, личность и политика Брюховецкаго, все выясняясь, возбуждала все бо́льшее и бо́льшее негодованіе лѣвобережной Украины. Строя всѣ свои своекоростные разсчеты на милостяхъ московскаго правительства, онъ рѣшился „ударить государю челомъ всѣми городами, землями и всѣми хлѣбными и со всякими доходами“. Такимъ образомъ, Малороссія, т.-е. лѣвобережная Украина, отдавалась непосредственно въ подданство московскому государю, причемъ лишь козацкому сословію выговаривались разныя льготы. Москва выразила свою благосклонность Брюховецкому тѣмъ, что дала ему боярское достоинство, а старшинѣ, принимавшей участіе въ челобитной,—дворянское; всѣмъ пожалованы были маетности (недвижимыя имѣнія). Все это продѣлалъ Брюховецкій во время своего пребыванія въ Москвѣ осенью 1665 г. Нетрудно представить себѣ, какое впечатлѣніе произвели на Украинѣ всѣ эти новыя и совершенно чуждыя достоинства и отличія, какія привезли съ собой изъ Москвы гетманъ и старшина, а, главное, тѣ результаты, какіе вытекли изъ новыхъ „статей“, заключенныхъ гетманомъ съ московскимъ правительствомъ, хотя статьи эти не были разсмотрѣны и утверждены козацкой радой. Московскіе воеводы начали водворяться одинъ за другимъ въ городахъ лѣвобережной Украины; явились стольники съ цѣлью произвести перепись жителей и ихъ доходовъ. Перепись — какъ она ни безобидна сама по себѣ — всегда имѣла свойство возбуждать подозрительность и неудовольствіе массы; въ данныхъ условіяхъ — тѣмъ болѣе. Отвѣтственнымъ лицомъ за все являлся гетманъ. А, между тѣмъ, пришли къ концу долго тянувшіеся переговоры между Московскимъ и Польскимъ государствами и привели съ собой Андрусовское перемиріе *). По этому договору лѣвобережная Украина оставалась, какъ была, подъ властью Московскаго государства, правобережная—Польскаго, за исключеніемъ Кіева, который удерживался Москвою въ своей власти на два года, а Запорожье подъ общимъ покровительствомъ обоихъ. Такимъ образомъ, случайный фактъ существованія двухъ гетманствъ какъ бы закрѣплялся, получалъ устойчивость, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, разсѣивалась надежда на самостоятельное существованіе Украины: двумъ половинамъ трудно было и мечтать о томъ, чего не добилось цѣлое. Это понимали болѣе сознательные украинскіе умы и чувствовали менѣе сознательные. Къ наиболѣе сознательнымъ изъ этихъ умовъ, несомнѣнно, принадлежалъ правобережный гетманъ Дорошенко. Находясь постоянно въ союзѣ съ татарами, онъ, тѣмъ не менѣе, всѣми силами старался о томъ, чтобы объединить Украину подъ покровительствомъ Москвы. Андрусовское перемиріе убѣдило его въ томъ, какъ мало основательны были его надежды на Московское государство. Но это не заставило его отказаться отъ стремленій къ объединенію; только всѣ свои разсчеты на осуществленіе этого объединенія онъ строилъ теперь на турецко-татарской помощи. Дорошенко вступаетъ въ сношенія съ Брюховецкимъ, стараясь втянуть его въ свои планы, обѣщаетъ ему гетманство надъ объединенной Украиной. Вѣрилъ или не вѣрилъ Брюховецкій этимъ планамъ и обѣщаніямъ, но ему, въ виду общаго неудоволь-

*) Начало 1667 г.

ствія и симпатій къ Дорошенку, было опасно оставаться въ старомъ положеніи, тѣмъ болѣе, что онъ даже и не извлекалъ изъ него выгодъ: доходы, которыми онъ раньше распоряжался, шли теперь въ царскую казну, съ воеводами были безконечныя недоразумѣнія и неудовольствія. Какъ человѣкъ безъ чести и совѣсти, онъ также свободно повернулся спиной къ Москвѣ, которой обязанъ былъ всѣмъ, включая даже и семью—жену свою, московскую боярышню, онъ получилъ, по просьбѣ, изъ рукъ царя. Онъ воспользовался своею властью, чтобы обратить въ открытый бунтъ таившееся до тѣхъ поръ народное неудовольствіе противъ Москвы. Въ началѣ 1668 года украинцы на лѣвобережьѣ поднялись на великороссовъ, отказались платить подати, повыгоняли воеводъ и московскихъ ратныхъ людей; кое-гдѣ были и кровавыя расправы, впрочемъ, незначительныя. Брюховецкій отдался подъ покровительство султана. Но и эта, столь неожиданная и крутая, перемѣна фронта не спасла гетмана. На лѣвомъ берегу появился Дорошенко, призванный козачествомъ, и Брюховецкій лишился не только гетманства, но и жизни, избитый до смерти своими же козаками. На одинъ моментъ Дорошенко достигъ цѣли своихъ стремленій, объединилъ Украину подъ своею властью, но только на моментъ. Сейчасъ же все опять поползло врозь. Сѣверное лѣвобережье, прилегавшее непосредственно къ Московскому государству, не могло серьезно думать о турецкомъ протекторатѣ и съ своимъ наказнымъ „сѣверскимъ“ гетманомъ, поставленнымъ здѣсь Дорошенкомъ, Демьяномъ Многогрѣшнымъ, просило у московскаго государя прощенія. Запорожье, выдвинувшее Брюховецкаго и пристрастное къ нему, несмотря ни на что, наперекоръ Дорошенку поддерживало нѣкоего Суховѣенка, къ которому примкнули и южные полки—миргородскій, полтавскій и лубенскій: здѣсь все опиралось на помощь Крыма; и Суховѣенко выступалъ какъ ставленникъ хана. Наконецъ, и на самомъ правобережьѣ не было единодушія: выдвинулся новый гетманъ—уманскій—полковникъ Ханенко, котораго поддерживала Польша. Итакъ, черезъ годъ послѣ убійства Брюховецкаго и мелькнувшей-было надежды на объединеніе Украины подъ сильной рукой Дорошенка, лѣтомъ 1669 года было нѣсколько гетмановъ, изъ которыхъ каждый опирался на часть территоріи и на иноземную политическую силу, не считая „закутныхъ гетманишекъ“, которые выскакивали то-и-дѣло въ общемъ хаосѣ, изъ какого не могла выбраться Украина.

Дорошенко окончательно приходитъ къ убѣжденію въ томъ, что турецко-татарскій союзъ, на который онъ до сихъ поръ смотрѣлъ лишь какъ на средство къ объединенію Украины, долженъ быть цѣлью его усилій, что Украина можетъ достигнуть относительной цѣльности и самостоятельности, лишь поставленная въ такой же протекторатъ Турціи, какимъ пользовались Молдавія и Валахія. Свою незаурядную энергію онъ направляетъ на то, чтобы привлечь Турцію къ дѣятельному вмѣшательству; усилія его увѣнчались самымъ неожиданнымъ и блестящимъ успѣхомъ, однако, не на радость ни Украинѣ, ни самому Дорошенку.

Между тѣмъ сѣверскій гетманъ Демьянъ Многогрѣшный былъ признанъ московскимъ правительствомъ гетманомъ лѣвобережной Украины и понемногу

расширилъ и утвердилъ свою власть надъ всею территоріею, включая даже и непокорную Полтавщину, которую поддерживали запорожцы, выходившіе сюда на зимовку. Многогрѣшный былъ, повидимому, недурной человѣкъ: прямой, некорыстолюбивый, преданный интересамъ родины. Но заурядному хорошему человѣку трудно было изворачиваться, чтобы руководить положеніемъ края, терзаемаго извнутри противорѣчивыми стремленіями, и находящагося подъ постояннымъ давленіемъ могущественной внѣшней силы, интересы которой шли въ разрѣзъ съ интересами страны, какъ они сознавались его представителями, а, слѣдовательно, и самимъ гетманомъ. Московское правительство не отступало отъ намѣченной имъ политики: ни возстаніе противъ воеводъ, поднятое Брюховецкимъ, ни угроза турецкимъ протекторатомъ не вынудили его отказаться въ чемъ-нибудь отъ пріобрѣтенныхъ правъ. Украинцамъ представлялось необходимымъ перерѣшить вопросъ о московскихъ воеводахъ и ратныхъ людяхъ въ украинскихъ городахъ; но Москва даже не позволяла заводить о немъ и рѣчи.

На правобережьѣ шла неустанная борьба между гетманами, при постоянномъ вмѣшательствѣ поляковъ и татаръ. Лѣвобережье, подъ охраной Москвы, было относительно спокойно. Но это внѣшнее спокойствіе не обезпечивало спокойствія внутренняго. Общество находилось въ полнѣйшемъ разбродѣ даже независимо отъ той борьбы соціальныхъ элементовъ, на которую было указано выше. Взгляды и симпатіи значительнаго большинства украинскаго общества влекли его къ автономіи, въ которой оно было воспитано; интересы отдѣльныхъ лицъ тянули ихъ къ могущественной Москвѣ. Въ болѣе вліятельномъ, правящемъ, классѣ общества создавалась разлагающая атмосфера, гдѣ интрига, доносъ, подлаживаніе подъ виды московскаго правительства являлись могучими орудіями въ рукахъ безсовѣстнаго эгоизма, хищничества, властолюбія.

Наступилъ 1672 г. и принесъ съ собою и на лѣвомъ и на правомъ берегу крупныя перемѣны.

Прежде всего, на лѣвобережьѣ созрѣла интрига старшины противъ Многогрѣшнаго, который возбуждалъ неудовольствіе окружающихъ своей вспыльчивостью и раздражительностью. Нѣсколько вліятельныхъ лицъ изъ этой старшины, преслѣдуя свои личныя цѣли, воспользовались тѣмъ, что гетманъ въ своей несдержанности раздражалъ и представителей московскаго правительства, составили заговоръ, схватили Многогрѣшнаго и отвезли въ Москву. Здѣсь они обвинили его въ сношеніяхъ съ Дорошенкомъ и намѣреніи отдаться подъ турецкій протекторатъ. Обвиненія были мало доказательны; судебный процессъ, несмотря на примѣненіе пытки, также не выяснилъ ничего, что подкрѣпляло бы обвиненія,—и, тѣмъ не менѣе, Многогрѣшный былъ осужденъ на смертную казнь, замѣненную пожизненной ссылкой въ Сибирь. Передачей своего выборнаго гетмана на судъ московскаго правительства козацкая старшина сдѣлала важный шагъ въ сторону ограниченія своихъ автономныхъ правъ. За этимъ послѣдовалъ другой, не менѣе важный. Старшина боялась предоставить выборъ новаго гетмана обыкновенной радѣ, еслибъ даже она и не была „черной", а обыкновенной козацкой радой: несмотря на всѣ предосторожности и предвари-

тельную подготовку, все-таки могло случиться, что рада выдвинула бы на гетманство, напримѣръ, Сирка, знаменитаго запорожскаго кошевого, который своей постоянной героической борьбой съ татарами и простонароднымъ обликомъ возбуждалъ общія горячія симпатіи массы. Такой выборъ былъ бы одинаково непріятенъ какъ козацкой старшинѣ, такъ и московскому правительству. Сирко, проѣздомъ черезъ лѣвобережье, былъ захваченъ и скованный отвезенъ въ Батуринъ, тогдашнюю столицу лѣвобережной Украины, а старшинъ постановила просить, чтобы государь разрѣшилъ совершить выборъ гетмана не собраніемъ всѣхъ козаковъ, а только значныхъ. Просьба была уважена. Мало того: такъ какъ народъ все-таки могъ воспользоваться тѣмъ, что онъ считалъ своимъ законнымъ правомъ, и собраться на раду,—выборъ гетмана былъ не на украинской территоріи, а внѣ ея, между Конотопомъ и Путивлемъ. Выборы совершились „тихими гласы", такъ какъ были простой формальностью: гетманомъ заранѣе былъ намѣченъ генеральный судья Иванъ Самойловичъ, „поповичъ", какъ его прозывали обыкновенно, такъ онъ былъ сыномъ священника. Выборъ былъ удаченъ; цѣлыхъ полтора десятка лѣтъ держалъ Самойловичъ гетманскую булаву—большой срокъ для этого смутнаго времени.

Но всѣ эти событія блѣднѣли передъ тѣмъ, что совершалось на правобережьѣ. Замыслы Дорошенка получали неожиданное и блестящее осуществленіе: уже съ конца предшествующаго года султанъ Магомедъ IV дѣлалъ грандіозныя приготовленія къ завоеванію „Лехистана"; но только лѣтомъ 1672 года огромная и пестрая 300-тысячная армія тронулась въ путь подъ личнымъ предводительствомъ падишаха и лишь въ августѣ вступила въ границы Подолья. Польша была болѣе чѣмъ не готова встрѣтить опасность—она просто не хотѣла ничего знать, не слышать о ней: ничтожный король Михаилъ-Корибутъ Вишневецкій совсѣмъ не могъ справляться съ шляхтой, а та предпочитала думать, что грозящая со стороны Турціи опасность есть выдумка короннаго гетмана, нуждающагося въ войнѣ для своихъ цѣлей: гетманомъ былъ въ то время знаменитый впослѣдствіи Янъ Собѣсскій. Но вотъ, послѣ недѣльной осады, палъ и Каменецъ, въ неприступности котораго шляхта была непреложно увѣрена, и вся польская территорія оказалась настежъ раскрытой передъ ужаснымъ врагомъ. О сопротивленіи не могло быть никакой рѣчи. Всѣ укрѣпленныя мѣста сдавались одинъ за другимъ безъ сопротивленія или сносились съ лица земли. Турецкое войско двигалось къ Льву, захватывая огромное пространство, и на этомъ пространствѣ стояло сплошное зарево, носились клубы дыма, раздавались жалобные стоны и дикіе крики. Въ то же время крымская орда ворвалась по всѣмъ тремъ шляхамъ и проникла въ такія мѣстности, которыя до тѣхъ поръ были недоступны для татаръ. Дорошенко стоялъ на Украинѣ съ ханомъ и разсылалъ универсалы о покорности султану. Наступающая осень задержала дальнѣйшее движеніе турецкой арміи вглубь Польши, которая готова была принять миръ на всякихъ условіяхъ. Въ октябрѣ 1672 г. былъ заключенъ такъ-называемый Бучацкій договоръ. Подольское воеводство съ Каменцемъ отходило къ Турціи, Украина собственно, т.-е. воевод-

ства Брацлавское и Кіевское, признавались козацкимъ владѣніемъ, подъ управленіемъ Дорошенка и верховнымъ покровительствомъ Турціи.

Дорошенко достигъ цѣли своихъ стремленій, но лишь для того, чтобы убѣдиться, какую ошибку сдѣлалъ онъ, разсчитывая на Турцію. Очевидно, она не могла сгруппировать около себя разрозненные элементы Украины, прежде всего потому, что внушала къ себѣ полнѣйшее недовѣріе и отвращеніе; вмѣшательство ея лишь ускорило тотъ прогрессъ политическаго разложенія, на какой былъ обреченъ край. Турки и татары разоряли территорію, въ видахъ ея подчиненія. Польша, между тѣмъ, поумнѣвшая отъ даннаго ей тяжелаго урока, съ довѣріемъ обратилась къ Собѣсскому, предоставивъ ему дѣло залѣчиванія нанесенныхъ ранъ, и обнаружила ту энергію, къ какой она была способна въ періодъ подъема общественнаго духа: она, естественно, не хотѣла признавать вынужденнаго у нея Бучацкаго договора и не думала отказываться отъ своихъ правъ на козацкую Украину. Въ то же время и Москва съ лѣвобережными козаками, освобожденная происшедшими политическими перемѣнами отъ обязательствъ Андрусовскаго мира, считала необходимымъ вмѣшаться въ дѣла правобережья, такъ какъ сами жители умоляли объ этомъ вмѣшательствѣ. Вмѣсто объединенія и умиротворенія являлась лишь усиленная смута. Въ этой смутѣ одно стремленіе начало могущественно, на подобіе душевной эпидеміи, овладѣвать людьми—стремленіе кинуть все, перебраться черезъ Днѣпръ и на лѣвомъ берегу искать новой осѣдлости, новой родины, новой общественности. Пустѣли села, пустѣли городъ за городомъ, мѣстечко за мѣстечкомъ. Обозы, нагруженные „прачанами“ и ихъ пожитками, тянулись къ Черкасамъ и Каневу; переправясь на лѣвый берегъ, прачане тянулись дальше на востокъ, въ слободскіе полки, гдѣ еще были незанятыя земли. Тщетно Дорошенко пытался задержать это движеніе увѣщательными универсалами и страхомъ наказанія въ видѣ отдачи татарамъ; тщетно поляки, съ своей стороны, стерегли людей „словно рыболовы съ удочками“—ничто не помогало. Самойловичъ терялъ голову, не зная, что дѣлать съ этой массой народа, истощеннаго, безпріютнаго и голоднаго, лишеннаго даже лошадей, поиздыхавшихъ отъ безкормицы. Такимъ образомъ, въ 1674 году переселились полки уманскій и брацлавскій; въ 1675 г. полкъ корсунскій. Въ томъ же году и Ханенко сдалъ свою гетманскую булаву въ руки Самойловича и поселился доживать свой вѣкъ въ Козельцѣ. Наконецъ, увидѣлъ и Дорошенко, что и ему нѣтъ иного выхода, какъ отдаться на милость московскаго правительства. Онъ пытался-было выговорить себѣ нѣкоторыя права при посредствѣ Сѣчи и ея кошевого Сирка, но лѣвобережный гетманъ всегда имѣлъ возможность держать въ рукахъ Запорожье запрещеніемъ вывозить туда хлѣбъ, а сѣчевикамъ выходить на зимовку въ Полтавщину, какъ это было въ обычаѣ. Наконецъ, послѣ долгихъ колебаній, осенью 1676 г., сдалъ Дорошенко Самойловичу и Москвѣ Чигиринъ, центръ опустѣвшей территоріи, передалъ свои „клейноты“, т.-е. знаки своего гетманства, чтобы сложить ихъ у ногъ царя, и присягнулъ на вѣчное подданство, а съ нимъ и всѣ еще оставшіеся на мѣстахъ жители Чигирина, Жаботина, Субботова, Медвѣдевки, Черкасъ и Крылова. Турецко-Козацкая Украина перешла, такимъ обра-

зомъ, въ зависимость отъ Москвы; Дорошенко же, проживши нѣкоторое время на лѣвобережьѣ, гдѣ онъ былъ довѣрчиво и задушевно принятъ Самойловичемъ, вызванъ былъ въ Московское государство, гдѣ и оставался до смерти, какъ бы въ почетной ссылкѣ.

Послѣ отреченія Дорошенка правобережная Украина представляла собой слѣдующее. Чигиринъ и его территоріи, бывшее гетманство Дорошенка, заняты были теперь московскими ратными людьми и козаками Самойловича; вѣроятно, села и городки этой территоріи были теперь уже почти пусты, оставался настояще заселеннымъ и занятымъ лишь ея центръ. Поднѣстровскихъ козаковъ, сколько ихъ еще оставалось съ полковникомъ Гоголемъ, убѣдилъ Янъ Собѣсскій, теперь уже король, переселиться въ Кіевское Полѣсье, въ Димерское староство: страстный поклонникъ козачества, король, вмѣстѣ съ великимъ коронннымъ гетманомъ Яблоновскимъ, хотѣлъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы завести новое козачество, искренне преданное Польскому государству, и сдѣлать съ него оплотъ для борьбы съ мусульманскимъ востокомъ.

При дѣятельномъ покровительствѣ власти, полѣсское козачество начало быстро возрастать въ числѣ. Однако, козачество это, ничѣмъ не связанное съ территоріей, совсѣмъ не имѣло того козацкаго духа, который нравственно возвышалъ сословіе, возлагая на него представительство угнетенныхъ интересовъ народа и народности; такимъ образомъ, это полѣсское или лѣсное козачество легко вырождалось чуть-что не въ разбойничьи шайки, которыя жили на счетъ мирнаго населенія и жестоко угнетали его. Но Польша, находившаяся съ новымъ королемъ въ подъемѣ своего общественнаго духа, не ограничилась тѣмъ, что отняла изъ турецкаго подданства поднѣстровское козачество; какъ только страшная турецкая армія ушла обратно за Днѣстръ, поляки начали занимать обратно и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ заняли почти всѣ города и городки Подолья. Турція увидѣла, что всѣ ея усилія и блестящія пріобрѣтенія свелись къ очень немногому, а козацкая Украина, послѣ измѣны Дорошенко, совсѣмъ выскользаетъ изъ рукъ. Тогда Турція обратилась за помощью къ тѣни великаго перваго вождя, поднявшаго Украину. Изъ темницы вывели Юрія Хмельницкаго, возложили на него титулъ гетмана и князя малороссійской Украины или Сарматіи и отправили его съ войскомъ на Украину.

Турція хотѣла возстановить козацкую Украину; здѣсь она должна была неизбѣжно столкнуться съ Московскимъ государствомъ, которое приняло отъ Дорошенка подвластную ему территорію. Самойловичъ титуловался гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра. Когда за первымъ, неудачнымъ, такъ называемымъ чигиринскимъ походомъ 1677 г. послѣдовалъ въ 1678 г. второй, Московское государство должно было заключить, что Турція серьезно желаетъ добиваться своей цѣли. Но съ видами московской политики совсѣмъ не согласовались жертвы на удержаніе за собой этого края. Наоборотъ, усиленіе Украины представлялось ей обстоятельствомъ, нетолько не выгоднымъ, но прямо вреднымъ. Всѣ же остальные элементы Малороссіи, т.-е. лѣвобережья, дѣятельно стремились къ тому, чтобы удержать обѣ территоріи въ единствѣ: „за кѣмъ Чигиринъ, за тѣмъ и Кіевъ и всѣ мы“,—говорили здѣсь. Такимъ образомъ, въ то

время какъ гетманъ Самойловичъ обнаруживалъ большую энергію, подымая для отраженія новаго турецкаго похода къ Чигирину не только козачество, но и поспольство, бояринъ Ромодановскій, главный начальникъ московскихъ ратныхъ людей, дѣйствовалъ такъ, какъ-будто имѣлъ тайныя инструкціи погубить дѣло, на защиту котораго онъ отправлялся. Какъ бы то ни было, Чигиринъ, послѣдній оплотъ правобережнаго козачества, былъ совершенно уничтоженъ турками. Господиномъ положенія остался Юрась Хмельницкій, котораго турки водворили въ Немировѣ, нѣкогда многолюдномъ, теперь жалкомъ мѣстечкѣ со скуднымъ, большею частью еврейскимъ, населеніемъ. Хмельницкій пытался было, хотя и неудачно, распространить свою власть на ту часть украинской территоріи, которая осталась за Польшей, также на лѣвобережье. Все это, конечно, при турецко-татарской помощи. Собственной силы онъ не имѣлъ никакой: представлялъ собою лишь жалкое подобіе гетмана, ничтожную маріонетку, которая двигалась по сценѣ ровно до тѣхъ поръ, пока не заблагоразсудилось Константинополю убрать ее за негодностью, что и случилось довольно скоро. Въ 1681 г. былъ заключенъ между Россіей и Турціей Бахчисарайскій миръ, по которому правобережье къ югу отъ Кіева оставалось за Турціей. Но приднѣпровская полоса этой территоріи была уже теперь совершенно пуста: еще за два года передъ тѣмъ сынъ гетмана Семенъ Самойловичъ, согласно желанію московскаго правительства, „согналъ“ жителей изъ всѣхъ городковъ, какіе оставались заселенными, на лѣвый берегъ. Постановленіемъ Бахчисарайскаго договора эта полоса такъ и должна была оставаться впредь незаселенною. Послѣ этого мира исчезъ и Хмельницкій, какъ говорятъ, жертвой мщенія богатаго еврея Оруна, торговца невольницами,—на одичавшей Украинѣ появляется теперь и торговля людьми,—по жалобѣ котораго онъ былъ будто бы отозванъ султаномъ и казненъ. Турція передала свое украинское пріобрѣтеніе молдавскому господарю Дукѣ.

Мысль оставить незаселенной территорію, которая была истинной колыбелью украинскаго козачества, представлялась самымъ удобнымъ выходомъ изъ затрудненій международной дипломатіи. Когда, черезъ пять лѣтъ послѣ Бахчисарайскаго мира, въ 1686 г. Россія заключила такъ называемый „вѣчный миръ“ съ Польшей,—союзъ, направленный противъ Турціи,—и снова державы дѣлили между собой ту же несчастную Украину, то правобережье, опять признанное за Польшей, постановлено было оставить впустѣ, отъ мѣстечка Стаекъ по р. Тясьминь.

Въ какую-нибудь четверть вѣка, протекшую со смерти Богдана, „руина“ правобережной Украины достигла своего апогея. Подольское, брацлавское и бо́льшая часть кіевскаго воеводства—эти перлы польской короны—обратились въ пустыню. Можетъ-быть, десятка два тысячъ жителей еще и ютилось по окраинамъ этой пустыни, въ рѣдкихъ и жалкихъ поселеніяхъ по берегамъ большихъ рѣкъ, не считая большого турецкаго гарнизона въ Каменцѣ; но они уже не составляли Украины. Дальше вглубь края пустыня дѣлалась совершенно безлюдной. Роскошныя нивы заросли бурьяномъ; нигдѣ жилья человѣческаго, ни признака стадъ, которыми еще такъ недавно славилась Украина;

одичавшія собаки вели ожесточенную борьбу за существованіе съ волками, начали снова появляться даже и дикіе кони, которые сдѣлались-было рѣдкостью, расплодились дикія козы, лоси, медвѣди. Лукьяновъ, великорусскій путешественникъ, въ пять дней ѣзды черезъ эту пустыню не встрѣтилъ ни души. Отъ Корсуня до Бѣлой-Церкви, по направленію къ Волыни, по свидѣтельству Велички, можно было видѣть лишь безлюдные замки, высокіе валы, которые были пріютомъ дикихъ звѣрей, а повалившіяся стѣны, покрытыя мхомъ и поросшія бурьяномъ, служили прибѣжищемъ гадовъ. Подолье, съ своимъ необычайнымъ плодородіемъ, не могло прокормить даже пятнадцати тысячъ турецкаго гарнизона въ Каменцѣ: доставали припасы изъ-за Днѣстра, изъ Молдавіи. На огромной территоріи Барскаго староства совсѣмъ не было населенія, кромѣ небольшого числа черемисъ (литовскихъ татаръ), потерявшихъ привычки осѣдлой жизни. Степную Украину съ скудными обитателями снабжало хлѣбомъ Кіевское Полѣсье. Прекратилось торговое движеніе, заросли дороги; лишь немногочисленные караваны верблюдовъ, подъ сильнымъ турецкимъ конвоемъ, ходили по одному проторенному пути между Каменцомъ и Шаргородомъ, гдѣ пріютились восточные купцы. Настоящая правильная гражданская жизнь начиналась лишь въ полосѣ стараго заселенія, на территоріи земли Волынской и Кіевскаго Полѣсья. Поддержкой Полѣсья съ его козачествомъ, протежируемымъ королемъ, зарождалось въ степи, въ Хвастовщинѣ, новое украинское козачество, вожакомъ котораго былъ энергичный и талантливый полковникъ Семенъ Палій. А отъ Палія и его „палиивщины“ начинали и въ другихъ пунктахъ запустѣлой Украины, всюду, гдѣ появлялись предпріимчивые руководители, зарождаться и быстро расти новые козацкіе полки, какъ-то: полки Самуся, Искры, Абазина, видѣвшихъ свой центръ въ знаменитомъ хвастовскомъ полковникѣ. Такъ быстро на плодородной почвѣ Украины отъ тѣхъ же старыхъ упорныхъ корневищъ выбивались новые и сильные побѣги.

Когда вмѣстѣ съ обязательнымъ запустѣніемъ Украины, постановленнымъ дипломатіей, водворилось спокойствіе, обнаружилось среди украинскаго народа неудержимое стремленіе переселяться обратно съ лѣваго берега на правый. Слабое движеніе въ этомъ направленіи проявилось еще при Юріи Хмельницкомъ, который посылалъ на лѣвый берегъ универсалы съ зазываніями, и очень усилилось, когда Турція передала свою Украину молдавскому господарю Дукѣ, человѣку тихаго и мягкаго нрава, который ничего не требовалъ отъ своихъ новыхъ подданныхъ, кромѣ признанія своихъ верховныхъ правъ. Власти лѣвобережья оказывали всяческое противодѣйствіе этому новому колонизаціонному движенію; но, тѣмъ не менѣе, оно не прерывалось, лишь ослабляясь или усиливаясь соотвѣтственно положенію дѣлъ въ Гетманщинѣ.

А здѣсь, въ „сегобочной“ Украинѣ произошла также важная политическая перемѣна. Гетманъ Самойловичъ, который жилъ долгіе годы въ полномъ ладу съ московскимъ правительствомъ, пользуясь его довѣріемъ, началъ, мало-по-малу, переходить отъ простыхъ привычекъ выборнаго и зависимаго козацкаго старшины къ замашкамъ самодержавнаго властителя. Его гордость и притязательность возстановляли противъ него знатное козачество; вслѣдъ за знат-

ными рядовое козачество и поспольство сваливали на него же свое недовольство возрастающими общественными тяготами. Для удовлетворенія гетманскаго тщеславія нужна была пышность, пышность требовала средствъ: отсюда являлось корыстолюбіе, возбуждавшее общія нареканія. Зло увеличивалось еще многочисленной родней гетмана, которая тоже начала жить соотвѣтственно высокому положенію главы. Такимъ образомъ, когда расшатались внѣшнія опоры, на которыхъ держалась сила Самойловича, оказалось тотчасъ же, что внутри края ему опереться не на что. Дѣло въ томъ, что въ политическихъ событіяхъ 80-хъ годовъ политическіе интересы Московскаго государства опять столкнулись враждебно съ интересами Малороссіи (такъ начала теперь называться лѣвобережная Украина въ отличіе отъ правобережной или Украины, въ собственномъ смыслѣ слова). Самойловичъ, какъ политическій представитель Малороссіи, былъ очень недоволенъ Бахчисарайскимъ миромъ 1681 г.; вѣчный же миръ между Россіей и Польшей противъ Крыма и Турціи возбудилъ въ немъ большое раздраженіе: окончательная передача правобережья въ руки Польши не вознаграждалась въ его глазахъ и тѣмъ обстоятельствомъ, что Запорожье переходило теперь въ исключительный протекторатъ Москвы. Самойловичъ не скрывалъ своего неудовольствія, которое раздѣлялось многими, но въ выраженіи его не переходилъ предѣловъ, опредѣляемыхъ его положеніемъ, и вѣроятно, это не повело бы ни къ чему для него роковому, если бы не случайное стеченіе обстоятельствъ. Извѣстно, какъ неудаченъ былъ походъ въ Крымъ кн. Голицына, всесильнаго любимца царевны Софіи: надо было свалить на кого-нибудь вину за эти неудачи. Искупительной жертвой подвернулся Самойловичъ съ его неудовольствіемъ: всѣ совѣты, какіе онъ давалъ какъ свѣдущій человѣкъ, поставлены были ему въ вину; его обвиняли въ томъ, что онъ нарочно поджегъ степи, такъ какъ степной пожаръ былъ самой видной изъ причинъ неудачи одного похода, и т. п. Но главной причиной его погибели была, конечно, общая ненависть; сыграла ли въ этомъ какую-нибудь роль интрига того лица, которое такъ неожиданно и съ такимъ рѣшительнымъ успѣхомъ выступило его преемникомъ,—не извѣстно. Лицомъ этимъ былъ Иванъ Степановичъ Мазепа, выбранный въ гетманы на Коломакской радѣ 25 іюля 1687 года.

Хмельницкій и Мазепа, начало и конецъ того краткаго, но яркаго какъ метеоръ пути, какимъ промелькнула политическая исторія козацкой Украины на общемъ фонѣ историческихъ судебъ южно-русскаго народа. Зато же изъ всѣхъ героевъ этой эпохи только эти два имени и сдѣлались достояніемъ толпы не только на украинскомъ югѣ, но и далеко за его предѣлами. Но если популярность Хмельницкаго понятна сама по себѣ, то популярность Мазепы несомнѣнно заимствованная: она опредѣляется, главнымъ образомъ, тою связью, какой историческая личность Мазепы связана съ личностью Петра Великаго. Не то чтобы Мазепа былъ ничтоженъ самъ-по-себѣ,—нѣтъ, онъ не былъ ничтожностью,—но въ его исторической роли, включая и послѣдній ея актъ—измѣну со всей ея якобы неожиданностью, странностью, загадочностью,—все-таки нѣтъ ничего оригинальнаго, отмѣненнаго печатью высшаго индивидуаль-

Гетманъ Иванъ Мазепа. По гравюрѣ Норблена.

ности. Всѣ дѣйствія Мазепы—движенія по протореннымъ, хотя, можетъ-быть, частью уже и заброшеннымъ и заросшимъ травою тропинкамъ.

Стеченіе случайныхъ обстоятельствъ сдѣлало то, что для освѣщенія личности Мазепы сохранилось очень мало документовъ: отсюда просторъ для произвола, съ какимъ трактуется эта личность, съ одной стороны, историками, съ другой поэтами и романистами, такъ какъ нѣкоторыя обстоятельства частной жизни Мазепы, въ особенности его отношенія къ Матренѣ Кочубеевой, на ихъ мрачномъ историческомъ фонѣ, даютъ благодарную тему и для художественнаго творчества. Но если свидѣтельства документовъ относительно и скудны, то ихъ все-таки достаточно, чтобы дать общій очеркъ личности и дѣятельности этого послѣдняго представителя политической самостоятельности Малороссіи.

Мазепа былъ родомъ изъ кіевской Украины съ праваго берега, православный русскій шляхтичъ. Юность свою провелъ онъ на службѣ въ Варшавѣ, при дворѣ короля Яна-Казиміра, который пользовался его услугами для порученій на Украину. Потомъ онъ оставляетъ придворную службу—кажется, поневолѣ; вслѣдъ затѣмъ мы видимъ его на службѣ у Дорошенка. Когда звѣзда правобережнаго гетмана начала клониться къ закату, Мазепа очутился на лѣвобережьѣ: тогда ему было уже лѣтъ сорокъ. Здѣсь онъ пристраивается ко двору Самойловича и видимо становится своимъ человѣкомъ. Онъ руководитъ воспитаніемъ гетманскихъ сыновей, исполняетъ политическія порученія гетмана, наконецъ, занимаетъ выборную должность генеральнаго есаула. И, тѣмъ не менѣе, выборъ его въ гетманы на Коломакской радѣ является неожиданностью: въ войскѣ были люди, несомнѣнно болѣе заслуженные, а, слѣдовательно, и съ большими правами на гетманство. Избирательная рада происходила въ козацкомъ лагерѣ, окруженномъ московскими войсками, во главѣ которыхъ стоялъ кн. Голицынъ; достовѣрно извѣстно, что Мазепа далъ Голицыну десять тысячъ червонцевъ, можетъ-быть, какъ подарокъ, обычный для тѣхъ временъ и нравовъ, можетъ-быть, какъ взятку. Итакъ, выдвинулся ли Мазепа интригой и подкупомъ, или пріобрѣтенной имъ популярностью—не извѣстно. Но если Мазепа и успѣлъ заручиться довѣріемъ къ себѣ и уваженіемъ, то не среди массы: поспольство встрѣтило новаго гетмана волненіемъ, выражавшимъ широко распространенное недовольство такимъ оборотомъ событій.

Какъ бы то ни было, Мазепа взялъ управленіе тѣмъ крайне шаткимъ и ненадежнымъ кораблемъ, какой представляла собой гетманщина, и взялъ ловкой и увѣренной рукой.

Несомнѣнно, новый гетманъ обладалъ достоинствами правителя. Онъ былъ не только уменъ отъ природы, но и образованъ, слѣдовательно, могъ обхватывать широкіе горизонты; былъ проницателенъ, находчивъ, краснорѣчивъ, обаятеленъ въ обращеніи: все это признаютъ за нимъ очевидцы-современники. Они не знали, что скрывается подъ этой привлекательной внѣшностью; но есть полное основаніе думать, что подъ ней укрывалась глубокая двойственность. Если она даже и не лежала въ природѣ этого человѣка, то должна была явиться въ силу условій. Мазепа былъ человѣкъ польской культуры: съ польскаго запада вынесъ онъ не только свое образованіе, въ основѣ

котораго лежало прекрасное знаніе латыни, не только свѣтскую полировку и болѣе утонченные вкусы, но и взгляды, симпатіи, идеалы. На грубое козацкое лѣвобережье онъ явился въ тѣ годы, когда человѣкъ живетъ лишь процентами съ умственнаго и нравственнаго капитала, пріобрѣтеннаго ранѣе. Но эта грубая, низменная съ его точки зрѣнія, среда обѣщала ему вліяніе, власть, почетъ, богатство и сдержала свое обѣщаніе; однако, она требовала кой-чего въ обмѣнъ, а именно приспособленія. И чтобы пріобрѣсть власть, и чтобы удержать ее, Мазепѣ необходимо было приспособляться къ нравамъ и понятіямъ окружающихъ; Мазепа приспособился. Однако, двойственность его духовной природы, очевидно, не могла совершенно укрыться отъ окружающей его среды: отсюда та масса доносовъ, которая сыпалась на Мазепу, гдѣ выдвигались на видъ, между прочимъ, его польскія симпатіи, въ то время какъ гетманъ безусловно не проявлялъ ихъ ни въ какихъ подробностяхъ своей правительственной дѣятельности.

Первое свиданіе Мазепы съ Петромъ произошло при обстоятельствахъ, въ высокой степени неблагопріятныхъ для гетмана: послѣдній явился въ Москву въ разгаръ борьбы юнаго царя съ сестрой, послѣ второго, также неудачнаго, похода въ Крымъ, явился, какъ креатура ненавистнаго Петру Голицына. И, между тѣмъ, съ этого же перваго свиданія Мазепа пріобрѣлъ довѣріе и уваженіе Петра, какимъ всецѣло и пользовался до того послѣдняго момента, когда открытый переходъ на сторону врага сдѣлалъ уже невозможнымъ какія-либо сомнѣнія. Мазепа, съ своей стороны, сдѣлалъ не мало, чтобы укрѣпить и развить въ молодомъ царѣ расположеніе и довѣріе къ себѣ. Извѣстна та важная роль, какую играли козаки со своимъ гетманомъ въ первомъ и второмъ азовскихъ походахъ, при занятіи турецкихъ городковъ на низовьяхъ Днѣпра, при самомъ взятіи Азова. На страстное желаніе Петра имѣть флотъ Мазепа откликнулся тѣмъ, что устроилъ на Днѣпрѣ флотилію изъ запорожскихъ челновъ и морскихъ судовъ, на которыхъ былъ предпринятъ походъ, впрочемъ, неудачный, къ Очакову. Вообще, Мазепа выказывалъ такую готовность содѣйствія предпріятіямъ и планамъ Петра, что можно предполагать въ немъ искреннее сочувствіе личности и дѣятельности молодого царя-реформатора. Но надо замѣтить, что Мазепа, въ своихъ личныхъ отношеніяхъ къ Петру, не переходилъ тѣхъ предѣловъ, которые указывались ему его положеніемъ—политическаго представителя своей страны. Онъ защищалъ и отстаивалъ интересы этой страны, указывалъ Петру тѣ политическія мѣры, которыя соотвѣтствовали этимъ интересамъ; вообще держалъ себя какъ самостоятельный правитель гетманской Украины.

Къ тому же, внутреннее состояніе края было таково, что требовало усиленнаго вниманія и усиленность мѣръ. Выше было сказано о томъ довольно широко распространенномъ волненіи, которое встрѣтило вступленіе Мазепы въ роль гетмана. Вмѣстѣ съ тѣмъ, начались волненія на Запорожьѣ, которыя почти не прекращались все время гетманства Мазепы, то усиливаясь, то слабѣя. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ (1692—96 гг.) волновалъ Запорожье нѣкто Петрикъ, который, идя по стопамъ своихъ предшественниковъ, хотѣлъ овладѣть властью при посредствѣ татаръ и народной „голоты“, направляемой на зажиточный

классъ населенія; но, очевидно, времена, благопріятныя для такихъ движеній, уже миновали. Гетманщина была достаточно населена и укрѣплена, чтобы дать отпоръ татарамъ, и всѣ усилія Петрика не привели ни къ чему. Недовольство Запорожья помимо того, что оно, вообще, было пріютомъ недовольныхъ—питалось слѣдующимъ обстоятельствомъ: со взятіемъ турецкихъ городковъ на нижнемъ Днѣпрѣ и съ постройкой Новобогородской крѣпости (нынѣшній Новомосковскъ) на Самарѣ вліяніе московской и гетманской власти придвинулось слишкомъ близко къ предѣламъ Запорожья.

Слѣдуя традиціямъ своихъ предшественниковъ, Мазепа зорко слѣдитъ за тѣмъ, что дѣлается на правомъ берегу, и не упускаетъ случая вмѣшиваться въ дѣла „тогобочной" Украины. Онъ не разъ, и усиленно, убѣждалъ Петра принять подъ свое покровительство хвастовскаго полковника Палія съ его вновь народившимся козачествомъ; позже (1704—5 гг.) Мазепа нашелъ опаснымъ для себя тотъ престижъ, которымъ украинскій народъ всюду окружалъ личность Палія, и, по его нареканіямъ, захваченный имъ вѣроломно Палій былъ засланъ Петромъ въ Сибирь.

По Карловицкому миру 1699 г. Турція уступила Польшѣ Каменецъ-Подольскъ и, такимъ образомъ, навсегда удалялась съ украинской сцены. Правобережная Украина всецѣло оставалась въ распоряженіи Польши. Въ томъ же году появилось сеймовое постановленіе, совершенно уничтожавшее козачество: новый король Августъ, курфюрстъ саксонскій, уже не покровительствовалъ ему, какъ покойный Собѣсскій. Украинскіе козаки опять обращались въ панскихъ подданныхъ. Но и это новое, еще слабое, козачество все-таки не могло и не хотѣло подчиниться тому, что казалось Польшѣ государственной необходимостью. Снова начались волненія, которыя на болѣе заселенномъ Поднѣстровьѣ напоминали трагическіе дни Хмельнищины. Но эти волненія влились въ тотъ общій потокъ смуты, который, съ наступленіемъ XVIII вѣка, опять обхватилъ Польшу, разбивъ ее на два военныхъ враждебныхъ лагеря: подразумѣваемъ Сѣверную войну, по справедливости называемую историками „великой" не только по величинѣ захваченнаго ею района, по ея длительности, но и по огромнымъ результатамъ, какія она имѣла для Россіи, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и для Малороссіи.

Петръ хотѣлъ пріобрѣсть себѣ порты на Балтійскомъ морѣ; Августъ польскій желалъ съ помощью Петра произвести внутреннюю реформу въ видахъ усиленія королевской власти. Русскій и польскій государи составили союзъ противъ Швеціи и, полагаясь на свое фактическое превосходство надъ относительно слабой Швеціей, уже дѣлили-было ея территорію. Но они не приняли въ разсчетъ энергіи и выдающихся военныхъ способностей молодого шведскаго короля. Карлъ XII, съ свойственной ему необычайной быстротой, наноситъ Петру и его союзникамъ пораженіе подъ Нарвой и подъ Ригой, а затѣмъ появляется въ Польшѣ, чтобы сдѣлать эту страну на долгое время главнымъ театромъ войны. Панская Польша тотчасъ же распадается на два непріятельскихъ стана: саксонско-русской, который стоитъ за короля Августа, и шведскій, которому Карлъ даетъ въ короли Станислава Лещинскаго. Паны, со всей безцеремонностью независимыхъ представителей своихъ земель-госу-

дарствъ, переходятъ то на одну сторону, то на другую; но шведская партія все растетъ въ силѣ. Въ 1706 г. Карлъ XII принуждаетъ Августа отказаться отъ престола, но панская партія, враждебная шведамъ и Станиславу Лещинскому, продолжаетъ борьбу, опираясь на Петра.

Само собою разумѣется, что украинское козачество въ обѣихъ своихъ половинахъ было втянуто въ перипетіи этой войны. Правобережные козаки воспользовались ею, чтобы, отдавшись подъ покровительство Русскаго государства, найти въ немъ хотя временную опору противъ посягательства пановъ на свою свободу. Лѣвобережные козаки и запорожцы сражались подъ русскими знаменами и въ Литвѣ, и въ Лифляндіи, и на устьяхъ Невы, страдая отъ холода, отъ непривычныхъ условій, отъ дурнаго обращенія русскаго и нѣмецкаго начальства, которое обучало ихъ строевой службѣ. Но болѣе всего пришлось козакамъ съ ихъ гетманомъ дѣйствовать въ Польшѣ, гдѣ имъ было поручено разорять имѣнія пановъ шведской партіи.

Не одинъ разъ предпринимали лѣвобережные козаки, съ гетманомъ и безъ него, свои опустошительныя экскурсіи на правый берегъ и далѣе въ Польшу. Въ 1705 г. Мазепа, во главѣ своего козачества, прошелъ черезъ Волынь къ Львову и далѣе къ Замостью, по тому маршруту, которымъ шелъ, полвѣка тому назадъ, его великій предшественникъ Богданъ Хмельницкій. Это пребываніе его въ Польшѣ, и въ особенности на Волыни, въ Дубнѣ, гдѣ онъ стоялъ лагеремъ, повидимому, имѣло роковое значеніе въ его дальнѣйшей судьбѣ. Здѣсь онъ по необходимости вступалъ въ тѣсныя сношенія съ польскою шляхтою, частью политическія, частью лично-дружественныя, дышалъ той съ юности привычной атмосферой польской культуры и политической свободы, составлявшей такую привлекательную сторону польской жизни. Нельзя, конечно, изъ одного этого обстоятельства объяснить ту перемѣну, которую обнаружилъ Мазепа три года спустя; но, повидимому, именно здѣсь надо искать ту психологическую почву, которая сдѣлала возможнымъ дальнѣйшее. Ближайшимъ же поводомъ, которымъ объясняется такъ называемая измѣна Мазепы, надо считать общее недовольство не только рядового козачества, но и старшины на безпрерывные изнурительные походы и на притѣсненія со стороны великорусскихъ ратныхъ людей. Можно сказать также съ извѣстной увѣренностью, что Мазепу уже началъ страшить тотъ ни передъ чѣмъ не останавливающійся духъ реформаторской дѣятельности Петра, который могъ, страстнымъ деспотическимъ натискомъ, врѣзаться въ привилегіи и вольности гетманской территоріи. Трудно сказать, какія политическія цѣли ставились Мазепой и его сторонниками, предпринявшими роковой шагъ; но несомнѣнно извѣстно, что Мазепа и приближенная къ нему старшина усердно изучали такъ называемые „гадяцкіе пакты“, т.-е. Гадяцкій договоръ, которымъ Выговскій надѣялся создать федеративный союзъ Польши съ Украиной.

Наступилъ и роковой 1708 годъ. Мазепа уже несомнѣнно стоялъ въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Карломъ XII и Станиславомъ Лещинскимъ; въ заговорѣ участвовали многія лица изъ вліятельной козацкой старшины. Но, когда изъ среды этой старшины появился доносъ, подданный генеральнымъ писаремъ

Кочубеемъ и Искрой, полтавскимъ полковникомъ, Петръ такъ же мало повѣрилъ этимъ доносчикамъ, какъ и остальнымъ. Въ іюлѣ Кочубей и Искра были казнены, въ сентябрѣ Карлъ XII изъ Литвы повернулъ на Украину; 24 октября гетманъ, лежавшій до тѣхъ поръ на смертномъ одрѣ „отъ хираргическихъ и подагрическихъ недуговъ“ и принявшій елеосвященіе, оставилъ свой Батуринъ и на слѣдующій же день переправился черезъ Десну для соединенія съ шведскимъ королемъ, который стоялъ лагеремъ на правомъ ея берегу.

Но съ первыхъ шаговъ стало ясно, что разсчеты Мазепы ошибочны, что примѣръ гетмана не увлекъ за собою края, даже и того чисто-малорусскаго края, присоединеннаго при Богданѣ Хмельницкомъ, который начинался по лѣвую сторону Десны. Вмѣсто козацкаго войска, котораго ждали шведы, Мазепа привелъ къ нимъ лишь нѣсколько тысячъ козаковъ, да и тѣ разбѣжались при первой возможности. Едва только въ русскомъ войскѣ, которое вступило вслѣдъ за шведами въ предѣлы Малороссіи, стала извѣстна измѣна Мазепы, какъ Меншиковъ осадилъ Батуринъ, гдѣ заперлись сторонники гетмана, принудилъ ихъ къ сдачѣ и подвергъ самому варварскому опустошенію. Судьба Батурина произвела ошеломляющее впечатлѣніе на населеніе, и безъ того нерасположенное брать сторону Мазепы и шведовъ. Такимъ образомъ, территорія, на которую Мазепа могъ смѣло разсчитывать, т.-е. Запорожье и южная Полтавщина, была отдѣлена отъ шведскаго войска широкой полосой спокойнаго населенія. Видя такой неблагопріятный возстанію оборотъ дѣла, козацкіе старшины одинъ за другимъ спѣшили заявлять царю свои вѣрноподданническія чувства; даже тѣ, которые успѣли открыто перейти на сторону шведовъ, такъ колебались, что шведы держали ихъ подъ строгимъ наблюденіемъ.

Шведское войско расположилось въ Гетманщинѣ на зимнія квартиры, имѣя центральный пунктъ сначала въ Ромнахъ, а затѣмъ, когда русскіе вытѣснили ихъ оттуда, въ Зѣньковѣ. Зима 1708—9 года была необычайно холодная, и шведскіе солдаты не только страдали, но и гибли отъ невыносимой стужи. Весной Карлъ XII предпринялъ малоцѣлесообразный походъ въ Слободскую Украину: здѣсь шведамъ пришлось пострадать отъ разлива степныхъ рѣчекъ, преграждавшаго пути, и вернуться ни съ чѣмъ. Если къ этому присоединить еще партизанскую войну, которую вело противъ шведовъ населеніе, то легко представить себѣ, что шведскія силы, за время пребыванія своего въ Малороссіи, значительно уменьшились. Благопріятнымъ для шведовъ обстоятельствомъ было лишь то, что къ нимъ присоединились запорожцы, руководимые своимъ кошевымъ Костей Гордѣенкомъ, заклятымъ врагомъ русскихъ.

Шведы приступили къ осадѣ Полтавы, сюда же стянули свои войска русскіе. Но еще прежде, чѣмъ произошло столкновеніе войскъ, рѣшившее судьбу Карла и Мазепы, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и южнорусскаго края, Петръ распорядился послать въ Сѣчь великорусскаго полковника Яковлева и малорусскаго Галагана, „чтобы искоренить оное измѣнничье гнѣздо“. Сѣчь была дѣйствительно разорена до основанія.

27 іюня 1709 года, день Полтавской битвы, сдѣлавшійся сюжетомъ не только историческихъ, но и поэтическихъ описаній, слишкомъ извѣстенъ, чтобы

стоило на немъ останавливаться. Послѣ тягостнаго, полнаго страха и лишеній, бѣгства, Карлъ и Мазепа очутились 1 августа въ Бендерахъ подъ покровительствомъ Турціи. Черезъ три недѣли гетманъ умеръ: старческій организмъ не вынесъ потрясеній послѣднихъ дней. Убѣжавшіе съ Мазепой козаки выбрали, по желанію Карла, себѣ въ гетманы Орлика, бывшаго генеральнаго писаря.

А въ Малороссіи уже былъ гетманъ съ тѣхъ самыхъ первыхъ дней, какъ Мазепа открыто перешелъ на сторону шведовъ — гетманъ, по формѣ выбранный, на дѣлѣ назначенный Петромъ. Это былъ стародубскій полковникъ Скоропадскій.

III.

Время, непосредственно слѣдующее за Хмельнищиной, представляетъ, между прочимъ, такое любопытное явленіе: центръ тяжести южнорусской исторической жизни перемѣщается съ одной территоріи на другую, съ праваго берега Днѣпра на лѣвый. До тѣхъ поръ, т.-е. до второй половины XVII вѣка, лѣвобережье находится въ тѣни, лежитъ, такъ сказать, на периферіи того цикла, какой проходитъ жизнь южнорусскаго народа, и лишь слабый и случайный лучъ историческаго освѣщенія скользитъ время-отъ-времени по этой территоріи. И понятно, лѣвобережье складывалось изъ двухъ, очень различныхъ между собой, частей—лѣсной и степной. Земли лѣсной полосы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, стараго заселенія, Стародубщина и Черниговщина, лишь по Деулинскому (1619 г.) и Поляновскому (1634 г.) перемиріямъ, отошедши отъ Москвы къ Польшѣ, снова соединились съ общей массой южнорусскихъ земель. Земли къ югу отъ Сейма и Остра — бассейны Сулы, Псла — все это еще въ концѣ XVI вѣка представляло собой пустынные „уходы" жителей правобережья, укрывавшіе лишь очень рѣдкое и случайное населеніе. Замѣтные успѣхи дѣлаетъ здѣсь колонизація лишь въ первой четверти XVII вѣка. Южную часть Сѣверской земли, позднѣйшую территорію Нѣжинскаго полка, захватываютъ паны Пясочинскіе, Оссолинскіе, Кисели, Пацы и др. и колонизуютъ ее своими капиталами и усиліями. Посулье достается Вишневецкимъ, подъ управленіемъ которыхъ менѣе чѣмъ въ полстолѣтіе возникаетъ Лубенщина съ ея городками, мѣстечками, селами, хуторами, причемъ укрѣпленные городки перекидываются отъ Сулы на Пселъ и даже Ворсклу.

Тяжелыя потрясенія Хмельнищины и слѣдовавшей за нею „руины" вытолкнули массу населенія съ праваго берега на лѣвый. Нахлынувшая волна спокойно улеглась въ намѣченные кадры и быстро наполнила ихъ собою, такъ что уже при гетманѣ Самойловичѣ чувствовалось переполненіе, и избытокъ населенія двигался дальше, въ верхнія части бассейна тѣхъ же Сулы, Псла, Ворскла,—въ Слободскую Украину. Лѣвобережье почувствовало себя самостоятельнымъ организмомъ, способнымъ къ политическому существованію: возникаютъ названія—сегобочная Украина, Малороссія, Гетманщина, въ противоположность правобережью, которое, между тѣмъ, потеряло самостоятельность и снова вошло въ составъ Польши.

Но жизненная стихія, которою жила лѣвобережная Украина, была пока еще совершенно однородна, если не тожественна, съ тою, какою жила Украина правобережная, и намѣчавшееся уже различіе, въ связи съ различіемъ ихъ политическихъ судебъ, еще не шло въ глубину: пока мы еще въ правѣ говорить о внутренней жизни, внутреннемъ бытѣ, внутреннихъ отношеніяхъ Украины вообще.

Переворотъ такой силы, такого захвата, какой пережило южнорусское общество съ Хмельницкимъ во главѣ, не часто встрѣчается въ исторіи. Польша уже значительно успѣла втянуть Южную Русь въ свой строй: новыя экономическія отношенія плотно обхватили жизнь народной, земледѣльческой массы. Польскій порядокъ и право, въ видѣ административныхъ и судебныхъ учрежденій, водворились по всей территоріи; польская культура, нравы, обычаи, языкъ—вплоть до религіи—переработали высшій классъ и просачивались въ среду городского населенія. Оставался лишь одинъ уголъ, свободный отъ польскаго вліянія, это—козачество. Оно всецѣло сохраняло пока старорусскій строй жизни: господство выборнаго начала въ управленіи, самосудъ, полное право земледѣльца на обрабатываемую имъ землю.

Страшный взрывъ народнаго негодованія, организованный рукой талантливаго вождя, сразу и всецѣло снесъ польскій общественный порядокъ съ территоріи Украины: почти всѣ старыя отношенія „были скасованы козацкой шаблей". Но это не породило анархіи. Очевидно, идеи старорусскаго строя были еще такъ живы въ сознаніи массы, а козачество представляло такой живой примѣръ его, что замѣна одного общественнаго порядка другимъ совершилась съ быстротой перемѣны декорацій. Украина зажила иной общественной жизнью, представлявшей въ общихъ чертахъ, переходъ къ болѣе простому, архаическому строю. Типъ общественной жизни, сохранившійся въ козачествѣ, распространился на всю территорію.

Прежде всего исчезла изъ общественныхъ отношеній сословная группировка: всѣ стали равны по правамъ, отличаясь другъ отъ друга лишь фактическимъ положеніемъ. Такимъ образомъ, отдѣлились козаки, т.-е. отбывающіе военную службу, отъ не-козаковъ, людей, которые не могли или не хотѣли ее нести: „товариство" отдѣлилось отъ „посполъства". Посполъство, въ свою очередь, естественно распадалось на жителей городовъ, мѣщанъ, по преимуществу людей ремесла и торговаго промысла, и жителей сельскихъ, хлѣборобовъ. Отбывая военную службу со всей ея тяготой во времена Хмельнищины и руины, времена, представлявшія сплошную войну, козацкое товариство было свободно отъ иныхъ общественныхъ повинностей; повинности эти, естественно, должно было нести на себѣ посполъство. Лишь одно православное духовенство составляло группу привилегированную; но и оно не замыкалось въ сословіе.

Это однородное общество, раскинувшееся на обширной территоріи обѣихъ Украинъ, тотчасъ же распалось по естественнымъ районамъ, какими шло заселеніе, — на полки: дѣленіе, имѣвшее въ виду, прежде всего, военныя, но затѣмъ и административныя цѣли. Полки, изъ которыхъ каждый имѣлъ свой центръ въ хорошо укрѣпленномъ городѣ, дѣлились на сотни, группировавшіяся

также около городовъ или мѣстечекъ. Сотни подраздѣлялись на курени, заключавшіе въ себѣ по нѣсколько селъ и хуторовъ, но это послѣднее дѣленіе имѣло значеніе только для козацкаго населенія сотни, — посполитые стояли внѣ его. Такимъ образомъ, козацкое населеніе непосредственно управлялось атаманами, выбираемыми куренями, сельскіе посполитые выборными же войтами, городскіе, сохранившіе самоуправленіе по старому образцу, ратушами, а въ большихъ городахъ, пользовавшихся Магдебургскимъ правомъ, магистратами. Но сотники и полковники представляли собой въ своихъ сотняхъ и полкахъ общую власть, компетенція которой простиралась на все населеніе даннаго района въ полномъ его составѣ.

Во главѣ управленія стоялъ, какъ мы уже знаемъ, гетманъ. Это былъ, прежде всего, гетманъ Войска Запорожскаго, слѣдовательно, военачальникъ, но онъ сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ и всѣ остальныя функціи верховной власти — политическую, административную, судебную, безконтрольное распоряженіе финансами. Помощниками его была генеральная старшина: обозный, т.-е. начальникъ войскового обоза, судья, хорунжій, бунчучный, и на первомъ планѣ—писарь, такъ сказать, государственный канцлеръ; но спеціальная обязанность этихъ членовъ — объемъ ихъ власти — все это было, повидимому, лишено сколько-нибудь точныхъ опредѣленій. Вообще, на всей этой организаціи правительственной власти лежитъ рѣзкій отпечатокъ техническаго несовершенства; она отражаетъ на себѣ такое архаическое состояніе общества, когда общество это еще стремится устроить свои отношенія съ властью исключительно на основаніяхъ довѣрія и произвольнаго усмотрѣнія.

Даже выборъ гетмана, съ его почти неограниченной пожизненной властью, не былъ обставленъ точными опредѣленіями. Выборъ принадлежалъ радѣ, но неизвѣстно было, какого состава рада могла представлять собою народъ. Отсюда тѣ злоупотребленія, какими обставлялся почти каждый гетманскій выборъ: сила, державшая въ рукахъ узелъ даннаго положенія, выдвигала, какъ избирательную, то раду козацкой старшины, то раду козацкой массы или козацкаго лагеря, то, наконецъ, черную раду, т.-е. общенародную сходку. Повидимому, не менѣе запутанно стоялъ вопросъ о выборѣ полковниковъ и сотниковъ съ ихъ такой же широкой и неопредѣленной властью; по крайней мѣрѣ, здѣсь, на ряду съ выборами, мы очень рано видимъ примѣры простого назначенія то со стороны гетмана, то даже прямо со стороны московскаго правительства. Полковникъ и сотникъ дополнялся штатомъ полковой и сотенной старшины, соотвѣтствующей, лишь въ сокращенномъ видѣ, старшинѣ генеральной.

Недостатки правительственной организаціи, предоставлявшіе обширное поле злоупотребленіямъ, въ концѣ концовъ, тяжело отразились и на условіяхъ народной жизни. Но пока до-поры-до-времени масса украинскаго народа широко пользовалась завоеванной ею свободой.

Если права народа на самоуправленіе, на выборы гетмана и остальной старшины „вольными голосами" оказывались въ значительной степени, фиктивными, то, во всякомъ случаѣ, права его на выборъ непосредственной власти атамановъ и войтовъ, были вполнѣ дѣйствительными. „Громада" жила теперь

той полной жизнью, которая еще сохранялась въ козачествѣ, но отъ которой остальная масса уже должна была отказаться въ пользу государства и его привилегированныхъ представителей. Громада сама выбирала себѣ и священника, съ которымъ заключала условія, опредѣлявшія ихъ взаимныя права и обязанности. Свой народный судъ являлся естественнымъ и необходимымъ дополненіемъ этой свободы.

Козацкій самосудъ, выражавшійся формулой: „гдѣ три человѣка козаковъ, то два третьяго судятъ", продолжалъ традицію тѣхъ народныхъ судовъ — судовъ копы или громады,—которыя обречены были на гибель подъ давленіемъ зависимыхъ отношеній массы къ владѣльцамъ. Какъ ни скудны дошедшія до насъ свѣдѣнія объ этомъ предметѣ для разсматриваемаго періода, но, тѣмъ не менѣе, документы даютъ ясныя указанія на эти суды съ ихъ судными мужами и ихъ исконной процедурой „опыта", „пильнаго ошуканья", „вывода", „очистительной" присяги. Кромѣ этого суда громады, мы еще видимъ въ данный періодъ судъ ратушный, или козако-мѣйскій (мѣстскій отъ сл. „мѣсто", т.-е. городъ), также съ участіемъ „добрыхъ, сторонныхъ, зацныхъ людей". Кромѣ того, „посполитое (т.-е. обычное) право" не препятствовало каждому обращаться за судомъ ко всякому значительному представителю общенародной власти: такимъ образомъ, судитъ сотникъ, судитъ полковникъ, судитъ гетманъ, или замѣняющій его генеральный судья. Но пока въ этотъ первый періодъ незамѣтно слѣдовъ какого-либо прочнаго разграниченія властей и ихъ судебныхъ компетенцій. Конечно, такой архаическій строй суда представлялъ большія практическія неудобства: но, надо думать, что онъ все-таки обезпечивалъ населеніе отъ „похлебства судей" и взятокъ—этихъ страшныхъ язвъ позднѣйшаго правосудія. Однако, долго держаться онъ не могъ: требованія все усложнявшейся жизни взывали къ писанному праву, къ постояннымъ судебнымъ учрежденіямъ съ точнымъ распредѣленіемъ компетенцій, съ послѣдовательностью инстанцій. Писанное право, въ его единственныхъ, доступныхъ южнорусскому обществу, источникахъ, было: Литовскій Статутъ, Право Магдебургское, Саксонское Зерцало,—кодексы, возникшіе въ обществѣ рѣзко сословнаго типа.

Но ни въ чемъ такъ краснорѣчиво не выразилась добытая малорусскимъ народомъ свобода и полнота жизни, какъ въ новыхъ отношеніяхъ его къ землѣ. Изъ общественнаго строя упразднился землевладѣлецъ, и земледѣлецъ сдѣлался истиннымъ хозяиномъ и господиномъ земли. Исключенія были не велики и не многочисленны: остались земли за православными духовными учрежденіями, монастырскія и каѳедральныя, и за нѣсколькими частными владѣльцами, по преимуществу въ Сѣверщинѣ, гдѣ небольшое число представителей православнаго русскаго шляхетства сразу стало на сторону народнаго движенія и тѣмъ сохранило за собою свои земельныя имущества.

Условныя и ограниченныя права на землю посполитыхъ превратились въ безусловныя; какъ посполитые, такъ и козаки могли теперь пополнить свои земельныя хозяйства изъ запаса владѣльческихъ угодій; а главное, въ полномъ распоряженіи громадъ оказалась вся масса пустыхъ земель и всяческихъ угодій, изъятыхъ до тѣхъ поръ изъ свободнаго пользованія господскимъ пра-

комъ пановъ Вишневецкихъ, Пясочинскихъ и т. п. Нечего и говорить, что волочная система и связанное съ нею фольварочное хозяйство, слѣды которыхъ, кромѣ правобережной Украины, находимъ и въ Сѣверщинѣ, были снесены до конца.

На открывшемся земельномъ просторѣ населеніе могло расположиться съ такими удобствами, о какихъ только смѣлъ мечтать земледѣлецъ; ничѣмъ не стѣсненная жизнь могла раскинуться въ свойственныхъ ей формахъ.

Масса, поскольку мы можемъ судить о ея жизни по крайне скуднымъ дошедшимъ до насъ даннымъ, устроилась на отвоеванной ею территоріи въ крупныхъ хозяйственныхъ единицахъ, для которыхъ встрѣчаются (на сѣверномъ лѣвобережьѣ) названія „подымья", затѣмъ „пляца", „грунта", если усадебный центръ расположенъ былъ въ близкомъ сосѣдствѣ съ другими такими же центрами,—„хутора", если она лежала обособленно. Не то, чтобы населеніе жило большими родственными семьями: архаическая семья, разложившаяся разъ, уже не возрождается. Но на „грунтѣ заможнаго" хозяина, который обладалъ не только избыткомъ земельныхъ угодій, но и хозяйственнымъ инвентаремъ, селились „лезные" (бобыли), не имѣвшіе средства, несмотря на земельный просторъ, обзавестись собственнымъ хозяйствомъ. Такой лезный, который вынужденъ былъ довольствоваться хатой и клочкомъ земли, уступленнымъ ему хозяиномъ, посполитымъ или козакомъ, назывался подсусѣдкомъ: хозяинъ вступалъ съ своими подсусѣдками въ договоръ относительно помощи въ работѣ и вознагражденія за эту помощь, но у насъ не сохранилось никакихъ свѣдѣній, какъ опредѣлялись эти отношенія.

Но эти земледѣльческія хозяйства складывались и иначе при участіи не болѣе слабыхъ экономически подсусѣдковъ, а равноправныхъ „сябровъ". Эти сябринныя отношенія получались или тѣмъ же путемъ, какъ и въ архаическомъ дворищѣ, т.-е. путемъ семейнаго раздѣла, или путемъ договора: посторонніе люди соединялись для совмѣстнаго владѣнія и хозяйничанья на общей землѣ.

Конечно, хозяйства козаковъ, въ общемъ, были сильнѣе хозяйствъ посполитыхъ: въ козакахъ оставались болѣе состоятельные, тѣ, кто, благодаря этой состоятельности, могъ справиться съ козацкой службой, и на козацкомъ званіи лежалъ извѣстный оттѣнокъ привилегированности. „Якъ осѣли люде, тогда можнѣйшіе пописались въ козаки, а подлѣйшіе остались въ мужикахъ",— таково наивное показаніе одного современника начала XVIII столѣтія о томъ, какъ устраивались общество и земельныя отношенія послѣ Хмельнищины. Можетъ-быть, уже и въ это время отдѣльныя козацкія хозяйства складывались для составленія одной конной службы, но объ этомъ мы ничего не знаемъ положительнаго.

Финансовая сторона жизни украинскаго общества также приняла болѣе упрощенный видъ. Значительное большинство населенія, какое представляла собою козацкая масса съ ихъ семьями, сябрами и подсусѣдками, пользовалась полной свободой отъ всякаго прямого обложенія, такъ какъ они несли на себѣ военную повинность со всѣми ея расходами. Мало того, козакамъ предоста-

влены были важныя привилегіи по отношенію къ двумъ главнѣйшимъ промысламъ, непосредственно связаннымъ съ земледѣліемъ, „млинарству" и винокуренію: козакъ имѣлъ право на своей землѣ занять греблю для постройки млина, а также имѣлъ право курить горѣлку. При тогдашнемъ экономическомъ состояніи общества это были привилегіи огромнаго финансоваго значенія.

Лишь поспольство, городское и сельское, несло на себѣ обязанность удовлетворять всѣ „общенародныя нужды", за исключеніемъ военной. Но поспольство, представляемое домохозяевами, за которыми опять-таки укрывались домочадцы, подсусѣдки, лезные, не было численно, а, главное, оно, послѣ такого подъема и напряженія, какое вызвала эпоха Хмельницкаго, было не такъ настроено, чтобы спокойно переносить излишнія „тягости". Надо думать, что поспольство городское, въ своихъ финансовыхъ отношеніяхъ къ власти, придерживалось традицій стараго, польскаго режима; но съ поспольствомъ сельскимъ, только-что сбросившимъ съ себя владѣльческое иго, приходилось устраивать отношенія на-ново. Устраивать ихъ было, видимо, не легко, такъ какъ нечего было и думать на первый разъ о какой-нибудь опредѣленной и постоянной нормѣ обложенія. Сколько можно судить, финансовыя отношенія устраивались на основаніяхъ договора, обоюднаго соглашенія между громадами и ихъ войтами, съ одной стороны, и козацкой властью, съ другой. Отсюда частный и случайный характеръ обложенія посполитыхъ: посполитые платятъ то натурой,—хлѣбомъ, овсомъ, сѣномъ и т. п., то „работизной"; лѣсныя и промысловыя хозяйства Сѣверщины, „верховыя вотчины" (т.-е. барти) рудни, буды и гуты (заводы для выдѣлки желѣза, поташа и стекла), майданы дегтярные (селитряные майданы были распространены на югѣ, на степной полосѣ), платили медомъ, возками руды и т. п. Важнымъ подспорьемъ войсковаго скарба были въ эту эпоху млины. Въ силу исконнаго обычая, корень котораго надо искать въ глубокой древности, помолъ считался государственной регаліей; послѣ Хмельнищины, при плохомъ состояніи финансовыхъ рессурсовъ общенароднаго скарба, размѣровые пожитки съ млиновъ, эта войсковая „третья мѣрочка", выступила чуть ли не на первый планъ, если судить по частотѣ упоминаній, какія выпадаютъ на ея долю въ современныхъ документахъ. Но, конечно, всѣ эти посполитыя „дачки" натурой и работизной и третья мѣрочка представляли собой настолько неудобный видъ государственныхъ фондовъ, что государство должно было стремиться къ тому, чтобы раздѣлаться съ нимъ. Иное дѣло таможенныя и вообще торговыя пошлины, которыя взымались деньгами. По старымъ традиціямъ, торговля, даже и внутренняя, а особенно внѣшняя, должна была расплачиваться за все. Конечно, Хмельнищина и смута послѣдующей эпохи не были особенно благопріятны для развитія торговли, и на правомъ берегу она замирала съ общимъ уменьшеніемъ населенія и упадкомъ производительности; но иначе стояло дѣло на лѣвобережьѣ, въ Малороссіи: значительный приростъ населенія и относительное спокойствіе покровительствовали торговому обороту, который, благодаря новымъ тѣснымъ отношеніямъ съ Московскимъ государствомъ, получилъ особую энергію въ этомъ направленіи. Торговая дѣятельность питалась, главнымъ образомъ, Сѣверщиной

съ промысловымъ направленіемъ ея производительности. Здѣсь быстро выросли, въ качествѣ важныхъ торговыхъ центровъ, города Стародубъ, южнѣе Нѣжинъ и Кролевецъ—на пограничьѣ лѣсной полосы со степной. Еще до Хмельнищины начали пріѣзжать на лѣвобережье купцы изъ Польши и Пруссіи для закупки на мѣстѣ продуктовъ. Теперь всѣ эти продукты нашли себѣ большой сбытъ и въ Великороссіи: степная Украина сбывала свой хлѣбъ и кожи въ Польшу, а скотъ, выкормленный на бардѣ, въ Великороссію, Силезію и Пруссію. Также до Хмельнищины въ Нѣжинѣ водворились греки, которые взяли на себя посредничество въ торговлѣ между сѣверомъ и югомъ: сюда доставлялись товары изъ Константинополя и другихъ мѣстностей (бакалея, пряности, шелкъ) для обмѣна ихъ на произведенія московскаго сѣвера. Усиленный и правильный обмѣнъ внутри страны опредѣлялся естественными условіями края: степная полоса нуждалась въ произведеніяхъ лѣсной и обратно. Затѣмъ вся территорія снабжалась соленой и вяленой рыбой и крымскою солью съ Запорожья, которое этимъ путемъ добывало все необходимое для своихъ обитателей. Наконецъ существовали постоянныя правильныя торговыя сношенія Малороссіи съ Слободской Украиной и Дономъ. Любопытно, что въ этихъ внутреннихъ торговыхъ сношеніяхъ игралъ, повидимому, значительную роль натуральный обмѣнъ: напримѣръ, деревянная посуда мѣнялась на хлѣбъ, причемъ ржи давалось столько, сколько ее можетъ войти въ данный сосудъ, гречи вдвое болѣе и т. п.

Какъ бы то ни было, торговыя пошлины составляли главный фондъ войскового скарба, и на первомъ планѣ пошлины таможенныя, „индукта“ и „эвекта“, т.-е. ввозная и вывозная, а за таможенными и остальныя, которыми была опутана тогдашняя торговля: „помѣрное“, „ваговое“, „покуховное“, „мостовое“ и т. п. Но, повидимому, даже и эти пошлины не были обременительными: по крайней мѣрѣ, въ одномъ доносѣ на Самойловича въ Москву гетманъ обвиняется въ томъ, что онъ не повышаетъ торговыхъ пошлинъ, слишкомъ низкихъ.

Итакъ, украинскій народъ, въ данную эпоху, не только пользовался личной свободой и полнымъ правомъ распоряженія главнѣйшимъ орудіемъ своего труда—землей, но и содержаніе государства не лежало на немъ тяжелымъ гнетомъ. Защита, управленіе, судъ—все это народъ, первое время, отправлялъ, по возможности, натурой, не тратясь на содержаніе отдѣльнаго, правящаго класса и дорогихъ учрежденій. При этихъ условіяхъ украинскій народъ имѣлъ возможность удѣлять кое-что на дѣла просвѣщенія и благотворительности — и дѣлалъ это.

Выше мы имѣли случай сослаться на замѣчательное свидѣтельство современнаго чужестранца, діакона Павла Алеппскаго, который отмѣтилъ чертами, полными выразительности, тотъ подъемъ духовной культуры, который онъ наблюдалъ, проѣзжая по правобережной Украинѣ непосредственно послѣ освобожденія. Его показанія подтверждаются свидѣтельствами документовъ и для Украины лѣвобережной. Всюду появляются при церквахъ школы и старческіе шпитали, обезпеченные не только подаяніемъ, но и недвижимой собственностью. Не только по городамъ и мѣстечкамъ, но и по селамъ возникаютъ

церковныя братства для хлѣборобовъ и цехи для всякихъ ремесленниковъ и торговцевъ, преслѣдующіе религіозно-нравственныя цѣли. Въ менѣе благопріятномъ положеніи находилось въ это время высшее просвѣщеніе: посполитые, отказавшись отъ „послушенства", лишили тѣмъ самымъ доходовъ земельныя имущества, которыя обезпечивали существованіе такихъ образовательныхъ учрежденій, какъ кіевская академія или черниговскія латинскія школы.

Это упрощенное общественное состояніе, обезпечивавшее своей простотой значительную степень соціальнаго равенства, не только сословнаго, правового, но и экономическаго, не могло долго держаться. Не могло оно удержаться и въ силу внѣшнихъ причинъ: сосѣдніе сильные государственные организмы, втягивавшіе Украину въ свои сферы, должны были дѣятельно вліять на переработку ея строя. Не могло удержаться и въ силу причинъ внутреннихъ, о которыхъ пока у насъ только и будетъ рѣчь. Молодое, мало культурное, но съ сильнымъ тяготѣніемъ къ европейской культурѣ, украинское общество не могло выбиться изъ цикла соціальныхъ идей, навязываемыхъ этою культурой, выросшей на почвѣ сословнаго государства, а формы и отношенія уже вытекали изъ этихъ идей, какъ слѣдствіе изъ причины.

Процессъ образованія сословныхъ отношеній обнаружилъ въ своемъ развитіи значительную энергію.

Надо сказать прежде всего, что, несмотря на радикальный характеръ переворота, связаннаго съ именемъ Хмельницкаго, въ новое украинское общество все-таки успѣли перейти извѣстные остатки старыхъ сословныхъ отношеній. Еще Хмельницкій подтвердилъ своими универсалами права нѣкоторыхъ монастырей на принадлежавшія имъ земельныя имущества и „послушенство" подданныхъ, живущихъ на монастырскихъ земляхъ; подтвердилъ права на земли и нѣкоторымъ лицамъ изъ сѣверской шляхты, которую „Богъ всемогущій до Войска запорожскаго наклонилъ (шляхтѣ остерской и любецкой). Но если можно было универсально закрѣпить за владѣльцами землю, то нельзя было пока закрѣпить „послушенства" подданныхъ, по крайней мѣрѣ, въ его старыхъ формахъ: подданные или уходили въ козаки, или оставались лишь подъ условіемъ легкихъ обязательствъ, въ опредѣленіи которыхъ, повидимому, участвовали и козацкіе власти *). Но, тѣмъ не менѣе, зачатки зависимыхъ отношеній уже были налицо.

Козацкое товариство, почти отожествившееся во времена Хмельнищины со всей народной массой, всегда давало отслой въ видѣ значныхъ, старшихъ: эпитеты „старшаго и меньшаго" постоянно сопутствуютъ слову „товариство". „Старшое" — составляли болѣе богатые, энергичные, образованные, опытные люди; изъ нихъ выбирались должностныя лица, урядъ. Какъ это обыкновенно наблюдается въ аналогичныхъ условіяхъ, должности быстро начинаютъ сосредоточиваться въ рукахъ извѣстныхъ семей, которыя, разъ овладѣвъ положеніемъ, уже имѣли шансы укрѣпить его за собой. Для вознагражденія должностныхъ

*) Въ одномъ универсалѣ временъ Хмельницкаго обязательный платежъ владѣльцу со стороны зависимаго населенія опредѣляется „десятой копой".

лицъ, кромѣ гетмана, за ихъ труды, служили на первое время, главнымъ образомъ, млины: судя по высотѣ, вліятельности „ранга“ или уряда, на него полагался доходъ того или другого количества млиновъ, т.-е. войсковыя части этихъ доходовъ, войсковыя „мѣрочки“. Къ доходамъ отъ млиновъ скоро присоединились и доходы отъ посполитаго населенія, всѣ эти натуральныя дани, дачки и отсыпи, которыя, будучи сами по себѣ такимъ неудобнымъ фондомъ общенароднаго скорба, могли удобно представлять собою жалованье. Такимъ образомъ завязывался и здѣсь узелъ зависимыхъ отношеній.

Итакъ, процессъ новаго развитія сословной зависимости въ украинскомъ обществѣ, послѣ революціоннаго періода, имѣлъ два исходныхъ пункта: во-первыхъ, остатки старой шляхты съ признанными козацкой властью правами, шляхты, къ которой присоединялось небольшое число козацкой старшины, нобилитованной Яномъ-Казиміромъ при заключеніи Гадяцкаго договора, а также возведенной въ дворянское достоинство московскимъ правительствомъ при Брюховецкомъ,—все это стремилось, преодолѣвая противодѣйствіе со стороны массы, къ осуществленію своихъ правъ и находило себѣ сочувствіе и содѣйствіе въ мѣстной козацкой власти; во-вторыхъ, тотъ общераспространенный фактъ, что должностныя лица получали, въ качествѣ жалованья, доходъ съ сельскаго посполитаго населенія, которое попадало такимъ путемъ въ отношеніе личной зависимости къ представителямъ должностной группы. Конечно, оба эти обстоятельства получили свое глубокое значеніе лишь въ связи съ тѣмъ, что представленія общества о лучшемъ и высшемъ строѣ связывались неразрывно съ понятіемъ зависимости одной части общества отъ другой.

Поступательное движеніе въ указанномъ направленіи обнаружилось одновременно по всей линіи общественныхъ отношеній. Та часть земельныхъ имуществъ, принадлежащихъ посполитымъ, которая была отдѣлена на содержаніе уряда, назывались „ранговыми маетностями“. Но гетманы, вообще, пользовались правомъ раздавать доходы посполитыхъ земель, кому имъ заблагоразсудится, — конечно, подъ предлогомъ нуждъ и пользъ общественныхъ, лицамъ, „заслуженнымъ въ войскѣ“. До Мазепы они пользовались этимъ правомъ лишь очень скупо, съ большой осмотрительностью. Но Мазепа открываетъ собою новую эру щедрой раздачи доходовъ съ посполитыхъ не только лицамъ заслуженнымъ, но даже ихъ женамъ и вдовамъ въ цѣляхъ поддержки „подупалыхъ“ домовъ такихъ лицъ.

Эти „державцы“ по снова воскресшей старой терминологіи, конечно, стремились превращать свои права на доходы въ права на распоряженіе какъ личностью своихъ „подданныхъ“, такъ и ихъ землями. Но до восемнадцатаго вѣка державцы, несмотря на всѣ усилія, не сдѣлали въ этомъ направленіи большихъ успѣховъ: въ народной массѣ еще было слишкомъ живо представленіе о добытой ею свободѣ, и въ отдѣльныхъ случаяхъ выступавшихъ наружу пререканій между державцами и посполитами гетманы, въ томъ числѣ и Мазепа, такъ много сдѣлавшій для развитія сословной зависимости въ украинскомъ обществѣ, становились обыкновенно на сторону посполитыхъ.

Но если бы эти новые владѣльцы, перерабатывающіеся изъ козацкой

старшины, не имѣли иныхъ средствъ, чтобы создать себѣ шляхетское положеніе, они не скоро достигли бы желанныхъ результатовъ.

Иныя средства были налицо, и козацкая старшина широко ими воспользовалась. Свободныхъ земель было много, и не только гетманы, но даже полковники въ своихъ полкахъ давали разрѣшеніе на захватъ земли подъ новое поселеніе въ вольномъ степу, въ вольномъ лѣсѣ и т. д. Особенно цѣнились такія угодья, гдѣ можно было бы „греблю загатить и млинъ построить", и гетманскіе универсалы не скупятся на разрѣшенія заимки такихъ угодій войсковой старшинѣ. Разрѣшая заимку, гетманъ обыкновенно даетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и разрѣшеніе осадить „слободу". Разрѣшеніе „закликать слободу" давалось съ такимъ ограниченіемъ: чтобы люди, призываемые на слободу, „не были господари изъ жилищъ осѣлихъ", но люди „вольные, легкіе, жилища и притулиска своею слушного и жадного желающіе" (т.-е. лезные), или же „люди посторонніе, изъ иншихъ сторонъ захожіе", а не „тутешніе, старинные". Людей лезныхъ и заграничныхъ на лѣвобережьѣ было, благодаря политическимъ условіямъ украинской жизни, въ изобиліи, и они охотно стекались на панскія слободы, привлекаемые многолѣтними сроками льготы (до 15 лѣтъ). Поселившіеся на слободахъ уже были, съ самаго начала и безъ пререканій, подданными тѣхъ пановъ, на земляхъ которыхъ они садились, хотя положеніе ихъ на первое время было лучше положенія всѣхъ остальныхъ посполитыхъ.

Параллельно съ заведеніемъ слободъ на дикихъ, пустыхъ земляхъ, пріобрѣтаемыхъ то прямой заимкой, то уступкой, вольной или вынужденной, со стороны громады, шла скупля уже занятыхъ земель, мужичьихъ и козачьихъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше росла эта скупля, пріобрѣтая прямо характеръ азартной погоней за продажной землей: скупались клочки, отдѣльные угодья, млины, къ которымъ тянули ихъ берега, цѣлые хутора, пляцы или долы ихъ. Гетманская власть стремилась ограничить продажу цѣлыхъ имуществъ, козачьихъ или посполитыхъ, такъ какъ такимъ путемъ исчезали отдѣльныя единицы тягла или службы; но внѣ этого условія гетманы совершенно благосклонно относились къ скуплѣ земель войсковой старшиной.

Козакъ или мужикъ, продавъ свою осѣдлость, уходилъ или на слободу, или просто на „вольное поле", пока еще было такое поле, а его подсусѣдки, оставшись на проданной, теперь панской, землѣ, обращались въ подданныхъ. Но козакъ или посполитый не всегда уходилъ: иногда онъ оставался на проданной землѣ „подъ протекціей владѣльца. „Протекціанты" являются новой общественной разновидностью, и по мѣрѣ роста общественной тяготы число ихъ все увеличивается. Козакъ „отъ тяжелыхъ и дальнопутныхъ походовъ", мужикъ отъ все растущихъ повинностей, дачекъ и работизнъ спасались подъ „протекцію" сильнаго урядника, который избавлялъ ихъ отъ общенародныхъ повинностей тѣмъ, что бралъ на себя ихъ земли; эти „протекціальные" люди, конечно, тоже переходили въ число подданныхъ.

Такъ разлагалось еще недавно совсѣмъ простое общество на пановъ и мужиковъ. Все, что упомянуто выше, относится къ тѣмъ, такъ сказать, „легальнымъ" средствамъ, какими пользовалась козацкая старшина, чтобы выбиться

изъ козацкаго „товариства“ въ фактическое шляхетство въ разсчетѣ, что фактъ шляхетскаго владѣнія повлечетъ за собою и признаніе шляхетскихъ правъ. Но надо сказать, что козацкая старшина въ своихъ цѣляхъ широко пользовалась и такими средствами, за которыми нельзя было признать правового характера ни съ какой точки зрѣнія, хотя обычная мораль данной среды, видимо, смотрѣла на противозаконныя дѣйствія своихъ членовъ сквозь пальцы. Надо сказать, что козацкая старшина, несмотря на свою наклонность къ взаимнымъ доносамъ, интригамъ и подсиживанью, держалась очень солидарно во всемъ, что касалось ея отношенія къ чрезвычайно для нея важному и щекотливому вопросу о земляхъ и подданныхъ.

Изъ нелегальныхъ способовъ, къ какимъ прибѣгала козацкая старшина для указанныхъ цѣлей, часто встрѣчаются по документамъ факты насильственнаго обращенія въ посполитые тѣхъ козаковъ, владѣнія которыхъ находились вперемежку съ землями посполитыхъ, уже подпавшихъ подъ власть того или другого лица козацкой старшины: козакъ, сидящій между посполитыми, обреченными на подданство, крайне мѣшалъ экспропріаціи посполитыхъ и округленію земельнаго владѣнія. Часто встрѣчаются жалобы на то, что вліятельный чинъ уряда разными притѣсненіями и насиліями сгоняетъ въ районѣ своихъ владѣній старое населеніе съ ихъ земель: посаженные на освободившіяся земли подсусѣдки уже не предъявляютъ никакихъ правъ собственности на земельныя владѣнія и легко обращаются въ панскихъ подданныхъ. Скупля земель нерѣдко сопровождалась если не прямымъ насиліемъ, то сильнымъ давленіемъ, равняющимся насилію, если панъ покупалъ землю у своихъ посполитыхъ или сотникъ у козаковъ своей сотни. Захваты вольныхъ земель также практикуются вліятельными лицами въ широкихъ размѣрахъ. Вообще по всей территоріи лѣвобережья мы можемъ наблюдать въ безконечно повторяющихся варіаціяхъ одну картину съ такими общими чертами. Сильный козацкій урядникъ пріобрѣтаетъ, тѣмъ или инымъ способомъ, какое-нибудь владѣніе, сельцо, хуторъ, млинъ или даже долю въ млинѣ (полшеста, сутки въ млиновомъ камнѣ и т. п.), права на такіе-то доходы съ посполитыхъ—и, смотришь, черезъ десятка-два лѣтъ уже создается изъ этого зернышка земельное владѣніе, хотя сначала еще и разрозненное, черезполосное, но болѣе или менѣе значительное; очевидно, дѣло не обходилось безъ злоупотребленій.

Любопытно слѣдить по завѣщаніямъ, какого рода недвижимое имущество оставляютъ послѣ себя въ разное время отдѣльныя лица козацкаго уряда. Сначала, непосредственно послѣ Хмельницкаго, — это пасѣки, рыбные станы, строенія; позже появляются млины съ небольшимъ количествомъ земельныхъ угодій; наконецъ, уже при Мазепѣ, села, хутора, пляцы, лѣса, озера, сначала разрозненные и разбросанные, а затѣмъ уже до нѣкоторой степени объединенные въ округленныя владѣнія. На этихъ округленныхъ земельныхъ владѣніяхъ жило, конечно, населеніе, тѣмъ или инымъ способомъ приведенное въ зависимость владѣльца.

Въ теченіе своего продолжительнаго гетманства Мазепа всѣми силами своего ума и опытности содѣйствовалъ разложенію общества на привилегиро-

ванныхъ и зависимыхъ. Кромѣ множества универсаловъ на земельныя владѣнія и разныхъ привилегій, выданныхъ имъ отдѣльнымъ представителямъ козацкой старшины, Мазепѣ принадлежитъ одна общая мѣра, сильно содѣйствовавшая выдѣленію козацкой старшины въ особое сословіе. Этой мѣрой было образованіе бунчуковаго, значнаго и войскового товарищества, къ которому причислялись дѣти старшины генеральной, полковой или сотенной, а также лица, оставшіяся безъ урядовъ; такимъ путемъ привилегированность не связывалась, какъ раньше, лишь съ занятіемъ должности, а дѣлалась принадлежностью цѣлой группы, разъ навсегда выдѣлившейся изъ рядового козачества.

Козацкая старшина, съ своей стороны, принимала всѣ мѣры къ тому, чтобы расширить и углубить черту, отдѣлявшую ее отъ остальной народной массы. Начались со стороны отдѣльныхъ представителей старшины попытки доказать, что они „не здѣшней простонародной малороссійской породы"; въ ряды старшины принимались съ распростертыми объятіями шляхтичи съ правобережья, сообщавшіе извѣстный оттѣнокъ привилегированности цѣлой группѣ, и даже гетманъ Самойловичъ считалъ для себя выгоднымъ женить сына на бѣдной шляхтянкѣ; наконецъ, образованность, соединенная съ свѣтской полировкой, явилась—особенно со времени Мазепы, прилагавшаго большія попеченія о ея распространеніи—какъ могущественное средство отдѣлить себя отъ народа въ качествѣ привилегированнаго сословія. Положеніе у власти, образованность или замѣняющій ее лоскъ извѣстной культурности, наконецъ, матеріальная обезпеченность—все это давало возможность козацкой старшинѣ вести „благородную жизнь", которая, съ своей стороны, какъ бы представляла наглядный патентъ на привилегированность. Такъ, еще въ первый періодъ послѣ Хмельнищины, уже обнаружилась въ однородномъ общественномъ составѣ трещина, которой предстояло быстро расти и расширяться въ настоящую пропасть. Это глубокое измѣненіе общественнаго строя влекло за собой и иныя измѣненія. Посполитые, въ виду угрожающаго подданства, „вламывались" изъ всѣхъ силъ въ козаки; козаковъ же, наоборотъ, козацкая старшина тянула въ посполитые, другіе посполитые уходили въ подсусѣдки, противъ чего Мазепа издалъ запретительный универсалъ; наконецъ, и козаки, и посполитые, въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, уходили въ протекціанты къ сильнымъ людямъ, чтобы, закрывая глаза на будущее, угрожающее потерей и свободой и земельной собственности, воспользоваться временными выгодами положенія. Происходило броженіе, угрожающее интересамъ порядка. Чтобы положить предѣлъ этому броженію, Мазепа задумывалъ-было общую перепись, такъ какъ московская перепись тяглаго населенія 1666 г. и старые козацкіе компуты, очевидно, были недостаточны; но онъ не могъ привести этой мысли въ исполненіе.

Все усложняющіяся столкновенія интересовъ взывали къ постояннымъ и болѣе приспособленнымъ судамъ. Изъ первоначальнаго хаотическаго состоянія судебнаго дѣла выдвигаются болѣе или менѣе правильно дѣйствующіе суды—генеральный, суды полковые и сотенные; параллельно снова входятъ въ силу отброшенные-было Литовскій Статутъ и нѣмецкіе правовые кодексы: выдвинутые снова на сцену расчлененіемъ общественнаго организма, они, въ свою

очередь, вліяютъ своими положеніями на дальнѣйшее развитіе этого расчлененія.

Первоначальная простота финансовыхъ отношеній уже не удовлетворяетъ общественнымъ потребностямъ. Доходы съ посполитыхъ все больше и больше переходятъ къ козацкой старшинѣ, а, слѣдовательно, уменьшаются доходы общенароднаго скарба, расходы же растутъ. То народное воодушевленіе, когда хватался за оружіе каждый, давно прошло, и теперь козачество уже начинаетъ смотрѣть на постоянныя войны, какъ на тяжелую повинность, отъ которой старается, по возможности, отдѣлаться; въ силу этого, гетманы видятъ себя вынужденными обращаться къ найму военной силы, заводятъ охотницкіе, компанейскіе полки, сердюковъ и т. п., требующіе денежныхъ тратъ, даже и при томъ условіи, что содержаніе ихъ лежитъ на посполитыхъ въ качествѣ натуральной повинности. Уже первые гетманы должны были, въ виду такихъ расходовъ, завести „оранды", т.-е. отдачи на откупъ винной, дегтярной и табачной торговли. Аренды эти были такъ ненавистны народу, что при Мазепѣ былъ серьезно поставленъ вопросъ объ ихъ уничтоженіи, и былъ даже сдѣланъ опытъ отмѣны ихъ на годъ, но финансовыя потребности вынудили ихъ возстановленіе.

По мѣрѣ того какъ козацкая старшина становилась въ положеніе привилегированнаго класса, утверждались монастыри и другія духовныя учрежденія во всемъ объемѣ своихъ правъ на земельныя имущества, и тѣмъ вновь пріобрѣтали утраченное-было ими благосостояніе. Навстрѣчу этому благопріятному условію шли большія заботы о просвѣщеніи со стороны козацкой старшины и Мазепы во главѣ ея. Мазепа покровительствуетъ тому, чтобы старшина посылала сыновей учиться за границу, старается изо всѣхъ силъ поднять значеніе Кіевской Академіи, устраиваетъ типографіи, ведетъ дѣятельно корреспонденцію съ учеными людьми. Между духовными писателями и учеными этого времени выдвигаются имена Иннокентія Гизеля, Лазаря Барановича, Іоанникія Голятовскаго, св. Дмитрія Ростовскаго: они были, вмѣстѣ съ тѣмъ, и общественными дѣятелями, частью прямо вмѣшиваясь въ политическія дѣла своего времени, частью стремясь вліять на общество поученіемъ и проповѣдью. Подъемъ высшаго духовнаго просвѣщенія въ Малороссіи начинаетъ отражаться и на сѣверной Руси: съ конца XVII вѣка, на нѣсколько десятилѣтій, „черкасы", по московской терминологіи, берутъ въ свои руки всѣ высшія духовныя и просвѣтительныя учрежденія.

Такова въ общихъ чертахъ картина внутренняго быта Малороссіи отъ освобожденія до конца гетманства Мазепы. Дальше начинаетъ дѣйствовать новый факторъ—вліяніе сѣвернорусскаго государства—и начинаетъ дѣйствовать съ значеніемъ условія, опредѣляющаго весь дальнѣйшій ходъ развитія южнорусскаго общества лѣвобережной Украины.

IV.

Настоящій очеркъ внѣшняго и внутренняго состоянія Украины послѣ Хмельницкаго умышленно игнорировалъ такую важную часть нашего историческаго цѣлаго, какую представляетъ собою исторія Запорожскаго Низа. Дѣло

въ томъ, что теперь, т.-е. со временъ Хмельнищины, историку становится не только болѣе удобнымъ, но даже необходимымъ излагать этотъ предметъ отдѣльно.

Запорожье въ его исторіи имѣетъ свою исключительную судьбу. Легенда—не какъ продуктъ народнаго творчества, а какъ измышленіе увлекавшихся изслѣдователей—облекла раннюю исторію Запорожья густымъ туманомъ, въ которомъ совершенно укрываются истинныя очертанія предмета: точно дѣло идетъ не о XVI—VII вв. со всѣмъ свойственнымъ имъ обиліемъ документальныхъ свидѣтельствъ, а о какой-нибудь эпохѣ рунъ или іероглифовъ. Объяснить это явленіе нетрудно. Увлекаясь оригинальными формами запорожской жизни, такъ причудливо выступавшими на фонѣ просвѣщеннаго XVIII вѣка, изслѣдователи этой жизни, естественно, стремились видѣть въ ней остатокъ, переживаніе какого-то архаическаго жизненнаго уклада. И съ извѣстной точки зрѣнія они, конечно, правы: все, что насъ такъ поражаетъ въ запорожскомъ обществѣ, его строй, понятія, нравы и обычаи,—все это вынесено украинскимъ козачествомъ изъ глубинъ древне-русской жизни и взлелѣяно имъ на степномъ раздольѣ окраинъ, гдѣ постоянная внѣшняя угроза обезпечивала личности извѣстную свободу отъ притязаній государства.

Тѣмъ не менѣе, Запорожская Сѣчь, какъ самостоятельный соціально-политическій организмъ, есть порожденіе относительно поздняго времени, главнымъ образомъ, эпохи, слѣдующей за переворотомъ 1648 года.

Когда польское правительство, въ концѣ XVI столѣтія, стало вводить козацкую регистровку, то оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, требовало отъ зарегистрованнаго имъ украинскаго козачества, чтобы оно держало постоянную сторожу на запорожскомъ Низу. Съ этихъ поръ эпитетъ „запорожскій“ сталъ постоянно прикладываться въ польскомъ языкѣ къ козацкому войску, признаваемому правительствомъ, и сохранился даже до того поздняго времени, когда украинское козачество фактически совсѣмъ обособилось отъ запорожскаго или низового.

Несомнѣнно, что украинское козачество, выросшее по хуторамъ и пасѣкамъ Украины, по ея звѣринымъ и рыболовнымъ угодьямъ, съ очень ранней поры начало пользоваться запорожскимъ Низомъ, цѣня въ немъ не только промысловое богатство, но и его недоступность, съ одной стороны, для татаръ, съ другой—для старостъ и иныхъ властей своего же государства, всегда готовыхъ наложить руку на свободу народной массы. По крайней мѣрѣ, еще въ концѣ XV в. упоминаются козаки, приплывавшіе въ Кіевъ съ рыбой съ Низу. Но и въ концѣ XVI в. на Низу все-таки нѣтъ прочной осѣдлости. Польскій хроникеръ Бѣльскій имѣлъ точныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ на Низу отъ своего дяди Оришевскаго, который долго жилъ за порогами въ качествѣ козацкаго гетмана, т.-е. польскаго начальника надъ козацкой сторожей. Онъ сообщаетъ, что козаки занимаются на низовьяхъ Днѣпра ловлей рыбы, которую тамъ же и сушатъ на солнцѣ. Живутъ они тамъ только лѣтомъ, на зиму же расходятся въ ближайшіе города, какъ Кіевъ, Черкасы и др., спрятавши предварительно на какомъ-нибудь днѣпровскомъ островѣ, въ безопасномъ мѣстѣ, свои лодки и оставивъ тамъ нѣсколько сотъ человѣкъ „на куренѣ, чтобы стеречь орудіе. Къ той же эпохѣ, т.-е. концу XVI в., относится путешествіе на Запорожье

двухъ лицъ, которыя въ разное время съ разными цѣлями ѣздили туда, причемъ отъ обоихъ осталось описаніе ихъ пребыванія на Низу: во-первыхъ, это былъ магнатъ и авантюристъ Самуилъ Зборовскій, убѣжавшій въ 1579 г. отъ смертной казни на Запорожье, чтобы, во главѣ тамошняго козачества, поискать счастья въ военныхъ предпріятіяхъ; во-вторыхъ, силезскій шляхтичъ Лассота, отправленный римскимъ императоромъ Рудольфомъ II въ 1594 году, чтобы привлечь козаковъ на службу, въ видѣ войны съ Турціей. Ни тотъ, ни другой, ни Зборовскій, ни Лассота также не нашли здѣсь прочной осѣдлости: шалаши, крытыя звѣриными шкурами, очевидно, не могли быть постоянными жилищами. О какомъ-нибудь укрѣпленіи тоже нѣтъ рѣчи. Козацкое войско располагалось на томъ или другомъ изъ своихъ острововъ—Зборовскій засталъ его на Томаковкѣ и Чертомлыкѣ, Лассота на Базавлукѣ—подвижнымъ лагеремъ, „кошемъ“,—а затѣмъ расходилось: оставалась обязательная сторожа, и, можетъ-быть, нѣкоторое количество „сиромахъ“, стоявшихъ въ открытой враждѣ съ законами своего государства, которымъ некуда было идти, негдѣ искать болѣе гостепріимнаго крова.

Извѣстный польскій ученый Яблоновскій, такъ серьезно работавшій надъ вопросами топографіи и заселенія украинской территоріи, полагаетъ, что въ концѣ XVI в. и въ началѣ XVII в. число постояннаго населенія Запорожскаго Низа не превышало пятисотъ человѣкъ. Можно отнестись, конечно, съ извѣстнымъ недовѣріемъ къ этой цифрѣ, особенно, если принять во вниманіе, что къ Запорожскому Низу относились земли по Самарѣ и другимъ степнымъ рѣчкамъ, впадающимъ въ Днѣпръ съ лѣвой стороны, гдѣ тоже могли проживать козаки. Но что постоянное населеніе Запорожья все-таки было ничтожно—это несомнѣнно. Тѣ тяжелыя столкновенія украинскаго козачества съ государствомъ, какія оно пережило въ двадцатыхъ-тридцатыхъ годахъ XVII в. должны были сразу сильно поднять цифру постояннаго населенія запорожской территоріи. Но, во всякомъ случаѣ, до Хмельнищины у запорожскаго козачества нѣтъ исторіи, отдѣльной отъ исторіи остальной Украины; по крайней мѣрѣ, мы лишены возможности выдѣлить въ общемъ потокѣ событій какія-нибудь особо окрашенныя теченія, имѣющія своимъ источникомъ спеціальные интересы запорожской жизни.

Хмельнищина и событія, вытекающія изъ нея, положили извѣстную грань между Запорожьемъ и остальной Украиной. По мѣрѣ того какъ Украина все опредѣленнѣе раздѣлялась на двѣ половины, и каждая изъ половинъ втягивалась въ орбиту сосѣдняго государства, Запорожье рѣшительнѣе выступало въ качествѣ особаго соціально-политическаго организма.

Яркимъ выразителемъ нарождающейся политической самостоятельности Запорожья является Сѣчь, впервые возникшій на Низовой территоріи настоящій городъ — опорный пунктъ прочной осѣдлости. Если у низовыхъ козаковъ бывали и раньше сѣчи, что можно допустить, судя по тому, что слово „сѣчевцы“, „сѣчевики“, появляется еще въ началѣ XVII в., то это были лишь слабыя укрѣпленія, вызываемыя къ существованію случайной потребностью и исчезавшія вмѣстѣ съ ней. Всѣ изысканія о послѣдовательномъ рядѣ сѣчей,

или сѣчевыхъ городовъ, должны разъ навсегда отойти въ область миѳологіи, въ которой нечего дѣлать историку.

Есть одинъ документъ, который долженъ быть положенъ во главу угла научной постановки этого вопроса, дѣйствительно темнаго и запутаннаго, но лишь въ силу тѣхъ ненужныхъ загроможденій, какими обставили его не по разуму усердные изслѣдователи. Этотъ документъ 1672 г. есть подробное описаніе Сѣчевого города, представленное запорожцами въ приказъ малороссійскихъ дѣлъ: изъ описанія этого видно, что городъ Сѣча стоялъ въ устьяхъ Чертомлика и Прогноя, надъ рѣчкою Скарбною, былъ окруженъ валомъ въ 6 саженъ высоты и рвомъ, имѣлъ башни съ бойницами и еще земляной городокъ за рвомъ, былъ снабженъ въ обиліи и пушечнымъ нарядомъ, боевыми и съѣстными припасами, всего же мѣры имѣлъ въ окружности 900 саженъ. А самое интересное, что мы узнаемъ изъ этого документа,—что „строилъ тотъ городъ Сѣчу кошевой атаманъ Лутай съ козаками тому 20 лѣтъ". Такимъ образомъ, пятидесятые годы XVII в. — вотъ тотъ моментъ, когда явилась на свѣтъ Старая Сѣчь, или первый Сѣчевой городъ, который сдѣлался фундаментомъ самостоятельной политической исторіи Запорожья. Къ территоріи Запорожскаго Низа относилась въ это время еще и другая крѣпость Кодакъ, при посредствѣ которой поляки держали до 1648 г. въ своихъ рукахъ Запорожье. Тѣ „люди малые и то изъ войска перемѣнные, которыхъ въ дѣло почитать нечего", какими изображаетъ запорожцевъ Богданъ Хмельницкій Москвѣ по поводу присяги по переяславскому договору,—снабдивши свою территорію городами, обнаруживаютъ дѣятельное стремленіе ее ограничить отъ сосѣднихъ территорій и вообще придать ей политическую самостоятельность.

Странную аномалію представляетъ собой это запорожское общество, которое стремится къ политическому существованію, не будучи въ то же время обществомъ гражданскимъ: Сѣчь, политическій центръ Запорожья, не допускала семьи. Но жизнь дѣлала къ этой аномаліи свои поправки. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше покрывается территорія Запорожья „становищами" и „сѣдлищами", гдѣ козаки начинаютъ уже проживать съ семьями. Если въ половинѣ XVII вѣка еще возможно было бы говорить о запорожцахъ, что „на Запорожьѣ живутъ ихъ же братья (украинскіе) козаки, которые переходятъ туда для промысловъ, а иной и потому, что здѣсь пропьется да проиграется, жены же ихъ и дѣти всѣ живутъ по городамъ" (т.-е. на Украинѣ), то въ концѣ вѣка, при Мазепѣ, уже дѣло, очевидно, стояло иначе. Лѣвобережный гетманъ дѣлаетъ формальныя препятствія къ тому, чтобы запорожцы являлись „на зимовлю" въ Украину, и разрѣшаетъ лишь ограниченному ихъ числу приходить къ родственникамъ и свойственникамъ. Очевидно, такія ограниченія были возможны лишь при томъ предположеніи, что старыя, такъ сказать, кровныя связи Запорожья съ Украиной уже ослабѣли.

Но связи экономическія не ослабѣвали до конца этого періода; собственно даже и не связи, а полнѣйшая экономическая зависимость Запорожья отъ Украины и Московскаго государства. Корень этой зависимости заключался въ отсутствіи сельскохозяйственнаго промысла на Низовой территоріи: „не сѣемъ,

не оремъ", пишутъ о себѣ запорожцы. Такимъ образомъ, они нуждались даже въ предметахъ первой необходимости—хлѣбѣ и горѣлкѣ, уже не говоря о дегтѣ, о желѣзѣ и свинцѣ, объ одеждѣ, о неводѣ и челнѣ, по крайней мѣрѣ, большомъ морскомъ челнѣ, на которомъ можно было бы пуститься въ море. Все должны были они пріобрѣтать обмѣномъ, а въ обмѣнъ они могли предлагать лишь рыбу и соль. Рыба ловилась въ чрезвычайномъ изобиліи по „луговымъ и полевымъ" рѣчкамъ, впадающимъ въ Днѣпръ, главнымъ образомъ, Самарѣ, также въ самомъ Днѣпрѣ, гдѣ на порогахъ производилась ловля осетровъ; доставлялась рыба еще и съ Дона обозами. Соль добывали запорожцы на крымскихъ соленыхъ озерахъ и вели торговлю съ Украиной этимъ предметомъ такого общаго и широкаго спроса. Отъ рыбной и соляной торговли запорожцы были, по ихъ собственному выраженію, „сыты, пьяны и одежны". Однако—не вполнѣ. Изъ Сѣчи нерѣдко слышатся жалобы, что тамъ „голодно". А главное—запорожцы, какъ люди въ „оборонахъ", постоянно нуждались въ предметахъ, относящихся до вооруженія,—предметахъ относительно большой цѣнности. Населеніе же, которымъ пополнялось Запорожье, состояло, по преимуществу, изъ бѣглыхъ „мужиковъ", людей бѣдныхъ, которые являлись сюда, не имѣя „ни самопаловъ, ни одежды, ни борошна", которые нуждались въ томъ, чтобы Запорожье и одѣло ихъ, и накормило, и вооружило. При этихъ условіяхъ запорожцы никакъ не могли обойтись „безъ жалованья". Жалованье, частью отъ малорусскаго гетмана, частью отъ царя, составляло вѣчно больное мѣсто запорожской жизни. Обычай получать жалованье отъ гетмана утвердился съ Брюховецкаго, который первый началъ высылать туда запасы хлѣбомъ и деньгами; позднѣйшіе гетманы продолжали эти высылки ежегодно, задерживая ихъ лишь въ случаяхъ запорожской „шатости". Высылались всегда мука, пшено, деньги, иногда ветчина и иные предметы, по спеціальнымъ просьбамъ изъ Сѣчи. Московское жалованье состояло изъ свинцу и пороху, опять же денегъ и всегда суконъ, а нерѣдко и соболей. Но, кромѣ того, запорожцы постоянно добивались отъ гетмана и царя какого-нибудь источника доходовъ, въ видѣ, напримѣръ, перевоза на Переволочнѣ, очень прибыльнаго, или дохода съ мельницъ на Ворсклѣ и т. п.

Экономическая зависимость Запорожья отъ Украины была такъ велика, что, въ случаѣ непослушанія или иной какой-либо „шатости" со стороны запорожцевъ, лѣвобережному гетману достаточно было задержать жалованье и положить препятствіе къ сообщенію съ Запорожьемъ, чтобы низовцы смирялись. Въ минуту крайняго затрудненія они нерѣдко хватались еще за мысль о союзѣ съ Крымомъ, такъ какъ крымскіе ханы, съ своей стороны, не прочь были предложить запорожцамъ и хлѣбное жалованье, и разныя льготы въ торговомъ обмѣнѣ, лишь бы обратить этихъ безпокойныхъ сосѣдей изъ враговъ въ друзей. Но экономическія выгоды отъ союза съ крымцами не могли выдержать никакого сравненія съ тѣмъ, что получали запорожцы отъ Украины; къ тому же, брали свое и традиціонныя представленія о козакѣ, какъ объ исконномъ врагѣ басурманской вѣры, цѣль существованія котораго есть борьба съ басурманствомъ. Такимъ образомъ, политическая самостоятельность, о которой мечтали на Запорожьѣ горячія головы, оказывалась лишь совсѣмъ неосуществи-

мой иллюзіей; но, тѣмъ не менѣе, этотъ фазисъ своего существованія запорожцы не переставали гоняться за этой тѣнью: полная безконтрольность рѣчей и поступковъ постоянно питала эту иллюзію, все возраставшую и возраждавшуюся вновь изъ пепла, въ какой ее нерѣдко обращала суровая дѣйствительность.

Есть основаніе думать, что въ эту эпоху еще ни запорожцы не привыкли смотрѣть на себя, какъ на единое политическое тѣло, ни сосѣди — видѣть въ нихъ опредѣлившійся соціально-политическій организмъ. Это обнаруживается, между прочимъ, изъ того, какъ они себя называютъ въ обращеніяхъ къ московскому или гетманскому правительству: „вѣрные слуги, войско запорожское днѣпровое, кошевое, верховое, низовое, будучи на поляхъ, на лугахъ, на полянахъ и на всѣхъ урочищахъ днѣпровыхъ и полевыхъ, и морское". Въ такомъ же родѣ были обращенія къ запорожцамъ гетманскаго и московскаго правительства. Очевидно, ни сами запорожцы, ни ихъ сосѣди не представляли себѣ войска иначе, какъ собраніемъ какихъ-то механическихъ частицъ, разбросанныхъ на огромной Низовой территоріи. Понятіе о политическомъ единствѣ, о центральномъ политическомъ органѣ, представляющемъ собою территорію, еще, очевидно, было очень слабо. Однако, оно уже не могло не зародиться, такъ какъ была налицо одна общепризнанная власть, власть атамана, выбраннаго „на кошу", которымъ теперь была, какъ мѣсто постоянной осѣдлости, Сѣчь.

Кошевой атаманъ выбирался, какъ и смѣнялся, общекозацкой радой, гдѣ все рѣшалось силою большинства. Но, кромѣ этой рады, имѣла большое вліяніе „атаманская порада", т.-е. собраніе куренныхъ атамановъ съ кошевымъ во главѣ.

Повидимому, уже въ эту эпоху курень былъ единицей самоуправленія, какъ это мы наблюдаемъ въ болѣе позднее время. Кромѣ кошевого, компетенція котораго, какъ и гетманская, не поддается точному опредѣленію, видимъ еще на Запорожьѣ, какъ и въ Гетманщинѣ, писаря, съ тѣми же широкими, канцлерскими, полномочіями, и судью, т.-е. сборщика судебныхъ пошлинъ въ войсковую скарбницу. Упоминаются еще полковники, вѣроятно, выбираемые для отдѣльныхъ военныхъ предпріятій.

Въ началѣ разсматриваемаго періода, когда Запорожье еще не противопоставляло себя такъ рѣшительно Украинѣ, были попытки со стороны низовцевъ взять въ свои руки избраніе гетмана: они требовали, чтобы гетманъ лѣвобережной Украины выбирался или на Запорожьѣ, или, по крайней мѣрѣ, въ Лубнахъ, издавна состоявшихъ въ самой тѣсной связи съ Запорожскимъ Низомъ. Но дальнѣйшій ходъ событій, отдѣливъ Запорожье отъ Украины, далъ иное направленіе запорожскимъ стремленіямъ.

Всѣ запорожскія власти были выборными, притомъ не на опредѣленный срокъ, а „до войсковой ласки": рада могла смѣстить ихъ въ каждый моментъ безъ всякой вины съ ихъ стороны, исключительно по своему усмотрѣнію. Самодержавіе рады не хотѣло знать никакихъ стѣсненій или ограниченій. Свобода слова, т.-е. высказыванія политическихъ мнѣній, на Запорожьѣ была такая: „Живучи на Украинѣ, не смѣютъ и рта раскрыть, а какъ только заберутся въ Сѣчь, откуда у нихъ плодятся рѣчи и разсказы, возбуждающіе къ бунтамъ! Иной мелетъ спьяна, а иной хотя не пьянъ, дьявольскій сынъ, да безъ пьянства

горечью дышетъ, собака, и не токмо что на гетмана и на пановъ, но и на самыхъ монарховъ съ желчью слова говорятъ; тѣ бездушники запорожцы никогда и нигдѣ не могутъ быть постоянными, понеже ни Бога, ни государя, ни власти гетманской не боятся“,—пишетъ о нихъ Мазепа. Свобода слова соотвѣтствовала и свободѣ дѣйствій, поскольку она могла имѣть мѣсто при наличности той привязи, на какой постоянно держали Запорожье самыя условія его существованія.

Иллюзія политической свободы, которою тѣшило себя Запорожье, вытекала, прежде всего, изъ взаимныхъ политическихъ отношеній сосѣднихъ державъ. По Андрусовскому перемирію 1667 г. Запорожье было объявлено въ одинаковой зависимости какъ отъ Польши, такъ и отъ Россіи: это межеумочное положеніе, съ одной стороны, оторвавшее Запорожье отъ остальной Украины и противопоставившее эти двѣ территоріи, съ другой стороны, создавшее для Запорожья какую-то особую форму двойной, а, слѣдовательно, не полной зависимости, больше всего благопріятствовало тенденціи Запорожья сложиться въ особое соціально-политическое тѣло. Когда позже Запорожье стало въ исключительную зависимость отъ государства Русскаго, то русское правительство уже застало готовымъ положеніе, съ которымъ ему пришлось выдержать борьбу.

Эта переходная эпоха въ исторіи Запорожья, когда оно, впервые отдѣлившись отъ Украины, пробовало самостоятельно свои силы, прекрасно отразилась въ личности Сирка. Сирко—очень интересная и типичная фигура своего времени и среды: онъ не направлялъ событій, не руководилъ ими, но въ немъ какъ въ фокусѣ сосредоточивались всѣ главнѣйшіе мотивы запорожской жизни, которое онъ воплощалъ съ той полнотой, къ какой способны иныя личности, выдвигаемыя толпой какъ герои.

Цѣлую четверть вѣка — третью четверть XVII в. — Сирко представлялъ собою Запорожье то въ качествѣ полковника, то въ качествѣ кошевого, котораго постоянные запорожцы лишали достоинства только для того, чтобы снова и снова поставить во главѣ Войска. Припомнимъ, какое это было тяжелое время для Украины, эта третья четверть XVII в. Правобережье все глубже и глубже скатывалось въ пропасть руины; лѣвобережье пробовало привязь, которою оно было прикрѣплено къ сильному сосѣду, и лишь убѣждалось, что привязь становится все короче, все прочнѣе. Постоянныя волненія и тутъ и тамъ давали низовымъ козакамъ возможность вмѣшиваться всюду, и Сирко, какъ настоящій сынъ Запорожья, широко пользовался этой возможностью. Но во всѣхъ его дѣйствіяхъ,—гдѣ онъ неизмѣнно проявлялъ и беззавѣтное мужество, и выдающіяся воинскія дарованія, безкорыстіе, справедливость—совсѣмъ не видно никакой опредѣленной политической программы. Ясно, что этотъ человѣкъ, а, слѣдовательно, и общество, во главѣ котораго онъ стоялъ, руководилось лишь настроеніемъ даннаго момента. Въ борьбѣ сосѣднихъ государствъ изъ-за Украины онъ какъ-будто тяготѣетъ въ сторону московскаго правительства, но не выдерживаетъ и этого направленія, особенно послѣ того, какъ ему нанесено было Москвой тяжелое оскорбленіе захватомъ и плѣномъ, имѣвшимъ цѣлью положить конецъ его притязаніямъ на лѣвобережное гетманство. Такимъ

образомъ, Сирко, во главѣ Запорожья, является на помощь то одному гетману, правебережному или лѣвобережному, то другому; то дѣйствуетъ за Суховія и Ханенка противъ Дорошенка, то становится на сторону Дорошенка, является во многихъ случаяхъ сторонникомъ московскаго правительства, но выступаетъ временами какъ его противникъ въ союзѣ и съ польскимъ королемъ, и съ крымскимъ ханомъ, и съ турецкимъ султаномъ. Впрочемъ, послѣдняя перемѣна фронта, въ пользу басурманства, со стороны Сирка представляется явленіемъ рѣдкимъ и исключительнымъ. Въ общемъ, онъ всегда готовъ на борьбу съ невѣрными, и это направленіе его дѣятельности представляется наиболѣе постояннымъ и наиболѣе богатымъ настоящими подвигами, достойными эпическаго богатыря. Эпоха для геройской борьбы съ басурманскимъ востокомъ была самая подходящая: татары, вѣчные и ненасытные разорители Украины, теперь широко пользовались для своей наживы руиной правобережья и нестроеніемъ лѣвобережья; только Сирко, вѣчно стоящій насторожѣ, вѣчно готовый на реваншъ, клалъ извѣстный предѣлъ ихъ хищничеству. Необходимо еще напомнить, что къ концу третьей четверти XVII в. на правобережьѣ водворились турки, которые рѣшились преградить запорожцамъ выходъ въ море городками на низовьяхъ Днѣпра и обнаруживали намѣреніе завладѣть самою Сѣчью. Вотъ при этихъ-то обостренныхъ отношеніяхъ къ мусульманскому востоку и развернулась легендарная фигура Сирка. Лишнимъ трудомъ было бы перечислять, сколько онъ совершилъ болѣе или менѣе удачныхъ походовъ, и сухимъ путемъ и на челнахъ, сколько предупредилъ нечаянныхъ и разорительныхъ нападеній, сколько отбилъ плѣнныхъ и иной добычи: достаточно сказать, что онъ, въ видахъ отмески за нечаянное, но все-таки неудачное вторженіе янычаръ въ Сѣчевой городъ, организовалъ и блестяще выполнилъ вторженіе козаковъ внутрь Крыма, въ самое гнѣздо хищниковъ. Эпизодъ „избіенія тумъ", сопровождавшій этотъ походъ — буде его не сочинилъ малорусскій лѣтописецъ Величко,—прекрасно дорисовываетъ собою эту типичную фигуру, несомнѣнно варварскую, но, въ то же время, полную беззавѣтной любви къ родинѣ и наивной дѣтской вѣры *). Это были послѣднія проявленія дѣятельности Сирка: онъ умеръ въ 1680 году.

Шесть лѣтъ спустя послѣ смерти Сирка, такъ называемый вѣчный миръ между Россіей и Польшей, ставившій въ числѣ своихъ условій передачу Запорожья въ исключительную зависимость отъ Русскаго государства, положилъ извѣстную грань въ исторической жизни запорожскаго общества. Та полная неопредѣленность политическаго направленія, представителемъ которой является

---

*) Вотъ этотъ эпизодъ: Сирко вывелъ изъ своего нападенія на Крымъ массу плѣнныхъ, и между прочимъ, „тумъ", метисовъ, рожденныхъ въ Крыму отъ смѣшаннаго сожительства христіанскихъ невольницъ съ татарами. Но дорогой Сирко предложилъ тумамъ возвратиться назадъ, кто пожелаетъ, а затѣмъ велѣлъ козакамъ догнать вернувшихся и перебить ихъ. Потомъ поѣхалъ самъ посмотрѣть, исполненъ ли въ точности приказъ, и обратился къ трупамъ съ такими словами: „Простите, насъ, братья, а сами спите тутъ до страшнаго суда Господня, вмѣсто того, чтобы размножаться вамъ въ Крыму между басурманами на наши христіанскія, молодецкія головы и на свою вѣчную безъ крещенія гибель".

Сирко, исчезаетъ. Не то, чтобы запорожская „шатость" обратилась въ постоянство, ясную политическую программу и послѣдовательность дѣйствій; но она перемѣнила свой характеръ. Теперь мы наблюдаемъ на Запорожьѣ постоянно два настроенія, двѣ партіи: одна партія — сторонниковъ московскаго правительства, другая—его рѣшительныхъ противниковъ. Всѣ запорожскія шатости опредѣляются взаимными отношеніями этихъ партій, ихъ борьбой, тѣмъ, которая изъ нихъ беретъ верхъ въ то или другое время.

Конечно, положеніе Запорожья было такое, что московская сторона получала естественное преобладаніе. Но, въ то же время, чѣмъ дальше, тѣмъ больше накоплялось поводовъ и причинъ для неудовольствія московскимъ и гетманскимъ правительствами, дѣйствовавшими въ этомъ случаѣ вполнѣ солидарно; тѣмъ сильнѣе становилась оппозиція данному положенію. Дѣло въ томъ, что гетманское правительство, при содѣйствіи Московскаго государства, начало мирное поступательное движеніе на запорожскую территорію. Сначала, еще до Мазепы, занята была городками р. Орель; при Мазепѣ начался захватъ Самары,—и вотъ именно этотъ-то захватъ р. Самары составлялъ самое больное мѣсто въ отношеніяхъ Запорожья съ Гетманщиной. Запорожцы чрезвычайно дорожили Самарой какъ своимъ наиболѣе цѣннымъ промысловымъ урочищемъ; а, между тѣмъ, на Самарѣ появились непосредственно одна за другой двѣ крѣпости, изъ которыхъ Новобогородская была значительной крѣпостью.

Мазепа началъ раздавать самарскія земли людямъ изъ Гетманщины подъ тѣмъ предлогомъ, „что нигдѣ нѣтъ такихъ мѣстъ для селитряныхъ майдановъ, какъ на Самарѣ". Запорожцы посылали въ Москву жалобу за жалобой за нарушеніе своихъ исконныхъ правъ, но не получали никакого удовлетворенія. Когда русскими войсками, при самомъ энергичномъ содѣйствіи тѣхъ же запорожцевъ, захвачены были турецкіе городки по Днѣпру, Кизикермень, Тавань, Шагинкермень, русскіе заняли ихъ своими гарнизонами, не обращая никакого вниманія на притязанія запорожцевъ, которые считали всѣ земли заднѣпровскихъ гирлъ своею собственностью: позже городки были, къ пущему негодованію запорожцевъ, разорены въ виду условій мирнаго договора съ Турціей *), по которому вся территорія нижняго Днѣпра должна была оставаться пустыней. Но ничто не произвело на Запорожье такого удручающаго впечатлѣнія, какъ возведеніе русскими, послѣ разоренія турецкихъ городковъ, новой, своей собственной, крѣпости на урочищѣ Каменномъ Затонѣ, при впаденіи рѣки Конки въ Днѣпръ, можно сказать, въ виду Сѣчевого города. Это была не только обида, но и угроза. Русскіе гарнизоны въ центрѣ Запорожской территоріи, въ самарскихъ крѣпостяхъ и особенно въ Каменномъ Затонѣ, представляли собой конецъ политической самостоятельности Запорожья, которая только-что начала оперяться.

Противникамъ Московскаго государства, готовымъ на открытую борьбу съ нимъ, не было иного выхода какъ союзъ и покровительство Крыма: поэтому Запорожская оппозиція Москвѣ всегда представляла собою, вмѣстѣ съ

*) Константинопольскій миръ 1700 г.

тѣмъ, крымскую партію. Именно во главѣ этой крымской партіи стоялъ Петрикъ, который въ теченіе пяти лѣтъ волновалъ Запорожье (1691—1696): онъ и его сторонники надѣялись съ помощью Крыма одолѣть Москву, полагая, что „въ Малой Россіи имъ не для чего будетъ воевать, потому что она сама въ себѣ кого надобно повоюетъ: винокурники, пастухи, овчары и голытьба всѣхъ своихъ начальниковъ и пановъ побьютъ". Но разсчеты Петрика не оправдались. Даже на самомъ Запорожьѣ онъ не встрѣтилъ такого широкаго сочувствія, на какое надѣялся: неудовольствіе Запорожья противъ Москвы лишь позже достигло кульминаціоннаго пункта. Кромѣ устройства Каменнаго Затона, накопленію неудовольствія много способствовала Сѣверная война, когда запорожцы должны были ходить на далекій сѣверъ и тамъ оставаться въ суровыхъ и непривычныхъ условіяхъ, подъ командой русскаго начальства, которое не находило нужнымъ считаться съ независимымъ духомъ Низового козачества. Все это способствовало накопленію на Запорожьѣ массы горючаго матеріала, который, своимъ взрывомъ, долженъ былъ снести всѣ соображенія и разсчеты, предписываемыя осторожностью. Представителемъ духа крайней ненависти къ московскому правительству, выражавшейся, между прочимъ, въ той поддержкѣ, какую давали запорожцы донскому бунтовщику Булавину, является въ это время кошевой Гордіенко, человѣкъ, одаренный умомъ и энергіей: онъ руководилъ Запорожьемъ въ эту критическую для него эпоху. Запорожье почти единодушно примкнуло къ своему давнему врагу Мазепѣ, лишь только тотъ перешелъ на сторону шведовъ.

Въ концѣ апрѣля того же знаменитаго 1709 года полковникъ Яковлевъ, во главѣ трехъ полковъ русскихъ войскъ, сѣлъ на суда подъ Кіевомъ, чтобы добраться Днѣпромъ до пороговъ; конное войско слѣдовало за судами по берегу. Вступленіе русскихъ войскъ на Запорожскую территорію сопровождалось такими дѣйствіями, которыя предвѣщали жестокую и окончательную расправу. Но когда войско, перешедшее пороги и подкрѣпленное еще гарнизономъ и военными снарядами Каменнаго Затона, придвинулось къ Сѣчи, то, оказалось, что она окружена со всѣхъ сторонъ водой: на Днѣпрѣ стояло половодье, которому, надо полагать, помогли запорожцы, успѣвшіе затопить окрестности Сѣчевого города и съ той стороны, которая была доступна. Ни стрѣльба изъ пушекъ черезъ воду съ воздвигнутыхъ русскими шанцовъ, ни попытки атаки Сѣчевого города въ лодкахъ не привели ни къ чему. Но 14 мая явился на выручку Яковлева изъ его затруднительнаго положенія охочекомонный полковникъ Галаганъ,—человѣкъ, близко знакомый съ запорожскими обычаями и „войсковыми секретами". Онъ обѣщалъ запорожцамъ помилованіе, если они положатъ оружіе. Запорожцы повѣрили его присягѣ; безоружные сѣчевики были безпощадно побиты, всѣ сѣчевыя строенія и даже зимо́вники, окружавшіе городъ совершенно уничтожены. Вслѣдъ затѣмъ царь Петръ, который былъ чрезвычайно обрадованъ разореніемъ „проклятаго гнѣзда", объявилъ присоединенными къ Гетманщинѣ, къ миргородскому полку, запорожскія земли, отъ р. Орели до р. Самары. Отдѣльнымъ запорожцамъ давалась пощада лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы они выбирали себѣ осѣдлость и селились на правахъ посполитыхъ людей.

Главные источники: Костомаровъ: „Богданъ Хмельницкій", „Руина", „Мазепа и мазеповцы"; Буцинскій, „О Богданѣ Хмельницкомъ"; Эварницкій: „Исторія запорожскихъ козаковъ", „Сборникъ матеріаловъ для исторіи запорожскихъ козаковъ"; Павлищевъ, „Польская анархія при Янѣ-Казимірѣ и война за Украину"; Уманецъ, „Гетманъ Мазепа"; Кулишъ: „Исторія отпаденія Руси", „Украинскіе козаки и паны"; Антоновичъ и Бецъ, „Историческіе дѣятели юго-западной Россіи", Антоновичъ: „Послѣднія времена козачества на правомъ берегу", „Изслѣдованіе о крестьянахъ юго западной Россіи 1700—98 г."; Смирновъ, „Исторія крымскаго ханства"; Szaynocha, „Dwa liata dziejow naszych"; Kubala, „Jerzy Osselinski"; Antoni I., „Opowiadania"; Грецъ, „Исторія евреевъ"; „Богданъ Хмѣльницкій, лѣтопись еврея-современника Натана Гановера"; Антоновичъ и Драгомановъ, „Историческія пѣсни малорусскаго народа"; „Записки наукового товариства", т. XXIII и XXIV; Бобржинскій, „Очеркъ исторіи Польши"; Чистовичъ, „Очеркъ исторіи западно-русской церкви"; „Памятники", изд. Временной Комиссіи для разбора древнихъ актовъ; „Акты Южной и Западной Россіи"; „Кіевская Старина"; Маркевичъ, „Исторія Малороссіи"; Бантышъ-Каменскій: „Исторія Малой Россіи", „Источники малороссійской исторіи"; „Лѣтопись Григорія Грабянки"; Величко, „Лѣтопись событій"; „Лѣтопись Самовидца"; „atopisiec Jerlicza"; „Pamietniki o Samuelu Zborowskim"; „Pamietniki do zy cia i sprawy Zborowskich"; „Путевыя записки Ляссоты".

Глава седьмая.

Украина въ XVIII столѣтіи.

I.

Какъ въ жизни отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ обществъ бываютъ критическіе моменты, когда жизненная волна, до тѣхъ поръ неопредѣленно колебавшаяся туда и сюда, сразу вступаетъ въ извѣстное русло. Такимъ моментомъ была въ жизни малорусскаго общества измѣна Мазепы. Трудно сказать, имѣлъ ли бы этотъ фактъ такое рѣшающее значеніе, если бы не было Петра съ его необычайной энергіей, яснымъ пониманіемъ выгодъ своего государства, съ страстнымъ стремленіемъ идти кратчайшимъ путемъ, напроломъ, къ достиженію этихъ выгодъ; но въ данныхъ условіяхъ измѣна Мазепы дѣйствительно составила эпоху въ исторіи лѣвобережной Украины.

До сихъ поръ въ Малороссіи Мазепа заслонялъ собой Петра: „отъ Богдана до Ивана не було гетмана", говоритъ народное присловіе того времени, приравниваніемъ къ Хмельницкому свидѣтельствуя о гетманской самостоятельности Мазепы. Съ удаленіемъ этого, несомнѣнно, очень способнаго гетмана, внушительная фигура Петра встаетъ передъ Малороссіей лицомъ къ лицу.

Враждебная Великой Россіи политическая комбинація не удалась; непріязненные ей элементы уничтожены, разсѣяны, приведены въ бездѣйствіе. Если она не удалась при такомъ исключительно благопріятномъ условіи, какъ появленіе въ центрѣ территоріи побѣдоноснаго шведскаго войска съ его героическимъ вождемъ — трудно было предположить, чтобы она могла удаться въ другой разъ. Петръ могъ смотрѣть на Малороссію какъ на территорію, окончательно и безповоротно присоединенную къ Великороссіи; также должна была смотрѣть на себя и сама Малороссія. Дальнѣйшія задачи малорусской политики были Петру ясны. Съ одной стороны, надо было сливать Малороссію съ Великороссіей, лишая край политической самостоятельности и самобытныхъ учрежденій; съ другой — привлекать матеріальныя, экономическія силы малорусскаго общества къ участію въ осуществленіи тѣхъ общегосударственныхъ предпріятій, планами которыхъ была полна голова Петра.

Но край еще былъ слишкомъ взволнованъ пронесшейся бурей, а русскія силы слишкомъ заняты и отвлечены военными дѣйствіями, чтобы Петръ могъ сразу рѣшиться на крутыя мѣры. Еще въ концѣ 1708 года, въ самый разгаръ смуты, какъ только Мазепа открыто перешелъ на сторону шведовъ, Петръ разрѣшилъ радѣ изъ вѣрной ему старшины, собравшейся въ Глуховѣ, выборъ новаго гетмана. Этотъ якобы выборъ — на самомъ дѣлѣ лишь назначеніе— палъ на человѣка, совершенно неспособнаго къ самостоятельному и отвѣтственному положенію. Гетманомъ сдѣлался старый стародубскій полковникъ Иванъ Ильичъ Скоропадскій, личность котораго современники охарактеризовали такой пословицей: „Иванъ носитъ плахту, а Настя (его жена) булаву".

Слѣдуя обычаю, который практиковался, начиная отъ Богдана Хмельницкаго съ его переяславскими статьями, при вступленіи всякаго новаго гетмана въ отправленіе своихъ обязанностей,—Скоропадскій, тотчасъ послѣ Полтавской побѣды, также подалъ государю свои „просительныя" статьи. Въ первомъ пунктѣ этихъ статей новый гетманъ ходатайствовалъ, какъ было принято, о подтвержденіи государемъ старыхъ войсковыхъ „вольностей, правъ и порядковъ". Петръ подтвердилъ этотъ пунктъ „генерально", съ разъясненіемъ, что онъ это дѣлаетъ „по своей монаршей милости". Генеральное подтвержденіе, по мысли Петра, очевидно, не обусловливало подтвержденія всѣхъ отдѣльныхъ частностей, изъ которыхъ складывались эти права и вольности. Мягкій и снисходительный тонъ рѣшеній на статьи, представленныя Скоропадскимъ, маскировалъ, но не скрывалъ истинныхъ намѣреній Петра. Такъ, напримѣръ, охотно соглашаясь на строгія запрещенія всякихъ самовольствъ, какія дозволяли себѣ великороссіяне въ Малороссіи, въ видѣ постоевъ и подводъ, государь рѣшительно отклонилъ просьбы о томъ, чтобы наказные гетманы не состояли подъ командой великорусскихъ генераловъ, чтобы была ограничена власть великорусскихъ воеводъ и т. п. Мало того, на одно выраженіе статьи, что козаки служатъ „лишь за козацкую вольность", сдѣлалъ внушительное замѣчаніе, что того „писать не надлежало": малорусскій-де народъ долженъ быть признателенъ за благодѣяніе, оказанное ему защитой отъ шведовъ, Мазепы, польскихъ, татарскихъ и турецкихъ нападеній.

Но ни въ чемъ такъ ярко не выразилась новая политика Петра, какъ въ томъ, что онъ приставилъ къ гетману, въ качествѣ „очей и ушей государевыхъ", великорусскихъ чиновниковъ, сначала одного, потомъ двухъ, которые должны были, съ одной стороны, наблюдать за поведеніемъ гетмана и старшины, съ другой — развѣдывать подробности о доходахъ малорусской территоріи. Учрежденіе этихъ могущественныхъ „министровъ" при гетманѣ, безъ вѣдома которыхъ тотъ не могъ сдѣлать никакого сколько-нибудь важнаго шага, было первымъ значительнымъ ограниченіемъ гетманской власти, а, слѣдовательно, и политической самостоятельности Малороссіи.

Измѣна Мазепы повлекла за собою нѣкоторыя существенныя измѣненія въ наличномъ составѣ малорусскаго общества и его настроеніяхъ. Удалились за предѣлы Русскаго государства запорожцы и увлекли за собою болѣе безпокойные элементы украинской массы; сношенія съ Запорожьемъ, постояннымъ

очагомъ недовольства и смуты, сенсаціонныхъ слуховъ и скороспѣлыхъ самозванцевъ, теперь уже не волновали больше ни поспольства, ни козачества. Петръ, несмотря на свое всегдашнее горячее покровительство всякой промышленной дѣятельности, запретилъ Украинѣ, въ политическихъ видахъ, ѣздить на югъ за солью, рыбной и звѣриной добычей. Подвергся измѣненіямъ наличный составъ привилегированной группы, старшины: болѣе крайніе приверженцы Мазепы или бѣжали, или ушли въ ссылку въ Сибирь и Архангельскъ; кто успѣлъ во-время выразить раскаяніе, долженъ былъ вести себя такъ, чтобы постоянно свидѣтельствовать своими поступками преданность русскому государю; въ моментъ смуты выдвинулись въ передніе ряды новые люди, создавшіе себѣ положеніе именно этой преданностью, искренней или притворной. Въ то же время русскіе вельможи впервые начали получать земли въ Малороссіи. Меншиковъ получилъ отъ Скоропадскаго мѣстечко Ямполь и Почепъ съ волостью, къ которой безцеремонный покоритель Батурина примежевалъ ни больше, ни меньше какъ двѣ сосѣднихъ сотни, Мглинскую и Бакланскую съ частью Стародубской; крупный кусокъ получилъ и Шафировъ. Такимъ образомъ, великорусскій элементъ вводился непосредственно въ составъ малорусскаго общества.

Теперь открылась русскому правительству широкая возможность вліять на организацію правящей группы, а, слѣдовательно, и на самоуправленіе. Слабый гетманъ, вѣчно напуганный возможностью быть заподозрѣннымъ въ измѣнѣ и сочувствіи измѣнникамъ, не смѣлъ ни въ чемъ проявить противодѣйствія. Другой властью, не менѣе значительной, чѣмъ гетманъ, были десять полковниковъ, изъ которыхъ каждый въ своемъ полку представлялъ собою гетмана въ миніатюрѣ; но вслѣдствіе происшедшей катастрофы составъ ихъ былъ подобранъ вполнѣ благопріятно видамъ и намѣреніямъ правительства. Остались на мѣстахъ тѣ, кто, какъ полковникъ стародубскій Скоропадскій, назначенный гетманомъ, черниговскій Полуботокъ и наказные, нѣжинскій и переяславскій Жураховскій и Тамара, сразу заявили свою преданность русскому правительству, или кто, какъ Апостолъ, полковникъ миргородскій, достаточно своевременно и умѣло успѣлъ выразить раскаяніе; остальные были смѣщены и замѣнены новыми, согласно желаніямъ Петра. Но и по водвореніи спокойствія Петръ продолжалъ назначать полковниковъ помимо гетмана: такъ, онъ, наперекоръ планамъ Скоропадскаго, отдалъ кіевское полковничество Танскому. Начали появляться среди полковниковъ и чужеземцы: сербъ Милорадовичъ, „македонскій кавалеръ“, сдѣланъ былъ, какъ „человѣкъ непоколебимой вѣрности“, полковникомъ прилуцкимъ, великороссъ Толстой, зять Скоропадскаго, за котораго тотъ, по желанію государя, выдалъ свою дочь, полковникомъ нѣжинскимъ. Но подборъ полковниковъ еще не обезпечивалъ полнаго вліянія на общественное настроеніе и ходъ дѣлъ; надо было соотвѣтственно организовать и низшую, полковую, старшину, непосредственно соприкасавшуюся съ народной массой: сотники, въ этомъ отношеніи, были наиболѣе вліятельной группой. Петръ дѣлалъ опыты непосредственнаго назначенія сотниковъ: такъ, назначенный имъ сотникъ Лисовскій нѣсколько лѣтъ терроризовалъ обывателей Новго-

рода-Сѣверскаго, своего сотеннаго города, не обращая никакого вниманія не только на полковое начальство, но и на самого гетмана. Очевидно, такіе опыты не могли практиковаться въ широкихъ размѣрахъ; надо было принимать иныя мѣры. Въ 1715 году гетманъ получилъ царскій указъ, которымъ опредѣлялся порядокъ выбора на всѣ полковыя должности, а, слѣдовательно, и на должность сотниковъ. Извѣстно, что сотники выбирались козацкими громадами, причемъ нерѣдко на выборъ оказывала давленіе власть полковника, превращая выборъ въ простое назначеніе. Указывая на эти злоупотребленія полковниковъ, дѣйствующихъ „по своимъ страстямъ" и „изъ взятокъ", Петръ приказывалъ, чтобы впередъ выборы дѣлались радой изъ полковой старшины, которая должна была представлять гетману и состоящему при немъ русскому „министру" двухъ или трехъ кандидатовъ. При такомъ порядкѣ выборовъ люди „подозрительной вѣрности" могли бы, разумѣется, проходить лишь въ видѣ рѣдкаго исключенія. Такимъ образомъ, русское правительство обезпечивало себѣ прочное вліяніе на составъ правящей группы, а, слѣдовательно, и на направленіе общественныхъ дѣлъ.

Но при всемъ томъ Петръ, самодержецъ по привычкамъ, бюрократъ по взглядамъ, не могъ мириться съ строемъ малорусскаго общества: съ одной стороны, оно было для него слишкомъ демократично, съ другой—представляло слишкомъ большое преобладаніе личности надъ учрежденіемъ. Въ предыдущемъ очеркѣ мы указывали на то, какъ патріархально организованы были малорусское управленіе и судъ, какъ гетманъ, съ канцеляріей „при боку", совмѣщалъ всѣ функціи правительственной дѣятельности, такъ что даже финансы не отдѣлялись отъ частнаго гетманскаго хозяйства, какъ полковники повторяли собой гетмана, а сотники—полковника. Такая простая организація, конечно, имѣла свои положительныя, какъ и отрицательныя стороны, но Петръ могъ видѣть только отрицательныя. И вотъ Петръ пользуется первымъ предлогомъ, какой ему доставила небрежность Скоропадскаго, чтобы издать указъ объ учрежденіи въ Глуховѣ Генеральной Войсковой канцеляріи (1720 г.), которая съ тѣхъ поръ и начала свое существованіе, какъ самостоятельный органъ мѣстнаго управленія; вслѣдъ затѣмъ была учреждена Судебная канцелярія, которая должна была положить предѣлъ господству стараго патріархальнаго суда. Въ непосредственной связи съ учрежденіемъ Судебной канцеляріи стоитъ универсалъ Скоропадскаго, вызванный также царскимъ указомъ о переводѣ „правныхъ книгъ Саксона, Статута, Порядка съ польскаго діалекта на наше русское нарѣчіе": если старый патріархальный судъ могъ обращаться, могъ и не обращаться къ писанному праву, то судебное учрежденіе, какое имѣлъ въ виду Петръ, могло дѣйствовать только при помощи писаннаго права—не иначе. Конечно, настаивая такъ на введеніи правильно дѣйствующихъ учрежденій, Петръ имѣлъ въ виду, кромѣ интересовъ порядка, и то, что дѣятельность учрежденій несравненно доступнѣе контролю, чѣмъ дѣятельность лица.

Въ то же время Петръ слѣдилъ за всякой возможностью направить силы и средства Малороссіи въ общегосударственное русло. Выше было упомянуто, что великорусскіе чиновники, состоящіе при гетманѣ, обязаны были съ особенной тщательностью развѣдывать все, касающееся доходовъ страны. Но на-

ложить руку на эти доходы пока еще не представлялось возможнымъ: это задѣло бы кровные интересы правящаго класса; къ тому же доходы эти были не велики, случайны, не приведены въ извѣстность и—что еще важнѣе—носили, въ извѣстной степени, натуральный характеръ. Однако, если затруднительно было прямое пользованіе доходами края, то возможно было косвенное.

Само собою разумѣется, что малорусскіе козаки принимали участіе въ походахъ и вообще всѣхъ военныхъ предпріятіяхъ Петра — такъ было и раньше. Но расквартировка великорусскихъ войскъ въ Малороссіи, т.-е. безплатное содержаніе драгунскихъ полковъ сначала шести, затѣмъ восьми и даже десяти, имѣло видъ новаго тяжелаго налога. „Консистенскія дачки", т.-е. поборы на содержаніе этихъ солдатъ или консистентовъ, начинаютъ играть видную роль въ общественной жизни.

Но одно изъ этихъ мѣропріятій, отмѣченное рѣзкой печатью Петровскаго ни передъ чѣмъ не останавливающагося своевластія, залегло неизгладимымъ темнымъ пятномъ въ народной душѣ. Подразумѣваемъ такъ называемыя канальныя работы. Когда, къ концу второго десятилѣтія, было уже меньше надобности въ козакахъ, какъ въ военной силѣ, Петръ задумалъ употребить ихъ на государственныя работы, на рытье каналовъ. Каналъ между Волгой и Дономъ куда прежде всего были затребованы козаки, оказался неосуществимымъ; но зато въ Ладожскій каналъ было много уложено не только козацкаго труда, но и козацкихъ жизней. Въ 1720 г. Скоропадскій получилъ указъ о высылкѣ на ладожскія работы десяти тысячъ козаковъ, не считая обозныхъ людей; послѣ полугодовой работы не возвратились домой три тысячи; въ слѣдующемъ году опять было вытребовано на Ладогу такое же количество козаковъ, и снова приблизительно 30% сдѣлалось жертвой. Такая страшная смертность обусловливалась не только тяжестью непривычной работы подъ постоянной угрозой батога, плохимъ питаніемъ, суровымъ и нездоровымъ климатомъ, но и трудностями далекаго пути, полнаго лишеній, такъ какъ козаки должны были добираться до мѣста работы на свои собственныя средства: лишь во второй походъ оказана была имъ нѣкоторая помощь въ пути; но по незначительности своей и она не уменьшила смертности. Между тѣмъ Петръ придумалъ и еще употребленіе для козацкихъ силъ—постройку крѣпостей. Послѣ того какъ была отстроена крѣпость Кіевская, онъ потребовалъ козаковъ въ Персію, съ которой шла новая война, на р. Сулакъ, для постройки пограничной крѣпости Св. Креста. Это предпріятіе было не менѣе пагубно, чѣмъ канальныя работы: въ высшей степени нездоровый, лихорадочный климатъ Каспійскаго побережья производилъ огромную смертность, а оставшіеся въ живыхъ возвращались, по выраженію современниковъ, „въ видѣ египетскихъ мумій". Не удивительно, что не только сами малороссы—естественно, недовольные,—но и иноземцы, наблюдавшіе описанныя событія, говорили, что Петръ нарочно придумывалъ мѣры для ослабленія края, для уменьшенія его козацкаго населенія. Конечно, нельзя считать это мнѣніе за имѣющее основаніе: Петръ здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, просто не думалъ о жертвахъ, если ихъ требовало то, что онъ считалъ за государственное благо.

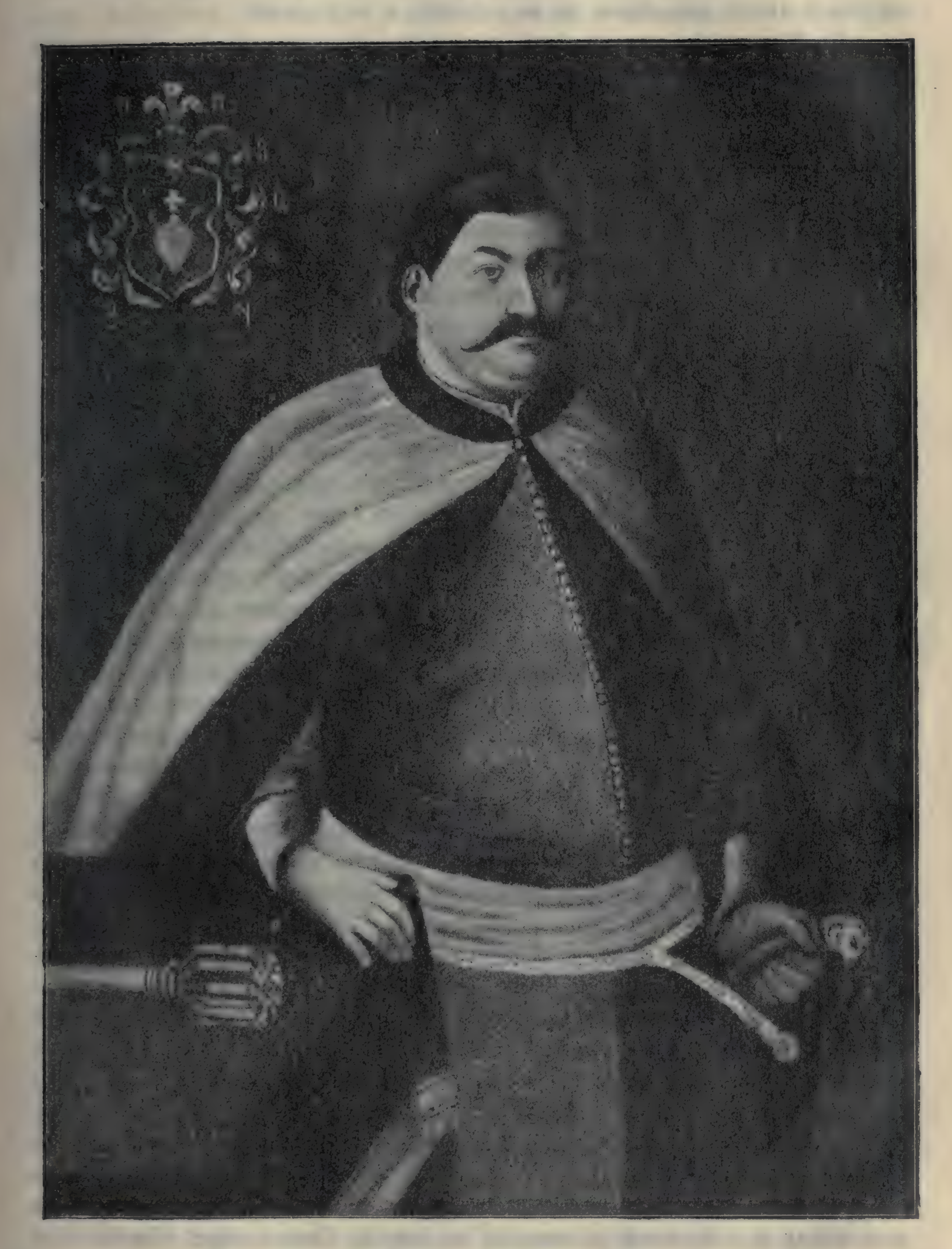
Но все-таки нельзя не видѣть, что въ извѣстныхъ случаяхъ царь готовъ былъ противопоставить интересы Малорусской территоріи интересамъ Великороссіи и насильственно подчинить первые вторымъ. Это особенно бросается въ глаза по отношенію къ промышленности и торговлѣ, которыя играли въ заботахъ Петра также первенствующую роль. Есть нѣсколько запретительныхъ наказовъ, которые были направлены къ тому, чтобы перехватить старые пути малорусской торговли, тянувшіе къ южнымъ балтійскимъ портамъ и къ Силезіи, и привлечь малорусскій товаръ къ Азову, Архангельску, Петербургу. Конечно, запрещенія, подъ страхомъ смертной казни, отправки товаровъ по путямъ, проторенньмъ вѣками, и приказъ отправлять ихъ въ мѣста отдаленныя и совершенно неизвѣстныя, могъ вести лишь къ полному упадку торговой и промышленной дѣятельности. У насъ нѣтъ спеціальныхъ изслѣдованій этого предмета, и мы не можемъ сказать съ опредѣленностью, насколько гибельно отразилась эта мѣра Петра на дальнѣйшемъ развитіи малорусской торговли и промышленности, несомнѣнно обнаружившей признаки упадка; но самое важное изъ этихъ запрещеній, т.-е. запрещеніе торговыхъ сношеній съ балтійскими портами, было позже отмѣнено, такъ что Малороссія продолжала отпускать свои сырые продукты въ Данцигъ и Кенигсбергъ.

Русское правительство, въ лицѣ Петра, стремилось стать въ опредѣленныя отношенія и къ внутренней жизни края, къ тому соціальному процессу, которымъ, прежде всего, опредѣлялась эта жизнь. Главнѣйшія черты этого процесса уже отмѣчены выше. Еще недавно однородное малорусское общество раскололось на привилегированныхъ и непривилегированныхъ. Привилегированная козацкая старшина уже успѣла до извѣстной степени замкнуться въ обособленную группу. Она утверждала свою привилегированность, расширяя разнообразными средствами свою земельную собственность и постепенно со всѣхъ сторонъ стѣсняя посполитыхъ и отбирая у нихъ права, которыми тѣ еще недавно пользовались; вмѣстѣ съ посполитыми затягивалась въ зависимость и болѣе слабая часть козацкой группы. При Мазепѣ, сознательно стремившемся къ тому правовому порядку, прототипъ котораго онъ видѣлъ въ польскомъ общественномъ строѣ, процессъ этотъ сдѣлалъ особенно большіе успѣхи. Самъ Мазепа былъ озадаченъ этими успѣхами и, опасаясь, „дабы посполиство пререканій не чинило“, началъ сдерживать старшину въ ея необузданной погонѣ за маетностями и крестьянскими повинностями. Но посполитые еще слишкомъ живо представляли себѣ объемъ своихъ недавнихъ правъ, чтобы „не чинить пререканій“, хотя въ легальной формѣ: въ началѣ XVIII в. суды завалены жалобами посполитыхъ на владѣльцевъ. Къ этому времени личность посполитаго еще была совершенно свободна, но уже начались посягательства на его землю, правда, пока робкія, неувѣренныя: конечно, рѣчь идетъ о тѣхъ посполитыхъ, обывателяхъ свободныхъ войсковыхъ селъ, составлявшихъ ранговыя маетности, часто переходившія въ собственность „державцевъ“, которые сидѣли на своихъ собственныхъ, а не на панскихъ земляхъ. Владѣльцы стремятся придать праву собственности этихъ посполитыхъ условный характеръ: стремятся ограничить право посполитыхъ распоряжаться своей землей, закладывать ее и въ особен-

ности продавать въ случаѣ своего ухода, который продолжалъ оставаться свободнымъ—ограничиваясь на первый разъ тѣмъ, что требуютъ отъ посполитаго, чтобы онъ ничего не предпринималъ по отношенію къ землѣ безъ вѣдома и согласія владѣльца. Но пока посполитые не хотятъ знать этихъ притязаній. Однако, еще какой-нибудь десятокъ лѣтъ, и Генеральная войсковая канцелярія считаетъ возможнымъ издать приказъ, чтобы посполитые не смѣли никому продавать земель „безъ вѣдома державскаго", и чтобы никто не смѣлъ покупать такихъ земель. Практика жизни боролась ещё нѣкоторое время съ этой новой правовой нормой, но на ея сторонѣ были интересы правящаго класса, и скоро она утвердилась окончательно, сдѣлавшись исходнымъ пунктомъ дальнѣйшихъ измѣненій въ томъ же направленіи.

Правительство Петра слѣдило за тѣмъ, что дѣлалось внутри малорусскаго общества, но его интересовало не положеніе посполитыхъ. Государство, державшееся на крѣпостныхъ отношеніяхъ, не могло искренне заботиться о защитѣ посполитыхъ отъ набрасываемыхъ на нихъ узъ зависимости. Правда, политическія соображенія удерживали русское правительство отъ того, чтобы прямо помогать правящему классу малорусскаго общества въ порабощеніи массы, но косвенно оно это дѣлало особенно тѣмъ, что вводило великорусскій элементъ, а, слѣдовательно, великорусскія правовыя понятія и отношенія въ малорусскую среду. Но, не вмѣшиваясь непосредственно въ отношенія старшины и посполитыхъ, Петръ считалъ необходимымъ вмѣшательство въ другія стороны того же процесса: прежде всего онъ стремился предупредить скопленіе маетностей, какъ источника силы и значенія, въ рукахъ правящей группы малорусскаго общества; затѣмъ онъ хотѣлъ прекратить обращеніе козаковъ въ подданство, чтобы государственный рессурсъ не ускользалъ въ пользованіе той же самой старшины. Въ эту сторону направлялъ Петръ дѣятельность слабаго стараго гетмана; но только послѣ смерти Скоропадскаго вышло наружу противорѣчіе между стремленіями русскаго правительства и малорусской старшины и повлекло къ открытой коллизіи.

Обыкновенно, малорусскіе историки приписываютъ смерть Скоропадскаго тому удручающему впечатлѣнію, какое произвелъ на него манифестъ Петра объ учрежденіи Малороссійской Коллегіи, появившійся въ маѣ 1722 г. Такъ это или нѣтъ, во всякомъ случаѣ, вѣрно то, что не прошло и двухъ мѣсяцевъ послѣ обнародованія манифеста, какъ гетманъ умеръ. Смерть эта была вполнѣ своевременной, такъ какъ Коллегія упраздняла гетманскую власть, какъ высшую власть края. Во главѣ управленія становился бригадиръ Вельяминовъ съ шестью штабъ-офицерами и капитаномъ гвардіи, вмѣсто прокурора; гетману, по отношеніи Коллегіи, оставалось лишь право совѣта. Во то же время управленіе Малороссіей переведено было изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ въ вѣдѣніе Правительствующаго Сената, чѣмъ Петръ открыто заявилъ, что онъ не желаетъ признавать даже за Малороссіей значенія самостоятельнаго политическаго организма. Вообще послѣ заключенія Ништадскаго мира (1721 г.) Петръ видѣлъ свои руки развязанными и приступилъ къ Малороссіи съ рѣшительными мѣрами. Учрежденіемъ Малороссійской Коллегіи онъ, съ одной стороны, прямо

Наказной гетманъ Павелъ Полуботокъ. † 1724 г.

бралъ въ руки правленіе краемъ, съ другой, вводилъ Малороссію въ общую систему русскихъ коллегіальныхъ учрежденій, съ той разницей, что Малороссійская Коллегія находилась не въ столицѣ, а въ Глуховѣ.

Но Малороссія еще не была достаточно подготовлена къ новому порядку, какъ его понималъ Петръ. Это обнаружилось тотчасъ же послѣ смерти Скоропадскаго.

Конечно, Петръ меньше всего думалъ о новомъ гетманѣ; но, тѣмъ не менѣе, этотъ гетманъ явился, хотя и не настоящій, а временный. Когда Скоропадскій умеръ, Петръ былъ въ отлучкѣ, и Сенатъ увидѣлъ себя вынужденнымъ передать наказное гетманство черниговскому полковнику Павлу Полуботку. Полуботокъ былъ человѣкъ иного типа, чѣмъ Скоропадскій. Хищный и настойчивый пріобрѣтатель, человѣкъ энергическій, Полуботокъ умѣлъ преслѣдовать свои цѣли. Въ данномъ положеніи его интересы какъ гетмана, хотя и временнаго, совпадали съ его интересами, какъ члена извѣстной сословной группы, и онъ вступилъ въ упорную борьбу съ водворяющейся Малороссійской Коллегіей и ея президентомъ бригадиромъ Вельяминовымъ.

Малороссійская Коллегія, плодъ воли и фантазіи Петра, задуманный и осуществленный съ задними политическими цѣлями, была учрежденіемъ новымъ, безъ ясно выработанной программы дѣйствій, безъ точно опредѣленныхъ функцій. Ея первой, заявленной громко, обязанностью, было заботиться „о прекращенія возникшаго въ судахъ и войскѣ безпорядка“, иначе говоря, служить высшей апелляціонной инстанціей для мѣстныхъ судовъ. Не названной же открыто, но, тѣмъ не менѣе, ясно подразумѣваемой обязанностью новаго учрежденія, было сокращать, гдѣ и какъ возможно, мѣстную автономію; впрочемъ, сенатъ, вручая наказное гетманство Полуботку, прямо заявилъ, что какъ Полуботокъ, такъ и генеральная старшина „должны во всѣхъ дѣлахъ, совѣтахъ и въ разсылкѣ универсаловъ имѣть сношенія съ бригадиромъ Вельяминовымъ“: въ особенности же строго запрещалась самостоятельная разсылка универсаловъ.

Какъ только Коллегія водворилась, она начала, конечно, согласно даннымъ ей инструкціямъ преслѣдовать двѣ ближайшія цѣли. Первой цѣлью было забрать въ свои руки финансы Малороссіи; второй—ставить препятствія усиленію старшины.

Между сборами теперь, какъ и раньше, первое мѣсто принадлежало сборамъ съ винокуренія, къ которымъ относились покуховное и показанщина. Покуховное, замѣнившее собою винную аренду, въ размѣрѣ двухъ рублей отъ куфы (бочки), проданной въ раздробь, составляло главный доходъ, шедшій на содержаніе войска. Кромѣ винокуренія, облагалось еще табаководство и пчеловодство въ видѣ медовой и табачной десятины. Затѣмъ важнымъ рессурсомъ скарба были хлѣбные сборы въ видѣ войсковой части съ мельницъ или „мѣрки“—дополнительный сборъ съ мельницъ носилъ названіе поколющины и покабанщины. Индукта и эвекта (ввозная и вывозная пошлины) существовали попрежнему и попрежнему отдавались на откупъ. Сверхъ этихъ общихъ сборовъ были еще сборы „на булаву“ и на „кухню“ съ гетманскихъ маетностей—не только денежные и хлѣбные, но и натуральные, въ видѣ всякихъ продук-

товъ и издѣлій, и такого же характера сборы ратушные съ маетностей, приписанныхъ къ ратушамъ. Старшина, кромѣ доходовъ съ ранговыхъ и собственныхъ маетностей, имѣла еще доходы случайные и неопредѣленные отъ „поклоновъ", весільныхъ (свадебныхъ) кункицъ и т. п., но характеръ этихъ доходовъ, имѣвшихъ источникомъ традицію, а не правовую норму, открывалъ такое поле злоупотребленіямъ и вымогательствамъ, что Скоропадскій формально запретилъ самый распространенный изъ нихъ, такъ называемый „ралецъ" или „на ралецъ", подношенія старшинѣ на Рождество и Пасху.

Малороссійская Коллегія рѣшила взять въ свое вѣдѣніе всѣ общіе сборы, также гетманскіе и ратушные. Производство сбора пока было поручено сборщикамъ изъ „ихъ же, малороссійскихъ людей", но для наблюденія надъ этими сборщиками приставлялись Коллегіей добрые люди, по одному на полкъ; всѣ сборы должны были поступать въ Коллегію, которая уже имѣла ихъ распредѣлять „по пунктамъ Богдана Хмельницкаго" и представлять въ сенатъ приходныя и расходныя книги. Для увеличенія доходовъ Коллегія — конечно, не по своей иниціативѣ—рѣшила привлечь къ обложенію общими сборами доходы съ имущества всей привилегированной группы, т.-е. козацкой старшины, церквей и монастырей, пользовавшихся до сихъ поръ льготами даже по отношеніи къ „покуховному" сбору.

Но то, что такъ легко осуществлялось на бумагѣ, не такъ-то легко было осуществить на дѣлѣ. Не только гетманъ и генеральная старшина, но и старшина полковая и сотенная,—однимъ словомъ, весь составъ мѣстнаго управленія былъ заинтересованъ въ томъ, чтобы не допускать замѣны стараго порядка новымъ. При этомъ условіи затрудненія и препятствія для Коллегіи, конечно, росли на каждомъ шагу. Прежде всего, она не могла добиться того перваго и насущно-необходимаго, безъ чего нельзя было приступить къ дѣйствіямъ, необходимыхъ свѣдѣній и данныхъ. Между генеральной старшиной, съ Полуботкомъ во главѣ, и Вельяминовымъ шли безконечныя пререканія, которыя разрѣшались тѣмъ, что президентъ Коллегіи, забывая необходимую дипломатію, кричалъ: „Я вамъ указъ! Что вы такое предо мной? Ничто! Вотъ я васъ согну—такъ, что и другіе треснутъ. Государь указалъ перемѣнить ваши давнины и поступать съ вами по новому..." Малороссійская Коллегія обмѣнивалась бумагами съ Войсковой Генеральной Канцеляріей, шли приказы и отписки въ полки и сотни; наконецъ, шли отъ обѣихъ властей края взаимныя жалобы въ Петербургъ, а дѣло не подвигалось. Въ такой бумажной борьбѣ между старшиною и Вельяминовымъ проходилъ годъ наказного гетманства Полуботка. Въ то же время изъ Малороссіи посыпалась депутація за депутаціей къ Петру съ просьбой разрѣшить выборъ новаго настоящаго гетмана, „понеже безъ гетмана впредь во всякихъ дѣлахъ управляться съ великою есть нуждою и трудностью"; но Петръ оставался совершенно глухимъ къ просьбамъ и ходатайствамъ, лишь разъ отозвавшись въ томъ смыслѣ, что „не надлежитъ докучать въ семъ дѣлѣ", такъ какъ онъ „имѣетъ стараніе пріискать въ гетманы весьма вѣрнаго и надежнаго человѣка": объ избраніи вольными голосами уже не было и рѣчи.

Можетъ-быть, старшина, въ своей борьбѣ съ Коллегіей, и успѣла бы что-нибудь выиграть упорствомъ своего пассивнаго сопротивленія. Но у русскаго правительства, а, слѣдовательно, и у Коллегіи, было въ рукахъ страшное оружіе, создаваемое самимъ внутреннимъ положеніемъ общества, тѣмъ развивающимся соціальнымъ процессомъ, который все рѣзче противопоставлялъ привилегированныхъ и непривилегированныхъ какъ двѣ враждебныхъ стороны. Коллегія выступила съ заявленіемъ своей готовности стать на защиту непривилегированныхъ, и этого было достаточно, чтобы сломить сопротивленіе старшины.

Наказной гетманъ прямо заявлялъ въ Петербургѣ, что Вельяминовъ разсылалъ по полкамъ своихъ офицеровъ внушать поспольству, чтобы оно не боялось ни своихъ владѣльцевъ, ни старшины. Было это такъ или нѣтъ, но народная масса дѣйствительно волновалась: въ Коллегію сыпались жалобы на владѣльцевъ; появилось множество „ищущихъ козачества", т.-е. козацкихъ правъ, якобы неправильно отнятыхъ старшиной, были случаи и открытыхъ насилій по отношенію къ лицамъ привилегированной группы. Чтобы оказать давленіе на поспольство, Полуботокъ и генеральная старшина рѣшили разослать по всѣмъ полкамъ универсалъ, обращенный къ „легкомысленному поспольству", которое не хочетъ отдавать владѣльцамъ надлежащаго послушанія, съ угрозой брать такихъ непослушныхъ подданныхъ въ тюрьму и по разсмотрѣнію вины нещадно наказывать публично. Вельяминовъ воспротивился разсылкѣ такого универсала на томъ основаніи, какъ онъ объяснялъ потомъ въ своемъ доношеніи царю, что послѣ такого универсала, „прочая старшина станутъ поспольству противъ прежняго чинить не малыя тягости безъ всякой вины" и совѣтовалъ свидѣтельствовать тѣхъ, кто „чинитъ своимъ владѣльцамъ противности и по свидѣтельству учинять штрафъ, кто чему достоинъ будетъ, а не всѣмъ бы такой страхъ объявлять". Однако, Полуботокъ съ генеральной старшиной не только не воспользовался совѣтомъ бригадира, но, вопреки его прямому запрещенію, все-таки разослалъ универсалъ. Это уже было формальнымъ нарушеніемъ ясно выраженной монаршей воли.

Можетъ-быть, именно это нарушеніе и было ближайшей причиной вызова Полуботка въ Петербургъ; можетъ-быть, вся та совокупность отдѣльныхъ мелкихъ фактовъ, которая свидѣтельствовала о противодѣйствіи старшины, съ Полуботкомъ во главѣ, намѣреніямъ Петра, а, можетъ-быть, Петръ просто хотѣлъ удалить энергичнаго человѣка изъ Малороссіи на то время, когда, по смыслу новой инструкціи отъ апрѣля 1723 г., Коллегія должна была окончательно водвориться на правахъ еще болѣе расширенныхъ противъ ея первоначальнаго положенія; ей теперь предоставлялось—давать приказанія полковникамъ помимо генеральной старшины. Полуботокъ съ генеральными судьею Чарнышемъ и писаремъ Савичемъ прибыли въ Петербургъ, на вызовъ царя, въ началѣ августа 1723 года.

Но Полуботокъ явился не какъ обвиняемый, съ оправданіями или просьбами о снисхожденіи и милости: наоборотъ, онъ явился съ заявленіемъ своей солидарности съ остальной малорусской старшиной. Онъ привезъ съ собою челобитную съ настойчивой просьбой объ отмѣнѣ вводимыхъ Вельяминовымъ

налоговъ, а въ готовый бланкъ вписалъ уже въ Петербургѣ просьбу объ уничтоженіи Малорусской Коллегіи. Въ то же время въ Малороссіи шла дѣятельная агитація по поводу составленія новыхъ челобитныхъ, которыя доказали бы Петру, что желанія наказного гетмана и генеральной старшины раздѣляются всей территоріей, по крайней мѣрѣ, всей ея привилегированной частью. Вскорѣ подоспѣли въ Петербургъ, такъ называемыя, „коломацкія челобитныя", названныя такъ отъ рѣчки Коломака, гдѣ малорусскія войска осенью 1723 г. стояли лагеремъ. Одна изъ этихъ челобитныхъ заключала въ себѣ просьбу о выборѣ новаго гетмана; другая—просьбы объ отмѣнѣ сборовъ, о сохраненіи стараго суда и объ освобожденіи отъ военнаго постоя. Подписей подъ этими челобитными было такъ много, что онѣ дѣйствительно представляли собой почти всю наличную старшину, которая подписывалась не только за себя, но и за товариство, т.-е. рядовое козачество. Добившись такого результата, какъ коломацкія челобитныя, съ подписями, между прочимъ, и полковниковъ Апостола, Милорадовича, Танскаго, Галагана, Маркевича,—Полуботокъ могъ бы считать свое дѣло выиграннымъ, если бы имѣлъ дѣло не съ Петромъ. Но на Петра эта угроза Малороссійской Коллегіи, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и всѣмъ его планамъ, произвела дѣйствіе, какъ-разъ обратное тому, на какое разсчитывали. До сихъ поръ сдержанный и снисходительный, онъ пришелъ въ бѣшенство и тотчасъ велѣлъ арестовать Полуботка съ товарищами. Неожиданный арестъ и сопровождавшій его обыскъ раскрыли нѣкоторыя тайныя нити, при посредствѣ которыхъ Полуботокъ приводилъ въ дѣйствіе механизмъ задуманныхъ имъ мѣръ воздѣйствія на Петра. Все это, само по себѣ довольно невинное дѣло, въ данныхъ обстоятельствахъ выростало до размѣровъ крупнаго политическаго преступленія. Въ Малороссію посланъ былъ маіоръ Румянцевъ разслѣдовать на мѣстѣ, дѣйствительно ли челобитныя есть выраженіе желаній всего козачества. По донесеніямъ Румянцева выходило, что козацкая масса не знаетъ о вымыслахъ старшины и не хочетъ ни выбора гетмана, ни уничтоженія Коллегіи. Такимъ образомъ надъ Полуботкомъ скоплялась грозная туча тяжелыхъ обвиненій. Наказной гетманъ съ товарищами сидѣлъ въ строгомъ заключеніи въ Петропавловской крѣпости, а дѣло его было передано въ такъ называемый Высшій судъ. И хотя судебное слѣдствіе почти совсѣмъ разсѣяло обвиненія, выяснивъ, что гетманъ въ своихъ дѣйствіяхъ не выходилъ изъ предѣловъ законности,—подсудимые остались въ крѣпости. Здѣсь Полуботокъ и умеръ, годъ спустя послѣ своего ареста (въ декабрѣ 1724 г.), черезъ мѣсяцъ съ небольшимъ умеръ и Петръ, а вмѣстѣ съ нимъ закончилась полоса напряженной политики, натягиваемой изъ всѣхъ силъ энергической рукой Петра, властно и увѣренно распоряжавшейся средствами своего государства. Преемники Петра, не обладая ни его умомъ и энергіей, ни его увѣренностью въ своемъ дѣлѣ и положеніи, тотчасъ же ослабили напряженность этой политики, не мѣняя, въ существенномъ, ея характера.

Въ моментъ смерти Петра политическое положеніе Малороссіи было такое. Три малорусскихъ члена Малороссійской, иначе Глуховской Коллегіи, замѣнившихъ собою отставленную генеральную старшину, безпрекословно подчи-

нялись Вельяминову. Коллегія теперь заняла фактически такое положеніе, какое ей желалъ отвести Петръ. Не было противодѣйствія, хотя бы и пассивнаго, такъ какъ въ полкахъ стародубскомъ, черниговскомъ и нѣжинскомъ полковниками были уже русскіе, въ другихъ исполняли обязанности полковниковъ великорусскіе коменданты. Только въ трехъ полкахъ, миргородскомъ, лубенскомъ и прилуцкомъ, оставались полковниками мѣстные люди испытанной вѣрности, однако, тоже вызванные въ Петербургъ по дѣлу о коломацкихъ челобитныхъ: Апостолъ, Галаганъ и Маркевичъ.

Благодаря мѣрамъ, принятымъ Коллегіей, сборы какъ денежные, такъ и хлѣбные, возросли почти въ четыре раза; военный постой былъ усиленъ — кромѣ драгуновъ, расположены были еще и гренадеры; около половины наличнаго числа козаковъ заняты были обороной границъ отъ татарскихъ нападеній и постройкой крѣпости св. Креста. Положеніе края было тяжелое; Малороссія имѣла право вздохнуть съ облегченіемъ, когда до нея дошла вѣсть о смерти Петра.

Старшину тотчасъ же выпустили изъ крѣпости. Едва Верховный Тайный Совѣтъ, учрежденный Екатериною, открылъ свою дѣятельность, какъ занялся малороссійскими дѣлами и постановилъ отмѣнить новыя подати и возвратиться въ этомъ отношеніи къ старымъ порядкамъ, а Коллегію оставить лишь какъ апелляціонную инстанцію; мѣстные суды должны были оставаться также на старыхъ основаніяхъ. Перемѣна лицъ на тронѣ не мѣняла новаго, мирнаго настроенія по отношенію къ Малороссіи. Императоръ Петръ I, заступившій Екатерину I, собственно Меншиковъ, который стоялъ за его спиной, въ первое же засѣданіе въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, также занялся дѣлами Малороссіи и опредѣлилъ „къ удовольствію тамошняго народа, постановить гетмана и прочую генеральную старшину во всемъ по содержаніи пунктовъ, на которыхъ сей народъ въ подданство Россійской Имперіи вступилъ“. Малороссійскія дѣла были снова возвращены изъ вѣдѣнія Сената въ вѣдѣніе Иностранной Коллегіи.

Все вернулось, повидимому, къ до-петровскому status quo, но только повидимому. Пережитое не проходитъ безслѣдно ни для отдѣльнаго человѣка, ни для общества. Какихъ-нибудь пять-шесть лѣтъ спустя послѣ смерти Петра, Анна Іоанновна заявляетъ въ письмѣ къ кн. Шаховскому, тогдашнему малороссійскому министру: „при блаженной памяти дядѣ самая перемѣна въ правленіи малорусскомъ отъ народа съ великою благодарностью принята, только старшинѣ — грабительства и другихъ злыхъ намѣреній ради — то было противно“. Но пока русское правительство не считало удобнымъ бороться съ тѣмъ неудовольствіемъ, какое чувствовалось въ верхнемъ, стоящемъ на виду, слоѣ малорусскаго общества, тѣмъ болѣе, что угроза новой турецкой войны заставляла придавать особое значеніе этому неудовольствію; можетъ-быть, и Меншиковъ, въ данный моментъ богатѣйшій малорусскій землевладѣлецъ, находилъ для себя болѣе выгоднымъ именно такое направленіе малорусской политики. Онъ, какъ извѣстно, принималъ большое участіе въ назначеніи новаго гетмана: временщикъ былъ корыстолюбивъ, а Даніилъ Апостолъ богатъ и поддерживалъ

такія тѣсныя сношенія съ Меншиковымъ, что даже сынъ Апостола воспитывался при меншиковомъ дворѣ.

Назначенный Петербургомъ на гетманство, семидесятилѣтній миргородскій полковникъ Даніилъ Апостолъ былъ возведенъ въ гетманское достоинство (1 декабря 1727 г.), при соблюденіи обычныхъ пріемовъ выбора „вольными голосами". Даны были гетману и „рѣшительныя статьи", хотя онѣ больше напоминали своимъ содержаніемъ милостивый манифестъ, чѣмъ статьи старыхъ гетмановъ. Возстановлена генеральная старшина въ полномъ ея составѣ. Однако, при гетманѣ все-таки оставался русскій „министръ" для совѣта въ дѣлахъ гражданскихъ, а въ дѣлахъ военныхъ гетманъ подчиненъ былъ фельдмаршалу. Такимъ образомъ, русское правительство, и отказавшись отъ напряженной политики Петра, продолжало свое поступательное движеніе въ разъ принятомъ направленіи.

Русское правительство отказалось, какъ сказано выше, отъ новыхъ налоговъ, которые начала-было сбирать Коллегія; отказалось и отъ самой Коллегіи, взявшей въ свои руки финансы страны. Но оно не могло отказаться отъ вмѣшательства въ финансовыя дѣла Малороссіи; лишь надо было найти приличную и удобную форму такового вмѣшательства. Это щекотливое дѣло поручено было Наумову, который руководилъ избраніемъ гетмана и затѣмъ долженъ былъ остаться въ Малороссіи въ качествѣ министра. Но всѣ старанія Наумова добиться чего-нибудь путемъ соглашенія съ старшиной и духовенствомъ были напрасны. Однако, дѣло было слишкомъ важное для того, чтобы правительство остановилось передъ неудовольствіемъ старшины, — и вотъ въ рѣшительныхъ статьяхъ является такой пунктъ, разрѣшавшій положеніе новымъ способомъ: постановлено было для предупрежденія гетманскаго произвола при сборѣ и расходованіи учредить подскарбіевъ, одного изъ великороссіянъ, а другого изъ малороссіянъ. Такимъ образомъ, владѣя въ лицѣ подскарбія своимъ органомъ финансоваго управленія, правительство имѣло всегда свѣдѣнія о приходахъ и расходахъ страны, а, слѣдовательно, въ случаѣ надобности, могло распоряжаться ими по своему усмотрѣнію. Но пока оно ничѣмъ не пользуется и заботится не объ увеличеніи, а объ уменьшеніи сборовъ. Такъ, помимо уничтоженія новыхъ налоговъ, введенныхъ Коллегіей, были уничтожены Анной Іоанновной, при восшествіи ея на престолъ, десятины съ табака и меду, сборы съ мостовъ, перевозовъ и гребель. Затѣмъ уменьшена была тяжесть военнаго постоя: онъ былъ ограниченъ шестью драгунскими полками. Пользованіе козацкими силами для государственныхъ работъ продолжалось и теперь, но въ менѣе обидной для національнаго самолюбія формѣ: въ 1731 г. двадцать тысячъ козаковъ и десять тысячъ крестьянъ отправлены были „на линію", т.-е. для сооруженія, въ качествѣ защиты отъ татарскихъ набѣговъ, земляного вала съ башнями между Днѣпромъ и Донцомъ.

Такимъ образомъ, гетманство Апостола представляетъ собою картину мирныхъ отношеній, какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ, вполнѣ соотвѣтствующую мягкому характеру гетмана и его преклоннымъ лѣтамъ. Это не значитъ, конечно, что подъ этой мирной поверхностью не кипѣла та соціальная борьба,

которая представляла собой основную черту, характеризующую собою южнорусскую исторію прошлаго вѣка: наоборотъ, податливость гетмана и мирное настроеніе петербургской политики лишь обостряли процессъ, рѣшительнѣе склоняя его въ пользу старшины.

Крутыя мѣры Петра, принизивъ старшину въ политическомъ отношеніи, не коснулись ея богатствъ, основы ея общественнаго значенія. Введеніе же въ среду малорусской старшины великорусскаго элемента только благопріятствовало той безцеремонности пріемовъ, съ какими старшина выступала по отношенію къ посполитымъ и рядовому козачеству. Отправляя Кокошкина полковникомъ въ стародубскій полкъ, Петръ I далъ ему, въ самыхъ энергичныхъ выраженіяхъ, наставленіе насчетъ того, какъ онъ долженъ воздерживаться отъ взятокъ и иныхъ притѣсненій своихъ полчанъ; но именно этотъ повышенный тонъ наставленій и заставляетъ подозрѣвать, что Петръ сильно сомнѣвался въ исполненіи своихъ инструкцій. И дѣйствительно малорусскіе чины изъ великороссіянъ, за небольшимъ исключеніемъ, дѣйствовали въ Малороссіи тѣмъ безцеремоннѣе, что они не могли не видѣть въ „черкасахъ" людей иной, а, слѣдовательно, низшей породы. Члены Коллегіи и „министры" при гетманахъ, изъ корыстныхъ разсчетовъ, охотно прикрывали всякія самоволія и насилія старшины,—тѣмъ охотнѣе, что сами не видѣли въ этихъ самоволіяхъ и насиліяхъ, направленныхъ противъ посполитыхъ, ничего преступнаго.

Какъ бы то ни было, но старшина при Апостолѣ уже имѣла видъ обособившагося высшаго сословія. Кромѣ богатства, этому обособленію содѣйствовало и образованіе: старшина временъ Апостола, составившаяся изъ дѣтей мазепинской старшины, по большей части, получила образованіе если не въ Кіевѣ, то въ иныхъ „латинскихъ школахъ". Богатство же, соединенное съ образованіемъ, отражалось на всѣхъ особенностяхъ бытовой обстановки и придавало членамъ этой группы тотъ культурный обликъ, который являлся какъ бы патентомъ на благородство. Но этотъ внѣшній видъ благородства не освобождалъ, тѣмъ не менѣе, отъ необходимости имѣть настоящій патентъ, т.-е. что-нибудь, что давало бы привилегированности юридическое основаніе: только такое основаніе обезпечивало и земельныя пріобрѣтенія, на которыя опиралась привилегированность.

И вотъ, именно съ этого момента, съ гетманства Апостола, начинаются стремленія козацкой старшины выдвинуть себя въ ряды русскаго дворянства,—стремленія, которыя только черезъ сто лѣтъ привели къ окончательному результату. Первой попыткой въ этомъ направленіи была просьба Апостола императорскому правительству „объ уравненіи малороссійскихъ чиновъ съ русскими табельными".

И по размѣрамъ своихъ земельныхъ владѣній и по отношеніямъ къ посполитымъ, козацкая старшина была теперь высшимъ сословіемъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова: отъ временъ гетманства Апостола сохранились документы, которые позволяютъ судить объ этой сторонѣ съ положительностью. Дѣло въ томъ, что въ 1726 г. и въ 1729—30 годахъ были произведены ревизіи для точнаго опредѣленія количества владѣльческихъ земельныхъ имуществъ и про-

вѣрка владѣльческихъ правъ: свѣдѣнія этого рода равно были необходимы какъ для императорскаго, такъ и для гетманскаго правительства. Первая ревизія „офицерская", была произведена по распоряженію изъ Петербурга, вторая — самимъ Апостоломъ. Результаты второй ревизіи, извѣстной подъ именемъ „генеральнаго слѣдствія о маетностяхъ" (полки переяславскій, черниговскій, кіевскій, гадяцкій и прилуцкій), обнародованы и даютъ возможность точно, статистически, опредѣлить процентное отношеніе посполитскихъ земель, захваченныхъ уже къ началу 30-хъ годовъ XVIII в. частнымъ владѣніемъ.

Всего въ частномъ владѣніи находилось 23279 дворовъ (считая и спорные) или 70% общаго числа ихъ, въ томъ числѣ значительный процентъ, а именно 8274 двора или 25% монастырскихъ, и только 12% свободныхъ войсковыхъ.

Вотъ сводная таблица маетностей и дворовъ, составленная по таблицамъ В. Мякотина и Н. Василенка:

Посполитые.	Прилуцкій полкъ.		Гадяцкій.		Кіевскій.		Переяславскій.		Черниговскій.		Итого.		Въ проц. дворовъ.
	Маетностей.	Дворовъ.	Маетностей.	Дворовъ.	Маетностей.	Дворовъ.	Маетностей.	Дворовъ.	Маетностей.	Дворовъ.	Маетностей.	Дворовъ.	
Частновладѣльческихъ	51	2995	31	2066	34	702	56	937	244	6526	416	13226	40%
Монастырскихъ	12	618	5	215	118	4364	30	1052	70	2025	235	8274	25%
Спорныхъ	—	—	—	—	12	614	20	449	8	716	40	1779	5%
Свободныхъ войсковыхъ	31	1455	—	—	10	614	42	1203	10	750	93	4022	12%
Ратушныхъ	—	—	—	—	—	—	6	336	6	103	12	439	1,5%
Ранговыхъ	8	278	5	704	21	702	11	153	20	561	65	2398	7%
Отписныхъ на государыню	6	164	—	—	—	—	—	—	—	—	6	164	0,5%
Замковыхъ	—	—	29	2673	—	—	—	—	—	—	29	2673	8%
Оставшихся до указу	—	—	3	60	—	—	—	—	—	—	3	60	—
Итого	108	5510	73	5718	195	6996	165	4130	358	10681	899	33035	

Для того, чтобы понять причину легкаго сбыта крестьянами и козаками своихъ земельныхъ участковъ, а также причину жаднаго стремленія панства къ закрѣпощенію рабочаго труда, нужно знать, какое существовало въ описываемую эпоху соотношеніе между стоимостью главныхъ факторовъ сельскаго

хозяйства — земли, хлѣба и наемнаго труда. По собраннымъ, пока скуднымъ, даннымъ, можно видѣть, что между 1730 и 1760 гг. въ западной части полтавщины цѣны на эти предметы были такія: день пахотной земли или $3/4$ десятины стоитъ 33 копѣйки, слѣдовательно 1 десятина 45 коп., годовой взрослый рабочій мужского пола получалъ платы $2 1/2$ рубля; четверть ржи стоила 80—90 коп. Такимъ образомъ, за четверть хлѣба можно было пріобрѣсть на вѣчность 2 десятины земли, а годовой рабочій зарабатывалъ денегъ на покупку $5 1/2$ десятинъ *).

Эти цифры наглядно показываютъ, какіе широкіе размѣры приняло земельное владѣніе козацкой старшины. По отношенію къ внутреннему содержанію землевладѣльческихъ правъ, къ тому, насколько владѣльцы успѣли отвоевать эти права у посполитыхъ, дѣло стояло такъ. Посполитые изъ большихъ собственниковъ, еще недавно распоряжавшіеся своей землей, закладывая ее и продавая, теперь уже теряютъ это право и въ случаѣ ухода должны оставлять въ пользу владѣльца не только землю, но и всѣ возведенныя на ней постройки: они могутъ захватить съ собой лишь свое движимое имущество. По отношенію къ посполитымъ не-собственникамъ, посаженнымъ владѣльцами на скупленныхъ земляхъ — владѣльцы начинаютъ хлопотать о лишеніи ихъ права свободнаго перехода. Апостолъ, несмотря на свою большую податливость, отстраняетъ такія домогательства, какъ противныя „правамъ и вольностямъ" народа. Но онъ допустилъ обложить сборомъ, на содержаніе полковыхъ и сотенныхъ канцелярій, однихъ козаковъ, освобождая, въ интересахъ владѣльцевъ, отъ этого сбора посполитыхъ. Такой сборъ, наложенный исключительно на козаковъ, являлся нарушеніемъ господствовавшаго до сихъ поръ принципа обложенія.

Этотъ спеціальный сборъ на канцелярскія надобности есть одно изъ проявленій заботъ Апостола о томъ, чтобы внести какую-нибудь правильность и закономѣрность въ анахронизмъ патріархальныхъ порядковъ, какихъ держалось малорусское общество. Патріархальный строй уже отжилъ свой вѣкъ вмѣстѣ съ тѣмъ общественнымъ единствомъ, которое до извѣстной степени характеризуетъ собою Малороссію первой эпохи послѣ Хмельнищины. Теперь, когда общество ясно разбилось на отдѣльныя группы съ противоположными интересами, сдѣлались необходимыми организованныя учрежденія, которыя гарантировали бы личности извѣстную необходимую степень правового порядка. За отсутствіемъ этихъ учрежденій общество погружалось въ правовой хаосъ, на который дѣйствительно и слышатся теперь жалобы со всѣхъ сторонъ. Образуется стихія той мутной воды, въ которой ловятъ рыбу сильные хищники. По отношенію къ одной сторонѣ общественной жизни это положеніе вещей обнаруживается съ особенной силой и яркостью: подразумѣваемъ—судъ.

---

*) При этомъ позволяемъ себѣ высказать желаніе, чтобы проживающіе въ Петербургѣ украинцы, кому дорого прошлое, разработали тѣ богатыя и разнообразныя статистическо-экономическія данныя, между прочимъ, и цѣны на земельныя угодья и рабочій трудъ, которыя заключаются въ замѣчательномъ памятникѣ XVIII столѣтія, такъ называемой Румянцевской описи Малороссіи, главная часть которой нынѣ хранится при Академіи Наукъ.

Судъ сдѣлался въ рукахъ старшины могучимъ орудіемъ для самыхъ рѣшительныхъ безкровныхъ побѣдъ надъ народною массой. Судебныя несправедливости, соединенныя къ тому же съ корыстолюбіемъ судей, были тѣмъ слабымъ мѣстомъ малорусской общественной жизни, которое давало русскому правительству наиболѣе удобный поводъ для вмѣшательства въ эту жизнь. Когда умный и энергичный Полуботокъ взялъ на себя обязанности наказного гетмана, онъ, понимая положеніе, тотчасъ же принялъ нѣкоторыя мѣры для улучшенія суда. Но все, предпринятое имъ, вмѣнено было ему въ Петербургѣ за самовольство и превышеніе власти и послужило лишнимъ обвинительнымъ пунктомъ. Но зато Апостолъ взялъ на себя эту нелегкую задачу и сдѣлалъ, что могъ, для ея разрѣшенія.

Въ какомъ положеніи находился судъ въ XVIII в. до реформы Апостола—вопросъ очень мало выясненный. Чтобы представить себѣ этотъ предметъ,—хотя предположительно, но съ извѣстной степенью вѣроятности,—надо припомнить тѣ данные предыдущей исторіей элементы, изъ какихъ онъ могъ сложиться. Элементы эти: право громады судить каждаго изъ своихъ членовъ, и право каждаго свободнаго человѣка искать суда тамъ, гдѣ ему заблагоразсудится (кромѣ исключительныхъ преступленій, выдѣленныхъ закономъ или обычаемъ изъ общаго порядка, а также исключая мѣщанъ, которые имѣли судъ, организованный по Магдебургскому праву). Верховное право суда, принадлежащее громадѣ, ясно выговорено переяславскими статьями въ такихъ выраженіяхъ: „гдѣ три человѣка козаковъ, два третьяго судятъ“, повторяемыхъ другими гетманскими статьями. Но какъ осуществлялось это право, мы имѣемъ лишь намеки документовъ, возстановляющіе картину извѣстнаго намъ изъ болѣе ранней исторической эпохи копнаго суда. Право же въ тяжебныхъ дѣлахъ искать себѣ вольнаго суда выражалось обращеніемъ къ лицамъ, облеченнымъ властью, а, слѣдовательно, и силой, необходимой для осуществленія правосудія; такими лицами были: гетманъ или замѣняющій его генеральный судія, полковникъ, сотникъ, атаманъ. Но, какъ можно предполагать, право обращаться къ этимъ лицамъ за судомъ быстро приняло характеръ обязанности, хотя, повидимому, долго держалась извѣстная свобода въ выборѣ лица. Всѣ эти лица были заинтересованы въ томъ, чтобы привлекать къ себѣ тяжущихся, такъ какъ обращеніе къ такому суду, имѣвшее характеръ частной сдѣлки, обыкновенно сопровождалось „выкладами“ или „накладами“ (то, что въ болѣе раннемъ правѣ называлось „закладами“); истецъ „накладывалъ“ на отвѣтчика извѣстную сумму денегъ, т.-е. вносилъ ихъ судьѣ, которому они служили вознагражденіемъ за трудъ; при выигрышѣ тяжбы ихъ уплачивалъ отвѣтчикъ. При нареканіяхъ на корыстолюбіе судей наклады всегда упоминаются рядомъ со взятками, но это не былъ видъ вымогательства, а извѣстная особенность, необходимо сопровождавшая тяжебный процессъ въ данныхъ условіяхъ, при отсутствіи постояннаго оффиціальнаго суда. Естественно, что лица, облеченныя властью, очень дорожили этой стороной своей дѣятельности. Самъ Апостолъ, который больше, чѣмъ кто-нибудь другой, понималъ недостатки старыхъ порядковъ и желалъ нововведеній, тѣмъ не менѣе, лично для себя, не могъ отка-

зваться отъ обычая и судилъ, безъ соблюденія формъ судопроизводства, тѣхъ, кто къ нему обращался, возбуждая тѣмъ сомнѣнія и возраженія со стороны русскаго „министра".

Какъ скоро судъ этотъ потерялъ свой первоначальный, добровольный, характеръ, то его единогласность и безапелляціонность сдѣлались неизсякаемымъ источникомъ злоупотребленій: полковники и сотники наживали себѣ состояніе не только накладами, но и вымогательствами всякаго рода, противъ которыхъ не было никакихъ гарантій. Реформа Апостола, предпринятая съ одобренія русскаго правительства, имѣла въ виду бороться противъ этихъ золъ тѣмъ, что утверждала инстанціи и судебному персоналу придавала характеръ коллективности: въ томъ же смыслѣ думалъ преобразовать судъ и Полуботокъ.

Новыя судебныя учрежденія Малороссіи должны были теперь представлять собой такую послѣдовательность восходящихъ инстанцій: суды сельскіе, сотенные, полковые и, наконецъ, судъ генеральный.

Генеральный судъ, несмотря на стремленіе Петра преобразовать его устройствомъ Судебной Канцеляріи, продолжалъ существовать лишь по имени: его составлялъ генеральный судья, безъ всякаго опредѣленнаго содержанія своей дѣятельности. Рѣшительными пунктами, данными Апостолу, Генеральный судъ получалъ видъ коллегіи изъ трехъ малорусскихъ и трехъ великорусскихъ членовъ съ гетманомъ въ качествѣ президента. Онъ представлялъ собою высшую инстанцію для мѣстныхъ судовъ; но и на его рѣшенія можно было бить челомъ императору въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ.

Въ полковыхъ судахъ должны были принимать участіе, кромѣ полковника и полкового судіи, вся полковая старшина; въ сотенныхъ, кромѣ сотника и атамановъ, значное войсковое товариство, т.-е. болѣе вліятельные изъ козаковъ. Такимъ образомъ, возстановлялся, до извѣстной степени, принципъ стараго, народнаго, „громадскаго" суда. Суды по селамъ также должны были вершиться атаманомъ или войтомъ съ участіемъ „трезвыхъ и разсудныхъ людей" изъ сельскихъ обывателей.

Новые суды неотложно требовали писаннаго права. А между тѣмъ тѣ права, которыми пользовались, по традиціи, малорусскіе суды, т.-е. Литовскій Статутъ, Магдебургское право (Порядокъ) и Саксонъ, представлялись не вразумительными по языку, устарѣлыми и, вообще, не соотвѣтствующими даннымъ формамъ жизни, противорѣчащими другъ другу и всѣ вмѣстѣ противорѣчащими праву русскому, которое вторгалось, помимо непосредственнаго жизненнаго вліянія, и путемъ указовъ. Насущной задачей являлся переводъ, а затѣмъ сводъ этихъ правъ, такъ сказать, ихъ кодификація. Въ этихъ цѣляхъ Апостолъ образовалъ комиссію, которая работала еще долго спустя послѣ смерти Апостола: въ результатѣ ея пятнадцатилѣтнихъ трудовъ былъ сводъ „Правъ, по которымъ судится малорусскій народъ", оставшійся, однако, безъ практическаго примѣненія.

Смерть Апостола, въ самомъ началѣ 1734 года, вернула политическое положеніе Малороссіи къ тому моменту, который она пережила со смертью Скоропадскаго. Правительство Анны Іоанновны рѣшило слѣдовать политикѣ Петра и, пользуясь случаемъ, упразднить гетманство. Старшина, съ своей

стороны, понимала всю важность момента и спѣшила захватить гетманскую власть въ свои руки, чтобы затѣмъ побудить правительство къ скорѣйшему разрѣшенію новаго выбора. Такимъ образомъ, между „министромъ“ и другими представителями русской власти въ Малороссіи и старшиной произошла нѣкоторая борьба за власть, впрочемъ, не разрѣшившаяся никакими серьезными столкновеніями, въ родѣ того, какое имѣло мѣсто двѣнадцать лѣтъ тому назадъ: какъ только правительство заявило свою волю, старшина отступила безпрекословно.

Теперь Малороссія снова была переведена изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ въ вѣдѣніе Сената. Управленіе было вручено коллегіи изъ шести членовъ,—трехъ великороссіянъ и трехъ малороссовъ. Заявлялось открыто, что это „шестиглавое“ правленіе учреждается до выбора новаго гетмана; но по секрету сообщалось, что правительство не желаетъ новаго гетмана, и что съ гетманствомъ все кончено. Старшій изъ великороссійскихъ членовъ Коллегіи игралъ роль правителя Малороссіи: правители эти то-и-дѣло смѣнялись, одни оставляя по себѣ добрую память, какъ Барятинскій, Румянцевъ, Неплюевъ, особенно Кейтъ, другіе дурную, какъ Леонтьевъ, но каждый изъ этихъ генераловъ фактически замѣнялъ собой упраздненнаго гетмана. О выборѣ новаго гетмана не было и помина: на сторожѣ у этого щекотливаго предмета стало наводящее ужасъ „слово и дѣло“, съ которымъ въ царствованіе Анны Іоанновны познакомилась и Малороссія. Вообще все это время, отъ смерти Апостола до конца царствованія Анны Іоанновны, было тяжелымъ временемъ для нашей территоріи. Война польская, а затѣмъ длительная война съ Турціей (1736—9) изъ года въ годъ требовали отъ Украины силъ для новыхъ походовъ, подъ Азовъ, Очаковъ, въ Крымъ, Молдавію; приходилось доставлять не только воиновъ, но и всякаго рода матеріалы, съѣстные припасы, воловъ, работниковъ. Въ то же время Минихъ требовалъ десятки тысячъ людей, необходимыхъ для сооруженія задуманной имъ грандіозной украинской линіи. И, наконецъ, самое тяжелое — Малороссія должна была въ теченіе четырехъ лѣтъ содержать на зимнихъ квартирахъ чуть не всю великорусскую армію. Такой обременительный постой сопровождался бы обидами и притѣсненіями обывателей даже и при лучшихъ условіяхъ, а здѣсь во главѣ арміи стоялъ грубый солдатъ Минихъ, который относился къ Малороссіи и особенностямъ ея строя и учрежденій съ полнымъ непониманіемъ, крайнимъ недоброжелательствомъ и презрѣніемъ. Извѣстно его классическое изреченіе, публично произнесенное, о малорусскихъ правахъ и законахъ: „шельма писалъ, а каналья судилъ“. Въ довершеніе всего на Украину проникла, изъ-за Днѣпра, какъ результатъ войны, моровая язва.

Отъ невозможности удовлетворить всѣмъ требованіямъ разбѣгались села, жители которыхъ укрывались въ Польшѣ или по слободамъ сильныхъ людей въ особенности изъ великорусскихъ генераловъ. Какую картину разоренія представлялъ собою край, свидѣтельствуетъ, наприм., слѣдующій отрывокъ изъ письма Волынскаго къ Бирону (отъ 1737 г.): „не осталось столько земледѣльцевъ, сколько хлѣба имъ и для самихъ себя посѣять надобно, и хотя и причтено то въ ихъ упрямство, что многія поля безъ пашни остались, но ежели

по совѣсти разсудить, то и работать некому и не на чемъ, понеже сколько въ прошломъ году воловъ выкуплено и въ подводахъ поморено, нынѣ сверхъ того изъ одного Нѣжинскаго полка взято въ армію 14000 воловъ, отъ майора Шипова можете обстоятельно увидѣть, какова стала Украина, и сколько малороссіянъ поморено".

Только одинъ внутренній вопросъ малорусской жизни выступилъ на сцену за это тяжелое время,—вопросъ о козакахъ, и понятно: требованія, съ какими обращалось теперь правительство къ малорусскому обществу, имѣли въ виду прежде всего козаковъ. Поэтому выясненіе силъ и средствъ этой группы и ея организація, соотвѣтственная предъявленнымъ къ ней требованіямъ, сдѣлались насущнымъ интересомъ даннаго момента. Все, что до сихъ поръ обнаруживало русское правительство по отношенію къ козакамъ, это была забота, чтобы козаки не переходили въ посполитые, выраженная особенно въ указахъ Петра Великаго. Правда, въ статьяхъ первыхъ гетмановъ, по старому обычаю, идущему съ польскихъ временъ, всегда упоминалось число реестровыхъ козаковъ; но русское правительство, повидимому, не придавало этой сторонѣ никакого значенія, и послѣ Мазепы пунктъ о числѣ козаковъ уже не вводится болѣе въ гетманскія статьи. Но военныя затрудненія, наступившія послѣ смерти Апостола, освѣтили этотъ вопросъ съ иной стороны: если раньше, при первыхъ гетманахъ, была заинтересована въ большемъ количествѣ козаковъ Малороссія, то теперь было въ этомъ заинтересовано русское правительство. Однако, теперь число это уже нельзя было опредѣлить выше двадцати тысячъ выборныхъ (реестровыхъ по старой терминологіи), цифра указа Анны Іоанновны (1735 г.) *): очевидно, сама жизнь уменьшила численно эту общественную группу переведеніемъ части ея въ посполитые. Въ томъ же 1735 году, когда появился упомянутый указъ, была произведена кн. Шаховскимъ, тогдашнимъ правителемъ Малороссіи, попытка организовать козацкую службу.

Мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній о томъ, въ чемъ состояла эта попытка, повидимому, она не вводила ничего новаго, а лишь упорядочивала то, что существовало и до нея. Это доказываютъ и самые вновь появившіеся термины: козакъ-„выборный" и козакъ-„подпомощникъ". Козакъ-выборный—то же, что и реестровый, т.-е. козакъ, служившій лично и внесенный въ козацкіе компуты; козакъ-подпомощникъ—тотъ членъ козацкой группы, который не служитъ лично, а вноситъ средства на вооруженіе и содержаніе выборнаго. Такимъ образомъ, козакъ-выборный содержался на средства своихъ родственниковъ и подпомощниковъ, на „складку". Слѣдовательно, вся козацкая группа разбита была на маленькіе союзы, состоявшіе частью изъ родственниковъ, частью изъ постороннихъ, связанныхъ взаимной отвѣтственностью. Въ центрѣ каждаго изъ такихъ союзовъ стоялъ козакъ-выборный. Вѣроятно, реформа кн. Шаховского именно имѣла въ виду упорядочить отношенія выборныхъ къ подмощникамъ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, упорядочить и самую службу. Козакъ долженъ былъ являться „по

*) По статьямъ Хмельницкихъ, Богдана и Юрія, число реестровыхъ козаковъ было опредѣлено въ 60000, Брюховецкаго, Многогрѣшнаго и Мазепы—30000.

указной формѣ во всякой воинской исправности, и въ умундированіи въ дву достойныхъ лошадяхъ". Подпомощники должны были „подпомогать козаковъ въ лошадяхъ, ружьи и въ платьѣ, харчахъ и въ прочихъ воинскихъ потребностяхъ". Выборные козаки, находясь постоянно на службѣ, если не на войнѣ, то на форпостахъ, охраняя границы отъ татаръ, освобождались отъ „сустентаціи консистентовъ", т.-е. отъ военныхъ постоевъ; но подпомощники не были свободны отъ этой тяжелой повинности, хотя несли ее въ размѣрѣ вдвое меньшемъ по сравненію съ посполитыми. Повидимому, отношенія выборныхъ и подпомощниковъ не были совершенно свободными отъ посторонняго вмѣшательства: по крайней мѣрѣ, слышатся часто жалобы на то, что старшина—собственно сотники—за деньги освобождаютъ отъ службы богатыхъ и заставляетъ служить бѣдныхъ. Несмотря на заботы правительства о приведеніи малорусскаго козачества въ лучшій видъ, Минихъ даетъ такой отзывъ объ ихъ вооруженіи: „половина ихъ на телѣгахъ ѣдутъ, и отчасти плохолюдны, отчасти худоконны, большую часть ихъ мы принуждены возитъ съ собою какъ мышей, которыя напрасно только хлѣбъ ѣдятъ". Онъ сравниваетъ ихъ съ запорожцами, бѣглыми, какъ онъ выражается, изъ той же Украины, которые имѣютъ и хорошихъ людей, и сами люди добрые, бодрые, хорошо вооруженные; съ тремя-четырьмя тысячами такихъ людей можно было бы разбить весь гетманскій корпусъ. Очевидно, новое направленіе народной жизни, которое вело посполитыхъ къ порабощенію, не было благопріятно и для свободной, т.-е. козацкой части малорусскаго народа.

Личная благосклонность къ Малороссіи и ея народу императрицы Елизаветы Петровны (1744 г.) какъ бы отклоняетъ еще на два десятилѣтія теченіе малорусской политической жизни отъ принятаго ею направленія; но жизненная стихія, чуть-чуть поколебавшись, снова вступаетъ въ свое русло. Женское чувство Елизаветы не довольствуется тѣмъ, что она, въ угоду своему любимцу Разумовскому, сыну бѣдной козацкой вдовы села Лемешъ, Черниговской губерніи, окружаетъ себя малорусскимъ духовенствомъ, осыпаетъ дарами и почетомъ малорусскихъ депутатовъ, являющихся ко двору, побуждаетъ Сенатъ изыскивать средства облегчить малорусскій народъ въ податяхъ съ цѣлью дать ему оправиться отъ тягостей предшествовавшихъ войнъ и постоевъ. Она готова возвратить Малороссіи всѣ ея „старыя права и вольности"; но отъ этой формулы остался лишь намекъ на ея былое содержаніе. Елизавета стремится излить свою благосклонность на всѣхъ—и на старшину, которую желаетъ высвободить изъ зависимости отъ великорусскихъ чиновниковъ, и на посполитыхъ, которымъ возвращаетъ право перехода, ограниченное-было распоряженіемъ мѣстной власти. Путешествіе Елизаветы въ Кіевъ (1744 г.) было нагляднымъ выраженіемъ ея малорусскихъ симпатій. Оно взволновало край: близость всемогущей верховной власти побудила, съ одной стороны, скрывавшіяся до тѣхъ поръ неудовольствія выразиться въ жалобахъ, иногда коллективныхъ, какъ, напримѣръ, прошеніе сотниковъ Черниговскаго полка, направленное противъ полковой и генеральной старшины; съ другой стороны, патріотическія стремленія и чувства нашли удобный моментъ, чтобы просить о возстановленіи гетманской

власти, съ которой единственно связывалось представленіе о старыхъ правахъ и вольностяхъ. Елизавета дала и на это свое согласіе. Но именно на этомъ пунктѣ яснѣе всего обнаружился призрачный характеръ всѣхъ этихъ возстановляемыхъ наново „старыхъ правъ“.

Правда, выборъ гетмана „вольными голосами“ уже давно отошелъ въ область преданій: хотя форма избранія и сохранялась, но ни для кого не было тайной, что гетманы назначались изъ Петербурга. Однако, назначеніе падало на такихъ лицъ, на которыхъ могъ бы пасть и выборъ. Мазепа, Скоропадскій, Апостолъ—все это были старые мѣстные люди, которые знали положеніе своей родины, дорожили ея интересами и защищали ихъ, по мѣрѣ своихъ силъ и разумѣнія. Теперь было иначе.

Гетманомъ назначенъ былъ братъ фаворита, Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій (1751 г.),—форма выбора имѣла на этотъ разъ значеніе лишь театральной декораціи. Новый гетманъ имѣлъ съ Малороссіей общаго лишь то, что родился здѣсь и здѣсь прожилъ первые годы своего дѣтства. Но затѣмъ онъ воспитывался въ Петербургѣ и за границей, и его истинной родиной, родиной его сердца, куда стремились всѣ его помыслы, былъ петербургскій дворъ съ его роскошью и великолѣпіемъ. Несомнѣнно, что молодой гетманъ не зналъ Малороссіи и не дѣлалъ усилій для того, чтобы узнать ее. За него дѣлалъ эти усилія его менторъ Тепловъ, который пріѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ: но пріобрѣтенныя знанія Тепловъ употребилъ не на дѣло созиданія или поддержки мѣстной жизни и ея самобытныхъ учрежденій, а на дѣло ихъ разрушенія; его „Записка о порядкахъ въ Малороссіи“ позже, при воцареніи Екатерины, съ успѣхомъ сыграли свою разрушительную роль. Не имѣя сознательныхъ симпатій къ родинѣ, имъ управляемой, Разумовскій не имѣлъ и опредѣленной программы своихъ дѣйствій, никакого руководящаго принципа. То онъ выступаетъ какъ противникъ политической самостоятельности Малороссіи, съ успѣхомъ добиваясь, напримѣръ, переведенія малорусскихъ дѣлъ снова изъ вѣдѣнія Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ въ Сенатъ — дѣлаетъ онъ это исключительно изъ личныхъ враждебныхъ отношеній къ президенту Коллегіи; то является защитникомъ ея правъ и самостоятельности, напримѣръ, въ вопросѣ о выборѣ сотниковъ вольными голосами. Въ общемъ Разумовскій, дѣйствуя подъ вліяніемъ старшины, обыкновенно старался отклонять введеніе общеимперскихъ установленій, охраняя, по возможности, старое status quo. Однако, ни это противодѣйствіе, ни благосклонное отношеніе Елизаветы къ проявленіямъ малорусской самобытности и самостоятельности не помѣшало уничтоженію индукты и эвекты (1753 г.), т.-е. таможенъ и таможенныхъ сборовъ, отдѣлявшихъ Великороссію отъ Малороссіи: такимъ образомъ, было уничтожено существеннѣйшее препятствіе къ сліянію территорій. Однимъ словомъ, несмотря на кажущееся измѣненіе политики великорусскаго двора по отношеніи къ Малороссіи—въ существенномъ жизнь не отступала отъ принятаго ею направленія. Не отступала она и по отношенію къ тому внутреннему соціальному процессу, на которомъ мы постоянно останавливали вниманіе читателя.

Вышеупомянутый указъ Елизаветы, разрѣшавшій посполитымъ право

перехода, явился результатомъ слѣдующаго обстоятельства. Еще въ предыдущее царствованіе въ связи съ военными затрудненіями момента, появилось распоряженіе (1738 г.), строго запрещавшее эмиграцію козаковъ и посполитыхъ въ Великороссію и въ „другія, къ тамошнимъ краямъ лежащія мѣста". Хотя распоряженіе это касалось, главнымъ образомъ, Слободской Украины, хотя оно, очевидно, не затрогивало переходовъ внутри страны, но страстное желаніе старшины, заправлявшей Генеральной Войсковой канцеляріей, и вообще всей старшины и владѣльцевъ держать въ рукахъ посполитыхъ, помогло имъ перетолковать не совсѣмъ ясныя выраженія этого распоряженія въ смыслѣ запрещенія переходовъ вообще. Указъ Елизаветы 1742 г. направленъ именно противъ этого пристрастнаго толкованія. Такимъ образомъ, посполитые пока сохранили юридическое право свободнаго перехода, но фактически этотъ переходъ долженъ былъ часто принимать видъ убѣга—посполитый былъ теперь соціально слишкомъ слабъ, по сравненію съ владѣльцемъ, чтобы пользоваться открыто своимъ правомъ. Въ своихъ домогательствахъ, жалобахъ и просьбахъ владѣльцы выдвигаютъ въ качествѣ правовой опоры, какъ исконное право Малороссіи, Литовскій Статутъ, который возникъ на почвѣ польско-шляхетскихъ отношеній и совершенно лишалъ посполитство не только земли, но и личной свободы. Землю посполитыхъ владѣльцы уже успѣли перевести въ свою собственность; дѣло стояло лишь за личной свободой, за свободой перехода. Этотъ послѣдній шагъ уже былъ подготовленъ, но его нельзя было сдѣлать разомъ. Послѣдней переходной ступенью былъ универсалъ Разумовскаго (1761 г.), въ силу котораго посполитые, оставляющіе своего владѣльца, уже не имѣли права захватывать свою движимость, якобы нажитую на владѣльческой землѣ, и, кромѣ того, должны были получать отъ владѣльца письменный отпускъ. Конечно, все это ограничивало крестьянскіе переходы почти до полнаго ихъ уничтоженія. Такъ ничтожна была эта жалкая крупица свободы, которую оставило посполитству царствованіе Елизаветы, — хотя все-таки еще оставило. Внутренніе процессы малорусской жизни двигались по тому же объединительному направленію, по какому вела эту жизнь сознательно политика русскаго правительства. И хотя воля Елизаветы и Разумовскаго и была какъ бы направлена къ тому, чтобы охранить старыя формы жизни отъ измѣненій, но самъ же Разумовскій написалъ въ одномъ письмѣ своемъ къ Воронцову: „Украина, можно сказать, совсѣмъ переродилась, и совсѣмъ не то правленіе, не такіе правители, не тѣ, почитай, люди и, слѣдовательно, не тѣ ужъ и мысли въ нихъ пребываютъ". Достаточно сказать, что образованнѣйшій человѣкъ своего времени, Яковъ Маркевичъ, оставившій намъ свой любопытный „Дневникъ", самъ хлопочетъ передъ русскимъ правительствомъ о назначеніи его полковникомъ: настолько измѣнились понятія о правѣ. Реформы Екатерины нашли уже достаточно подготовленную почву.

Вступленіе на престолъ Екатерины II открываетъ собою заключительный фазисъ въ исторіи самостоятельнаго существованія Малороссіи.

Патріархальныя учрежденія малорусскаго общества, своеобразная форма его быта, „смѣшенія воинскаго правленія съ гражданскимъ"—все это казалось просвѣщенной императрицѣ неразумнымъ варварствомъ. Покончить съ этимъ

варварствомъ представлялось ей не только выгоднымъ съ точки зрѣнія правильнаго государственнаго разсчета, но и необходимымъ, съ точки зрѣнія ея либеральныхъ идей и принциповъ.

Обстоятельства сами шли навстрѣчу Екатеринѣ II. Между малорусской старшиной открылась агитація въ пользу того, чтобы просить правительство о наслѣдственномъ гетманствѣ въ родѣ Разумовскихъ. Не извѣстно, откуда исходила эта агитація: отъ самого ли гетмана, или его недальновидныхъ доброжелателей, а, можетъ-быть, и отъ коварныхъ друзей, между которыми на первомъ планѣ называли его бывшаго ментора Теплова. При извѣстномъ настроеніи правительства, легко было придать этому дѣлу политическую окраску. На гетмана, несмотря на всю его извѣстную и искренную преданность престолу, пала тѣнь. Будучи, прежде всего, царедворцемъ, гетманъ поспѣшилъ просьбой объ отставкѣ предупредить дальнѣйшую немилость. Просьба была принята благосклонно: гетманъ удалился, упраздненіе гетманства и учрежденіе на его мѣстѣ снова Малороссійской Коллегіи уже не имѣли теперь, какъ прежде, временнаго характера. Екатерина не скрывала своихъ намѣреній насчетъ того, чтобы „вѣкъ и имя гетмановъ исчезло, нетокмобъ персона какая была произведена въ оное достоинство“. Учрежденная, указомъ 1764 г., Новая Малороссійская Коллегія должна была состоять изъ четырехъ великорусскихъ и четырехъ же малорусскихъ членовъ; для уравненія между собой этихъ членовъ малороссы жаловались „табельными чинами“, которыхъ такъ добивалась старшина со временъ Апостола. Президентомъ Коллегіи былъ назначенъ графъ П. А. Румянцевъ, который съ той поры въ качествѣ „главнаго малороссійскаго командира“ заправлялъ дѣлами Малороссіи въ теченіе 25 лѣтъ, заправлялъ съ такими обширными полномочіями, которыя приравнивали его власть къ власти гетманской: лишь введеніе Учрежденій о губерніяхъ положило извѣстныя ограниченія этой власти. Румянцевъ былъ умнымъ толкователемъ и надежнымъ исполнителемъ плановъ Екатерины, касающихся Малороссіи, — тѣмъ болѣе надежнымъ, что въ его характерѣ было много терпимости и спокойной осторожности.

Но и Екатерина, хотя болѣе увлекающаяся, первое время своего царствованія все-таки считала „непристойнымъ“ прибѣгать къ рѣзкимъ мѣрамъ для уничтоженія особенностей Малороссіи, рѣшеннаго ею въ принципѣ. Наоборотъ: она допустила правящему классу малорусскаго общества провести такую крупную реформу, какъ введеніе судовъ по Статуту, подкоморскихъ, гродскихъ и земскихъ. Реформа эта должна была ей представляться враждебной интересамъ государственнаго объединенія, такъ какъ, съ одной стороны, она была лишнимъ шагомъ въ развитіи малорусскихъ особенностей; съ другой, этой реформой усиливалось значеніе старшины, получавшей теперь особые, шляхетскіе, суды, между тѣмъ какъ сама Екатерина видѣла въ „беззаконномъ и користолюбивомъ своевольствѣ этихъ маленькихъ тирановъ“ главную причину „сокровенной ненависти тамошняго народа противъ здѣшняго“. Она допустила эту реформу, очевидно, лишь потому, что результатами ея явилось отдѣленіе „воинскаго правленія отъ гражданскаго“. Разумность этой реформы заслоняла въ глазахъ Екатерины ея практическую невыгодность.

Вообще молодая императрица еще не потеряла вѣру во всепобѣждающую силу разума и надѣялась, что разумность задуманныхъ ею преобразованій покоритъ и уничтожитъ предубѣжденія малороссовъ. Но интересный эпизодъ съ знаменитой Комиссіей наглядно доказалъ ей, какъ неумѣстенъ былъ въ данномъ случаѣ такой оптимизмъ.

14 декабря 1766 года былъ обнародованъ манифестъ о созывѣ депутатовъ въ „Комиссію для сочиненія проекта новаго уложенія и для совѣтовъ о способахъ къ достиженію общенароднаго благоденствія". Тотчасъ же за обнародованіемъ манифеста Румянцевъ разослалъ по Малороссіи разъяснительные циркулярные листы, написанные „не въ предложеніи точныхъ мѣръ, но въ совѣтъ", и дышавшіе искренностью убѣжденнаго человѣка, призваннаго къ дѣлу водворенія „общественнаго благоденствія и народнаго счастья". Естественно было предположить, что малороссы, съ ихъ исконной привычкой къ общественной самодѣятельности, сочувственно откликнутся на призывъ. Но вышло не то. „Ослѣпленные любовью къ своей землицѣ", по ироническому замѣчанію Румянцева, малороссы находили, что ихъ „законы и такъ весьма хороши", и что имъ нужно только „подтвержденіе старинныхъ правъ и вольностей"; вмѣсто сочувствія и поддержки начинаніямъ правительства, они обнаруживали „изумительное своеволіе, доходившее до коварства". Край былъ взволнованъ „кривотолкованіями"; началась неурядица въ выборѣ депутатовъ: жители уклонялись отъ участія въ выборахъ, собранія разстраивались. Когда энергія Румянцева преодолѣла эти первыя препятствія, и собранія для выбора депутатовъ и составленія наказовъ открыли свои дѣйствія, обнаружились дальнѣйшія затрудненія. Наказы составлялись въ духѣ, идущемъ въ разрѣзъ съ видами правительства. Шляхетство (какъ титуловался теперь высшій классъ малорусскаго общества, между прочимъ и въ циркулярахъ Румянцева), козачество, духовенство, частью горожане—всѣ стремились къ старинѣ, „къ умоначертаніямъ прежнихъ временъ", къ договорнымъ статьямъ Богдана Хмельницкаго. Новые горизонты, открываемые императрицей, ея обѣщанія „возвести малороссійскій народъ на высшую степень счастія" нисколько не плѣняли малороссовъ, которые, по словамъ того же Румянцева, были убѣждены, что „нигдѣ нѣтъ ничего хорошаго, ничего полезнаго и ничего прямо свободнаго, чтобы имъ годиться могло, и все, что у нихъ есть, то лучше всего". Изъ всѣхъ наказовъ исключеніе составляетъ лишь наказъ черниговскаго шляхетства: благодаря усиліямъ предводителя Безбородька, онъ былъ составленъ въ духѣ желаній Екатерины и тѣмъ возбудилъ общее неудовольствіе остальныхъ украинцевъ.

Румянцевъ увидѣлъ себя вынужденнымъ смѣнить роль просвѣщеннаго руководителя и совѣтчика на роль начальника, который долженъ силою подавлять „желанія несходственныя съ общимъ добромъ". Лично и черезъ своихъ агентовъ, какъ русскихъ, такъ и изъ мѣстныхъ людей, питающихъ „великое желаніе къ чинамъ, а особливо къ жалованью", онъ вмѣшался въ выборы, кассировалъ ихъ, не допускалъ наказовъ съ содержаніемъ „вовсе до нихъ (составителей) не подлежащимъ" или очищалъ эти наказы „отъ закоренѣлыхъ предразсужденій". При помощи такихъ предупредительныхъ мѣръ были выбраны

отъ Малороссіи тридцать четыре депутата: по одиннадцати человѣкъ отъ шляхетства и козачества, десять отъ горожанъ и два отъ Запорожья.

Не шло гладко и дальше. Екатерина надѣялась, что когда малорусскіе депутаты явятся передъ многолюднымъ собраніемъ Комиссіи, то сами устыдятся своихъ „вздорныхъ вожделѣній" и откажутся отъ своихъ домогательствъ; что козачество, изъ вражды къ шляхетству, станетъ на сторону правительства. Но шляхетство, даже въ лицѣ такихъ передовыхъ по уму и образованію своихъ представителей, какъ лубенскій депутатъ Григорій Полетика, не только не стыдились своихъ требованій, но съ достоинствомъ поддерживало ихъ; козачество неуклонно слѣдовало за шляхетствомъ; и даже горожане—во время выбора депутатовъ и составленія наказовъ, воздерживавшіеся отъ непріятныхъ правительству заявленій, хлопоча лишь объ уменьшеніи податной тяготы — были увлечены на засѣданія Комиссіи общимъ патріотическимъ настроеніемъ.

Комиссія, какъ извѣстно, не достигла никакихъ практическихъ результатовъ и была распущена послѣ кратковременнаго существованія (1767—9 гг.); но это не значитъ, чтобы она прошла безслѣдно. Не прошла она безслѣдно и для Малороссіи. Однимъ изъ ближайшихъ ея результатовъ было то, что Екатерина измѣнила свои оптимистическіе взгляды на малороссовъ и ихъ настроенія и пришла къ убѣжденію, что по отношенію къ малорусскимъ дѣламъ надо имѣть, какъ она выражалась, „лисій хвостъ и волчій ротъ".

Румянцевъ былъ достаточно умнымъ и гибкимъ человѣкомъ, чтобы приспособиться къ этой политикѣ. Онъ взялъ на себя миссію подготовить Малороссію къ принятію общерусскихъ порядковъ и успѣшно съ ней справился. Полтора десятка лѣтъ послѣ созыва Комиссіи прошли для Малороссіи совершенно тихо, безъ всякихъ реформъ или какихъ-нибудь крупныхъ и замѣтныхъ мѣропріятій со стороны правительства; но въ то же время шла дѣятельная подготовка, направляемая умѣлой рукой Румянцева. Онъ выдвигалъ на отвѣтственные посты умѣлыхъ и способныхъ людей, расположенныхъ сдѣлаться сторонниками новыхъ порядковъ, и въ то же время употреблялъ всѣ усилія, чтобы приручить шляхетство — ту привилегированную массу, которая упорно держалась за старину, между прочимъ и изъ страха за свою привилегированность. Онъ не только сумѣлъ разсѣять этотъ страхъ, но и успѣлъ внушить увѣренность, что вѣрнѣйшій путь къ сохраненію этой привилегированности есть правовое объединеніе съ русскимъ дворянствомъ. Онъ самъ дѣятельно расчищалъ путь къ этому объединенію. Дѣти малорусскаго шляхетства, какъ недворяне, не допускались къ опредѣленію въ Кадетскій корпусъ „такъ какъ въ Малой Россіи дворянъ нѣтъ", по заявленію Сената. При Румянцевѣ они были допущены, причемъ Румянцевъ доказывалъ, что у нихъ не слѣдуетъ требовать документовъ о благородствѣ происхожденія, такъ какъ „въ прежнія времена господствовавшей здѣсь простоты...затмилось благородство многихъ фамилій, хотя многія изъ нихъ отъ польскаго шляхетства пришли". Въ тѣхъ же видахъ Румянцевъ пользовался разными случаями, чтобы производить отдѣльныхъ представителей козацкой старшины въ тотъ или другой чинъ табели о рангахъ. И, наконецъ, онъ доказывалъ петербургскому правительству, что пожалованіе

малороссійскаго шляхетства „классными чинами, къ которымъ оно, это шляхетство, имѣетъ ревность", необходимо, такъ какъ оно „возбудитъ патріотизмъ къ общему отечеству".

Когда періодъ затишья, наступившій послѣ закрытія Комиссіи, смѣнился въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ періодомъ усиленныхъ реформъ, тотчасъ же обнаружился результатъ дѣятельности Румянцева: высшій классъ малорусскаго общества, еще недавно стоявшій во главѣ оппозиціи мѣрамъ правительства, теперь съ полною готовностью пошелъ имъ навстрѣчу. Къ тому же и самый характеръ реформъ, появившихся въ видѣ указовъ, требовалъ лишь подчиненія.

Въ 1782 г. было введено въ Малороссіи Положеніе о губерніяхъ; въ 1783 г. изданъ указъ, запрещающій вольные крестьянскіе переходы; въ томъ же году козачьи полки преобразованы въ регулярные. Этихъ трехъ указовъ было достаточно, чтобы преобразовать традиціонный строй территоріи въ общерусскій; историческая Малороссія перестала существовать. Малороссія была раздѣлена на три намѣстничества съ полнымъ штатомъ общерусскихъ губернскихъ учрежденій, замѣнившихъ старую полковую администрацію и статутовые суды. Указъ о воспрещеніи крестьянскихъ переходовъ ввелъ въ Малороссію настоящее крѣпостное право въ той его типичной формѣ, которая уже два вѣка какъ утвердилась въ Великой Россіи, положивши свой отпечатокъ на весь ея соціальный строй. Преобразованіе козацкихъ полковъ въ регулярные, карабинерные, уничтожило козачество — ту основную стихію, изъ которой развилось малорусское общество.

Высшій слой малорусскаго общества—прежняя козацкая старшина, теперь уже шляхетство—несомнѣнно выигрывалъ отъ этихъ реформъ. Учрежденія о губерніяхъ предполагали существованіе дворянства, и шляхетство само собой должно было заступить его мѣсто; въ силу тѣхъ же самыхъ учрежденій оно получало особый, сословный судъ, въ то время какъ статутовыми судами, по существу сословными, на самомъ дѣлѣ пользовалось не только козачество, но частью даже и поспольство. Прикрѣпленіе крестьянъ являлось увѣнчаніемъ долгихъ усилій, какія само шляхетство дѣлало въ этомъ направленіи. Наконецъ, при преобразованіи козацкихъ полковъ въ регулярные, на мѣсто уничтоженныхъ „чиновъ національныхъ" козацкая старшина получила чины табельные, къ которымъ она такъ давно стремилась. Оппозиція уничтожалась сама собой. Русское дворянство, вылупившееся изъ козацкой старшины, не имѣло основаній быть недовольнымъ своимъ положеніемъ, особенно послѣ дворянской грамоты 1788 г., такъ что легко примирилось даже съ тѣмъ, что ранговыя имѣнія въ значительной массѣ проскользнули мимо него и ушли къ екатерининскимъ вельможамъ: Румянцеву, Безбородьку, Завадскому, Стрекалову.

При такихъ обстоятельствахъ закончила Малороссія свое самостоятельное существованіе. Въ заключеніе мы имѣемъ возможность представить, какъ малорусское общество само понимало свое положеніе и какъ понимали его другіе, посторонніе люди: эпоха Екатерины оставила нѣкоторый матеріалъ какъ для одного, такъ и для другого.

Какъ понимали свое положеніе малороссы, главнымъ образомъ, по отно-

шенію къ своимъ desiderata, это видно, полнѣе всего, изъ наказовъ депутатамъ въ Екатерининскую Комиссію. Наказы составлялись отдѣльно каждымъ сословіемъ: шляхетствомъ, духовенствомъ, козачествомъ, горожанами. Такимъ образомъ, всѣ общественныя группы имѣли возможность высказаться относительно своихъ нуждъ и желаній, кромѣ посполъства: представляя теперь лишь пьедесталъ возведеннаго на немъ общественнаго зданія, оно, конечно, могло имѣть нужды, но вынужденное къ обязательному молчанію, уже не могло выражать желаній.

Въ эпоху Екатерининской Комиссіи и наказовъ шляхетство въ послѣдній разъ явилось въ роли политическаго руководителя и представителя своей страны. Въ чемъ заключалась эта роль, объ этомъ уже была рѣчь выше: оно энергично представляло стремленіе всего малорусскаго общества къ тому положенію, „на какомъ Богданъ Хмельницкій со всѣмъ малороссійской націи корпусомъ подъ державу великороссійскую приступилъ". Но это не значитъ, конечно, чтобы шляхетство желало возвратиться къ той простотѣ общественныхъ отношеній, какая характеризуетъ собой времена Хмельницкаго. Наоборотъ: тѣ же наказы показываютъ съ полной отчетливостью, что привилегированный классъ малорусскаго общества держалъ въ головѣ, какъ свой идеалъ, положеніе польскаго шляхетства со всей полнотой его державныхъ правъ. Правда, имѣя въ головѣ столь широкій идеалъ, оно на практикѣ вынуждено было ограничиваться такими скромными домогательствами, какъ уравненіе малороссійскихъ чиновъ съ великороссійскими; но все-таки любопытно, что оно не только возрождало въ душѣ польско-шляхетскія традиціи, но и смѣло формулировало ихъ, отчасти въ наказахъ, отчасти въ рѣчахъ и мнѣніяхъ депутатовъ. Такъ, Полетика объяснялъ Комиссіи, что малорусскому шляхетству послѣ высочайшей власти должно принадлежать все правленіе дѣлъ въ Малороссіи, т.-е. право устанавливать, отмѣнять и поправлять свои законы, затѣмъ внутреннее самоуправленіе, основанное на свободномъ выборѣ старшины исключительно изъ своей среды и на полной независимости въ дѣлѣ податнаго обложенія; далѣе, неприкосновенность личности и жилища, разныя привилегіи экономическаго характера, какимъ всегда пользовалось шляхетство польское, и, наконецъ, право свободнаго выѣзда въ чужіе края. Правительство запретило депутатамъ такую принципіальную постановку вопросовъ, такъ какъ „Комиссія не должна ни въ чемъ иномъ упражняться, кромѣ того, для чего учреждена", такъ что малорусское шляхетство вынуждено было ограничиться обсужденіемъ лишь частныхъ вопросовъ, касающихся нуждъ и желаній своего сословія. Но все-таки даже и въ постановкѣ этихъ частныхъ вопросовъ замѣтно вліяніе того же польско-шляхетскаго идеала. Конечно, лишь этимъ вліяніемъ объясняется та увѣренность, какую высказываетъ шляхетство въ своихъ правахъ на полную свободу отъ какихъ-либо налоговъ и повинностей, личныхъ или имущественныхъ, земельныхъ; той же свободы оно домогается и для своихъ посполитыхъ. Посполитскій рублевый окладъ съ жилой хаты, которымъ Румянцевъ замѣнилъ „консистентскія дачи", вызываетъ крайнія нареканія со стороны шляхетскихъ наказовъ и депутатовъ.

Изъ этого же идеала исходили всѣ заявленія малорусскихъ членовъ Ко-

миссіи на счетъ недостатковъ во внутреннемъ управленіи, т.-е. администраціи и судѣ. Не къ козацкому строю временъ Хмельницкаго стремилось оно,—хотя и толковало постоянно о переяславскихъ договорныхъ статьяхъ, — а къ тому исключительному господству шляхетскаго сословія, какое было до Хмельницкаго, включая въ сумму своихъ desideratorum и шляхетскіе сеймы. Руководствуясь той же точкой зрѣнія, просило шляхетство о свободѣ для себя торговли и промышленности, собственно свободнаго винокуренія и безпошлинной торговли виномъ, какъ главнѣйшей, если не единственной въ данный періодъ, важной отрасли промысловой дѣятельности Малороссіи.

Но любопытно, что относительно землевладѣнія — этой существеннѣйшей шляхетской привилегіи и основанія всей привилегированности—высшій классъ малорусскаго общества ничего не заявляетъ и ни о чемъ не проситъ, кромѣ простого подтвержденія своихъ земельныхъ пріобрѣтеній. Оно и понятно: онъ опасался затрогивать этотъ щекотливый предметъ, хорошо сознавая, какого сомнительнаго характера были, въ значительной массѣ, эти его пріобрѣтенія, основанныя на захватѣ ранговыхъ маетностей и общественныхъ земель, на противозаконной куплѣ козачьихъ грунтовъ, на разнообразныхъ видахъ экспропріаціи козачества и посполиства. Здѣсь ему дѣйствительно нужна была только санкція государства, которая дала бы легальныя основанія тому, что было ихъ лишено, сдѣлала бы устойчивымъ и твердымъ шаткое и сомнительное. По тѣмъ же соображеніямъ не касалось шляхетство никакими заявленіями, ни просьбами и отношеній своихъ къ посполитымъ, хотя отношенія эти составляли самое больное мѣсто въ жизни шляхетства, какъ таковаго. По совершенно правильному разсчету, все должно было придти само собой, разъ государство дало бы законное укрѣпленіе фактическимъ пріобрѣтеніямъ—и все дѣйствительно пришло.

Симпатичной чертой шляхетскихъ наказовъ являются ходатайства малороссовъ передъ государствомъ о содѣйствіи расширенію образовательныхъ средствъ для юношества обоего пола, чтобы оно могло получать высшее образованіе дома, на родинѣ, а не за границей, куда имѣютъ возможность посылать своихъ сыновей лишь очень состоятельные люди,—дочери же остаются совсѣмъ безъ образованія. Вопросъ о высшемъ образованіи выдвинутъ былъ малорусскимъ шляхетствомъ и до наказовъ—въ прошеніи, поданномъ Екатеринѣ при восшествіи ея на престолъ: еще тогда шляхетство просило объ учрежденіи двухъ университетовъ и нѣсколькихъ гимназій съ типографіями при нихъ.

Усиленно ходатайствовало о просвѣщеніи малорусское духовенство, которому также предоставлено было право на гласное обсужденіе своихъ нуждъ и желаній, — особенно замѣчательны съ этой точки зрѣнія „кіевскіе пункты“; оно проситъ поддержки не только для своихъ просвѣтительныхъ учрежденій, Кіевской академіи и Черниговскаго Коллегіума, но и для дѣла книгопечатанія и книжнаго обращенія. Помимо этой стороны всѣ симпатіи духовенства направлены къ старинѣ еще гораздо интенсивнѣе и гораздо осмысленнѣе, чѣмъ у шляхетства: оно лучше знало свою исторію и не безъ основанія видѣло въ этой старинѣ — не только до подчиненія кіевскаго митрополита московскому патріарху, но и нѣкоторое время послѣ этого подчиненія, пока имѣла факти-

ческую силу жалованная грамота 1688 г. — нѣчто въ родѣ потеряннаго рая. Современное положеніе представлялось духовенству въ самомъ мрачномъ свѣтѣ, и оно довольно откровенно выразило свое недовольство этимъ настоящимъ: недаромъ Екатерина была такъ предубѣждена противъ малорусскаго духовенства, съ его „честолюбіемъ и зараженностью развращенными правилами духовенства римскаго". По отношенію къ частнымъ желаніямъ, можно сказать коротко, что бѣлое духовенство стремилось къ шляхетскому положенію и домогалось всего, чего домогалось и шляхетство, включая сюда свободу своихъ подданныхъ отъ податей и повинности и даже свободное винокуреніе; черное же духовенство, т.-е. монастыри, больше всего жаждало утвержденія за собой правъ привилегированныхъ крупныхъ поземельныхъ собственниковъ.

Наказы мѣщанства, собственно городовъ,— такъ какъ каждый городъ излагалъ свои нужды и желанія особо,—есть нечто иное, какъ сплошной вопль. И вопль этотъ имѣлъ, повидимому, вполнѣ серьезныя основанія: положеніе городовъ дѣйствительно, представляется крайне непривлекательнымъ. Большіе и старѣйшіе изъ нихъ: Кіевъ, Черниговъ, Стародубъ, Нѣжинъ, Переяславль, продолжали пользоваться отъ польскихъ временъ Магдебургскимъ правомъ, предоставлявшимъ городскимъ общинамъ полную автономію, но и эти привилегированные города находились не въ лучшемъ положеніи, чѣмъ остальные. Жалкій внѣшній видъ, скудная численность населенія (лучшіе изъ городовъ Малороссіи Глуховъ, Черниговъ, Лубны, считали число дворовъ лишь сотнями), ничтожные торговые обороты и промышленная производительность,—все свидѣтельствовало о глубокомъ упадкѣ городской жизни. Можетъ-быть, общія причины этого упадка лежали глубже, чѣмъ указывали ихъ составители наказовъ, но и тѣ причины, на которыхъ они останавливаются,—очень вѣски. Причины эти группируются, по преимуществу, около одного условія: вмѣшательство военнаго, шляхетско-козацкаго элемента, парализовавшаго городскую жизнь. Шляхтичи и козаки жили въ городахъ, но пользовались своимъ управленіемъ и судомъ, и не хотѣли знать городской общины. Они занимались торговлей и промыслами, слѣдовательно, пользовались всѣми преимуществами городской жизни, совершенно уклоняясь въ то же время отъ вытекающихъ изъ нея обязательствъ, „щитя себя одни шляхетствомъ, а другіе козачествомъ", какъ выражались горожане въ своихъ жалобахъ. Такимъ образомъ всѣ повинности, кромѣ спеціально-городскихъ, еще рублевый окладъ и тяжелые натуральные по постоямъ и подводамъ, а въ военное время и доставкѣ работниковъ, скота и провіанта,— все это несли одни мѣщане, не защищенные въ то же время, по отношенію къ своимъ спеціально-городскимъ занятіямъ, отъ конкуренціи другихъ сословій; по отношенію же торговли они терпѣли еще и отъ конкуренціи великорусскихъ торговцевъ. Вслѣдствіе слабаго развитія городскихъ занятій, т.-е. промышленности и торговли, мѣщане находили раньше большое подспорье въ земледѣліи; но при общемъ грандіозномъ расхищеніи земель козацкой старшиной ушли въ частную собственность и городскія земли. Однимъ словомъ, положеніе городского сословія было такое, что оно не только не имѣло никакихъ видовъ на процвѣтаніе, но уменьшилось даже въ численности: мѣщане стреми-

лись къ переходу въ другія сословныя группы—не страшась даже „подданства“: такъ тяжело приходилось иногда городскому обывателю.

Козацкіе наказы ярче всего свидѣтельствуютъ, какъ глубоки были измѣненія, происшедшія въ малорусскомъ обществѣ въ теченіе послѣдняго столѣтія его исторіи. Козацкая группа, еще недавно центральная часть общественнаго организма, по отношенію къ которой остальныя группы были лишь придатками, теперь сама обратилась въ ненужный придатокъ, обреченный на отмираніе. Выше было указано, что въ 30 — 40 годахъ столѣтія численность выборныхъ козаковъ опредѣлялась въ двадцать тысячъ. Въ 1764 г., въ прошеніи Екатеринѣ при восшествіи ея на престолъ, старшина указывала, что едва-ли найдется десять тысячъ годныхъ къ службѣ—такъ быстро шелъ упадокъ козачества. Козакъ, т.-е. одновременно воинъ и свободный земледѣлецъ, дѣлался соціальной ненужностью: постоянно растущее регулярное войско упраздняло его какъ воина, все растущая общественная дифференціація, дѣлившая общество на землевладѣльца и крѣпостного мужика, упраздняло его какъ свободнаго земледѣльца. Земля ускользала у него изъ рукъ, а въ прямой зависимости отъ этого увеличивалось козацкое оскудѣніе. Сохранившіеся наказы мало говорятъ о скуплѣ козачьихъ грунтовъ старшиной, скуплѣ, которая шла въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, несмотря на запретительные указы правительства; но до насъ дошли свѣдѣнія, что козацкое начальство прямо заставляло козачество выпускать изъ наказовъ все, затрогивающее этотъ щекотливый предметъ. Вообще всѣ заявленія козаковъ о своихъ нуждахъ и желаніяхъ звучатъ какъ оттолосокъ, какъ эхо пережитаго прошлаго, отошедшаго въ вѣчность. Козаки напоминаютъ о томъ, что они „издревле пользовались шляхетскою честью и правами“, толкуютъ о своихъ козацкихъ вольностяхъ, которыя состоятъ въ правѣ вольнаго выбора старшины, свободномъ пользованіи своими „добрами“ (т.-е. земельными имуществами), въ свободѣ винокуренія и шинкованія, въ свободѣ отъ податей и прочихъ повинностей, исключая военной, особенно отъ мужицкихъ работъ. Они точно забыли, что пользованіе шляхетской честью и правами сдѣлалось принадлежностью привилегированной группы, которая совсѣмъ не была расположена дѣлиться съ другими своими прерогативами; что просьбы о вольномъ выборѣ старшины теперь, когда правленіе Малороссіи находилось въ рукахъ русскаго генерала, есть неумѣстный анахронизмъ; что неумѣстна и просьба о свободѣ отъ податей и повинности, такъ какъ правительство, не находя интереса въ военной службѣ козаковъ, не могло не смотрѣть на нихъ лишь какъ на разновидность податного сословія, тѣмъ болѣе, что и фактически, по словамъ самихъ козацкихъ наказовъ, „смѣшеніе козаковъ съ посполитымъ народомъ свойствомъ и грунтами было безконечное и безпрерывное“. Однимъ словомъ, козацкіе наказы годились только на то, чтобы сдать ихъ въ архивъ, какъ сдано было вскорѣ и само козацкое сословіе.

Итакъ, всѣ сословныя группы малорусскаго общества выражали большое недовольство своимъ положеніемъ. Но въ то время какъ недовольство шляхетства, а отчасти духовенства, было доступно смягченію, для недовольства

классовъ непривилегированныхъ—въ особенности поспольства, лишеннаго даже возможности высказаться—не было никакого выхода.

Но сословное самосознаніе, выражавшееся въ наказахъ, по необходимости ограничивается извѣстной стороной положенія, по преимуществу матеріальной, экономической, отчасти правовой. Есть другія стороны, гдѣ общество забываетъ о своемъ сословномъ расчлененіи и сознаетъ себя какъ единое цѣлое, противопоставляющееся другимъ такимъ же, заключеннымъ въ себѣ единицамъ. Одно литературное произведеніе, повидимому, того же десятилѣтія, какъ и наказы, свидѣтельствуетъ о національномъ самосознаніи малорусскаго общества и о томъ, какъ оно проявлялось по отношеніи къ Великороссіи: произведеніе имѣетъ видъ діалога и называется „Разговоръ Малороссіи съ Великороссіей". Главное содержаніе этого „Разговора"—историческое: Малороссія вспоминаетъ здѣсь свою исторію, но съ задней цѣлью,—доказать Великороссіи, путемъ ссылки на свои историческія заслуги, права на признаніе своей исторической индивидуальности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отклонить постоянно всплывавшія на видъ недоразумѣнія и нареканія въ политической „шатости". Существеннѣйшій же пунктъ, который хочетъ установить Малороссія, есть то положеніе, что между Великой и Малой Россіей „разность только въ приложенныхъ именахъ", зависящая отъ того, что „твои (великороссійскіе) предѣлы пространнѣе моихъ, а мои обширностями поменьше твоихъ", во всемъ же остальномъ „мы съ тобою равны"; и что Малороссія поддалась не Великороссіи „какъ обществу, а лишь какъ государю" какъ „общему повелителю" одной и другой страны *).

Посторонніе наблюдатели, оставившіе намъ свои сужденія о Малороссіи этой заключительной эпохи ея существованія,—великоросы, и приговоры ихъ составлены подъ давленіемъ національныхъ и государственныхъ пристрастій. Односторонность этихъ сужденій, конечно, находится въ тѣсной связи съ ихъ оффиціальнымъ или оффиціознымъ характеромъ. Такова Записка Теплова „О непорядкахъ, которыя происходятъ нынѣ отъ злоупотребленія правъ и обыкновеній, грамотами подтвержденныхъ Малороссіи", составленная для высшаго правительства, такова записка Румянцева „О усмотрѣнныхъ въ Малой Россіи недостаткахъ и неустройствахъ, о исправленіи которыхъ Малороссійской Коллегіи трактовать должно". Мы не знаемъ побужденій, которыя руководили авторомъ „Замѣчаній до Малой Россіи принадлежащихъ", появившихся въ свѣтъ нѣсколько позже, въ самомъ концѣ столѣтія, однако, по духу и симпатіямъ относящихся къ Екатерининской эпохѣ; но авторъ этотъ — не менѣе крайній представитель государственныхъ и объединительныхъ тенденцій, чѣмъ Тепловъ и Румянцевъ. Между этими тремя произведеніями Записка Теплова имѣетъ, несомнѣнно, выдающееся значеніе какъ по широтѣ и основательности взглядовъ автора, такъ и по тому вліянію, какое она имѣла на политику Екатерины.

Всѣ три произведенія относятся отрицательно къ особенностямъ малорусской жизни и ея самобытнымъ стремленіямъ. Выражаясь менѣе сдержаннымъ языкомъ автора „Замѣчаній до Малой Россіи принадлежащихъ", — малороссы,

*) „Кіевская Старина" 1882 г., №№ 2 и 4.

проявляющіе такія стремленія, есть люди „неблагомыслящіе и козацкимъ запорожскимъ духомъ напоенные“, „привыкшіе къ козацкому неустройству, или своеволіямъ“, „ничего не знающіе и неблагодарные“, а сами стремленія „ пахнутъ Мазепинскимъ духомъ“. Авторы не видятъ въ малорусской жизни ничего, кромѣ непорядковъ, недостатковъ и неустройства. Но надо замѣтить, что Тепловъ подходитъ въ своихъ сужденіяхъ довольно близко къ истинѣ, указывая на то, что дѣйствительно составляло коренное зло общественнаго строя Малороссіи. Ясными чертами рисуетъ онъ процессъ, на которомъ и мы останавливали выше вниманіе читателя: какъ старшина и другіе владѣльцы, мірскіе и духовные позахватывали земли путемъ займа, скупли и разныхъ злоупотребленій своею властью и обратили не только свободныхъ посполитыхъ, но и козаковъ, въ своихъ подданныхъ. Для подтвержденія этихъ положеній онъ приводитъ цифровыя данныя, извлеченныя имъ изъ ревизій. По такъ называемой офицерской ревизіи, произведенной послѣ смерти Скоропадскаго, по указу Петра I, великорусскими офицерами и отличающейся между всѣми ревизіями наибольшей достовѣрностью цифръ, сумма посполитыхъ дворовъ 44961. Въ промежутокъ до гетманства Разумовскаго роздано изъ этой суммы не болѣе 3000 дворовъ, а засталъ Разумовскій свободными только 4000 дворовъ; остальные, со всѣмъ своимъ естественнымъ приростомъ, исчезли, по донесеніямъ старшины—убѣжали въ Польшу, а на самомъ дѣлѣ, конечно, переведены изъ свободныхъ во владѣльческіе. Козаковъ же, по словамъ Теплова, въ его время, было „списковыхъ“, т.-е. всѣхъ занесенныхъ въ списки, отъ 15 до 20 тысячъ, а выборныхъ, конечно, гораздо меньше: между ними значительное количество безгрунтовыхъ, т.-е. безземельныхъ. Неточность ревизій, „которыя малороссійскими людьми чинятся“, происходящая отъ того, что „ревизоры интересъ въ томъ имѣютъ, чтобы число дворовъ утаивать“, не позволяетъ Теплову ближе воспользоваться матеріаломъ этихъ ревизій. Затѣмъ Тепловъ указываетъ на недостатки „Малороссійскаго права“, въ которомъ первое мѣсто занимаетъ Статутъ Литовскій, „этотъ слабый и конфузный польскій статутъ“, по выраженію рѣзкаго автора „Замѣчаній“. Законы этого статута, по мнѣнію Теплова, „для республиканскаго правленія учрежденные, весьма несвойственны уже стали и не приличны малорусскому народу, въ самодержавномъ владѣніи пребывающему“; къ тому же статутъ становится постоянно въ противорѣчіе съ „указами государевыми“, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ Порядкомъ Саксонскимъ и Магдебургскимъ правомъ, также признанными въ Малороссіи за дѣйствующее право. Все это даетъ поводъ къ развитію ябедничества, относительно котораго авторъ „Замѣчаній“ свидѣтельствуетъ, что „нигдѣ и никакой народъ къ сочиненію ябедъ и къ продолженію тяжебъ, часто пустыхъ и неосновательныхъ, такъ не склоненъ и не жаденъ, какъ малороссійскій“. То же утверждаетъ и Тепловъ: ябеда у малороссовъ, говоритъ онъ, въ такомъ „кредитѣ и почтеніи“, что самые знатные отцы подготовляютъ къ ябеднической профессіи своихъ сыновей, проводя ихъ черезъ латинскія школы въ войсковые канцеляристы. Малороссійскіе суды, градскіе, земскіе и подкоморскіе, заведенные съ восшествіемъ на престолъ Екатерины II, находятъ себѣ порицаніе какъ у автора „Замѣчаній“, такъ и у

Румянцева, который видитъ въ этихъ судахъ затрудненія часто безвыходныя, происходящія отъ разнообразныхъ правленій и смѣшенія воинскихъ, гражданскихъ и земскихъ дѣлъ: по существу шляхетскіе, суды эти, въ дѣйствительности, не только принимаютъ на разбирательство козачьи дѣла, но и судебные уряды,—конечно низшіе, въ родѣ возныхъ,—выбираютъ людей „козачьей и поселянской породы". Затѣмъ оба автора указываютъ на бѣдность и общее запустѣніе городовъ, на свободу винокуренія, истребляющую лѣсъ и хлѣбъ съ ущербомъ для государственныхъ доходовъ и народнаго здоровья, на низкій уровень промышленности и плохое состояніе путей сообщенія и т. п. Общее заключеніе, къ которому приходитъ авторъ „Замѣчаній", очень печальное. „Малоросія,—пишетъ онъ,—„въ добронравіи, въ просвѣщеніи, въ общежитіи, въ хозяйствѣ, въ торговлѣ, въ рукодѣліи и во всемъ благоустройствѣ отъ всѣхъ прочихъ губерній (великороссійскихъ) отстала и во всемъ ихъ хуже". Развивая свою общую мысль, авторъ указываетъ, между прочимъ, на склонность мѣстнаго простого люда къ „лѣности и праздности" и на то, что „у малороссійскихъ крестьянъ нѣтъ къ своимъ господамъ того усердія и той вѣрности, какую великороссіяне имѣютъ". Упрекъ едва ли справедливый: малорусскіе крестьяне не могли успѣть воспитаться въ духѣ вѣрности и усердія къ господамъ въ теченіе немногихъ лѣтъ своего закрѣпощенія, необходимость котораго такъ убѣдительно доказывалъ Тепловъ въ своей Запискѣ *).

На ряду съ соціально-политическими перемѣнами, какія пережило малорусское общество въ теченіе XVIII вѣка, естественно шли и глубокія перемѣны культурныя. Но мы не можемъ останавливаться на этой сторонѣ предмета, какъ выходящей изъ рамокъ поставленной нами задачи: коснемся лишь нѣкоторыхъ чертъ его,—тѣхъ, которыя подводятся подъ терминъ „просвѣщеніе" въ собственномъ смыслѣ этого слова.

Начиная съ Петра Могилы, почти въ теченіе столѣтія, южнорусскія про-

---

*) Какъ обезсилена была экономически народная масса, еще до своего закрѣпощенія, объ этомъ краснорѣчиво говорятъ цифры такъ называемой Румянцевской описи, т.-е. общей подворной переписи Малороссіи, производившейся въ 1767—8 годахъ по распоряженію Румянцева. Вотъ нѣсколько любопытныхъ статистическихъ данныхъ, полученныхъ на основаніи матеріала этой переписи. Въ Кролевецкомъ уѣздѣ посполитыхъ, частновладѣльческихъ и монастырскихъ 1590 дворовъ, изъ нихъ безземельныхъ 449 дворовъ или 28% общаго числа, нищетныхъ, т.-е. имѣющихъ 1—7 десят. земли, 622 двора или 39%, грунтовыхъ 519 дворовъ или 32% и подсосѣдковъ 291 хата. Въ уѣздѣ Суражскомъ: изъ числа 4384 посполитыхъ дворовъ—безземельныхъ 1515 дворовъ, т.-е. 34%, нищетныхъ (1—5 десят.) 995 дворовъ, т.-е. 20%, грунтовыхъ 1874 двора, т.-е. 46%. Степень обезземеленій козаковъ видна изъ слѣдующихъ цифръ. Въ Кролевецкомъ уѣздѣ изъ 1873 козачьихъ дворовъ безземельныхъ 334 двора или 18%, нищетныхъ 598 дворовъ или 32%, грунтовыхъ 941 дворовъ или 50%. Въ Суражскомъ уѣздѣ: изъ 221 козачьяго двора безземельныхъ и огородниковъ 33 двора или 15%, нищетныхъ 26 дворовъ или 11% и грунтовыхъ 162 двора или 74% („Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій. Кролевецкій уѣздъ". Г. Червинскаго. Черн. 1887 г.—„Румянцевская опись Суражскаго уѣзда 1767 г.". Филимонова. Вятка 1888 г.).

свѣтительныя вліянія господствовали надъ сѣверной Русью, и ими, конечно, въ значительной степени подготовлено было то сближеніе съ Европой, которое сдѣлалось главнымъ содержаніемъ Петровскихъ реформъ. Кіевская Академія была въ теченіе этого времени „разсадникомъ россійскихъ іерарховъ", а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и руководителей просвѣщенія. Какъ сильны и продолжительны были эти вліянія, видно изъ того, что еще въ 1754 г. императрица Елизавета приказывала св. Синоду, чтобы онъ представлялъ въ архіереи и архимандриты не однихъ малороссіянъ, но и изъ природныхъ великороссіянъ. Конечно, это теченіе встрѣчало въ великорусской средѣ противодѣйствіе. Противодѣйствіе это сначала опиралось на соображеніе, что „люди козацкаго рода", какъ „любопытательные и лукавніи целовѣци", должны уступать мѣсто москвитянамъ, умѣющимъ „хранить отеческую вѣру непремѣнную", позже, послѣ Петра В., оно имѣло уже подъ собой болѣе солидную почву въ томъ фактѣ, что Великороссія умѣла создать свои собственныя просвѣтительныя учрежденія. А, между тѣмъ, въ самой Малороссіи происходили — и происходили съ чрезвычайной быстротой—измѣненія, которыя имѣли своимъ результатомъ то, что просвѣтительныя вліянія, направлявшіяся съ юга на сѣверъ, со второй половины столѣтія приняли обратное теченіе, направляясь съ сѣвера на югъ. Малороссія частью остановилась въ своемъ культурномъ развитіи, а въ нѣкоторомъ отношеніи даже двинулась назадъ.

Несомнѣнно, регрессъ замѣчается въ слѣдующемъ. Выше было указано какое широкое распространеніе имѣли среди массы малорусскаго народа школа и грамотность. Церковь, школа и шпиталь—три члена какъ бы единаго учрежденія, находившагося на попеченіи мѣстнаго братства—существовали повсемѣстно. Въ связи съ ихъ распространенностью выросла и особая соціальная группа такъ называемыхъ „мандрованыхъ дьяковъ", складывавшаяся изъ недоучившихся студеевъ высшихъ школъ, группа, которая доставляла школѣ преподавателей, а народной массѣ посредниковъ между ней и книжной наукой и искусствомъ. Сама высшая школа не отказывалась отъ такого посредничества: она ставила вертепныя драмы, устраивала публичныя диспуты и діалоги на народномъ языкѣ, чтобы сдѣлать ихъ доступными „и простому во множествѣ стекающемуся народу". Но, по мѣрѣ того, какъ расширялось и крѣпло крѣпостное право, все это отмирало само собой за ненужностью, какъ умирала и сама народная школа: то, что было удовлетвореніемъ нормальной потребности человѣка свободнаго, сдѣлалось излишней и даже вредной роскошью для крѣпостнаго. Такимъ образомъ, регрессъ въ области просвѣщенія шелъ вполнѣ параллельно съ указаннымъ выше развитіемъ крѣпостного права *).

*) Вотъ „Статистическія свѣдѣнія объ украинскихъ народныхъ школахъ и госпиталяхъ въ Малороссіи въ XVIII вѣкѣ" А. М. Лазаревскаго:

Полки.	Число школъ.	Шпитали.
Нѣжинскій	217	162
Лубенскій	172	107
Черниговскій	154	124

Но задержка культурнаго развитія малорусскаго общества шла и въ иномъ направленіи, хотя въ тѣсной связи съ тѣмъ же соціальнымъ процессомъ. Малорусское шляхетство, на пути своего обращенія изъ козацкой старшины въ русское дворянство, кидаясь во всѣ стороны за дворянскими генеалогіями, старалось изъ всѣхъ силъ доказывать, что оно „не здѣшней простонародной малороссійской породы". Культурное родство съ крѣпаками кидало подозрительную тѣнь на его привилегированность, и оно старалось разсѣять эту тѣнь. Отказаться отъ языка своихъ крѣпостныхъ, отъ національной одежды, „начать не только говорить, но и пѣть и плясать по-русски",—по выраженію одного современника, — все это было для нарождающагося дворянства дѣломъ простого разсчета, такъ какъ „благородная жизнь" имѣла даже извѣстную долю юридической силы среди генеалогическихъ доказательствъ.

Но были и другія соображенія, которыя влекли высшій слой малорусскаго народа къ усвоенію развивающейся великорусской культуры. Масса южнорусскаго юношества ѣхала теперь на сѣверъ, чтобы получить тамъ образованіе, особенно техническое, въ разныхъ школахъ, которыя начали заводиться съ Петра В. Учрежденія о губерніяхъ, введенныя Екатериной, потребовали бюрократовъ, которые опять-таки могли получать практическій навыкъ по своей спеціальности лишь въ Великороссіи.

Культурное объединеніе привилегированнаго слоя южнорусскаго общества съ обществомъ сѣвернорусскимъ остановило дальнѣйшее поступательное движеніе самостоятельнаго малорусскаго просвѣщенія. Его органъ, литературный языкъ, развивавшійся изъ церковно-слявянскаго на народной южнорусской основѣ, вмѣсто того, чтобы идти дальше по пути сліянія съ языкомъ народнымъ, прекратилъ свое естественное развитіе *). Уже съ тридцатыхъ годовъ

Полки.	Число школъ.	Шпитали.
Переяславскій	119	52
Полтавскій	98	42
Прилуцкій . . .	69	53
Миргородскій	37	29

Свѣдѣнія взяты изъ ревизскихъ полковыхъ книгъ 1740—1747 гг. семи полковъ. Книги Стародубскаго и Гадяцкаго полковъ утеряны. И въ приведенныхъ свѣдѣніяхъ есть пробѣлы, напримѣръ, не показано число школъ въ г. Глуховѣ и т. п. („Основа" 1862 г. Май).

Къ 1804-му году, т.-е. ко времени введенія новаго школьнаго устава, не осталось и слѣдовъ отъ этихъ школъ („Черниговскій Земскій Сборникъ", 1877 г., №№ 5—8 „Народное образованіе въ Черниговской губерніи". П. Ефименко).

*) Кромѣ лѣтописей, діаріушей, проповѣдей и вообще книгъ религіознаго содержанія и др. произведеній прозаическихъ, а также стихотвореній (напр., виршей монаха Климентія, богатыхъ бытовыми чертами), до насъ дошли отъ первой половины XVIII в. нѣсколько стихотворныхъ драмъ, написанныхъ на этомъ, т.-е. славяно-малорусскомъ, языкѣ, изъ которыхъ лучшія: „Владиміръ", трагикомедія Ѳеофана Прокоповича, „Трагикомедія о тщетѣ міра сего", Варлаама Лащевскаго, „Воскресеніе мертвыхъ", Георгія Конисскаго, „Милость Божія... Украину черезъ Богдана Хмельницкаго свободившая", неизвѣстнаго автора. Но во второй половинѣ столѣтія уже нѣтъ значительныхъ произведеній на этомъ языкѣ.

начинается замѣтное вліяніе великорусскаго языка *); со времени же Екатерины это вліяніе пріобрѣтаетъ характеръ господства. Высшая просвѣтительная власть края, кіевскіе митрополиты, Гавріилъ Кременецкій и въ особенности Самуилъ Миславскій (1783—96 гг.) прилагали всѣ усилія къ тому, чтобы сдѣлать складывающійся сѣвернорусскій литературный языкъ съ его великорусской народной основой, также и господствующимъ языкомъ южнорусскаго общества. Самъ членъ Россійской Академіи, слѣдовательно, спеціалистъ по разработкѣ русскаго языка, Миславскій старался всѣми силами ввести „великорусскій слогъ" какъ въ Кіевскую Академію, такъ и въ другія подвѣдомственныя ему мѣстныя просвѣтительныя учрежденія. Приглашались учителя съ сѣвера, мѣстные студенты отправлялись на сѣверъ для изученія языка; преподавателямъ строго рекомендовалось „изъяснять свой предметъ на россійскомъ языкѣ съ наблюденіемъ выговора, какой наблюдается въ Великороссіи". Издавались руководства для малороссовъ, указывающія имъ особенности великорусскаго языка, дабы они не могли отговариваться невѣдѣніемъ.

Прошло еще немного времени, и привилегированный слой малорусскаго общества, научившійся отъ своихъ русскихъ учителей и французскихъ гувернеровъ употребленіе словъ „націонализмъ" и „патріотизмъ", уже связывалъ съ этими понятіями не языкъ или самобытную культуру, а только лишь мысль о своихъ сословныхъ прерогативахъ **), и непроходимая пропасть залёгла между культурнымъ классомъ и закрѣпощеннымъ народомъ.

II.

Послѣ разоренія Чертомлыцкой или Старой Сѣчи полковниками Яковлевымъ и Галаганомъ Петръ отдалъ приказъ „вооруженною рукою воспрещать запорожцамъ селиться вновь въ Сѣчи или въ другихъ прежнихъ ихъ жилищахъ". Запорожцы удалились на низовья Днѣпра и отдались подъ покровительство крымскаго хана. Тотъ принялъ ихъ очень охотно и отвелъ подъ центральное поселеніе урочище Алешки, на Кардашинскомъ лиманѣ Днѣпра, нѣсколько ниже Кизикерменя; промысловыя же угодья ихъ могли раскидываться на огромномъ пространствѣ отъ р. Буга съ Ингуломъ до р. Самары. Дѣло въ

*) Юридическому и вообще дѣловому малорусскому языку нанесъ ударъ еще капитанъ Вельяминовъ, на что Полуботокъ жаловался Петру I.

**) Когда въ началѣ царствованія Александра I герольдія начала дѣлать затрудненія для перехода старшины въ дворянство, представители малорусскаго привилегированнаго класса пришли въ большую тревогу. Болѣе образованные изъ нихъ, какъ, напр., Полетика-сынъ, Чепа и др., принялись изучать историческіе документы, гетманскія статьи, сеймовыя конституціи, исторію русскаго и иностраннаго дворянства въ цѣляхъ почерпнуть аргументы для утвержденія своихъ дворянскихъ притязаній. Ихъ дѣятельность увѣнчалась успѣхомъ, и по поводу ея они съ гордостью говорили о своемъ „патріотизмѣ", о „безкорыстномъ къ отечеству соревнованіи", о томъ „какъ пріятно трудиться на пользу отечества" (сохранилась переписка этихъ „патріотовъ", какъ они сами себя называли).

томъ, что вслѣдствіе своей Прутской неудачи Петръ долженъ былъ срыть Каменный Затонъ и Новобогородицкую крѣпость, согласиться на проведеніе границы между Самарой и Орелью *) и вообще не „вступаться болѣе въ запорожцевъ“.

Запорожцы перенесли на новое мѣсто всѣ свои старыя общественныя и политическія учрежденія, имѣли своихъ выборныхъ властей, даже особаго малорусскаго гетмана, состоящаго подъ турецкимъ протекторатомъ, въ лицѣ Орлика, выбраннаго малорусской эмиграціей въ преемники Мазепѣ, пока этому гетману не пришлось удалиться въ Швецію послѣ заключенія мира между Россіей и Турціей. Но, тѣмъ не менѣе, запорожцы не могли сжиться съ новой родиной.

Прежде всего постоянно и горько заставляло вспоминать о покинутыхъ живописныхъ берегахъ Днѣпра самое положеніе новой Сѣчи среди камышей и песковъ. Это была настоящая „земля Агарянская“, гдѣ незначительная полоса плавень примыкала къ песчанымъ кучугурамъ и солончакамъ: а у малоросса вообще, у запорожца въ частности, была сильно развита воспріимчивость къ природѣ и ея красотамъ. Затѣмъ Запорожье, хотя и обособленное политически отъ остальной Украины, все-таки было связано съ ней, въ особенности съ Малороссіей, многочисленными кровными связями, которыя порывались теперь внезапно и рѣшительно. И, наконецъ, тѣ матеріальныя выгоды, какія представляла запорожцамъ „крымская протекція“, не перевѣшивали собой матеріальныхъ же невыгодъ, вытекавшихъ изъ разрыва съ Россіей, — невыгодъ, какія запорожцы начали теперь живо чувствовать.

Выгоды, которыя давала запорожцамъ крымская дружба, были ясны: это свободное добываніе соли въ крымскихъ озерахъ и ловля рыбы на лиманахъ. Но и соль и рыба служили предметомъ вывоза въ Малороссію, а на торговлю съ ней былъ наложенъ Петромъ запретъ: Малороссіи былъ запрещенъ ввозъ рыбы изъ Запорожья, соли и прочаго, напримѣръ, волошскихъ орѣховъ и другихъ произведеній юга, какъ и вывозъ на Запорожье хлѣба, табаку, горѣлки. Конечно, на пограничной линіи, проведенной по равнинѣ дикой степи, не особенно трудно было торговцамъ обходить и самые строгіе запреты: но контрабандная торговля все-таки не торговля. Къ тому же, чѣмъ дальше, тѣмъ больше начали выясняться слѣдующія обстоятельства. Хотя Крымъ и принялъ запорожцевъ въ свою „протекцію“ съ полной готовностью, но тѣмъ самымъ не могла быть сразу потушена взаимная антипатія и вражда, воспитанная вѣками. Крымъ относился къ своимъ новымъ подданнымъ съ крайней подозрительностью. Запорожцамъ запрещено было укрѣплять и вооружать Сѣчь; они должны были теперь дѣлить свои „степныя угодья и пожитки“ съ дикими ногайцами, которые доходили кочевьями до самыхъ днѣпровскихъ пороговъ; наконецъ, Крымъ приписывалъ запорожцамъ всѣ разбои въ степяхъ и нарушенія границъ, возлагая отвѣтственность, въ видѣ тяжелыхъ штрафовъ и уголовныхъ наказаній, на Сѣчь, хотя выноватыми бывали на ряду съ запорожцами и ногайцы и просто вольные добычники. Въ качествѣ вознагражденія за про-

---

*) Прутскій миръ 1711 г., Андріанопольскій 1713 г.

текцію, запорожцы должны были поставлять военную помощь хану, который старался посылать своихъ ненадежныхъ союзниковъ подальше, напримѣръ, въ Кабарду, на Сулакъ; они вынуждены были даже участвовать въ устройствѣ Перекопской линіи, хотя запорожцамъ, которые, какъ и ихъ братья малорусскіе козаки, считали себя „противъ шляхты", казались униженіемъ ихъ достоинства земельныя работы, приличныя, по ихъ мнѣнію, лишь посполитому, а не вольному званію. Въ концѣ концовъ, и вольное добываніе соли стало подвергаться ограниченіямъ подъ тѣмъ предлогомъ, что подъ видомъ запорожцевъ пользуются льготою и малорусскіе козаки. Такимъ образомъ, все больше и больше теряла подъ собою почву крымская партія, съ Гордіенкомъ во главѣ, стоявшая въ тѣсной связи съ малорусской эмиграціей и Орликомъ, который послѣ Ништадскаго мира снова переселился изъ Швеціи въ Турцію. Начинаетъ брать верхъ партія сторонниковъ Москвы, руководимая Малашевичемъ. Изъ году въ годъ тянутся на сѣверъ слезныя прошенія, направляемыя черезъ гетмановъ и другихъ лицъ къ государю, о прощеніи и разрѣшеніи возвратиться „на первобытное мѣсто". Но прошенія эти встрѣчаютъ у Петра лишь постоянный и крутой отпоръ. Да онъ и не могъ дѣйствовать иначе: „первобытное мѣсто", территорія Старой Сѣчи, находилась теперь за пограничной линіей, и разрѣшить что-либо запорожцамъ значило объявить войну Турціи, что не входило въ его разсчеты; отдѣльнымъ же лицамъ онъ охотно давалъ разрѣшенія возвращаться и селиться въ Малороссіи. Но вотъ Петръ I умеръ, и Малороссія перестала ощущать тяжесть его желѣзной руки; появился гетманъ Апостолъ, запорожцы почувствовали, что дальше ждать незачѣмъ, и что надо дѣйствовать самимъ, и дѣйствовать рѣшительно. Въ маѣ 1728 года въ Алешкинской Сѣчи, послѣ девятнадцати лѣтъ ея существованія, произошелъ настоящій государственный переворотъ, положившій ей конецъ: партія сторонниковъ Москвы появилась на челнахъ около Алешекъ, захватила кошевого Гордіенка, разбила лавки, разграбила и разогнала греческихъ и армянскихъ торговцевъ, а затѣмъ запорожцы двинулись Днѣпромъ, съ войсковыми клейнодами и имуществомъ, на Чертомлыкъ, на мѣсто Старой Сѣчи, гдѣ и водворились-было. Но не помогла и рѣшительность: русское правительство все-таки не соглашалось принять запорожцевъ, и они черезъ два года были опять вынуждены обратиться къ крымской протекціи. Теперь имъ отведено было для центральнаго поселенія устье р. Каменки, выше Кизикерменя, гдѣ имъ пришлось прожить еще четыре года. А между тѣмъ русское правительство, которое задумало укрѣпить южную границу возведеніемъ линіи крѣпостей и редутовъ отъ р. Самары до Сѣвернаго Донца (такъ называемая старая украинская линія), уже и само было не прочь привлечь запорожцевъ въ видахъ охраны этой линіи. Обѣ стороны лишь выжидали удобнаго момента. Такой моментъ наступилъ въ 1733 году, когда русское и крымское правительства вмѣшались въ дѣла польскихъ партій и встали такимъ образомъ, въ враждебныя отношенія другъ къ другу. Запорожцы должны были, вмѣстѣ съ татарами, выступить открыто противъ русскихъ; но вмѣсто этого они покинули свое мѣстопребываніе и двинулись снова вверхъ по Днѣпру, чтобы устроиться на старыхъ мѣстахъ.

Мѣсто для новаго поселенія, для такъ называемой Новой Сѣчи, они выбрали въ восьми верстахъ отъ Сѣчи Старой, на правомъ берегу Днѣпра, на урочищѣ Базавлукъ, почти окруженномъ глубокою рѣчкой Подпольной. Первое время пребыванія запорожцевъ на мѣстѣ новаго поселенія русское правительство дѣлало видъ, что не имѣетъ никакого дѣла до запорожцевъ, которые продолжаютъ все-таки оставаться въ предѣлахъ Турецкаго государства; да и самимъ запорожцамъ приходилось лавировать, чтобы не навлечь открытымъ разрывомъ мщеніе, которое должно было обрушиться на отдѣльныхъ членовъ запорожскаго общества, остававшихся, по торговымъ и промышленнымъ дѣламъ, въ Крыму и Турціи. Но въ концѣ 1734 г. уже былъ открыто объявленъ переходъ запорожцевъ въ подданство Россіи: они уносили съ собой назадъ и свою обширную территорію, которая, впрочемъ, принадлежала Запорожью лишь по праву захвата, не подтвержденному никакими трактатами, или „по неразграниченію оной", выражаясь языкомъ тогдашнихъ документовъ. Когда, годъ спустя, началась турецкая война, запорожцы принимали въ ней самое дѣятельное участіе, оказывая помощь русской арміи, главнымъ образомъ, въ качествѣ партизановъ и развѣдчиковъ. Нисская конвенція, закончившая войну, окончательно опредѣлила границу между Россіей и Турціей: на лѣвобережьѣ эта граница, такъ называемая граница 1740 г., шла по прямой линіи отъ источниковъ р. Конскихъ-Водъ до источниковъ р. Берды. Такимъ образомъ, запорожскія владѣнія вошли формально въ составъ Русской Имперіи.

Запорожскій кошъ въ послѣдніе сорокъ лѣтъ своего существованія—эпоха Новой Сѣчи—выяснилъ окончательно свой строй какъ со стороны своеобразной красоты своихъ формъ, такъ и со стороны глубокихъ недостатковъ своего содержанія въ смыслѣ неприспособленности къ новымъ теченіямъ жизни. Многое, что выяснилось и опредѣлилось только теперь, въ эпоху Новой Сѣчи, приписывается историками Запорожью и болѣе раннихъ фазисовъ его существованія: дѣло въ томъ, что только строй Запорожья этой послѣдней эпохи опредѣляется документами ясно, какъ въ общемъ, такъ и въ частностяхъ.

Запорожье эпохи Новой Сѣчи представляетъ собой совершенно обособленный отъ остальной Южной Руси соціальный организмъ. Это не значитъ, конечно, чтобы Запорожье не знало никакой политической зависимости. Наоборотъ: зависимость отъ русскаго государства начала обнаруживаться съ перваго момента, и чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе, давала себя знать. Какъ только появилась Новая Сѣчь, появился при ней Ново-Сѣченскій ратраншементъ, въ которомъ пребывалъ постоянно русскій гарнизонъ; такіе же гарнизоны находились въ форпостахъ, расположенныхъ по теченію Днѣпра отъ устья Ореля до Новой Сѣчи; кіевскій генералъ-губернаторъ былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и „главнымъ командиромъ по запорожскимъ дѣламъ". Такимъ способомъ гарантировало себя русское государство отъ запорожскихъ „шатостей". Въ то же время, съ самаго перваго момента вступленія запорожцевъ снова въ русское подданство, начался покровительствуемый правительствомъ захватъ русской колонизаціей запорожской территоріи,—захватъ, который имѣлъ своимъ послѣдствіемъ уничтоженіе Запорожья. Но и до самаго этого послѣдняго момента

русское правительство все-таки не вмѣшивалось во внутреннюю жизнь этого своеобразнаго общества.

Территорія запорожскихъ владѣній или „вольностей Коша Запорожскаго“ въ эту послѣднюю эпоху существованія Запорожья занимала приблизительно двѣ теперешнихъ губерніи, Екатеринославскую и Херсонскую, за исключеніемъ той части, которая лежитъ между Бугомъ и Днѣстромъ. Конечно, границы эти были довольно неопредѣленны *). Въ главныхъ пограничныхъ пунктахъ, черезъ которыя шли пограничныя сношенія, у запорожцевъ были паланки, т.-е. военно-административные посты, мѣстопребываніе, такъ сказать, областной запорожской старшины. Въ правильномъ соотвѣтствіи съ количествомъ политическихъ границъ и сосѣдей, паланокъ этихъ было пять: въ Переволочной со стороны Малороссіи; у крѣпости Козловской со стороны полковъ Слободскихъ; на р. Кальміусѣ со стороны козаковъ Донскихъ; противъ Очакова на Бужскомъ лиманѣ со стороны Турціи и ногайцевъ; на Бугѣ въ запорожскомъ Гарду со стороны Польши. Такимъ образомъ, обширныя запорожскія пустыни были раздѣлены по управленію между центромъ, т.-е. Сѣчью, и пятью округами и паланками. Но пустыни эти начали усиленно привлекать къ себѣ колонизацію изъ Малороссіи и Польши, и Запорожье покровительствовало этой колонизаціи, видя въ ней источникъ силы и развитія; скоро обнаружилась недостаточность пяти округовъ съ пограничными центрами для потребностей растущаго населенія. Уже въ 1736 году пришлось учредить шестой постъ въ Прогнояхъ, на Кинбурнскомъ полуостровѣ; впрочемъ, устройство этой паланки обусловливалось не только успѣхомъ колонизаціи, сколько необходимостью дать защиту людямъ, приходящимъ для добыванія соли на тамошнихъ озерахъ и рыбу на лиманѣ. Увеличеніе населенія вызвало перераспредѣленіе старыхъ и устройство новыхъ округовъ, такъ что общее число паланокъ, въ концѣ разсматриваемой нами эпохи, было уже восемь **).

Населеніе этого огромнаго пространства плодородной земли, богатой не только водой, но и лѣсомъ, пастбищами, рыбными и звѣриными ловлями, было

---

*) Вотъ какъ шли приблизительно границы Запорожья: отъ Крылова до Переволочной Днѣпромъ отдѣлялись запорожскія владѣнія отъ Гетманщины; отъ Переволочной до Бахмута по Орели и Сѣв. Донцу шла граница Слободскихъ полковъ; отъ Сѣв. Донца по Кальміусу до его впаденія въ Азовское море граница владѣнія Донского козачества; отъ Берды къ устью Конскихъ-Водъ на Бужскій лиманъ и вверхъ по теченію Буга до запорожскаго Гарда граница самыхъ безпокойныхъ сосѣдей Запорожья ногайцевъ; дальше до устья Синиха и на Крыловъ запорожскія владѣнія соприкасались съ воеводствомъ Польши.

**) Паланки эти слѣдующія: на правомъ берегу Днѣпра Кодацкая, которая шла отъ Никополя до Крылова, а въ ширину до Тясьмина и Виси, и Ингульская или Перевѣзская по р. Ингульцу, теперешніе Херсонскій и Александрійскій уѣзды; на лѣвомъ берегу: паланка Самарская, по обѣимъ берегамъ Самары. Орельская по рр. Орели, Богатой и др. до Самары, и Протовчанская, между Самарскою и Кальміусскою по рр. Протовчѣ, Терсѣ, Терновкѣ и др.; на р. Бугѣ — Буго-Градовская, на рр. Кальміусѣ и Бердѣ—Кальміусская, и, наконецъ, Прогноинская на Кинбурнскомъ полуостровѣ.

крайне ничтожно. Конечно, мы не имѣемъ точныхъ цифръ, но нѣкоторыя приблизительныя статистическія данныя дошли до насъ. По показанію одного современнаго документа, всего запорожскаго населенія, перешедшаго изъ крымскаго подданства въ русское, было тысячъ тридцать; передъ уничтоженіемъ Сѣчи другой документъ исчисляетъ населеніе запорожской территоріи въ сто тысячъ; мы не имѣемъ основаній подвергать обѣ эти цифры, въ качествѣ приблизительныхъ, большимъ сомнѣніямъ.

Запорожское населеніе въ разсматриваемую эпоху дѣлилось на козаковъ и подданныхъ или поспольство, которое не имѣло козацкихъ правъ и не несло козацкихъ обязанностей. Поспольство держалось лишь въ паланкахъ Кодацкой, Самарской, Орельской и Протовчанской, гдѣ были, въ небольшомъ количествѣ, городки, села и хутора, среднимъ счетомъ отъ пятнадцати до двадцати населенныхъ мѣстъ на паланку (не считая зимовниковъ) *). Въ остальныхъ паланкахъ, кромѣ постовъ, гдѣ жила старшина съ козаками, были лишь зимовники и промысловые станы. Въ селахъ и хуторахъ перечисленныхъ выше четырехъ паланокъ, вмѣстѣ съ поспольствомъ, жили и женатые запорожцы: семейная жизнь не лишала ихъ козацкихъ правъ, но изгоняли ихъ изъ Сѣчи, изъ куренного товариства. Мы не знаемъ, какъ относилось количество женатыхъ запорожцевъ къ остальной козацкой массѣ; но, повидимому, процентъ ихъ былъ невеликъ.

Но главная масса козацкаго населенія запорожской территоріи сосредоточивалась въ Сѣчи, откуда постоянно расходилась на военную и промысловую добычу для того лишь, чтобы снова туда же возвратиться.

Новая Сѣчь, какъ уже было сказано выше, имѣла свое главное прикрытіе въ глубокомъ, судоходномъ притокѣ Днѣпра, носившемъ названіе р. Подпольной, которымъ она была окружена со всѣхъ сторонъ. Но она имѣла и искусственныя укрѣпленія, которыя отдѣляли Кошъ отъ предмѣстья, съ одной стороны, и отъ паланки, съ другой. Паланка представляла собой самую внутреннюю, защищенную часть Новой Сѣчи, какъ бы вдвинутую вглубь маленькаго полуострова, образуемаго Подпольной: здѣсь находилась сѣчевая церковь, жили старшина и духовенство, помѣщались казна и канцелярія. Предмѣстье или Крамной базаръ заключалъ въ себѣ лавки и шинки, мастерскія ремесленниковъ, жилища пріѣзжихъ торговцевъ, а также базарныхъ атамановъ и кантаржея, т.-е. хранителя мѣръ и вѣсовъ.

Собственно Сѣчь или Кошъ представляла собой обширную площадь, вокругъ которой было расположено тридцать восемь большихъ деревянныхъ зданій, въ родѣ казармъ, вмѣстимостью на нѣсколько сотъ человѣкъ каждая: это были курени, козацкія общежитія. Но значеніе куреней было гораздо шире. На курени дѣлилось все запорожское войско: курень былъ основной единицей самоуправленія и вообще всей запорожской организаціи. Всякій, кто не только

*) Зимовникъ—хозяйственный хуторъ неженатыхъ запорожцевъ, гдѣ проживали, съ хозяйственными цѣлями, одинъ или нѣсколько козаковъ-товарищей съ молодиками и наемными рабочими.

былъ въ дѣйствительности козакомъ, но хотя бы лишь числился таковымъ — состарѣвшійся или больной, неспособный къ службѣ, женатый, слѣдовательно, имѣвшій прочную осѣдлость гдѣ-нибудь далеко, въ паланкѣ,—всякій долженъ былъ принадлежать къ одному изъ сѣчевыхъ куреней. Курень имѣлъ свою долю въ пользованіи угодьями запорожской территоріи; имѣлъ свою собственность, въ видѣ куренныхъ дворовъ, лавокъ на базарѣ, и, слѣдовательно, свои доходы, которые шли на покрытіе расходовъ по содержанію козаковъ, получавшихъ отъ куреня пищу, одежду и вооруженіе — однимъ словомъ, все необходимое; имѣлъ своего выборнаго куреннаго атамана, который пользовался въ своемъ куренѣ не только нравственнымъ авторитетомъ, но и широкой юридической властью, административной и судебной.

Во главѣ центральной власти, заправлявшей дѣлами запорожскаго общества, стоялъ кошевой, который выбирался всѣмъ „товариствомъ" на годъ. Онъ пользовался какъ бы неограниченной властью, военной, административной и судебной: ему, до самаго паденія Сѣчи, принадлежало даже право жизни и смерти, какъ ни старалось русское правительство положить этому предѣлъ. Но эта неограниченность была лишь кажущейся: на самомъ дѣлѣ надъ дѣйствіями кошевого деспотически тяготѣло общественное мнѣніе, ближайшимъ выразителемъ котораго были куренные атаманы — безъ ихъ совѣта и согласія онъ не могъ ничего предпринять. Всякій его шагъ, сдѣланный наперекоръ общественному мнѣнію, вызвалъ бы неизбѣжную бурю общественнаго негодованія, и кошевой не только былъ бы тотчасъ же сброшенъ со своего достоинства, но могъ бы подвергнуться и другимъ тяжелымъ непріятностямъ, даже смерти отъ побоевъ разсвирѣпѣвшей толпы. Кромѣ кошевого, званіе войсковой старшины принадлежало еще судьѣ, писарю и есаулу, которые выбирались вмѣстѣ съ кошевымъ. Судья былъ главнымъ помощникомъ кошевого не только въ судебныхъ разбирательствахъ, но и въ другихъ дѣлахъ: ему поручались обязанности „наказнаго кошевого". Должность войскового писаря имѣла высокое значеніе: онъ не только составлялъ, но и подписывалъ всѣ бумаги, хотя подписывалъ не своимъ именемъ, а извѣстной формулой, служившей для обозначенія войска. На войсковомъ есаулѣ лежала обязанность приводить въ исполненіе рѣшенія и наблюдать за порядкомъ, какъ въ мирное время по всей запорожской территоріи, такъ и во время войны, въ лагерѣ. Кромѣ центральной войсковой старшины, была еще старшина паланочная: въ каждой паланкѣ для завѣдыванія дѣлами выбирался полковникъ, соотвѣтствующій кошевому, есаулъ, писарь. Для приведенія въ исполненіе военныхъ предпріятій—къ которымъ приравнивались депутаціи въ Петербургъ — выбирались спеціально походные полковники, а къ нимъ приставлялась полковая походная старшина по тому же шаблону. Однимъ словомъ, правительственная организація запорожскаго козачества была крайне проста.

Верховная власть на Запорожьѣ принадлежала самому войсковому „товариству" и его органу „общей войсковой радѣ". Общая войсковая рада, при обычныхъ условіяхъ, собиралась разъ въ годъ, на 1-е января: къ Рождеству съѣзжалось въ Сѣчь козачество изъ зимовниковъ и съ рыбныхъ ловель для

участія въ этой радѣ. Всѣ праздники передъ выборами старшина угощала собравшееся товариство, между которымъ было значительное число „сиромахъ“, людей, „не имѣющихъ у себя не точію лошадей или какого скота, но ниже на плечахъ платья“, какъ характеризуетъ ихъ одинъ русскій офицеръ, проживавшій въ Сѣчи и наблюдавшій войсковую раду въ 1749 г. Во избѣжаніе излишняго пьянства и вытекавшихъ изъ него безпорядковъ, кошевой съ судьей запечатывали на это время винные погреба и шинки. Первое января, послѣ обѣдни, войсковая старшина, съ знаками своего достоинства въ рукахъ, становилась около церкви въ рядъ, по старшинству; куренные атаманы помѣщались тутъ же, образуя, вмѣстѣ съ остальной старшиной, кругъ. Внѣ этого круга тѣснилось рядовое товариство, наполняя собою площадь, такъ что остальные, не нашедшіе себѣ мѣста въ паланкѣ, влѣзали на курени и на колокольню, толпились на валу и по рѣкѣ. Рада открывалась тѣмъ, что метали жеребьи на промысловыя угодья, собственно на рыбныя ловли: всѣ рѣчки и озера запорожской территоріи, представлявшія собой интересъ въ качествѣ рыболовныхъ угодій, дѣлились такимъ способомъ между куренями. По окончаніи жеребьевки, на звукъ литавръ, изъ куреней и изъ жилищъ предмѣстья еще прибывалъ народъ, и приступали къ выборамъ—труднѣйшей сторонѣ запорожскаго самоуправленія. Случалось, что выборы протекали „безъ худости, споровъ и безчинствъ“; но, повидимому, такія „благополучныя войсковыя рады“ не были обычнымъ явленіемъ. Случалось, что прибывшіе во множествѣ сиромахи производили буйства и драки между собой, такъ какъ разные курени выставляли и поддерживали своихъ кандидатовъ; въ такихъ случаяхъ доставалось и самому кошевому, который съ помятыми ребрами спасался съ рады въ свое жилище и запирался тамъ; случалось, что разбушевавшаяся толпа, въ концѣ концовъ, кидалась на шинки и лавки предмѣстья, и рада заключалась битвой съ базарными, которые уже не позволяли застать себя врасплохъ. Кромѣ кошевого, судьи писаря, есаула съ войсковыми служителями довбишемъ и пушкаремъ, на этой же общественной радѣ выбирались полковники „до паланокъ“, чѣмъ и заканчивались ея функціи.

Но какъ ни непривлекательна картина хаоса, какой представляла собой, напримѣръ, запорожская рада 1749 г., по дошедшему до насъ ея описанію русскаго офицера, все-таки, надо думать, что ея стихійной неурядицей заправлялъ духъ разумѣнія и любви по отношенію къ своему обществу: иначе нельзя объяснить тотъ фактъ, что нѣкоторыя выдающіяся личности, умѣло руководившія труднымъ дѣломъ запорожскаго самоуправленія, изъ-года-въ-годъ выбираются въ кошевые: припомнимъ Сирка, Гордіенка, Малашевича, Калнышевскаго.

Кромѣ общей войсковой рады, бывали рады куренныя для выбора куренныхъ атамановъ и другихъ куренныхъ дѣлъ, рады паланочныя (по отдѣльнымъ паланкамъ), походныя — въ лагерѣ, въ военное время. Вообще можно сказать, что безъ участія товариства, особенно его старшихъ членовъ, „значныхъ“, „стариковъ“, не вершились на Запорожьѣ никакія общественныя дѣла.

Любопытно, что къ числу этихъ общественныхъ дѣлъ, вершившихся това-

риствомъ, запорожцы присоединяли и дѣло церковное: они упорно оберегали свою церковь отъ вмѣшательства внѣшняго духовнаго авторитета. До самаго паденія Старой Сѣчи имъ это удавалось вполнѣ: признавая номинально власть московскаго патріарха, Запорожье, въ дѣйствительности, имѣло дѣло лишь съ „великимъ Кіево-Межигорскимъ Свято-Преображенскимъ монастыремъ", который почитало за своего патрона, и который поставлялъ на запорожскую территорію духовенство, согласно желаніямъ и требованіямъ запорожцевъ, получая отъ нихъ взамѣнъ богатую милостыню. Русское правительство принуждало Новую Сѣчь считаться съ іерархическимъ порядкомъ православной церкви и согласно его требованіямъ подчиняться власти кіевскаго митрополита. Но, дѣлая нѣкоторыя уступки этимъ требованіямъ, Запорожье не забывало само и не упускало случая напоминать другимъ, что запорожскія церкви „искони древнихъ временъ ведущимся порядкомъ построены войскомъ, содержатся отъ онаго и въ главномъ и совершенномъ вѣдомѣ войска находятся": оно продолжало получать свое духовенство отъ Межигорскаго Спаса и заставляло это духовенство подчиняться „звычайной перемѣнѣ", т.-е. обычаю годового выбора. Каждый годъ въ сентябрѣ пріѣзжали изъ Межигорскаго монастыря монахи; изъ нихъ запорожцы выбирали себѣ, до слѣдующаго года, новое духовенство, если старое не приходилось по вкусу. Количество духовнаго персонала, потребное Запорожью, теперь уже не было ничтожнымъ: на территоріи Запорожья находилось четырнадцать постоянныхъ церквей, кромѣ церквей походныхъ, былъ даже и собственный монастырь, Самарскій. На содержаніе церквей шла извѣстная часть войсковыхъ доходовъ; но главное свое богатство — а церкви эти были очень богаты, особенно же сѣчевая Покровская—онѣ почерпали въ пожертвованіяхъ отдѣльныхъ запорожцевъ, которые, не имѣя семей, отдавали, обыкновенно, одну часть своего имущества, иногда и значительную, куреню, другую церкви, на „честное" погребеніе и на поминъ души. Церковное благолѣпіе и даже роскошь были одной изъ насущнѣйшихъ духовныхъ потребностей настоящаго сѣчевика. При сѣчевой церкви, согласно общему южнорусскому обычаю, содержалась на счетъ войсковыхъ доходовъ, и школа, гдѣ учились грамотѣ и церковному пѣнію „молодики", мальчики, или привезенные сюда родичами на воспитаніе, или сироты, случайно подобранные. Церковному пѣнію, которое высоко цѣнилось на Запорожьѣ, учились при школѣ и взрослые козаки.

Обособившись въ качествѣ военнаго братства отъ остальной жизни южнорусскаго народа, Запорожье развило въ себѣ нѣкоторыя стороны этой жизни до такой своеобразности, которая придаетъ этому соціально-политическому организму черты полной исключительности. А между тѣмъ несомнѣнно, что Запорожье есть плоть отъ плоти того же украинскаго козачества, которое сохранило и развило въ себѣ, на просторѣ степей, вдали отъ государственнаго гнета, историческія основы старорусской жизни. Это проявляется во всемъ строѣ запорожскаго самоуправленія,—проявляется особенно въ судѣ.

Запорожье даже и въ описываемую, послѣднюю, эпоху своего существованія совсѣмъ не знало писаннаго закона. Круговая порука, связывавшая членовъ куреня, чрезвычайно облегчала и упрощала дѣло правосудія: курень зорко

слѣдилъ за поведеніемъ товарищей, такъ какъ несъ за каждый ихъ проступокъ всю тяжесть отвѣтственности—матеріальной, если не уголовной. Взятіе на поруки и очистительная присяга являлись такими дѣятельными элементами правосудія, при посредствѣ которыхъ получало свой быстрый и простой исходъ множество дѣлъ. Если же дѣло становилось на тяжебный путь, то тяжущимся предоставлялось право искать правды тамъ, гдѣ имъ заблагоразсудится: у паланочнаго полковника, куренныхъ атамановъ, войскового судьи, наконецъ, у самого кошевого—въ послѣднемъ случаѣ, съ нѣкоторымъ рискомъ, такъ какъ тяжущіеся могли отвѣдать и „кіевъ" (палокъ), если кошевой усматривалъ, что его безпокоили безъ достаточнаго повода. Въ болѣе значительныхъ дѣлахъ уголовнаго характера, гдѣ нельзя было прекратить ходъ правосудія вмѣшательствомъ куреня, выступало на сцену „собраніе Коша", судебная сходка, или рада, соотвѣтствовавшая старорусской копѣ. Такая сходка и постановляла приговоръ, и приводила его въ исполненіе. Дознаніе производилось, въ случаѣ надобности, и „подъ пристрастіемъ" (подъ пыткой). Военнымъ, лагернымъ, строемъ жизни Запорожья обусловливалось то, что уголовныя наказанія были суровы: секвестръ, или тюремное заключеніе въ пушкарнѣ, сыромъ и холодномъ погребѣ, гдѣ заключенные томились голодомъ и холодомъ, привязываніе къ позорному столбу, кіи, наконецъ, смертная казнь, при посредствѣ висѣлицы, острой пали и тѣхъ же кіевъ, которыми должны были бить осужденнаго всѣ присутствовавшіе на сходкѣ козаки. Утвержденіе смертнаго приговора, какъ и его отмѣна, входило въ прерогативы власти кошевого. Значеніе куреня въ дѣлѣ правосудія, суровость уголовныхъ наказаній — а, можетъ-быть, и иныя причины — дѣлали то, что преступность въ запорожскомъ обществѣ, повидимому, не была значительной. Наичаще упоминаемыя преступленія—нарушеніе сосѣднихъ государственныхъ границъ наѣздами и грабежами, гайдамачество,—имѣли значеніе преступленій политическихъ, на которыя правосудіе то смотрѣло, вслѣдъ за общественнымъ мнѣніемъ, сквозь пальцы, чуть не благосклонно, то взыскивало съ особенной суровостью, смотря по обстоятельствамъ случая. Грабежъ, въ данныхъ условіяхъ, имѣлъ не только характеръ посягательства на чужую собственность, какъ проявленіе молодечества. Вообще преступленій противъ собственности, значительность которыхъ такъ характерна для современнаго общества, было мало на Запорожьѣ. Путешественникъ или торговецъ, снабженный перначемъ *), могъ чувствовать себя безопаснымъ въ запорожскихъ пустыняхъ; въ самой Сѣчи можно было оставить деньги на улицѣ, не опасаясь ихъ лишиться. Дѣло въ томъ, что типъ запорожской жизни и сложившійся подъ его вліяніемъ характеръ запорожца были неблагопріятны развитію преступленій этой категоріи. Въ идеалъ запорожца, конечно, сложившійся исторически, въ связи съ формами быта, входило своеобразное презрѣніе къ богатству, не презрѣніе аскета, а презрѣніе человѣка, не видящаго разумнаго смысла въ сбереженіи и накопленіи. Для чего сталъ бы копить человѣкъ безсемейный? Энергія характера заставляла запорожца пріобрѣтать. Но все прі-

*) Перначъ—полковничья булава.

обрѣтенное прогуливалось въ нѣсколько часовъ или дней въ Сѣчи въ одной гомерической пирушкѣ, въ которой принимали участіе всякій встрѣчный и поперечный. Горѣлка, буквально, лилась; встрѣчныя лавки откупались, и товары предоставлялись всѣмъ желающимъ. Все это продолжалось до тѣхъ поръ, пока въ кишени не оставалось уже ничего, и тогда герой дня сбрасывалъ съ себя шелкъ и бархатъ, успѣвшіе превратиться въ грязныя лоскутья, и оставался снова какъ былъ, въ одной просаленной рубашкѣ и шароварахъ, готовый опять запрячься въ работу. Такимъ представляется намъ запорожецъ не только по народнымъ преданіямъ, но и по свидѣтельствамъ достовѣрныхъ современниковъ. При подобномъ отношеніи къ собственности, преступленія противъ нея не могли быть значительными. Иначе, конечно, стояло дѣло на счетъ преступленій противъ личности; но масса ихъ улаживалась куренями и куренными атаманами, и только небольшая часть, наиболѣе тяжелыхъ, выступала на судъ Коша. При отсутствіи семьи нерѣдки были, какъ и можно было ожидать, преступленія противъ половой нравственности, къ которымъ запорожское правосудіе относилось съ большой суровостью.

Описанный типъ запорожца, съ его презрѣніемъ къ собственности, могъ, конечно, развиться лишь на почвѣ своеобразнаго запорожскаго специальнаго строя, носящаго на себѣ слѣды глубокаго архаизма. До самаго своего уничтоженія Запорожье не имѣло института частной земельной собственности. Вся территорія считалась общей собственностью войска, которою каждый его членъ могъ пользоваться, какъ только хотѣлъ. Извѣстнымъ ограниченіямъ подлежало лишь пользованіе рыболовными угодьями: выше уже было сказано, что угодья эти, лиманы, плавни, степныя рѣчки, дѣлились по жребію между куренями, причемъ ежегодно совершался новый передѣлъ. Самая эксплуатація этихъ угодій также имѣла общественный характеръ. Многочисленныя „тафы", рыболовныя артели, вялялись на эти угодья, — изъ которыхъ самыя цѣнныя были на Днѣпрѣ ниже пороговъ до устья и по лиману, на Бугѣ близъ устья Синюхи, на косахъ Бердянской, Бѣлосарайской и Кальміусской,—и сообща организовывали промыселъ, откладывая часть улова на курень и войсковую старшину. Вообще, рыболовство стояло на первомъ планѣ среди хозяйственныхъ занятій Запорожья.

Такой же общественный характеръ имѣло и звѣроловство въ тѣхъ его отрасляхъ, гдѣ оно было болѣе значительнымъ. На первомъ планѣ стояла ловля лисицъ по берегамъ Буга: ею занимались артели „лисичниковъ", которые платили въ войсковой скарбъ и на церковь десятину лисицами.

Характеръ нарождающейся частной собственности представляли собой тѣ отрасли хозяйства, которыя извѣстны подъ общимъ именемъ хозяйства сельскаго: земледѣліе, собственно хлѣбопашество, скотоводство и пасѣчничество.

„Заможный" (состоятельный) запорожецъ, одинъ или въ товариществѣ съ пріятелемъ, выбиралъ подходящее мѣсто, гдѣ-нибудь въ балкѣ, на берегу рѣчки или въ рѣчной долинѣ, и строилъ тамъ себѣ зимовникъ. Для хозяйственныхъ работъ „господарь" приглашалъ еще двухъ-трехъ козаковъ и человѣкъ десять молодиковъ или рабочихъ со стороны, нерѣдко и бродягъ безъ роду и племени, какъ это ни преслѣдовалось администраціей Коша. Хозяйство зимовника

состояло изъ хлѣбопашества и скотоводства. Посѣвы озимаго хлѣба были не въ обычаѣ: сѣялось просо, овесъ, ячмень, гречиха, горохъ, также кукуруза, которую разводили на огородахъ вмѣстѣ съ огурцами, капустой, тыквой, лукомъ и чеснокомъ. Дѣло въ томъ, что главную свою потребность въ хлѣбѣ запорожцы удовлетворяли не собственнымъ хозяйствомъ, а царскимъ жалованьемъ; недостающее шло изъ Малороссіи. Сѣяли хлѣбъ около зимовника до тѣхъ поръ, пока земля не истощалась; тогда зимовникъ передвигался на другое мѣсто. Собранный хлѣбъ хранился въ ямахъ. Тотъ же зимовникъ служилъ и для скотоводства, которое въ данную эпоху еще имѣло для запорожскаго хозяйства гораздо бóльшее значеніе, чѣмъ земледѣліе. Всюду въ высокой травѣ луговъ, на степныхъ курганахъ чернѣли пастушьи „коши", т.-е. войлочныя кибитки, около которыхъ паслись цѣлые табуны лошадей, огромныя стада рогатаго скота и овецъ. Какъ обширны были эти хозяйства у запорожцевъ, видно, между прочимъ, изъ такихъ цифръ: при одномъ внезапномъ набѣгѣ татаръ у полковника Колпака было уведено 1200 овецъ, 127 лошадей и 300 головъ рогатаго скота, у другого козака взято было 250 лошадей и 70 воловъ, еще у одного козака 5000 овецъ и т. д. Вотъ эти-то зимовники, съ ихъ обширнымъ скотоводческимъ и относительно незначительнымъ земледѣльческимъ хозяйствомъ и составляли тотъ зародышъ частной земельной собственности на запорожской территоріи, который не успѣлъ развиться лишь за недостаткомъ времени. Выше было сказано, что зимовники передвигались съ мѣста на мѣсто, по мѣрѣ того, какъ истощалась посѣвами земля вокругъ. Но въ описываемое время встрѣчаются такіе зимовники у богатыхъ козаковъ, особенно у старшины, которые не такъ-то легко было передвинуть *). Такой зимовникъ представлялъ собой настоящій хуторъ со множествомъ солидныхъ хозяйственныхъ построекъ, включая и мельницы—при такихъ хуторахъ производились уже и посѣвы озимыхъ хлѣбовъ,—съ обильнымъ хозяйственнымъ ивентаремъ. Конечно, если запорожское общество допускало появленіе на своей территоріи этого уже въ полномъ смыслѣ слова недвижимаго имущества, оно вынуждаемо было дать ему и необходимую правовую охрану; а отсюда—одинъ шагъ до признанія права частной собственности и на землю, по крайней мѣрѣ, въ предѣлахъ фактическаго, трудового, ея захвата.

Съ такимъ же характеромъ и значеніемъ были и зимовники-пасѣки, число которыхъ было, повидимому, также не ничтожнымъ: меду и воска, несмотря на большое внутреннее потребленіе, оставалось еще и на внѣшній отпускъ.

Крайне любопытной чертой запорожской общественной жизни является большое значеніе, какое имѣла для нея торговля. Казалось бы, это военное общество, представлявшее собою какъ бы одинъ постоянный лагерь, съ архаи-

---

*) Вотъ описаніе такого зимовника на р. Орели: 3 хаты, одна изъ нихъ съ комнатами, 2 амбара съ рубленнымъ погребомъ и конюшнями, 4 двора частокольные изъ добраго рѣзаннаго дерева, досчатые; вблизи двухкольная мельница со всѣми принадлежностями. Инвентарь зимовника: 127 разнаго рода лошадей, быковъ и воловъ 240, коровъ 54, овецъ 1200, остальной скотины не считано. Хлѣбнаго запаса въ мукѣ 13 бочекъ, пшена 4 бочки, жита 2 большихъ засѣка и т. д.

ческими формами своего быта, съ низкимъ уровнемъ матеріальныхъ потребностей, съ презрѣніемъ къ сбереженію и накопленію, должно было стоять совсѣмъ въ сторонѣ отъ интересовъ торговли, такъ тѣсно связанныхъ съ интересами мира и культуры. Но это противорѣчіе лишь кажущееся. На Запорожьѣ дѣйствительно не было той торговли, которая характеризуетъ собой общество, развитое экономически, — торговли внутренней: внутри своей территоріи запорожцы могли обходиться такими элементарными видами обмѣна, которые почти не нуждались даже въ деньгахъ. Вся торговля Запорожья — исключительно внѣшняя, и причина ея возникновенія и развитія въ естественныхъ условіяхъ, въ положеніи края. Захвативъ въ свои руки значительнѣйшую часть такой важной водной артеріи, какъ Днѣпръ, запорожцы, тѣмъ самымъ, втягивались въ торговое движеніе между Турціей и Русскимъ сѣверомъ, которое пользовалось этимъ путемъ. Турція запрещала иноземнымъ кораблямъ плавать по Черному морю, и суда съ южными товарами, турецкія, греческія, крымскія сами поднимались въ Сѣчь. Суда эти привозили вина, бакалею, восточныя ткани, деревянное масло, дорогое оружіе, а забирали частью товары русскіе и малорусскіе, желѣзо, мѣха, кожи, полотна, коровье масло, частью запорожскія — рыбу и икру. Территоріальнымъ же положеніемъ Запорожья, близкимъ сосѣдствомъ его съ соляными крымскими озерами, обусловливается то, что Запорожье сдѣлалось посредникомъ въ этой крайне важной отрасли торговли, снабжавшей солью населеніе огромнаго района. По отношенію къ соляной торговлѣ Крымъ былъ въ зависимости отъ Запорожья, которое могло не пропустить ватагъ, шедшихъ изъ русской и польской Украины за солью, черезъ свою территорію, и требовалъ отъ чумаковъ пропускныхъ билетовъ отъ Коша. Съ Кошемъ сносился онъ по всѣмъ солянымъ дѣламъ, извѣщалъ его о томъ, что соль „сдѣлавъ свое выстояніе, сѣла изобильно", извѣщалъ о состояніи пути и т. п. Запорожцы устраивали для чумаковъ перевозы и мосты не только въ предѣлахъ своихъ владѣній, но даже и крымскихъ, давали проводниковъ и военный конвой отъ ногайцевъ. Однимъ словомъ, соляная торговля вся шла при дѣятельномъ участіи Запорожья.

Но запорожцы не ограничивались торговымъ посредничествомъ. Богатая естественная производительность ихъ дикаго края направляла ихъ энергію на то, чтобы пускать часть добытаго въ торговый обмѣнъ. На первомъ планѣ стояла рыба. Скупщики изъ Малороссіи и Польши, турки, греки, армяне — сами пріѣзжали къ нимъ за рыбою. Но благодаря обилію соли, запорожцы могли заготовить ее въ прокъ, и соленую рыбу, икру, рыбій жиръ сами отвозили въ Очаковъ или развозили по ярмаркамъ русской и польской Украины. Кромѣ рыбы, отводили они на ярмарки скотъ, въ особенности лошадей, такъ какъ лошади запорожскихъ степей пользовались доброю славою, особенно въ Польшѣ; шли также изъ Запорожья на Украину овечья шерсть и смушки. Обратно изъ Малороссіи на Запорожье везли, прежде всего, водку, затѣмъ хлѣбъ и вообще съѣстные припасы, рыболовныя сѣти и нить для неводовъ, табакъ, полотна и простыя сукна: все это двигалось или по тѣмъ же извѣчнымъ шляхамъ чумацкими валками (обозами), или спускались по Днѣпру до

пороговъ, черезъ которые уже переводили суда и плоты искусные запорожскіе лоцмана.

Несмотря на относительно обширные размѣры запорожской торговли, она, повидимому, до послѣдняго момента существованія Сѣчи сохраняла по своимъ пріемамъ очень упрощенный характеръ. Такой вполнѣ достовѣрный свидѣтель, какъ академикъ Зуевъ, говоритъ по этому поводу: „Когда надобно бывало запорожцамъ мѣнять рыбу на нужныя для пищи вещи, то они о цѣнѣ никогда не договаривались, а надобно вино, мука, крупа или другой какой хлѣбъ, то дастъ бочку рыбы и за то получаетъ равную того либо другого съѣстного запаса“. Съ какими ограниченіями надо принимать это свидѣтельство—вопросъ темный; а что надо принимать его съ ограниченіями, видно изъ того, что на Запорожьѣ имѣла обращеніе русская монета, причемъ вытекали торговыя затрудненія изъ ея недостатка, такъ какъ русское правительство умышленно затрудняло вывозъ на Запорожье серебра и золота. Но если свидѣтельство Зуева примѣнить лишь къ торговлѣ внутренней, все-таки оно переноситъ наше воображеніе во времена, очень далекія отъ современнаго экономическаго строя и понятій. Кромѣ самой Сѣчи, другимъ торговымъ средоточіемъ на запорожской территоріи былъ Никитинъ перевозъ (Никополь), гдѣ переправлялись черезъ Днѣпръ всѣ правобережные чумаки.

Торговое посредничество и непосредственное участіе во внѣшней торговлѣ оставляло въ рукахъ запорожцевъ много цѣнностей, денежныхъ и иныхъ. Но обычай поддерживалъ низкій уровень матеріальныхъ потребностей и полное равенство. Пища была въ высшей степени проста, и не только въ куреняхъ, но и зимовникахъ, гдѣ господарь-козакъ ѣлъ вмѣстѣ съ своими работниками; презрѣніе къ изысканной одеждѣ, какъ уже было сказано выше, входило въ жизненный идеалъ запорожца. Хорошее, дорогое оружіе составляло главный, если не единственный видъ роскоши, какой позволялъ себѣ богатый запорожецъ.

Тотъ излишекъ, который оставался въ рукахъ запорожца за пріобрѣтеніемъ цѣннаго оружія и промысловыхъ орудій, шелъ, какъ уже было сказано, на кутежи, въ которыхъ принимали участіе всѣ окружающіе, и на религіозныя надобности. Если все-таки была потребность копить, оставалось только зарывать деньги въ землю: отсюда, можетъ-быть, многочисленныя, до сихъ поръ обращающіяся въ малорусскомъ народѣ преданія о запорожскихъ кладахъ. Послѣдніе годы передъ паденіемъ Сѣчи замѣчается какъ бы нѣкоторый поворотъ: старшина начинаетъ обнаруживать, благодаря постояннымъ сношеніямъ съ Петербургомъ и вообще русскими, наклонность къ большей изысканности въ образѣ жизни и обстановкѣ: все это, конечно, въ связи съ зарожденіемъ частной собственности и расширеніемъ земледѣльческихъ хозяйствъ. При такомъ полу-коммунальномъ хозяйствѣ, какое велось на Запорожьѣ, общее богатство народа не можетъ не быть связано съ богатствомъ войскового скарба общественной казны. Въ самомъ дѣлѣ, доходы скарба въ эту эпоху, видимо, болѣе чѣмъ достаточны. Царское жалованье, которое продолжало выдаваться на Запорожье въ видѣ денегъ, свинца и пороха, муки и крупы по разсчету наличнаго количества козаковъ, теперь уже не составляетъ предмета такихъ

постоянныхъ заботъ и просьбъ, какъ это было раньше, въ эпоху предыдущую. Сѣчь получала теперь значительный доходъ отъ многочисленныхъ шинковъ, оставляя за собой, какъ регалію, право продажи напитковъ: но, кажется, не чувствовала себя въ зависимости и отъ этого источника, такъ какъ всѣми силами старалась не распространять, а уменьшать число шинковъ. Важный источникъ дохода составляли сборы съ мостовъ, перевозовъ и конвоированія торговыхъ людей. Наконецъ, все растущее осѣдлое населеніе Сѣчи, т.-е. подданные или посполъство, вмѣстѣ съ женатыми запорожцами уплачивали въ войсковой скарбъ подымную подать въ размѣрѣ 1 р.—1 р. 50 к. отъ хаты; судебные штрафы, конечно, также составляли доходъ казны. Часть добычи отъ звѣроловства и рыболовства тоже шла, повидимому, на содержаніе старшины. Нельзя упускать и того, что каждый козакъ давалъ присягу, что все, добытое имъ на войнѣ, онъ предоставитъ въ курень для общаго раздѣла на войсковое товарищество.

Такое перечисленіе, конечно, даетъ намъ лишь самое незначительное понятіе объ общественномъ хозяйствѣ Запорожья, тѣмъ болѣе, что о расходахъ мы знаемъ еще меньше, чѣмъ о доходахъ. Главнымъ расходомъ было, конечно, самое содержаніе войска, затѣмъ устройство мостовъ и перевозовъ, наконецъ, оборона границъ отъ нападенія со стороны степныхъ хищниковъ.

И въ этотъ послѣдній періодъ существованія Запорожья оборона отъ степи все-таки составляла самую насущную задачу жизни, главную повинность запорожскаго козачества. Степь въ данное время представляла собой ногайскія орды *) съ ихъ дикими нравами и беззастѣнчивымъ хищничествомъ, которое дѣлало невозможнымъ мирную сосѣдскую жизнь съ ними. Почти до послѣдняго момента своей жизни Запорожье организовало сторожу, устраивало посты и объѣзды, бекеты (пикеты) и редуты съ „фигурами" изъ смоляныхъ бочекъ, которыя зажигались въ случаѣ опасности, передавая такимъ образомъ вѣсть о ней по всей линіи.

Значеніе ногайцевъ опиралось, конечно, лишь на силу крымскаго ханства которое, въ свою очередь, черпало ее изъ могущества Порты. Война 1736—9 гг. съ взятіемъ Очакова, съ блестящими, хотя слишкомъ дорогими и безплодными по результатамъ побѣдами Миниха, показала наглядно, какого страшнаго противника имѣетъ теперь Турецкая имперія въ Русскомъ государствѣ: запорожцы, только-что перешедшіе, къ началу кампаніи, въ русское подданство и еще не успѣвшіе устроиться, какъ слѣдуетъ, сильно пострадали отъ этой войны, въ которой принимали самое дѣятельное участіе, сохранивъ лишь половину своего товариства да и ту „голодную, босую и голую". Въ слѣдующемъ большомъ столкновеніи Россіи съ Турціей, которое имѣло мѣсто тридцать лѣтъ спустя **) и окончилось знаменитымъ миромъ въ Кучукъ-Кайнарджи, Русское государство обнаружило такое развитіе внѣшнихъ и внутреннихъ силъ, что

*) Въ это время ногайцы раздѣлялись на три орды: Едисанская кочевала въ нынѣшнемъ Одесскомъ у.; двѣ другія—Едичкульская и Джамбуйлукская—кочевали по степямъ лѣвобережья, доходя почти до границъ Полтавской и Харьковской губ. Общая ихъ численность не превышала 50—60000.

**) Первая Екатерининская Турецкая война 1768—74 гг.

Турція оказалась для нея очень слабымъ противникомъ. Высокая Порта вынуждена была, между прочимъ, признать независимость Крымскаго ханства и тѣмъ передать его подъ русское вліяніе. Ногайцы же, которые перешли, въ теченіе этой войны, въ подданство Россіи, сначала были передвинуты правительствомъ съ Заднѣпровья на лѣвобережье, въ сѣверную часть теперешней Таврической губ., а затѣмъ и совсѣмъ удалены, отъ сосѣдства Крыма и Запорожья, за Донъ. Этимъ было подорвано значеніе Запорожья для русскаго государства, какъ сторожевой линіи отъ степи. Но не это было ближайшей, непосредственной причиной насильственнаго уничтоженія Запорожья: этой причиной были пограничные споры.

Пограничные споры и столкновенія между Россіей и Запорожьемъ, которые тянулись почти все время существованія послѣдняго Коша запорожскаго, служили простымъ выраженіемъ того, что Запорожье съ архаическими формами его быта, покоющимися на безграничномъ земельномъ просторѣ, не могло существовать бокъ-о-бокъ съ Русскимъ государствомъ, которое быстро развивало свою культуру и требовало новыхъ и новыхъ земель для своего растущаго населенія. Всего нѣсколько лѣтъ спустя послѣ возвращенія Запорожья въ подданство Россіи, въ 1741 г. русское правительство отдало для поселенія возвращавшимся бѣглецамъ запорожскую территорію около устьевъ р. Тясьмини и на Днѣпрѣ около устьевъ Орели,—и Кошъ, на первый разъ, снесъ это нарушеніе своихъ правъ безъ возраженій, какъ снесъ и возведеніе нѣсколькихъ русскихъ укрѣпленій со стороны польской границы. Но, лѣтъ десять спустя, съ начала пятидесятыхъ годовъ, дѣло приняло угрожающій оборотъ. На территоріи Запорожья появились сербскіе выходцы съ Военной-Границы, которыхъ русское правительство приняло въ свое подданство, чтобы поселеніемъ ихъ образовать на запорожскихъ земляхъ свою собственную Военную-Границу. Одна часть ихъ расположилась на сѣверо-западныхъ степяхъ Запорожья, вдоль границъ польскихъ, съ центромъ въ крѣпости св. Елизаветы (Елизаветградъ) и образовала такъ называемую Ново-Сербію; другая часть была поселена по лѣвой сторонѣ Днѣпра, между рѣкой С. Донцомъ, Бахмутомъ и Луганью и образовала Славяно-Сербію. Въ то же время поселенные на сѣверной границѣ Запорожья отъ Малороссіи ландмилицейскіе полки начали доходить своими захватами до рѣки Самары. Обхваченное на своихъ собственныхъ земляхъ цѣпью военныхъ поселеній и шанцевъ Запорожье разомъ почувствовало, что оно „убрано въ мѣшокъ“, и правительству остается лишь „завязать этотъ мѣшокъ“.

Надо было какъ-то защищаться отъ надвигающейся грозной опасности; но о защитѣ силой, конечно, не могло быть и рѣчи. Запорожье начало дѣйствовать на легальномъ пути, доказывая свои права ссылками на исторію, на документы и т. п., смазывая, конечно, тяжелый ходъ петербургскаго правосудія личными хлопотами при посредствѣ нарочныхъ депутацій, взятками и подарками вельможамъ. Оно обнаружило во всемъ этомъ не мало настойчивости, терпѣнія; такую мѣру защиты какъ усиленные хлопоты о заселеніи своихъ земель при посредствѣ слободъ и заведенія новыхъ зимовниковъ, нельзя не назвать даже мѣрой умной политической предусмотрительности. Но фактическое

положеніе было для Запорожья въ высшей степени неблагопріятно, и его шаткія права не могли устоять противъ натиска силы, облеченной въ доспѣхи „государственной необходимости“. Въ отвѣтъ на безконечныя запорожскія жалобы и просьбы изъ Петербурга учреждались пограничныя комиссіи, не приводившія ни къ чему, назначались описанія земель, которыхъ запорожцы такъ боялись, что всѣми способами старались сами ихъ отклонить. А между тѣмъ фактическій захватъ ихъ территорій шелъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Года три-четыре спустя послѣ появленія Новой-Сербіи, новая линія поселеній, уже не сербскихъ, а своихъ выходцевъ, изъ польской Украины, Молдавіи и Великороссіи (раскольниковъ), подъ именемъ Ново-Слободскаго козачьяго полка, выдвинулась далеко за черту поселеній сербскихъ и захватила прекрасныя земли по обѣимъ сторонамъ рѣчекъ Самоткани и Домоткани, издавна занятыя запорожскими зимовниками. Наступленіе неуклонно продолжалось и по другимъ линіямъ запорожскаго пограничья. Видя, что всѣ ихъ просьбы, хлопоты, комиссіи ни къ чему не приводятъ, запорожцы, въ отчаяніи, постановили на общей войсковой радѣ 1763 г. поручить полковнику Гардовой паланки силою не допускать захватовъ. Приказъ былъ приведенъ въ исполненіе. Въ Петербургѣ это было сочтено за бунтъ. Въ видахъ водворенія благоустройства и порядка, въ слѣдующемъ же 1764 г. была учреждена Новороссійская губернія, которая обхватывала всѣ новыя поселенія на Запорожской территоріи, по одну и другую сторону Днѣпра. Централизація пограничныхъ властей и учрежденій сдѣлала для Запорожья отстаиваніе „своихъ вольностей“ еще затруднительнѣе, а наступленіе на нихъ—рѣшительнѣе. Мѣстныя праничныя власти, во главѣ которыхъ теперь стоялъ новороссійскій губернаторъ, выдвигали проектъ за проектомъ въ цѣляхъ оживленія степей и укрѣпленія южной границы государства; проекты эти предполагали запорожскія владѣнія пустыми,—о запорожскихъ же правахъ совсѣмъ умалчивали. Наступившая турецкая война ускорила конецъ. Указомъ 1770 года было повелѣно возвести, вмѣсто старой украинской, уже не нужной, новую днѣпровскую линію крѣпостей, которая должна была проходить по серединѣ территоріи Запорожья, и тотчасъ же приступлено къ постройкѣ нѣкоторыхъ изъ намѣченныхъ укрѣпленій. Запорожье видѣло, что „его вольности“ въ глазахъ русскаго правительства не существуютъ. На одинъ моментъ оживились-было надежды запорожцевъ, когда въ 1774 г. Новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ назначенъ былъ Потемкинъ: Потемкина наивные запорожцы считали своимъ, такъ какъ онъ записанъ былъ въ братчики Кущевскаго куреня—баловство, которое позволяли себѣ нѣкоторые русскіе вельможи, а съ ними заодно и знаменитый математикъ Эйлеръ. Но именно этотъ-то братчикъ Петемкинъ задумалъ и нанесъ Запорожью окончательный ударъ.

Въ качествѣ представителя мѣстной власти Потемкинъ видѣлъ теперь, какъ несовмѣстимы ея интересы съ существованіемъ Запорожья. Запорожская свобода мѣшала водворенію на сосѣднихъ территоріяхъ порядка, который утверждался на полицейско-крѣпостническомъ строѣ; кромѣ Новороссійской губерніи, которая напирала на запорожскія земли съ сѣвера, вновь учрежден-

ная Азовская губернія требовала такого же расширенія на счетъ запорожскихъ земель съ юго-востока. Потемкинъ быстро и легко перемѣнилъ фронтъ. Еще недавно онъ былъ такъ благосклоненъ къ Запорожью, что обмѣнивался съ кошевымъ самыми любезными письмами и подарками, посылалъ поклоны „товариству и всѣмъ сѣромахамъ“ своего куреня; нѣсколько мѣсяцевъ спустя, онъ стоялъ во главѣ враговъ Запорожья. Враги эти ставили запорожцамъ въ вину все. Обвиняли ихъ въ томъ, что они не несутъ никакихъ податей и службы государству, хотя дѣло было послѣ турецкой войны, когда, по общему признанію даже и тѣхъ же враговъ, сѣчевики „оказали отличные опыты мужества и храбрости“; обвиняли въ томъ, что, „одичавъ въ своихъ ущельяхъ и порогахъ, они пріобыкли къ праздности, холостой и безпечной жизни и сдѣлали себѣ изъ нея законъ“, чѣмъ подаютъ соблазнительный и вредный примѣръ остальнымъ сосѣднимъ русскимъ гражданамъ; обвиняли, наоборотъ, и въ томъ, что они заводятъ у себя хлѣбопашество и „тѣмъ расторгаютъ самое основаніе зависимости отъ престола, помышляя, конечно, составить изъ себя посреди отечества область, совершенно независимую, подъ собственнымъ своимъ неистовымъ управленіемъ“ *). Вообще, мотивировка запорожскихъ преступленій можетъ служить прекрасной иллюстраціей къ извѣстной крыловской баснѣ. Русскому государству существованіе Запорожья, съ одной стороны, было не нужно, съ другой стороны, очень неудобно, и оно видѣло себя вынужденнымъ его уничтожить—вотъ и все.

Еще послѣдняя запорожская депутація была въ Петербургѣ, тѣснясь въ пріемныхъ вельможъ и толкаясь по канцеляріямъ, какъ Потемкину данъ былъ высочайшій указъ занять Сѣчь и Запорожье, занять, по возможности, безъ насилія и кровопролитія. Потемкинъ поручилъ это дѣло Текелію. Корпусъ Текелія, разбитый на пять отрядовъ, разомъ вступилъ на запорожскую территорію съ разныхъ сторонъ: одинъ изъ этихъ отрядовъ, подъ личнымъ предводительствомъ Текелія, 5 іюня 1775 года занялъ самую Сѣчь. Все это было сдѣлано такъ внезапно, такъ неожиданно для запорожцевъ, что дѣйствительно обошлось безъ всякаго кровопролитія. Сѣчевая крѣпость, со всѣми ея сооруженіями и постройками, уничтожена; кошевой **) и писарь отправлены въ Петербургъ, остальная старшина арестована; имущество конфисковано; запорожцамъ предложено на выборъ возвращаться ли на родину, у кого она была, или селиться въ Новороссійской губерніи въ качествѣ людей свободнаго сословія, городского или сельскаго, или наконецъ, записываться въ пикинеры. Но добрая половина запорожскаго козачества предпочла сама себѣ устроить

*) Подлинныя выраженія манифеста, обнародованнаго Екатериной по поводу уничтоженія Сѣчи.

**) Запорожская войсковая старшина осуждена была на пожизненное тюремное заключеніе: кошевой Кальнишевскій въ Соловецкій монастырь, гдѣ онъ и умеръ въ 1803 году, оставшись тамъ добровольно послѣ освобожденія, которое послѣдовало за два года до смерти, писарь Глоба умеръ въ сибирскомъ Туруханскомъ монастырѣ въ 1790 г., а судья Головатый—въ 1796 г. въ Тобольскомъ Знаменскомъ („Кіевская Старина“, 1882 г., № 8 и 1887 г., № 6).

выходъ изъ этого положенія. Воспользовавшись оплошностью русскаго начальства, обманутаго смиреннымъ видомъ запорожцевъ, они въ одну ночь, на заранѣе подготовленныхъ челнахъ, уплыли внизъ по Днѣпру въ турецкіе предѣлы.

Запорожское наслѣдство было подѣлено между русскими вельможами: территорію обѣихъ Сѣчей, въ количествѣ ста тысячъ десятинъ, получилъ кн. Вяземскій, столько же кн. Прозоровскій; когда выдѣлены были крупные куски лучшихъ земель вліятельнѣйшимъ, остальное раздавалось порціями отъ 1500 до 12000 десятинъ направо и налѣво всѣмъ желающимъ.

Была и еще одна причина, которая ускорила паденіе Запорожья, впрочемъ, и само-по-себѣ совершенно неизбѣжное: это вмѣшательство запорожцевъ въ волненія южнорусскаго народа правобережной, т.-е. польской, Украины, роль, какую играло Запорожье въ такъ называемомъ гайдамачествѣ.

Послѣ того какъ, съ началомъ XVIII в., правобережье окончательно вошло въ составъ Польскаго государства, и затихло здѣсь смятеніе, сопровождавшее Сѣверную войну, Украина еще разъ переживаетъ то, что переживала послѣ Люблинской уніи—усиленную польскую колонизацію. Но характеръ колонизаціи былъ теперь иной. Потомки старой украинской шляхты, выброшенные изъ своей родины и раскиданные по всему лицу Польской земли, шли теперь назадъ, на Украину, чтобы возстановить свои утраченныя права — шли съ смѣшанными чувствами страха и ненависти; скудное и, слѣдовательно, безсильное населеніе встрѣчало ихъ съ чувствомъ глубокой, хотя и затаенной злобы. Нелегко было шляхтѣ разыскивать свои вотчины на территоріи, изборожденной пронесшимися надъ ней соціальными бурями, не оставившими, во многихъ случаяхъ, даже слѣдовъ отъ существовавшихъ поселеній. Но зато разъ шляхтичъ былъ возстановленъ въ своихъ вотчинныхъ правахъ, онъ пріобрѣталъ въ людяхъ, живущихъ на его земляхъ, подданныхъ, находящихся въ его неограниченной власти: иныхъ отношеній не признавало польское право, принесенное теперь опять на Украину шляхтой. Вся бѣда въ томъ, что людей этихъ было слишкомъ мало: многія владѣльческія территоріи стояли совсѣмъ пустынными, какъ показываютъ дошедшія до насъ люстраціи. Надо было, во что бы то ни стало, добывать „живой ременентъ" (инвентарь). Магнатамъ, располагавшимъ большими средствами, это было не трудно: они привлекали себѣ подданныхъ изъ другихъ частей Польши и даже изъ-за границы. Остальной шляхтѣ приходилось зазывать населеніе на „слободы". Давались очень длинные сроки свободы отъ всякихъ обязательствъ, отъ 15 до 30 лѣтъ, дальше на юго-востокъ, въ Кіевщинѣ, даже и еще болѣе долгіе. Практиковались разнообразные способы и пріемы для заманыванія населенія и переманиванія его отъ сосѣдей; около этого дѣла, какъ около выгоднаго „гешефта", нагрѣвали себѣ руки люди, падкіе на наживу, особенно евреи; владѣльцы устраивали охоты и облавы на бѣглаго хлопа. Какъ-ни-какъ, а правобережная Украина заселялась; истекали и сроки свободы: къ половинѣ столѣтія изжиты были и самые длинные изъ нихъ. Обремененію подданнаго теперь былъ одинъ предѣлъ — страхъ передъ тѣмъ, что онъ сбѣжитъ за границу, въ дикую вольную степь,

запорожскую или татарскую. Чѣмъ дальше отъ границы, тѣмъ положеніе хлопа становилось тяжелѣе, достигая чуть не крайнихъ предѣловъ физически выносимаго: напримѣръ, въ Подольскомъ воеводствѣ, въ половинѣ столѣтія, повинности хлоповъ, по дошедшимъ до насъ статистическимъ свѣдѣніямъ, въ переводѣ на рабочіе дни превосходили въ среднемъ сто годовыхъ дней, иногда достигали двухсотъ и даже выше. На Волыни положеніе хлопа, конечно, было еще хуже, въ Кіевщинѣ и Брацлавщинѣ нѣсколько лучше. Между паномъ и хлопомъ по-старому стояли евреи, которые путемъ откупа извѣстныхъ доходовъ, на первомъ планѣ питейнаго, затѣмъ мытнаго и иныхъ, съ свойственной имъ ловкостью выжимали изъ посполитаго все, что оставалось невыжатаго прямымъ обложеніемъ въ пользу пана. Положеніе народа, по сравненію съ эпохой до Хмельницкаго, еще крайне ухудшалось тѣмъ обстоятельствомъ, что украинское панство сплошь сдѣлалось польскимъ и католическимъ; старый православный дворянинъ теперь уже былъ соціальной невозможностью, нелѣпостью. Такимъ образомъ, южнорусскій языкъ сдѣлался „хлопской мовой“, православіе „хлопскою вірою“; тѣмъ самымъ украинскій народъ погружался на дно соціальной пропасти, безъ выхода и просвѣта.

Украина представляла собой въ описываемую эпоху совокупность нѣсколькихъ самодержавныхъ магнатскихъ государствъ, въ промежуткахъ между которыми были разсѣяны владѣнія простой шляхты. Между мѣстными магнатами на первомъ планѣ стояли Потоцкіе и Чарторыжскіе, за ними шли Любомірскіе, Ржевусскіе и Яблоновскіе: на огромныхъ пространствахъ ихъ владѣній, разбитыхъ на „ключи“, также находила себѣ пріютъ масса шляхты, „пріятели“, „резиденты“ и „слуги“ панскаго двора, оффиціалисты, исполнявшіе при магнатѣ и его огромномъ хозяйствѣ разнообразныя обязанности, наконецъ „державцы“ (какъ бы арендаторы) простые или заставные, внесшій свой капиталъ въ магнатскую кассу подъ земельное обезпеченіе и, вообще, всякаго рода „интересанты“. Окруживъ себя этой шляхтой, составлявшей политическую силу, обставивъ себя роскошью и церемоніаломъ двора, магнатъ, въ своемъ укрѣпленномъ замкѣ, среди рабски зависимаго населенія, чувствовалъ себя владѣтельнымъ государемъ. Для полноты престижа ему необходимо было еще войско, и онъ непремѣнно устраивалъ себѣ это войско. Въ качествѣ пѣхоты, служившей гарнизономъ для замковъ и иныхъ укрѣпленій, привлекалось относительно небольшое число нѣмцевъ или поляковъ; конница же, болѣе необходимая и потому болѣе численная, набиралась изъ мѣстнаго украинскаго населенія. Извѣстное число податныхъ домовъ должно было поставлять для панскаго двора одного человѣка какъ бы на козацкую службу: человѣкъ этотъ освобождался отъ всѣхъ податныхъ обязательствъ, получалъ отъ двора обмундировку, содержаніе и даже жалованье. Такимъ образомъ, получались надворные козацкіе отряды, которые были въ высшей степени полезны панамъ своимъ умѣньемъ догонять и разыскивать въ полѣ непріятеля—будь то татаринъ или свой братъ, вольный добычникъ. Обезпеченность, съ нѣкоторымъ ореоломъ привилегированности, среди безвыходно тяжелаго положенія остальной массы, и даже отдаленная приманка шляхетства, которымъ, случалось, одарялись выдающіяся

по заслугамъ личности за свою службу,—все это гарантировало до извѣстной степени преданность такого надворнаго козака своему пану. И козаки эти обнаруживали преданность ровно до того момента, пока не захватывалъ ихъ взрывъ народнаго возбужденія, смѣшивая съ массой въ общемъ чувствѣ ненависти и злобы. Такой моментъ повторялся въ теченіе XVIII в. два раза.

Однако, эти моменты были лишь обостреніемъ того длительнаго явленія, которое, подъ именемъ гайдамачества, держало подъ своимъ гнетомъ жизнь края въ теченіе всего столѣтія. Лишь только наступала весна, какъ на территоріи правобережной Украины все не-русское и не-православное ея населеніе приходило въ тревогу: укрывали цѣнное имущество и сами уходили подъ защиту замковъ съ ихъ гарнизонами или, по крайней мѣрѣ, прятались на ночь въ степи, поодиночкѣ, скрываясь другъ отъ друга изъ опасенія, чтобы другой, даже и близкій не выдалъ гайдамакамъ въ случаѣ пытки. А по краю разсѣивались гайдамаки небольшими отрядами и при полномъ сочувствіи и помощи мѣстнаго хлопскаго населенія съ успѣхомъ овладѣвали селами и панскими усадьбами, убивали людей, жгли и грабили шляхетское и еврейское добро; въ особенности привлекали гайдамаковъ католическіе костелы съ чудотворными иконами, и ни одна изъ этихъ святынь не избѣжала гайдамацкаго нападенія. Въ иные годы, когда гайдамаковъ было особенно много, они организовали нападенія по образцу татарскихъ набѣговъ; пробирались въ такихъ случаяхъ вглубь края, пользуясь пріемами описанной выше татарской тактики, и, если надо было овладѣть какимъ-нибудь однимъ, болѣе важнымъ, пунктомъ, соединялись около этого пункта въ большой „загонъ". Такое организованное предпріятіе имѣло непремѣнно во главѣ своей какого-нибудь опытнаго ватажка, который „закладывалъ кошъ" въ недоступномъ для польскаго войска мѣстѣ, напримѣръ, въ Черномъ Лѣсѣ *) или въ запорожской степи.

Вообще можно сказать съ увѣренностью, что, еслибъ Украина не имѣла подъ бокомъ политически самостоятельнаго Запорожья съ его дикой степью и воинственными обитателями, выдѣлявшими изъ себя умѣлыхъ и опытныхъ организаторовъ гайдамацкихъ предпріятій, конечно, гайдамачество не приняло бы такихъ размѣровъ. Но несправедливо было приписывать его сознательному содѣйствію и руководительству запорожской общины и ея властей, какъ это дѣлало русское правительство по инсинуаціямъ поляковъ. Наоборотъ, кошевыя власти, имѣя извѣстную политическую опытность и пониманіе, старались изъ всѣхъ силъ препятствовать организаціи гайдамацкихъ купъ на запорожской территоріи. Но онѣ не могли бороться съ темными инстинктами рядового товариства, воспитанными исторической традиціей,—инстинктами, которые влекли запорожца, съ одной стороны, къ положенію вольнаго добычника, съ другой, направляли энергію этого добычника противъ тѣхъ элементовъ, отъ которыхъ такъ страдала народная украинская масса. Съ этимъ ничего нельзя было подѣлать, и запорожское козачество постоянно выдвигало изъ своей среды гайдамацкихъ ватажковъ.

*) Черный Лѣсъ — сѣверная, возвышенная, часть нынѣшняго Александрійскаго уѣзда Херсонской губ., покрытая въ то время лѣсомъ.

На этомъ общемъ фонѣ гайдамачества, которое сдѣлалось хронической болѣзнью правобережной Украины, выдѣляются отдѣльные моменты, когда движеніе принимало характеръ народнаго возстанія, бунта,—всегда при какихъ-нибудь политическихъ осложненіяхъ и непремѣнно съ увѣренностью въ сочувствіи и помощи Россіи.

Въ 1734 г. русскія войска вступили въ Украину, чтобы поддержать вновь избраннаго короля Августа III противъ его соперника Станислава Лещинскаго; отъ русскихъ вышелъ приказъ надворнымъ козакамъ дѣйствовать противъ шляхетской партіи Лещинскаго. Народъ истолковалъ это обращеніе къ козакамъ въ такомъ смыслѣ: „дана воля грабить жидовъ и убивать ляховъ". Всѣ три украинскихъ воеводства разомъ поднялись. Начались обычныя сцены убійствъ и грабежей шляхетскихъ и еврейскихъ домовъ, костеловъ и вообще католическихъ святынь, впрочемъ, не сопровождавшіяся особенными жестокостями. Между тѣмъ украинская шляхта отказалась дальше поддерживать Лещинскаго и признала королемъ Августа III; тогда русскія войска принялись усмирять возстаніе. Началась повсемѣстная расправа съ мятежниками; впрочемъ, шляхта сдерживалась въ своей мстительности страхомъ лишиться „живаго ремanента", на пріобрѣтеніе котораго было потрачено столько усилій.

Волненія 1768 г., или коліивщина, со своимъ центральнымъ пунктомъ въ Уманской рѣзнѣ, была значительно меньше по размѣру захваченной имъ территоріи, но гораздо интенсивнѣе по своимъ проявленіямъ. Коліивщина захватила лишь Кіевское и Брацлавское воеводства, не коснувшись Волыни и Подолья.

Русскія войска теперь опять были на Украинѣ на помощь королю Понятовскому противъ барскихъ конфедератовъ. Съ появленіемъ ихъ тотчасъ же разнесся слухъ, что русская царица хочетъ освободить украинскихъ хлоповъ, и что, слѣдовательно, надо рѣзать поляковъ и евреевъ. Подготовлялось это движеніе и организовалось въ монастыряхъ и скитахъ, разбросанныхъ по берегу и островамъ Днѣпра, по монастырскимъ хуторамъ и мельницамъ въ лѣсахъ Кіевщины. Участіе православнаго духовенства и въ особенности игумена Мотренинскаго монастыря Мельхисидека Значко-Яворскаго—вѣроятно, преувеличенное поляками—является отраженіемъ высшей политики, взволнованной диссидентскимъ вопросомъ. Но едва ли участіе Мельхисидека или другихъ лицъ православнаго духовенства могло дойти до поддѣлки „Золотой грамоты", или манифеста Екатерины, однимъ словомъ какого-то документа, который несомнѣнно былъ въ рукахъ у вожаковъ возстанія.

Возстаніе вспыхнуло и распространилось съ необычайной быстротой. Появился ничтожный гайдамацкій отрядъ и напалъ сначала на Жаботинъ, затѣмъ Смѣлу, дальше Лысянку. Съ каждымъ днемъ, если не часомъ, онъ все росъ, все увеличивался въ числѣ, такъ что, когда онъ подошелъ къ Умани, въ немъ было уже до двадцати тысячъ; а въ то же время мелкіе загоны разсыпались по Украинѣ, на сѣверъ до Кіевскаго Полѣсья, на югъ до Дашева, Кальника, Балты, и встрѣчали сопротивленіе лишь въ надворной, нѣмецкой или польской, пѣхотѣ: надворные козаки почти всѣ перешли на сторону поднимающагося народа. Шлята и евреи, кто не успѣлъ убѣжать, спрятались

въ Умани, большомъ торговомъ и укрѣпленномъ городѣ Потоцкихъ. Во главѣ подступавшаго къ Умани гайдамацкаго войска стоялъ запорожецъ Желѣзнякъ. Защита Умани лежала на сильномъ надворномъ козацкомъ отрядѣ, начальникомъ котораго былъ сотникъ Гонта, выдвинувшійся своими заслугами и милостями своихъ патроновъ въ шляхетское положеніе. Переходъ Гонты съ козаками на сторону мятежниковъ рѣшилъ судьбу Умани и массы укрывавшихся въ ней шляхты и евреевъ. Ужасы Уманской рѣзни, подробно описанные разными лицами и въ прозѣ и въ стихахъ, переносятъ насъ во времени Хмельнищины въ самыхъ рѣзкихъ ея проявленіяхъ. Укрощеніе возстанія опять выпало на долю русскаго войска, съ генераломъ Кречетниковымъ во главѣ. Региментарь польскихъ войскъ Браницкій и его помощникъ коронный обозный Стемпковскій взяли на себя болѣе легкое дѣло—судей и вершителей правосудія, призванныхъ „гасить украинскій пламень въ хлопской крови". Деревня Сербы, недалеко отъ Могилева, гдѣ вершилъ правосудіе Браницкій и въ особенности Кодня, около Житоміра, гдѣ заправлялъ Стемпковскій, были свидѣтелями такой безпримѣрной и безсмысленной мести, выступавшей подъ вывѣской правосудія, что нѣсколько слѣдующихъ поколѣній украинскаго народа повторяло какъ проклятіе: „бодай тебе не мынула святая Кодня"! Надо сказать къ чести польскаго имени, что значительнѣйшіе изъ украинскихъ магнатовъ, на первомъ планѣ самъ „королекъ Руси", Салезій Потоцкій, наиболѣе пострадавшій матеріально, отнеслись съ большимъ порицаніемъ къ дѣйствіямъ Стемпковскаго.

Хлопскіе бунты 1789 г. были, повидимому, лишь выдумкой шляхты, политической уткой, выпущенной для того лишь, чтобы замутить воду. По краю пошли слухи о томъ, что всюду ходятъ „филипоны" (раскольники), подстрекающіе хлоповъ къ бунту отъ имени русскаго правительства, и что готовится новая коливщина. Заурядное убійство одного шляхтича съ семьей приняло размѣры потрясающаго событія, преддверія новой Уманской рѣзни. Украинская шляхта была обхвачена тревогой; учреждены были военные суды, наготовлены висѣлицы, но бунтовъ не было. Ихъ не было бы, если даже допустить и полную готовность украинской массы повторить 68 годъ: некому было взять на себя организацію, такъ какъ Запорожье уже не существовало.

Явленіе, совершенно аналогичное украинскому гайдамачеству, встрѣчается и въ другой области, заселенной южнорусскимъ народомъ.

Выше при изложеніи событій эпохи Хмельницкаго, было сказано, что движеніе народной украинской массы отозвалось и на Галицкой Руси, особенно на такъ называемомъ Покутьѣ. На томъ же Покутьѣ, населенномъ украинскими горцами или гуцулами, встрѣчаемся мы, въ теченіе XVIII вѣка, съ мѣстными гайдамаками, которые носятъ здѣсь названіе опришковъ.

Гнетъ польскаго права, налегшій на Галицкую Русь съ XV вѣка, совершенно придавилъ народную массу; только горцы, сохранившіе, благодаря своему положенію, остатокъ былой свободы, сохранили, вмѣстѣ съ тѣмъ, наклонность и способность къ протесту противъ своихъ притѣснителей. Кромѣ естественныхъ территоріальныхъ условій края съ его неприступными горами и непроходимыми лѣсами, куда можно было укрываться отъ властей, благопріят-

ствовало населенію и его пограничное положеніе между Венгріей и Волощиной (Молдавіей): преслѣдователи не имѣли права переходить границъ, за которыя свободно ускользали преслѣдуемые. Вообще гуцулы, энергичные и смѣлые, искони вѣковъ привыкшіе обращаться съ оружіемъ,—въ видахъ легкой наживы на счетъ своихъ притѣснителей,—охотно примыкали къ предпріимчивымъ людямъ, „ватагамъ", которые брали на себя организацію партій, дѣйствовавшихъ не только у себя дома, но и по сосѣднимъ территоріямъ и даже за границей, въ Молдавіи и Венгріи. Выработались такія понятія и нравы, что каждый гуцулъ считалъ чуть-что не своей обязанностью побывать въ опришкахъ, хотя бы въ теченіе нѣсколькихъ недѣль. Въ основѣ организаціи опришковъ лежалъ тотъ же принципъ козацкаго братства. Получившіе особую извѣстность „ватаги" до сихъ поръ воспѣваются карпатскими горцами въ ихъ думахъ и пѣсняхъ. Польша съ ея дезорганизаціей не могла никакъ справиться съ этимъ явленіемъ; только раздѣлъ ея, присоединившій Галицію къ Австріи, положилъ ему конецъ.

Главные источники. Соловьевъ, „Исторія Россіи"; Бантышъ-Каменскій „Исторія Малой Россіи"; Маркевичъ, „Исторія Малороссіи"; „Южно-русскія лѣтописи: Велички, Грабянки, Симановскаго"; Скальковскій: „Исторія Новой-Сѣчи" (изд. 2-ое), „Наѣзды гайдамакъ на зап. Украину"; Эварницкій: „Исторія запорож. козаковъ", „Сборникъ матеріал. для исторіи зап. козак."; Головацкій, Я., „Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси"; „Записки Чернигов. губ. Стат. комитета", 1866 г., кн. 1-я, ст. Лазаревскаго, „Малороссійскіе посполит. кр—е"; Лазаревскій: „Очерки, замѣтки и документы", 3 выпуска, „Описаніе старой Малороссіи": 1) „Полкъ Стародубскій", 2) „Полкъ Нѣжинскій"; „Отчетъ комитета по присужденію премій, учрежденныхъ Харьк. Зем. Банкомъ въ память имп. Александра II; рецензіи А. М. Лазаревскаго на работы Д. Миллера"; Миллеръ, Д., „Очерки исторіи и юридич. быта старой Малороссіи": 1) „Суды земскіе, гродскіе и подкоморскіе", 2) „Превращеніе козацкой старшины въ дворянство"; „Бесіди про часи козацькі на Україні"; Антоновичъ, „Изслѣд. о крестьянахъ въ юго-западной Россіи", „Изслѣд. о гайдамачествѣ"; Мякотинъ, „Прикрѣпленіе крестьянства лѣвобережной Малороссіи" („Русское Богатство", 1893 г., № 2—4); Замѣчанія до Малой Россіи принадлежащія"; „Наказы малор. депутатамъ 1767 г."; „Теличенко: „Сословныя нужды и желанія малороссіянъ", „Очеркъ кодификаціи малор. права"; „Кіевская Старина"; „Основа"; Кулишъ, „Записки о Южной Руси", ч. 2: „Записки Теплова"; Костомаровъ, „Павелъ Полуботокъ"; Радакова, „Канальныя работы"; „Дневникъ Маркевича", „Діаріушъ Ханенка", „Опись имущества Полуботка"; Авсѣенко, „Малороссія въ 1761 г."; Dr. Antoni J., „Opowiadania"; „Обозрѣніе Румянцевской описи" (Лазаревскаго и Константиновича): „Архивъ юго-зап. Россіи: Акты о гайдамачествѣ"; „Сулимовскій Архивъ".

Глава восьмая.

Украина Россійская и Австрійская въ XIX вѣкѣ.

Козачество есть несомнѣнно самое характерное явленіе южнорусской исторіи: въ немъ, какъ въ фокусѣ, отразились всѣ положительныя и отрицательныя стороны малорусской народности; съ нимъ связанъ былъ расцвѣтъ политической жизни; имъ питалось по преимуществу поэтическое творчество украинскаго народа.

Предоставленная самой себѣ, малорусская жизнь снова и снова принимала формы козацкой организаціи. Разогнанные и разбѣжавшіеся запорожцы осѣли въ видѣ козаковъ черноморскихъ, или кубанскихъ, задунайскихъ, азовскихъ. Массовыя переселенія, тянувшіяся черезъ XVII вѣкъ изъ Украины на востокъ, въ предѣлы Московскаго государства, дали существованіе обширной Слободской Украинѣ, которая оказалась заселенной опять-таки козаками, получившими названіе слободскихъ.

Слободская Украина занимала собою всю Харьковскую и части Курской и Воронежской губерній. Она раскинулась по татарскимъ „шляхамъ", по „перевозамъ и перелазамъ", которыми пробирались татары въ своихъ хищническихъ набѣгахъ и походахъ на Московское государство черезъ „дикое поле", отдѣлявшее Татарію отъ Московіи и закрывшее собою слѣды какой-то древней культуры.

Къ тому времени, какъ направилась сюда малорусская колонизація, Московское государство уже успѣло захватить эту территорію и организовать на ней цѣлую систему сторожъ и станицъ, а для прикрытія сторожей и станичниковъ выдвинуло въ степь городки: Бѣлгородъ былъ центральнымъ пунктомъ для всей этой великорусской степной окраины.

Первый крупный опытъ массового переселенія черкасъ—какъ обыкновенно называли въ тѣ времена московскіе люди малороссовъ—относится къ тому тяжелому для Украины времени, когда послѣ смерти Сагайдачнаго рядъ неудачныхъ козацкихъ возстаній, слѣдовавшихъ одно за другимъ, убѣдилъ украинцевъ, что они напрасно губятъ себя въ непосильной борьбѣ съ Польскимъ государствомъ. Въ 1630 г. въ Бѣлгородѣ появились, съ семьями и иму-

ществомъ, черкасы съ гетманомъ Яцкомъ Остренинымъ во главѣ и просили у государя разрѣшенія поселиться и устроить городъ на Чугуевомъ городищѣ: ихъ было въ общей сложности около тысячи человѣкъ. Однако, этотъ первый опытъ не удался. Воеводское ли управленіе не понравилось малороссамъ, или, можетъ-быть, были подстрекательства со стороны Польши, только чугуевскіе черкасы, спустя три года послѣ своего появленія, убили гетмана Остренина и убѣжали назадъ. Выстроенный ими и заброшенный Чугуевскій городъ былъ заселенъ московскими служилыми людьми и сдѣлался опорнымъ пунктомъ новой линіи станицъ и сторожъ, замѣнявшихся постепенно городами.

Новыя массовыя переселенія связаны уже съ эпохой Хмельницкаго и слѣдовавшей за ней руины. Всѣ судорожныя движенія, потрясавшія несчастный организмъ польской Украины, давали отложенія на пустынномъ привольѣ вновь возникающей Украины Слободской. Уже первая крупная неудача украинско-польской борьбы въ битвѣ подъ Берестечкомъ дала первое значительное и организованное передвиженіе населенія съ полковникомъ и старшиной во главѣ на берега Тихой Сосны, гдѣ явившіеся черкасы устроили, по указанію московскаго правительства, г. Острогожскъ и образовали первый изъ слободскихъ полковъ Острогожскій; одновременно появляется и г. Сумы, около котораго, „на дикомъ шляховомъ полѣ", поселились черкасы, составившіе новый полкъ. Эта же первая переселенческая волна дала начало и инымъ населеннымъ мѣстамъ, въ томъ числѣ Харькову и Ахтыркѣ, которые тоже пріобрѣли значеніе центральныхъ пунктовъ для двухъ новыхъ полковъ. Новое усиленное движеніе можно отнести къ гетманству безталаннаго Юрія Хмельницкаго. И, наконецъ, третій подъемъ колонизаціонной волны совпадаетъ съ той эпохой, когда патріотизмъ ли, или честолюбіе Дорошенки вызвали къ вмѣшательству Магомета IV, и правобережная Украина, въ виду предстоящаго ей турецкаго подданства, почти совсѣмъ запустѣла. Къ этому времени относится заселеніе южной части Слободской Украины, территоріи ея пятаго полка Изюмскаго.

Послѣднее массовое переселеніе малороссовъ въ предѣлы Слободской Украины, пополнившее собою уже занятую территорію, относится къ 1711 г., когда русское правительство окончательно отказалось отъ своихъ притязаній на правобережье въ пользу Польши, которая теперь снова водворяла на залитой кровью украинской почвѣ свое господство и право.

Итакъ, запустѣвшая правобережная Украина въ короткій промежутокъ отъ 1652 по 1711 годъ дала существованіе цѣлому краю, выросшему на пустынномъ просторѣ „дикаго поля". Украина лѣвобережная, по мѣрѣ роста своего населенія и ухудшенія жизненныхъ условій для массы, также давала сюда своихъ выходцевъ, такъ что правительство въ XVIII в. сочло необходимымъ даже вмѣшаться въ это дѣло и запретить переселенія. Среди массы малорусскаго населенія Слободской Украины было вкраплено, особенно по окраинамъ и въ Чугуевскомъ уѣздѣ, а также по городамъ, населеніе великорусское, по преимуществу изъ служилыхъ людей, позднѣйшихъ однодворцевъ.

Малороссы шли сюда не только съ женами и дѣтьми, со скотомъ и другимъ имуществомъ, но и со своимъ собственнымъ жизненнымъ укладомъ. Мо-

сковское правительство не мѣшало имъ устраиваться „по ихъ черкаскимъ обыкностямъ", иначе говоря, предоставляло имъ полное самоуправленіе: вмѣшательство воеводъ мы наблюдаемъ лишь въ томъ, что они руководили постройкою городскихъ укрѣпленій. И не мудрено: государству было слишкомъ выгодно имѣть такой непроницаемый оплотъ отъ татарскаго хищничества, какъ сплошное черкаское населеніе. Даже то, что вновь заселенная территорія получила названіе Украины Слободской, уже показываетъ, какъ широко переселенцы пользовались льготами.

Легко предположить, что населеніе, вышедшее сюда главной массой изъ правобережья съ его крайней необезпеченностью жизни, чувствовало себя хорошо въ новыхъ условіяхъ. Край былъ богатъ всѣмъ, что цѣнилъ, въ силу своихъ исторически сложившихся привычекъ, украинскій человѣкъ: тучнымъ черноземомъ, лѣсомъ, текучей водой; татарскіе набѣги уже начали терять свою прежнюю интенсивность; къ тому же хозяйственная заботливость московскаго правительства, которое возводило на угрожаемомъ пограничьѣ валы и рвы съ укрѣпленіями, облегчала защиту.

Этимъ можно объяснить, почему смуты въ сосѣднихъ областяхъ, т.-е. въ лѣвобережной Украинѣ и на Дону, слабо отзывались въ Украинѣ Слободской: сохранились лишь извѣстія о нѣкоторыхъ волненіяхъ во время бунта Брюховецкаго. Правительство не разъ давало жалованныя грамоты слободскимъ полкамъ, какъ выраженіе своего благоволенія за соблюдаемую ими вѣрность. Но такое положеніе не могло быть устойчивымъ: между стремленіями Русскаго государства, особенно со временъ Петра I, и тенденціями козацкаго общественнаго строя было слишкомъ много внутренняго антагонизма.

Правда, самоуправленіе слободскихъ полковъ не имѣло того вида политической самостоятельности, какой гетманская власть придавала общественному строю лѣвобережья. Не имѣя надъ собой не только собственнаго гетмана, но и генеральной старшины, слободскіе полки находились спачала въ вѣдѣніи Разряда, потомъ спеціальнаго Приказа, далѣе Бѣлгородскаго разряда, позднѣйшей Бѣлгородской губернской канцеляріи, въ военномъ же отношеніи подчинялись Бѣлгородскому воеводѣ. Но, тѣмъ не менѣе, внутри полковъ слободскимъ козакамъ предоставлялось жить „по ихъ черкаскимъ неотъемленнымъ отъ нихъ обыклымъ вольностямъ". Весь извѣстный намъ строй козацкой общественности перенесенъ былъ сюда во всѣхъ своихъ подробностяхъ, не подвергаясь никакимъ ограниченіямъ: даже и въ судныхъ дѣлахъ, какъ и во всѣхъ иныхъ, имъ продоставлено было „исправу чинить въ правду по старымъ своимъ козацкимъ обыкновеніямъ". На ряду съ этими правовыми стояли и самыя широкія льготы экономическаго характера: слобожанамъ разрѣшено было „всякими промыслами ихъ промышлять и товары торговать" (включая и важную отрасль торговли торской, т.-е. славянской, и бахмутской солью), безпошлинно „угодьями владѣть и вино курить и шинковать безоброчно", въ особенности же „заимки занимать" и „заводить пасѣки и всякіе грунта". Все это разсматривалось какъ государево жалованье за козацкую службу: извѣстная часть козаковъ должна была служить конно, а „достальные помогать въ службѣ по ихъ обыкновенію".

Повидимому, до-петровское государство не касалось—по крайней мѣрѣ, не касалось прямо— козацкихъ порядковъ; но ихъ не могло обойти безпощадное строительство Петра. Петръ могъ производить самые крутые перевороты, какъ бы даже не замѣчая того, что онъ дѣлаетъ, и не стѣсняясь притомъ выражать увѣренность, что онъ свято хранитъ старыя права и вольности.

Прежде всего онъ обложилъ-было рублевымъ окладомъ козачьихъ подпомощниковъ, т.-е. тѣхъ козаковъ, которые служили не лично, а матеріальной помощью козакамъ выборнымъ. Потомъ онъ отмѣнилъ этотъ сборъ, но зато декретировалъ цѣлый рядъ крутыхъ мѣръ: установилъ опредѣленное число выборныхъ козаковъ для каждаго полка, для всѣхъ пяти полковъ 3500 чел.; ограничилъ право выбора полковниковъ, которые должны были утверждаться, а въ случаѣ неутвержденія и прямо назначаться государемъ, причемъ налагались ограниченія и на выборы прочей полковой старшины, а также сотниковъ; приказалъ судебныя дѣла уголовнаго характера перевести въ распоряженіе Бѣлгородской и Воронежской губернскихъ канцелярій. Легко представить себѣ, какой крупный ущербъ нанесъ Петръ козацкому самоуправленію, которое уже затѣмъ, и при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, не могло возвратиться къ старой нормѣ. Къ тому же не мало пострадала Слободская Украина при Петрѣ и въ экономическомъ отношеніи: азовскіе походы, нашествіе Карла XII съ расквартированіемъ русскихъ войскъ, обязательное участіе въ походѣ на сѣверъ съ ихъ тягостной и непривычной обстановкой—все это составило переломъ въ жизни слободскаго козачества. Съ этихъ поръ исторія Украины Слободской идетъ рука-объ-руку съ исторіей Украины лѣвобережной къ одному общему исходу, съ тѣми же временными ослабленіями въ энергіи движенія, съ тѣми же легкими уклоненіями отъ его прямолинейности.

Царствованіе Анны Іоанновны было для Слободской Украины такъ же тяжело, какъ и для лѣвобережной. Вмѣстѣ съ малорусскими козаками гибли и слободскіе на усиленныхъ работахъ по устройству Украинской линіи между Днѣпромъ и Донцомъ; одинаково участвовали въ походахъ въ Польшу, въ Крымъ, подъ Очаковъ. Но все это отходило на задній планъ передъ тѣмъ ударомъ, какой нанесенъ былъ Слободской Украинѣ такъ называемой реформой Шаховскаго.

Въ 1732 г. была произведена перепись слободскихъ полковъ; одновременно въ г. Сумахъ водворился кн. Шаховской и образовалъ здѣсь „Комиссію Учрежденія Слободскихъ полковъ“ при участіи гвардейскихъ штабъ-офицеровъ; козацкая старшина призывалась въ Комиссію лишь въ затруднительныхъ случаяхъ въ качествѣ экспертовъ. Офиціально обнародованной цѣлью Комиссіи было „охранять вѣрныхъ подданныхъ отъ непорядковъ и всѣ происшедшіе непорядки исправить“; но, конечно, больше вѣса лежало въ краткой оговоркѣ указа на счетъ того, чтобы „и Нашъ (т.-е. государственный) высокій интересъ опущенъ не былъ“: въ преслѣдованіи государственнаго интереса на счетъ всяческихъ „правъ и вольностей“ Анна шла по слѣдамъ своего дяди.

Реформа, произведенная Шаховскимъ и его Комиссіей, не ограничивала козацкаго самоуправленія и не упраздняла его, а дробила данную обществен-

ную форму, представлявшую извѣстную законность, въ куски и изъ получившагося мусора стремилась вылѣпить нѣчто по образу и подобію разрушеннаго, но приспособленное къ инымъ, внѣ стоящимъ, цѣлямъ.

Главное управленіе краемъ принадлежало теперь канцеляріи Комиссіи Учрежденія Слободскихъ полковъ. Она должна была вводить новый порядокъ, быть высшей судебной инстанціей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, состоять органомъ финансоваго управленія: населеніе было обложено поголовной податью въ размѣрѣ 21 коп. съ души мужскаго пола. Выборные козаки всѣхъ пяти полковъ составили одинъ полкъ драгунскій, который состоялъ подъ управленіемъ русскихъ офицеровъ. Остальные козаки и подпомощники, не вошедшіе въ драгунскій полкъ и не назначенные для его будущаго укомплектованія, а также всѣ козацкіе подсусѣдки и захребетники, были раздѣлены на дворы по 50 душъ въ каждомъ, и на каждый такой „присяжный“ дворъ была положена одна порція и двѣ раціи, что составляла въ переводѣ на деньги около 9½ рублей. Эти дворы раздавались вмѣсто жалованья русскимъ офицерамъ и козацкой старшинѣ, приравненной къ нимъ чинами: конечно, члены этихъ дворовъ должны были состоять „въ подданствѣ“ у своего начальства „и всякія работы по примѣру крестьянъ несть“, т.-е.нежданно-негаданно попадали въ крѣпостную зависимость. Во главѣ каждаго полка стояла теперь полковая канцелярія, въ которой засѣдала полковая старшина; канцеляріи эти имѣли значеніе по преимуществу судебныхъ мѣстъ, но должны были судить не по козацкимъ обыклостямъ, а лишь по Уложенію и указамъ. Стариное право черкасъ на вольную заимку земель и угодій было уничтожено. Вотъ въ общихъ чертахъ реформа князя Шаховскаго, которая все перевернула въ козацкомъ строѣ Слободской Украины. Недовольство было общее и крайнее. Слобожане кидали насиженныя мѣста и бѣжали за Донъ и куда глаза глядятъ; вслѣдъ имъ летѣли строгіе указы о сыскѣ и возвращеніи. Канцелярія Комиссіи подняла дѣло о государственномъ преступленіи, содержаніемъ котораго было разглашеніе о раскассированіи драгунскаго полка; къ дѣлу этому Комиссія привлекла козацкую старшину и обывателей со всѣхъ концовъ края. Разслѣдованіе, служившее для канцеляріи чувствительнымъ источникомъ доходовъ, было прекращено только Елизаветой.

Императрица эта и на малороссовъ слободскихъ распространила то расположеніе, выраженіями котораго она осыпала малороссовъ лѣвобережныхъ. Она уничтожила нововведеніе князя Шаховскаго и возвратила полкамъ ихъ прежнее устройство. Но сила вещей брала свое, и прежнее оказывалось все-таки не совсѣмъ прежнимъ. Подушная подать, которою было обложено населеніе, не была отмѣнена, а шла на содержаніе русскихъ войскъ, расквартированныхъ въ краѣ, и, конечно, это не было единственнымъ ограниченіемъ козацкихъ правъ и вольностей, какое оставила послѣ себя произведенная ломка.

Въ концѣ царствованія Елизаветы былъ устроенъ изъ козачьихъ подпомощниковъ гусарскій полкъ, и на содержаніе его населеніе было обложено новою податью. Затѣмъ, кромѣ участія въ военныхъ походахъ и охраны украинской линіи, на обязанность слободскихъ полковъ возложено было прикрытіе

вновь формирующейся Славяносербіи. Командировки для этого прикрытія, сами по себѣ не особенно затруднительныя, пріобрѣли чрезвычайно тягостный характеръ въ силу отношенія сербскихъ офицеровъ къ слободскимъ козакамъ: пользуясь превосходствомъ силъ, сербы захватывали козаковъ и распоряжались какъ своими батраками для всякаго рода черныхъ работъ.

Однако, всѣмъ этимъ въ совокупности еще не объясняется то недовольство и жалобы на „народныя изнеможенія", которыя слышатся въ Слободской Украинѣ конца царствованія Елизаветы. Чтобы правильно понять ихъ, надо имѣть въ виду тотъ процессъ внутренняго, соціальнаго, разложенія, который происходилъ здѣсь совершенно аналогично тому, какъ онъ происходилъ въ Украинѣ лѣвобережной. Болѣе тѣсная зависимость отъ государства и близость съ населеніемъ великорусскимъ, всюду въ обиліи вкрапленнымъ среди малороссовъ, способствовали тому, что разложеніе козацкаго общества на привилегированныхъ и не-привилегированныхъ и обращеніе послѣднихъ въ крѣпостную зависимость отъ первыхъ совершалось здѣсь быстрѣе, легче, такъ сказать незамѣтнѣе, чѣмъ въ Малороссіи. Однако, дѣло не могло обойтись безъ недовольства, глухого броженія, протеста, который, случалось, принималъ и активныя формы. Но, какъ бы то ни было, къ тому времени, какъ выступила со своею реформаторскою дѣятельностью Екатерина, почва оказалась и здѣсь уже вполнѣ подготовленной.

Екатерина приступила къ реформѣ слободскихъ полковъ въ духѣ общерусскихъ государственныхъ учрежденій почти сейчасъ же по вступленіи своемъ на престолъ: эта реформа послужила для нея какъ бы подготовкой къ аналогичной, лишь болѣе широкой, болѣе трудной, реформѣ Гетманщины. Уже въ 1765 г. подготовительныя работы были закончены, и на свѣтъ явилась Слободско-украинская губернія, включавшая всѣ пять полковъ, обращенныхъ въ провинціи, съ губернскимъ городомъ Харьковомъ во главѣ. Центральнымъ органомъ для управленія губерніей была губернская канцелярія, для провинцій—провинціальныя канцеляріи. Введеніе новыхъ порядковъ поручено было Щербинину, хорошо знакомому со Слободской Украиной и ея строемъ: онъ обнаружилъ въ порученномъ ему трудномъ дѣлѣ много осторожности и осмотрительности, но, конечно, нельзя было произвести незамѣтно такую рѣшительную ломку. Выборные козаки обратились въ регулярное войско, въ гусары, всѣ остальные члены козацкаго сословія, т.-е. подпомощники и подсосѣдки, переходили въ податное состояніе подъ именемъ войсковыхъ обывателей. Отъ всѣхъ старыхъ козацкихъ правъ и вольностей осталось одно только право винокуренія, которымъ продолжали съ извѣстнымъ ограниченіемъ пользоваться слобожане; право словеснаго суда по мѣстнымъ обычаямъ ограничено было только мелкими тяжебными дѣлами. Податное населеніе было обложено 95 коп. съ души съ тѣхъ, кто пользовался правомъ винокуренія, и 85 коп. безъ этого права: впрочемъ, населенію предоставлялось самому раскладывать эту подать не по душамъ, а по имуществу—способъ, болѣе соотвѣтствовавшій мѣстнымъ понятіямъ и привычкамъ.

Какъ ни мягко проводились реформы, какъ ни отвыкло слободское насе-

леніе смотрѣть на себя какъ на „иноземцевъ" по отношенію къ русскому государству—взглядъ, который еще высказывался въ началѣ XVIII в.,— но оппозиція чувствовалась всюду. Ко вновь испеченнымъ гусарамъ остальное населеніе относилось какъ къ чему-то совсѣмъ чуждому и даже враждебному; взысканіе податей возбуждало не только неудовольствія и недоразумѣнія, но случалось, и настоящія волненія, которыя приходилось усмирять вмѣшательствомъ военной силы; мѣстная козацкая старшина не только не кидалась на предлагаемые ей чины—какъ это дѣлала позже умудренная опытомъ старшина лѣвобережная,—но выказывала къ нимъ равнодушіе, если не пренебреженіе. Среди этой же, слободской, старшины проявились нѣкоторые слабые слѣды и сознательной оппозиціи вводимымъ порядкамъ; о ней свидѣтельствуетъ дѣло изюмскаго полковника Краснокутскаго. Краснокутскій проживалъ по своимъ дѣламъ въ Петербургѣ и, зная о замышлявшихся реформахъ, посылалъ письма на родину, убѣждая старшину горячо, „съ употребленіемъ слезъ", „пріять бодрость и смѣлость" и выслать депутатовъ хлопотать о томъ, чтобы все было по-старому, на основаніи старыхъ правъ; буде же не вышлютъ, то „пущай Богъ взыщетъ слезы бѣднаго народа на нашихъ; ибо старшиновать умѣли, а при худомъ случаѣ и перстомъ двинуть не хотятъ". Письма эти получили нѣкоторое распространеніе въ Слободской Украинѣ, читались, переписывались, излагались въ „иныхъ терминахъ" и циркулировали по мѣстнымъ канцеляріямъ и ратушамъ Харьковскаго и Изюмскаго полковъ въ качествѣ документа „для народнаго объявленія". Дѣло дошло до Харькова и здѣсь получило свое офиціальное опредѣленіе подъ названіемъ „разгласительныхъ и вымышленныхъ къ народному возмущенію писемъ". Краснокутскій, вслѣдствіе своей старости, былъ, милостиво, лишенъ чиновъ и сосланъ въ Казань; другія лица, обличенныя въ распространеніи писемъ, подверглись публичному наказанію плетьми и палками. Итакъ слободское козачество перестало существовать еще раньше запорожскаго и лѣвобережнаго.

Послѣ разоренія Сѣчи часть запорожцевъ, какъ сказано выше, сбѣжала въ Турцію, часть разбрелась и осѣла среди украинскаго населенія, остальные обратились въ пикинеровъ: пикинерскіе полки набирались изъ охочихъ людей для охраны образовавшейся съ 1764 г. Новороссійской губерніи, въ составъ которой вошла, кромѣ поселеній Новой Сербіи и земель украинской линіи, еще и порядочная часть Гетманщины, ея сотни по Орели, Ворсклѣ и частью Днѣпру. Но разсѣявшіеся запорожцы оставили послѣ себя пустое мѣсто, появленіе котораго давало себя чувствовать. Южная граница Русскаго государства сдѣлалась еще болѣе открытой, слѣдовательно, болѣе доступной нападенію, менѣе защищенной; „греческій прожектъ" Потемкина крайне нуждался для своего осуществленія въ такой боевой силѣ, какъ уничтоженное козачество. И вотъ не успѣли запорожцы приспособиться къ новымъ условіямъ жизни, какъ ихъ снова начали скликать въ козацкое войско: русское правительство задумало возстановить козачество, конечно, теперь уже лишенное политическихъ правъ.

Запорожцы, убѣжавшіе въ Турцію, не отозвались на амнистію и не вернулись, но оставшіеся въ русскихъ предѣлахъ охотно откликнулись на призывъ

своихъ бывшихъ старшинъ Бѣлаго, Головатаго, Чепѣги, которымъ Потемкинъ поручилъ новую организацію. Въ 1787 г. изданъ былъ именной указъ, которымъ возрождалось запорожское козачество подъ именемъ „вѣрныхъ“ или „черноморскихъ“ козаковъ: тотчасъ же по своемъ возстановленіи козаки, раздѣленные на конныхъ, сухопутныхъ, и пѣшихъ, морскихъ, оказали важныя услуги Русскому государству въ войнѣ съ Турціей. Они разсчитывали получить для поселенія, согласно сдѣланному имъ обѣщанію, вновь отвоеванную Очаковскую область и уже расположились-было селеніями и хуторами [они заняли опустѣвшія села выселившихся молдаванъ] по низовьямъ и рыболовнымъ лиманамъ Днѣстра и Буга, на Тилигулѣ, Березани въ сосѣдствѣ съ такъ называемыми бужскими козаками *): немногочисленное бужское козачество былъ сбродъ людей разныхъ національностей, поселенный за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ по правому берегу Буга, на территоріи Вознесенска, для защиты пограничной линіи. Но правительство не сочло возможнымъ оставить здѣсь черноморцевъ по причинѣ ли политическихъ соображеній, или просто подъ давленіемъ такого факта, что на ихъ богатыя земли были притязанія со стороны вліятельныхъ людей.

Уже въ 1788 году „вѣрные“ козаки были поражены вѣстью, что правительство желаетъ ихъ выселить на Таманскій полуостровъ. Конечно, они могли разсчитывать, что ихъ не стѣснятъ одной Фанагоріей, а позволятъ пользоваться и „окрестностями оной“, т.-е. всѣмъ прикубанскимъ краемъ, только-что отошедшимъ къ Россіи вмѣстѣ съ Крымомъ,—на эти еще неизвѣстныя, дикія и опасныя, мѣста у нихъ не могло быть пока конкурентовъ,—но все-таки переселеніе представлялось крайне тягостнымъ. Пришлось кидать мѣста близко знакомыя, почти родныя, съ устроенной уже осѣдлостью и хозяйствомъ, для того, чтобы на-ново обживать пустыню съ нездоровымъ климатомъ, съ опаснымъ сосѣдствомъ, которое готово было слѣдить изъ-за Кубани за каждымъ шагомъ пришельцевъ, видя въ нихъ опасныхъ и непримиримыхъ враговъ. Но ни о какомъ сопротивленіи не могло быть и рѣчи: въ 1792—94 гг. черноморцы переселились на отведенныя имъ мѣста и заняли, кромѣ приморской территоріи, также и прикубанскій край до сліянія Кубани съ Лабой. Мѣстность была удобная для поселенія—съ старой запорожской точки зрѣнія: здѣсь были въ изобиліи и богатыя рыболовныя угодья, и соляные промыслы, и лѣсъ, и степныя равнины. Но все-таки козакамъ пришлось сильно бѣдствовать первые годы. Однако, благодаря тому, что они сейчасъ же примѣнили къ своему общественному устройству принципы самоуправленія въ той ихъ традиціонной формѣ, какая была выработана запорожскимъ товариствомъ, они кое-какъ справились съ трудностями. Войсковой судья Головатый, отправленный во главѣ депутаціи въ Петербургъ хлопотать о правахъ переселяемыхъ козаковъ, какъ-то сумѣлъ отстоять козацкую автономію въ нѣкоторыхъ существенныхъ ея пунктахъ. Впрочемъ, можетъ-быть, государство на первое время и не хотѣло наклады-

---

*) Они образовали здѣсь три паланки: Кинбурнскую, Поднѣстрянскую и Березанскую.

вать свою властную руку на внутреннее устройство козаковъ, обезпечивъ себѣ лишь верховный надзоръ: слишкомъ важно было, чтобы они были довольны новымъ мѣстомъ и приспособились къ своей новой обязанности пограничной сторожи отъ закубанскихъ горцевъ—натухайцевъ, шапсуговъ, абасеговъ и пр. Основанія, на какихъ держалось общественное устройство кубанскихъ козаковъ первое время ихъ существованія, изложены въ одномъ документѣ 1794 г., который называется: „Порядокъ общественной пользы". Войсковое правительство, по этому документу, состояло изъ кошевого атамана, войсковыхъ судей и писаря, которые выбирались на войсковой радѣ, но утверждались изъ Петербурга. Это войсковое правительство и было государственнымъ органомъ для верховнаго управленія войскомъ. Кубанское войско дѣлилось такъ же, какъ и запорожское, на сорокъ куреней, даже съ тѣми же старыми запорожскими названіями, и каждому куреню принадлежало широкое право самоуправленія. Сорокъ куреней имѣли свои центральные пункты въ войсковомъ кошѣ, т.-е. въ городѣ Екатеринодарѣ; но екатеринодарскіе курени служили лишь „ради собранія войска и прибѣжища бездомовныхъ козаковъ". Козаки семейные жили въ „куренныхъ селеніяхъ", „гдѣ какому куреню по жребію принадлежать будетъ". Такой же порядокъ былъ и въ Запорожской Сѣчи, по крайней мѣрѣ, въ послѣдній періодъ ея существованія, съ той разницей, что „бездомовные" имѣли тамъ преобладаніе надъ домовными, между тѣмъ какъ въ Кубанскомъ войскѣ было обратное. Курень избиралъ ежегодно куренного атамана, которому вмѣстѣ съ товариствомъ принадлежала не только административная, но въ извѣстныхъ предѣлахъ и судебная власть надъ козаками своего куреня. Въ видахъ охраны порядка и безопасности, кубанская территорія дѣлилась, какъ и запорожская, на пять округовъ или паланокъ, управлявшихся своимъ окружнымъ начальствомъ, которое состояло изъ полковника, писаря, есаула и хорунжаго: лица эти ежегодно назначались войсковымъ правительствомъ.

Изъ всего этого видно, что кубанское войско воспроизводило, конечно, въ стѣсненномъ и урѣзанномъ видѣ, схему общественнаго строя, выработаннаго Запорожьемъ.

Отчасти продолжался преданіемъ и духъ старыхъ общественныхъ отношеній: почти до половины XIX в. кубанское козачество жило и управлялось обычаемъ, по крайней мѣрѣ, внутри куренного товариства. Но простота запорожскаго строя не могла удержаться въ кубанскомъ войскѣ: несмѣняемая войсковая старшина тотчасъ же дала привилегированный отслой, и такимъ образомъ дворянство зародилось вмѣстѣ съ возникновеніемъ войска. Жизнь новаго общества сразу попала въ такія противорѣчія, которыя неизбѣжно должны были обратить козацкій общественный строй въ мертвую форму. Однако, и эта мертвая форма все-таки препятствовала развитію на Кубани крѣпостного права, и малорусскіе крѣпаки бѣжали сюда и находили гостепріимный пріютъ, несмотря на указы и иныя запретительныя распоряженія центральной власти. Кубанцамъ слишкомъ нужны были люди: ихъ всего пришло на Кубань, полноправныхъ козаковъ, съ небольшимъ двадцать тысячъ, расположившихся на пространствѣ около 30000 кв. в. Эти малыя силы истощались

въ постоянныхъ стычкахъ съ закубанскими горцами, въ походахъ, куда ихъ требовало правительство, особенно во время войны съ Персіей и Турціей, истощались до такой степени, что вся нелегкая борьба съ природой, дѣятельность хозяйственная, сбрасывалась на руки женщинъ, дѣтей и стариковъ. Правительство само признавало всю тягость ихъ положенія и, противодѣйствуя бѣгству крестьянъ на Кубань, покровительствовало переселенію малорусскихъ и слободскихъ козаковъ: по его собственной инціативѣ произведено было въ 1808 и 20 гг. два крупныхъ переселенія изъ Полтавской и Черниговской губ., давшихъ кубанскому войску около пятидесяти тысячъ козаковъ съ семействами: для переселенія выбирались предпочтительно тѣ семейства, гдѣ было болѣе незамужнихъ женщинъ, такъ какъ Черноморье страдало отъ несоотвѣтствія числа мужчинъ съ числомъ женщинъ.

Вся короткая внутренняя исторія кубанскаго козацкаго войска, которая представляетъ періодъ времени не больше пятидесяти лѣтъ *), есть исторія ограничительныхъ мѣръ по отношенію къ козацкому самоуправленію. Ограниченія начались съ царствованія Павла, послѣ того какъ въ войскѣ открылся мятежъ: бунтовщики хотѣли, отчасти путемъ насильственныхъ дѣйствій по отношенію къ мѣстному своему начальству, отчасти путемъ обращенія къ верховной власти, добиться полнаго возстановленія запорожскихъ порядковъ. Съ тѣхъ поръ кошевые атаманы уже не были выборными, а прямо назначались Петербургомъ; за мятежъ Павелъ лишилъ кубанцевъ названія „вѣрныхъ", а, вмѣстѣ съ тѣмъ, велѣлъ вывести изъ употребленія нѣкоторыя старыя названія лицъ и учрежденій, связывавшія черноморское войско съ Запорожской Сѣчью: уничтожилъ званія войсковыхъ судей и писаря, а „войсковое правительство" обратилъ въ „войсковую канцелярію", къ которой придалъ „особу" по назначенію отъ правительства; войско раздѣлилъ въ военномъ отношеніи на 20 полковъ. Александръ I отмѣнилъ нѣкоторыя изъ распоряженій своего отца; но дѣленіе на полки осталось. Оно легло въ основаніе дальнѣйшихъ измѣненій и сдѣлалось для кубанскаго войска какъ бы исторической зарубкой: „до полковъ", „послѣ полковъ"—двѣ эпохи короткой исторіи кубанскаго козачества. Главнѣйшее ограниченіе, истекавшее отъ правительства Александра I, было подчиненіе кубанцевъ администраціи Таврической губерніи.

Однако, какъ ни были значительны эти ограниченія, они почти не затрагивали той основной общественной клѣточки, какую представлялъ собою курень. Окончательныя преобразованія, которыя не обошли и этой основной клѣточки, имѣли мѣсто лишь при императорѣ Николаѣ I. Въ это царствованіе былъ опредѣленно выдвинутъ принципъ, что „для блага имперіи, сохраняющей цѣлость и могущественное величіе свое подъ благотворною сѣнью самодержавія, не должны быть терпимы въ оной отдѣльныя самостоятельныя части или федеральныя соединенія провинцій на особыхъ правахъ". Возможное объединеніе Кубанскаго войска съ имперіей создано было положеніемъ 1842 года,

*) Отъ 1792—4 гг., т.-е. переселенія черноморцевъ на Кубань, до 1842 г., до изданія „Положенія о Черноморскомъ войскѣ".

гдѣ вмѣстѣ съ цѣлымъ рядомъ новыхъ учрежденій, сближавшимъ войсковое управленіе съ общерусскимъ строемъ, былъ и курень преобразованъ въ станицу, отличавшуюся отъ общерусской волости лишь своимъ всесословнымъ характеромъ.

Также пятьдесятъ лѣтъ существовала и Сѣчь-Задунайская, другой еще болѣе прямой отпрыскъ стараго Запорожья, ближе и полнѣе сохранившій старыя традиціи, чѣмъ Черноморье.

Итакъ, часть запорожцевъ, послѣ разоренія Сѣчи, „посідала на лодочки, та и махнули за Дунай", полагая, что „добре буде запорожцамъ и підъ туркомъ житы"; есть основаніе думать, что переселеніе совершилось не сразу, какъ описываютъ народныя пѣсни и преданія, а въ нѣсколько пріемовъ. Но потому ли, что турецкое правительство не обнаружило достаточно гостепріимства или просто потому, что всѣ удобныя, по запорожскимъ привычкамъ, мѣста для поселенія по устьямъ Дуная уже были заняты некрасовцами *)—только запорожцы не задерживаются въ Турціи, а въ 1785—8 гг. переселяются въ предѣлы Австріи. Правительство Іосифа II отвело имъ землю на такъ называемой Военной границѣ, устроенной для защиты отъ нападеній со стороны Турціи въ Банатѣ и комитатѣ Бачскомъ, при впаденіи въ Дунай Тиссы. Но, повидимому, козаки не могли приспособиться къ австрійскому режиму, и скоро мы ихъ видимъ снова въ турецкихъ предѣлахъ. Они селятся на Дунаѣ въ Сейменахъ, между Силистріей и Гирсовой; отсюда они должны были ходить для рыбныхъ промысловъ на гирла Дуная, по преимуществу на Килійское, и къ морю. Естественно, что они не могли считать Сеймены желаннымъ пунктомъ для прочной осѣдлости и потому даже не устраивали здѣсь настоящей Сѣчи. Они стремились къ дельтѣ Дуная, которая уже была давно захвачена и до извѣстной степени культивирована некрасовцами или липованами. Индифферентизмъ турецкаго правительства манилъ козаковъ возможностью управиться съ липованами собственными силами, и они воспользовались этою возможностью. Въ 1812—15 гг. открылась между запорожцами и некрасовцами настоящая война со всѣми ужасами ожесточеннаго взаимнаго истребленія. Козаки были сильнѣе. Сначала они утвердились въ Катирлезѣ, рыболовномъ становищѣ въ углу при впаденіи Георгіевскаго гирла Дуная въ Черное море, и предполагали-было даже устроить здѣсь Сѣчь. Но пунктъ этотъ, какъ и вся вообще дунайская дельта, былъ лишенъ удобной, въ сельскохозяйственномъ смыслѣ, земли, и запорожцы съ завистью смотрѣли на главный населенный пунктъ липованъ при Дунавцѣ, соединявшемъ Георгіевское гирло съ Разинскимъ лиманомъ. Мѣстность с. Дунавца представляла, съ запорожской точки зрѣнія, огромныя преимущества: очень удобная въ промысловомъ отношеніи, она имѣетъ достаточно земли не только для поселенія, но и для хозяйства. Отнять или не отнять у некрасовцевъ Дунавецъ значило для запорожцевъ жить или не жить на устьяхъ Дуная. Но такъ же дѣло стояло и для самихъ некрасовцевъ; и вотъ, когда запорожцы, послѣ двухъ лѣтъ ожесточенной борьбы, овладѣли-таки Дунавцемъ,

*) Раскольниками, вышедшими съ Дона.

ихъ враги совсѣмъ покинули Дунай и выселились въ Малую Азію. Такимъ образомъ, козаки остались полными господами Дунайской дельты.

Дунавецъ, или Большіе Дунавцы, и есть именно настоящее мѣсто Задунайской Сѣчи. Никакихъ укрѣпленій, кромѣ невысокаго вала и сухого рва, въ Сѣчи этой не было, но отдѣленная плетнемъ паланка для кошевого, церковь и сорокъ куреней все-таки воспроизводили внѣшній обликъ днѣпровской Сѣчи. Въ куреняхъ жили неженатые козаки, и, вообще, согласно старымъ традиціямъ, въ Сѣчь запрещенъ былъ входъ женщинамъ; козаки женатые, жившіе въ нѣсколькихъ селеніяхъ, принадлежавшихъ задунайскому товариству, назывались турецкимъ именемъ райи и въ послѣдніе дни существованія Сѣчи пріобрѣли большое вліяніе на дѣла. Въ каждомъ куренѣ считалось по тысячѣ человѣкъ, но, можетъ-быть, эта цифра была только номинальной. Кромѣ традиціонныхъ кошевого, есаула, писаря, куренныхъ атамановъ и пр., въ Задунайской Сѣчи былъ еще драгоманъ, офиціальный переводчикъ, котораго Сѣчь содержала на свой счетъ: кошевой, если даже и зналъ турецкій языкъ, не имѣлъ права объясняться иначе, какъ черезъ драгомана. Выборы на общественныя должности производились также на большой радѣ, которая сбиралась 1-го октября. Управленіе и судъ сохраняли старый запорожскій характеръ: турки не вмѣшивались во внутренній строй сѣчевого товариства. Они не только не требовали отъ козаковъ никакой подати, но выдавали хлѣбное и денежное жалованье по 300 левовъ (170 р.) и по 2000 окъ (око 3 ф.) муки на курень; въ случаѣ военнаго похода козакамъ выдавалось вооруженіе, которое отбиралось назадъ по минованіи надобности: но это не значитъ, чтобы козаки не имѣли права носить оружіе въ мирное время, наоборотъ, они почти всѣ и всегда были вооружены. Земля, отнятая у некрасовцевъ, также была признана владѣніемъ Сѣчи, которымъ она могла распоряжаться по своему усмотрѣнію, даже безъ платежа десятины съ земледѣлія, скотоводства и рыбныхъ ловель по Дунавцу, лиманамъ и плавнямъ вокругъ Сѣчи. Условія мѣстности, согласовавшіяся съ запорожскими привычками, выдвигали рыболовство на первый планъ въ сѣчевомъ хозяйствѣ. Но дѣлежа рыболовныхъ урочищъ—какъ на Днѣпрѣ—здѣсь не происходило: рыба ловилась сообща, главнымъ образомъ, по взморью. Каждый курень имѣлъ два-три и болѣе куренныхъ рыболовныхъ завода; отдѣльные козаки имѣли свои собственные, частные заводы. Несмѣтное обиліе всякой дичи въ Дунайской дельтѣ дѣлало изъ охоты за нею также важную отрасль сѣчевого хозяйства. Продукты рыболовства и охоты находили сбытъ въ Галацѣ и Браиловѣ. Землею также всѣ козаки могли пользоваться свободно, такъ какъ количество ея далеко превосходило потребности. Земледѣліемъ занималась по преимуществу райя; собственнаго скотоводства не было, а пастбища отдавались въ аренду сосѣдямъ. Когда не было работы дома, сѣчевая голота ходила на отхожіе заработки, въ числѣ же этихъ заработковъ стояло, къ сожалѣнію, на первомъ мѣстѣ хожденіе „на добычь", т.-е. на грабежъ, дѣлавшее сосѣдство Сѣчи крайне тягостнымъ какъ ея русскимъ, такъ и турецкимъ сосѣдямъ. Трудно было поддерживать дисциплину въ этомъ крайне разношерстномъ обществѣ: Задунайская Сѣчь по своему территоріальному по-

ложенію была удобнымъ пріютомъ для бѣглаго и бродячаго люда, не уживавшагося подъ государственнымъ режимомъ сосѣднихъ территорій, въ особенности русской. Какъ ни трудна была дорога изъ Украины на Задунайскую Сѣчь, но малорусскіе люди, тѣснимые крѣпостнымъ правомъ, все-таки ее находили: надо сказать, что задунайцы, съ своей стороны, были не прочь выводить къ себѣ родичей, а для этого подсылали на Украину эмиссаровъ, подбиравшихъ и сманивавшихъ молодцовъ, годныхъ для козацкой жизни. Разумѣется, при такихъ условіяхъ пріемъ въ Сѣчь былъ упрощенъ до послѣдней крайности. Вообще можно сказать, что хотя Задунайская Сѣчь и воспроизводила близко внѣшнимъ своимъ складомъ Сѣчь Запорожскую, но все-таки въ ней ясно виденъ упадокъ какъ козацкой организаціи, такъ и военнаго духа. Изъ бѣглаго крѣпака не вырабатывался хорошій козакъ.

Большое число русскихъ бѣглыхъ между задунайцами опредѣлило собой и окончательную судьбу задунайской Сѣчи. Ихъ тянуло назадъ на родину, и кошевой Гладкій, явившійся выразителемъ этого стремленія, повернулъ въ удобный моментъ руль управляемаго имъ маленькаго общества, чтобы вывести его на иной путь. Гладкій былъ человѣкъ съ умомъ и энергіей, направляемыми беззастѣнчивымъ эгоизмомъ. Бѣглецъ изъ русской Украины, явившійся въ Сѣчь, онъ скрылъ отъ задунайцевъ свое прошлое, свое семейное положеніе и добился при посредствѣ райи званія кошевого. Онъ задумалъ воспользоваться властью, чтобы вернуться въ Россію и, вмѣстѣ съ тѣмъ, создать себѣ положеніе. Случай представился: въ 1828 г. открылась война Россіи съ Турціей. Турки всегда пользовались военной службой козаковъ также и противъ единовѣрцевъ-русскихъ и грековъ; объявленъ былъ и теперь фирманъ, призывающій сѣчевиковъ на войну. Конечно, козакамъ, собравшимся и вооруженнымъ, нетрудно было присоединиться къ русскимъ войскамъ, готовымъ вступить на Сѣчевую территорію; но Гладкій зналъ, что дѣло не такъ просто, что значительное большинство козаковъ совсѣмъ не соблазняется этой перспективой. И онъ, не задумываясь надъ неизбѣжными послѣдствіями своихъ дѣйствій, отправилъ на помощь туркамъ, въ Силистрію, значительный отрядъ, куда входили, по преимуществу, козаки, не сочувствовавшіе его планамъ, а самъ, со своими сторонниками въ количествѣ пятисотъ человѣкъ,— подъ видомъ доставки сѣчевыхъ пожитковъ для безопасности въ Адріанополь—переправился черезъ Дунай и явился въ русскій лагерь въ Измаилъ. На Гладкаго посыпались всякія блага, чины, знаки отличія, дворянское достоинство, богатство; но судьба коварно покинутыхъ имъ задунайцевъ была очень печальна. Сѣчь была уничтожена турками, войско раскассировано, много народу какъ изъ козаковъ, такъ и изъ райи, стариковъ, женщинъ, дѣтей, варварски умерщвлено; все, что не успѣло убѣжать въ Россію и уцѣлѣло отъ истребленія, разбѣжалось по Добруджѣ и разсѣялось среди мѣстнаго ея населенія.

Выведенные Гладкимъ козаки съ присоединившимися къ нимъ бѣглецами изъ разоренной Сѣчи составили Дунайское козачье войско, принимавшее дѣятельное участіе въ турецкой войнѣ. Когда окончилась война, наступилъ вопросъ о поселеніи этого люда. Дунайцы стремились къ тому, чтобы присоединиться

къ кубанскому войску, но Гладкій смотрѣлъ на это дѣло съ своей точки зрѣнія: соединеніе лишало его того исключительнаго положенія, которымъ онъ пользовался въ качествѣ атамана своего самостоятельнаго войска. Его стараніями дунайцы получаютъ для поселенія землю на западной сторонѣ Азовскаго моря между Маріуполемъ и Бердянскомъ и называются съ тѣхъ поръ войскомъ азовскимъ.

Азовцы были такъ недовольны этимъ оборотомъ дѣла, что долго не хотѣли обзаводиться прочной осѣдлостью на отведенной имъ территоріи; были даже такіе, что бѣжали назадъ въ Турцію. Въ самомъ дѣлѣ: поселеніе внутри края лишало ихъ возможности развернуть тѣ бытовыя козацкія особенности, которыя оправдывались лишь окраиннымъ положеніемъ и связанной съ нимъ опасностью. Поэтому какъ только азовцы примирились со своимъ положеніемъ и осѣли прочно, они уже не обнаруживали и стремленія къ старой козацкой организаціи, тѣмъ болѣе, что въ ихъ немногочисленный составъ вошли сосѣдніе крестьяне и мѣщане. Съ присоединеніемъ переселенцевъ съ Черниговской губ. азовское войско образовало четыре станицы и одинъ посадъ Петровскій, гдѣ было войсковое управленіе съ наказнымъ атаманомъ во главѣ. Земли азовцамъ было отведено достаточно, и они обратились въ простыхъ сельскихъ обывателей и земледѣльцевъ; но обязанности свои государству они отбывали крейсеровой службой у восточныхъ береговъ Чернаго моря. Однако, мысль о переселеніи на Кубань не оставляла азовцевъ; возвращалось къ ней постоянно и само правительство. Наконецъ, переселеніе состоялось, но состоялось лишь въ началѣ 60-хъ годовъ: азовцы были переселены на Кубань между Анапою и Сухумъ-Кале, переселены не въ полномъ своемъ составѣ, а разрозненными партіями. Въ то же время объявлено было уничтоженіе азовскаго войска, и азовцы обращены въ податное состояніе.

Такъ разошлись въ общей массѣ обитателей Россійской Имперіи остатки оригинальнаго запорожскаго товариства,—разошлось козачество слободское. Но мы еще не знаемъ окончательныхъ судебъ той центральной козацкой массы, на которой сосредоточивается главный интересъ южнорусской исторіи, т.-е. козачества собственно украинскаго или лѣвобережнаго.

Реформы Екатерины II, которыя дали малорусскому обществу иной правовой строй, лишили козачество необходимыхъ условій для самостоятельнаго существованія; въ 1783 году козачьи полки были обращены въ регулярные, т.-е. козачество дѣлалось сословіемъ казенныхъ поселянъ, изъ котораго набирались легкіе кавалерійскіе полки—карабинеры, съ 1777 г. по общимъ правиламъ рекрутскаго набора. Но жизненное явленіе, съ сильнымъ и продолжительнымъ существованіемъ, не можетъ такъ быстро и безслѣдно исчезнуть. До сихъ поръ козаки составляютъ особую группу среди сельскаго люда губерній Полтавской и Черниговской. Но теперь козачество отличается отъ крестьянства развѣ только нѣсколько бо́льшею культурностью и экономическою состоятельностью. Однако, прежде чѣмъ оно окончательно перешло въ свое теперешнее состояніе, оно обнаруживало еще не разъ и послѣ екатерининскихъ реформъ нѣкоторые признаки своей сословной жизненности. Главнѣйшимъ изъ

этихъ признаковъ былъ, конечно, тотъ „воинственный духъ“, на который напиралъ малорусскій генералъ-губернаторъ кн. Репнинъ, когда хлопоталъ о возстановленіи козачества; затѣмъ извѣстная степень самосознанія, которая проявилась, напр., въ 1812 г. при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Извѣстно, какихъ исключительныхъ, по своей тяжести, жертвъ потребовалъ отъ Русскаго государства этотъ памятный годъ. Желая поднять энергію козацкаго населенія, чтобы имѣть военную силу въ возможно бо̀льшемъ числѣ и скорѣе, тогдашній малорусскій генералъ-губернаторъ князь Лобановъ-Ростовскій заявилъ, что онъ выхлопочетъ у Государя не только полное освобожденіе козаковъ отъ рекрутскихъ наборовъ, но и новое устройство, „близко похожее съ древнимъ состояніемъ малорусскихъ воиновъ“. Обѣщаніе это вызвало такіе результаты, какихъ, вѣроятно, не ожидало и само правительство. Козачество быстро сформировало пятнадцать конныхъ полковъ, ставя одного воина съ 25 ревизскихъ душъ или 10 работниковъ; оно снабдило набранныхъ воиновъ лошадьми и сбруей и доставляло имъ провіантъ и фуражъ около двухъ лѣтъ, пополняя въ то же время убыль въ людяхъ, лошадяхъ, вещахъ. Все это представляла собой такую затрату, размѣры которой исчисляются десятками милліоновъ.

Эти жертвы оказались напрасными, такъ какъ по нераспорядительности мѣстнаго начальства козаки даже не попали на театръ военныхъ дѣйствій; но населеніе было разорено и долго не могло оправиться. Правительство не сочло возможнымъ исполнить обѣщаній, данныхъ кн. Лобановымъ-Ростовскимъ. Нѣкоторыя льготы по указу 1816 г., служившія какъ бы залогомъ дальнѣйшихъ преобразованій въ томъ же направленіи, черезъ нѣсколько лѣтъ были отмѣнены, и козачество снова возвращено на общее положеніе казенныхъ поселянъ.

Наступилъ 1830 г.—годъ польскаго возстанія—и принесъ съ собою новый моментъ, благопріятный малорусскому козачеству, которое не могло забыть „неисполненный обѣтъ правительства“. Пораженный неожиданностью и силой возстанія, императоръ Николай I сдѣлалъ запросъ кн. Репнину, какъ малорусскому генералъ-губернатору, на счетъ того—не обнаружитъ ли козачество и теперь готовности на поддержку государству, какъ оно ее обнаружило въ 1812 г.? Кн. Репнинъ былъ горячій приверженецъ идеи возстановленія козацкаго сословія. Обращеніе правительства было для него какъ нельзя болѣе кстати. По инціативѣ Репнина менѣе чѣмъ въ мѣсяцъ Полтавская и Черниговская губерніи выставили восемь конныхъ полковъ, по тысячѣ каждый. Вмѣстѣ съ тѣмъ, изготовленъ былъ генералъ-губернаторомъ и представленъ на Высочайшее усмотрѣніе проектъ „объ обращеніи малорусскихъ козаковъ къ первобытному ихъ состоянію“. Но польское возстаніе было подавлено, а проектъ Репнина отложенъ, какъ несоотвѣтствующій „благу имперіи, въ которой не должны быть терпимы федеральныя соединенія провинцій на особыхъ правахъ“. Во исполненіе обѣщаній правительства даны были козачеству нѣкоторыя временныя облегченія по отбыванію рекрутской повинности, и обнародованъ новый „Уставъ объ управленіи малорусскими козаками“. Уставомъ этимъ козаки выдѣлялись въ особую сословную группу, и для наблюденія за ея интересами устроены главная хозяйственная и попечительныя конторы, которымъ уже

были подчинены козачьи волостныя правленія; но тотчасъ же послѣ своего обнародованія уставъ этотъ былъ подвергнутъ измѣненіямъ, которыя лишали его значенія, приданнаго кн. Репнинымъ, въ смыслѣ охраны самостоятельности козацкаго сословія: съ 1834 г. козаки подчинены общегражданскому управленію.

Въ томъ же 1834 г. былъ удаленъ отъ должности генералъ-губернатора и кн. Репнинъ, навлекшій на себя, своими гуманными заботами о козакахъ и вообще о положеніи низшаго сословія, неопредѣленныя и ничѣмъ не оправдываемыя подозрѣнія въ сепаратизмѣ; настоящей же причиной немилости было, конечно, неудовольствіе мѣстныхъ сильныхъ людей, между которыми на первомъ планѣ стоялъ „болѣе русскій, чѣмъ сами русскіе" кн. Кочубей, интересы которыхъ шли въ разрѣзъ съ защищаемыми кн. Репнинымъ интересами козачества и поспольства.

Если кн. Репнинъ чистокровный русскій вельможа, вполнѣ преданный правительству, могъ быть подвергнутъ такимъ страннымъ подозрѣніямъ, то тѣмъ болѣе должны были казаться подозрительными козаки, которые своимъ усердіемъ и готовностью на жертвы доказывали свои стремленія къ старымъ правамъ и вольностямъ. По отношенію къ нимъ принята была такая мѣра. Когда козаки вернулись изъ польскаго похода, два полка ихъ отправлены были на Кавказъ, но не на Кубань, къ черноморскимъ землякамъ, а на Терекъ, гдѣ издавна жили козаки великорусскіе; отправлены они были подъ предлогомъ войны съ черкесами, но оставлены на мѣстѣ и поселены тамъ по преимуществу во Владикавказскомъ округѣ. Такъ какъ у этихъ козаковъ не было семей, то приказано было набрать въ государственныхъ селеніяхъ Полтавской и Черниговской губ. пятьсотъ дѣвушекъ и отправить ихъ по этапу, чтобъ перевѣнчать съ козаками. Этотъ „дивочій наборъ" происходилъ въ 1832—4 гг.

Очень любопытны тѣ слѣды, какіе оставило козачество въ правобережной Украинѣ среди тамошняго, т.-е. польско-украинскаго, общества. Какъ извѣстно изъ сказаннаго выше, козачество перестало существовать на правобережьѣ, лишь только территорія была снова присоединена къ Польшѣ въ началѣ XVIII в.: правовой строй Польскаго государства исключалъ эту общественную форму. Но традиціонное пристрастіе украинскаго пана къ козакованью, не искорененное всей тяжелой эпопеей козацкихъ войнъ и гайдамацкихъ волненій, нашло себѣ выраженіе въ устройствѣ надворныхъ козацкихъ милицій. По мѣрѣ измѣненія условій милиціонеры превращались въ простую дворовую челядь, козакъ выродился въ „козачка". Но параллельно—и уже не въ сферѣ общественныхъ фактовъ, а въ сферѣ общественныхъ идей и настроеній—совершался иной процессъ, который можетъ послужить интереснымъ матеріаломъ для общественной психологіи. Козачество, отошедши фактически въ область отдаленнаго преданія—и, конечно, съ тѣмъ большей легкостью,—заняло важное мѣсто въ идеологіи польско-украинскаго общества первой половины XIX в. Это явленіе, несмотря на кажущуюся его странность, имѣетъ свои серьезныя основанія.

Русско-польская Украина, въ составѣ земель Кіевской, Волынской и Подольской, по второму отдѣлу отошла къ Русскому государству. Польское общество, т.-е. дворянство, шляхетство, привыкшее къ неограниченной широтѣ въ

пользованіи правами политической свободы, очутилось подъ режимомъ самодержавнаго монархизма. Положимъ, режимъ этотъ не представлялъ пока особенной суровости. Съ 1797 г. и судъ и школы пользовались польскимъ языкомъ, какъ офиціальнымъ языкомъ края; повѣтовые чины избирались самимъ шляхетствомъ. Слѣдовательно, ни шляхетское самоуправленіе, ни вообще польскій элементъ края не могли жаловаться на стѣсненія: не могли въ такой мѣрѣ, что не представляется особенно парадоксальной выказывавшаяся въ печати мысль, что никогда ополяченіе края не шло такъ успѣшно, какъ послѣ присоединенія его къ Россіи. Но память о недавнемъ блестящемъ политическомъ прошломъ была еще столь свѣжа, что шляхта не могла примириться съ своимъ скромнымъ настоящимъ. Однако, поперекъ дороги всякой мечтѣ о возвратѣ этого прошлаго стояла суровая дѣйствительность въ видѣ массы русскаго украинскаго народа, нисколько не расположеннаго къ политическимъ идеаламъ и стремленіямъ своихъ пановъ. Самая необузданная фантазія должна была смириться, очутившись между двумя такими фактами, какъ Русское государство—съ одной стороны, и масса русскаго украинскаго православнаго народа—съ другой. Конечно, могъ быть еще выходъ—во внѣшнихъ политическихъ комбинаціяхъ. Надежда на такой выходъ и мелькнула-было въ образѣ Наполеона. Мечта о возстановленіи Польши путемъ вмѣшательства этого властелина Европы обратилась къ 1810 г. въ полную увѣренность. Когда Наполеонъ вступилъ съ своимъ войскомъ въ предѣлы Россіи, навстрѣчу ему летѣли изъ польской Украины не однѣ лишь тайныя симпатіи и горячія пожеланія удачи: масса шляхетства бѣжала за границу, чтобъ присоединиться къ непріятелю, самыя щедрыя пожертвованія сыпались туда же, постоянно пересылались французамъ извѣстія о движеніяхъ русскихъ, перехватывались русскіе транспорты и т. п.

Не стоитъ распространяться о томъ, чѣмъ кончилась эта наполеоновская эпопея, оставившая въ польско-шляхетскихъ сердцахъ вмѣстѣ съ страстнымъ культомъ великаго человѣка самыя широкія разочарованія. Надеждамъ на внѣшнюю помощь нанесенъ былъ жестокій ударъ. Тѣмъ напряженнѣе стало исканіе выхода на иныхъ путяхъ, лежавшихъ въ сторонѣ отъ внѣшней политики. На помощь явилась всегда готовая къ услугамъ исторія.

Свободное толкованіе историческихъ преданій, свидѣтельствъ и документовъ помогало горячимъ душамъ создать образъ украинскаго козака, преданнаго польскимъ интересамъ. Этотъ фантастическій козакъ представлялъ собою не только боевую силу, столь необходимую для рѣшенія политической задачи въ интересахъ Польши: еще болѣе онъ нуженъ былъ какъ связующее звено между польскимъ шляхтичемъ и украинскимъ хлопомъ. Если до сихъ поръ хлопъ не только отворачивался отъ своего пана въ трудную минуту, но и готовъ былъ схватить его за горло, то впередъ, конечно, онъ пойдетъ за роднымъ ему козакомъ всюду, куда того повлекутъ его польскія симпатіи. Этимъ путемъ упразднялись трудности, въ какихъ очутилось украинское общество. На добрую половину задача рѣшалась сама собой; вся бѣда въ томъ, что рѣшеніе это было совершенно фантастическое. Въ созданіи этого фантастическаго рѣшенія принимала дѣятельное участіе поэзія: такъ называемая украин-

ская школа, которая дала польской литературѣ нѣсколько даровитыхъ представителей, усердно разрабатывала эту тему. Увлекались козакофильствомъ и политическіе дѣятели, особенно среди многочисленной польской эмиграціи, оторванной отъ родной почвы. Были попытки и практическаго его примѣненія: эмиръ Ржевусскій скакалъ на своихъ чудныхъ коняхъ, вывезенныхъ изъ Аравіи, по степямъ Украины во главѣ козацкой дружины, набранной изъ крѣпостныхъ, переряженныхъ по-козацки; Садыкъ-паша, Михаилъ Чайковскій, кликалъ изъ Турціи кличъ, на который сползался сбродъ различныхъ національностей, до еврейской включительно, предназначенный къ формированію козацкихъ полковъ. Пылкія и благородныя сердца, въ родѣ Мицкевича, увлеченныя страстнымъ патріотизмомъ и слѣпою вѣрою, готовы были видѣть во всей этой игрѣ возрожденіе козачества, козачества польскаго, долженствующаго служить связью съ русскимъ народомъ Украины и оплотомъ возстановленія политической самостоятельности Польши. Но фантасмагоріи разлетались, а дѣйствительность все отчетливѣе вырисовывалась въ своихъ рѣзкихъ и жесткихъ очертаніяхъ.

Польское возстаніе 1830—31 гг.отозвалось сильно и на украинской территоріи; всюду шляхта складывалась въ отряды повстанцевъ. Народная масса не шевелилась, но не шевелилась только потому, что такъ хотѣло русское правительство, изъ соображеній ли лойяльности, или изъ страха передъ народнымъ движеніемъ: дай правительство лишь намекъ, и паны еще разъ были бы истреблены своими крѣпостными. Послѣ подавленія возстанія правительство измѣнило политику по отношенію польскаго элемента южнорусской территоріи. Всѣ старыя льготы, какими пользовался польскій языкъ, школа, шляхетское самоуправленіе, были уничтожены. Личность Бибикова, предназначеннаго, въ качествѣ генералъ-губернатора юго-западнаго края, къ водворенію новыхъ порядковъ, придала этимъ порядкамъ ту законченность, которой, конечно, не было бы безъ его энергіи и неукоснительной прямолинейности. Въ 14 лѣтъ своего правленія (1838—52) онъ сдѣлалъ край неузнаваемымъ: революціонные элементы, подготовлявшіе новое возстаніе, были уничтожены, подрѣзаны всѣ мѣстные корни, питавшіе польско-католическую культуру, территорія снова сдѣлалась русской, хотя, конечно, совсѣмъ иначе русской, чѣмъ до своего претворенія въ политическій организмъ Польши. Введеніе инвентарныхъ правилъ, регулировавшихъ отношенія владѣльцевъ къ крѣпостнымъ въ видахъ установленія точныхъ предѣловъ эксплуатаціи крестьянскаго труда, стянуло узелъ, привязывавшій украинскую массу къ Русскому государству; а крестьянская реформа закрѣпила его окончательно. Когда возстаніе 1863 г. достигло юго-западнаго края, и мѣстная шляхта начала волноваться, у крестьянской массы не было иного взгляда на этотъ фактъ, кромѣ того, что паны снова хотятъ обратить народъ въ крѣпаковъ. Изъ этого взгляда вытекало соотвѣтствующее поведеніе. Крестьяне истребляли, гдѣ было возможно, отряды повстанцевъ; а, главное, всюду собирались въ купы, являлись къ владѣльцамъ, связывали ихъ и отвозили въ городъ, къ русскимъ властямъ. Изъ души крестьянскаго хлопа было вытравлено всякое пониманіе и сочувствіе по отношенію къ пану и, конечно, не обраще-

ніемъ къ прошлому, къ козачеству, можно было привести къ взаимному пониманію эти два существа, разъединенныя совокупностью всего, что только способно разъединять людей: національностью, соціальнымъ положеніемъ, религіей. Ко времени послѣдняго польскаго возстанія 1863 г. козакофильство уже исчезло изъ среди украино-польскаго общества, выродившись въ совсѣмъ нелѣпую и безобразную балагульщину *). Въ замѣнъ ему выступило хлопоманство— впрочемъ, очень скромно, съ самымъ малымъ числомъ представителей — которое выдвигало на мѣсто фантастическаго козака реальнаго хлопа, требуя для него отъ шляхетства всей полноты человѣческаго отношенія.

Но въ исторически сложившихся условіяхъ жизни правобережной Украины хлопоманство оказывалось столь же безпочвеннымъ, какъ и козакофильство. Одно, какъ и другое, предполагало въ своей дальнѣйшей практической разработкѣ возрожденіе украинской національности. А для украинскаго шляхетства національность эта, которую оно безслѣдно утратило въ самихъ себѣ и которую въ данный моментъ видѣло лишь погребенной въ соціальныхъ нѣдрахъ хлопской массы,—національность эта не существовала. Украинско-польское общество не могло даже и представить себѣ серьезно, что украинская національность можетъ занять какое-нибудь мѣсто въ ряду прочихъ правоспособныхъ, культурныхъ національностей, къ каковымъ съ справедливой гордостью причисляла себя національность польская. Вопросъ о возрожденіи украинской народности—этотъ щекотливый вопросъ, въ силу тѣхъ осложненій, какими его опутала исторія—выдвинулся впервые не въ Украинѣ правобережной, и даже не въ лѣвобережной, гдѣ для его постановки было гораздо болѣе основанія, а въ Украинѣ Слободской.

Слободская Украина, какъ уже сказано выше, пережила, лишь въ болѣе короткое время и при нѣсколько измѣненныхъ условіяхъ, тотъ же самый соціальный процессъ, какъ и Украина лѣвобережная. Козачество и тутъ и тамъ одинаково утратило въ теченіе XVIII ст. свое старое значеніе центральнаго общественнаго элемента, къ которому все остальное было лишь придаткомъ. На его мѣсто выступило панство, захватившее вмѣстѣ съ землей всю полноту гражданскихъ, если не политическихъ, правъ, панство, которое опиралось на массу безземельнаго и безправнаго „подданства“. Къ концу царствованія Екатерины II новый строй получилъ признаніе и утвержденіе со стороны государства, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и ту законченность формъ, какой онъ былъ лишенъ до тѣхъ поръ. Фактическое панство поставлено было въ положеніе русскаго дворянства, хотя пока еще безъ окончательнаго уравненія съ послѣднимъ въ правахъ, наступившимъ позднѣе; подданство прикрѣплено къ землѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ общественныя учрежденія подведены подъ одинъ типъ русскихъ общегосударственныхъ учрежденій. Такимъ образомъ, девятнадцатый вѣкъ не нашелъ уже существенныхъ отличій между Украиной лѣвобережной и Слобод-

*) Балагульщина состояла въ томъ, что шляхетскіе представители ея, становясь въ оппозицію къ принятой утонченности манеръ, рядились въ народные костюмы, напивались и воспроизводили въ словахъ и дѣйствіяхъ демократичную простоту въ самыхъ грубыхъ и непривлекательныхъ ея проявленіяхъ.

ской. Обѣ онѣ составляли провинціи Россійской имперіи, съ которой сливались всей совокупностью своихъ учрежденій: все это была одна крѣпостная Россія. Подъ покровомъ политической нивелировки укрывалась въ обѣихъ провинціяхъ одна и та же украинская народность, пока еще одинаково живая и жизненная. Стихія этой народности проникала не только крѣпостное подданство, къ которому примыкали остатки козачества, но и населеніе городовъ, т.-е. мѣщанство и купечество, частью духовенство, на которое направлялись особенныя усилія въ видахъ его денаціонализаціи, и, наконецъ, панство, которое само направляло на себя такія же усилія, чтобы возможно ближе подойти къ русскому дворянству. Такъ какъ панство это почти сплошь вышло изъ козацкой старшины, и всѣ его геральдическія притязанія были сплошной выдумкой, чтобы удержать за собой землю и привилегированное положеніе, то понятно, какой интересъ представляло для него отдѣлиться отъ народа культурно—языкомъ, одеждой, обстановкой: „благородный образъ жизни“ (т.-е. отличающійся отъ простонароднаго) былъ однимъ изъ вѣскихъ аргументовъ, которые выдвигались передъ геральдіей ищущими дворянства.

Навстрѣчу стремленіямъ украинскаго высшаго сословія, лѣвобережнаго и слободскаго, къ тому, чтобы отдѣлиться отъ своего народа, шли сознательныя стремленія государства къ культурному ассимилированію южнорусскихъ областей. Элементарная школа, еще недавно столь же необходимая каждой украинской громадѣ, какъ и церковь, съ которой почти составляла одно цѣлое, исчезала; дѣтямъ крѣпаковъ всякая школа была вредной роскошью, панскія дѣти не нуждались больше въ наукѣ „дьяка“, а учились у выписныхъ русскихъ и иностранныхъ учителей; для промежуточныхъ сословій были устроены Екатериной II и Александромъ I „народныя училища“. Средняя школа, представителемъ которой была семинарія, все болѣе и болѣе утрачивала свой старый національный характеръ: на это направлены были дѣятельныя попеченія духовнаго начальства, которое проводило предписываемую ему программу дѣйствій. То же самое происходило и съ высшей школой, которую для лѣвобережной Украины представляла собой Кіевская Академія, для Слободской—Харьковскій Коллегіумъ.

Такимъ образомъ, хотя къ началу XIX ст. стихія украинской народности какъ въ Малороссіи, такъ и въ Слобожанщинѣ, еще жила повсемѣстно въ языкѣ, въ формахъ быта, въ исторической традиціи, но культурный ростъ народности былъ пріостановленъ. Просвѣщеніе сошло со своего стараго естественнаго пути и вступило на новый, искусственно проложенный соединенными усиліями государства и мѣстнаго дворянства, заинтересованнаго въ своемъ объединеніи съ дворянствомъ русскимъ. Тѣмъ самымъ украинская національность, лишенная связей съ общечеловѣческой культурой, была обречена на умираніе. Гибельный процессъ начался и быстро развилъ свою опустошительную силу: въ сторонѣ отъ его разрушительнаго дѣйствія осталась лишь масса крѣпостного люда, который, особенными условіями своего положенія, былъ огражденъ отъ всякихъ постороннихъ вліяній, но зато же и всецѣло лишенъ возможности быть представителемъ національной культуры. И малорусскую на-

родность не спасло бы отъ гибели даже и то, что Котляревскій своей „Энеидой“ (1798 г.) успѣлъ положить талантливое и знаменательное начало малорусской національной литературѣ, въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Дѣлу спасенія украинской народности, ея выведенію на широкую арену общечеловѣческой дѣятельности, общечеловѣческой мысли, общечеловѣческихъ идеаловъ, послужило то же самое просвѣщеніе, которое было для нея въ извѣстномъ отношеніи столь гибельно въ силу своего односторонняго и искусственнаго направленія. Еще въ концѣ XVIII ст. высшій классъ малорусскаго общества обнаруживалъ дѣятельное стремленіе къ тому, чтобъ обзавестись университетомъ. Хлопоты о томъ, чтобы открыть университетъ въ Полтавѣ или Черниговѣ, или даже въ обоихъ этихъ городахъ, возобновлялись неоднократно, но не приводили ни къ какимъ результатамъ; также безплодны были и домогательства слободскаго шляхетства объ университетѣ въ Сумахъ, — Харьковъ, другой большой городъ Слободской территоріи, имѣлъ для высшаго образованія, не только духовенства, но и лицъ свѣтскихъ сословій, Коллегіумъ, основанный епископомъ Епифаніемъ Тихорскимъ еще въ 1726 г. Но въ политику правительства не входило пока заботиться объ устройствѣ „средоточія просвѣщенія полуденной Россіи“; ему представлялось болѣе удобнымъ, чтобъ просвѣщеніе это пользовалось уже существующими въ Великой Россіи средоточіями. Однако, стеченіе историческихъ случайностей дало дѣлу неожиданный оборотъ. Гуманное направленіе первыхъ лѣтъ царствованія Александра I совпало съ тѣмъ обстоятельствомъ, что среди харьковскаго дворянства нашелся очень образованный человѣкъ исключительной энергіи, въ высшей степени заинтересованный въ дѣлѣ мѣстнаго просвѣщенія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, пользовавшійся личной благосклонностью молодого императора. Въ подвижномъ умѣ Каразина,—о которомъ идетъ рѣчь,—сложился широкій, можно сказать, грандіозный планъ новаго университета въ Харьковѣ. Благодаря популярности, которую пріобрѣлъ Каразинъ удачными хлопотами о грамотѣ 1801 г., подтверждающей права и привилегіи слободско-украинскаго дворянства, ему удалось расположить въ пользу своего плана харьковское дворянство и заставить его сдѣлать крупное пожертвованіе. Пришли на помощь будущему университету горожане; оказались иные, случайные, денежные рессурсы. Надо сказать, что это новое, большое и трудное, дѣло созданія южнорусскаго просвѣтительнаго центра встрѣтило въ харьковскомъ обществѣ благодарную и отчасти подготовленную почву: помимо прочихъ благопріятныхъ условій, припомнимъ, что всего лишь нѣсколько лѣтъ прошло со смерти Сковороды, который долгое время жилъ въ Слободской Украинѣ, по преимуществу въ Харьковѣ и его окрестностяхъ, и училъ среди ея населенія всѣхъ слоевъ, представляя собою настоящій „ходячій университетъ“. Новый университетъ въ Харьковѣ — правда, очень суженный противъ первоначальнаго плана и въ программѣ и въ средствахъ—получилъ Высочайшее утвержденіе въ 1804 г. и открытъ въ слѣдующемъ году. Возникшій университетъ выступилъ очень скромно, въ соотвѣтствіе со скромной жизнью тихаго провинціальнаго города, какимъ былъ въ то время Харьковъ; но, тѣмъ не менѣе, онъ сыгралъ видную роль въ

дѣлѣ южнорусскаго просвѣщенія — въ частности, въ томъ, что называется возрожденіемъ украинской народности. Независимо отъ своихъ талантовъ и энергіи профессора университета все-таки создавали среду, которая являлась проводникомъ культурныхъ идей, связывала—плохо ли, хорошо ли—мѣстную непосредственную жизнь съ тѣмъ, что выработывала Западная Европа въ сферѣ науки и философской мысли, въ сферѣ общественныхъ настроеній.

На ряду съ свободомысліемъ вообще, которое имѣло своимъ главнымъ источникомъ Францію, въ Харьковъ рано проникли идеи славянской взаимности или единства, связанныя съ идеей возрожденія отдѣльныхъ славянскихъ народностей. Лишь къ двадцатымъ годамъ XIX в. относится появленіе въ средѣ западныхъ и южныхъ славянъ первыхъ знаменательныхъ трудовъ въ области науки и литературы, имѣвшихъ своимъ непосредственнымъ источникомъ эти идеи, а уже значительно раньше вышеупомянутый Каразинъ представлялъ правительству Александра I свой проектъ всеславянскаго государства; на югѣ существовали масонская ложа „Соединенныхъ славянъ" и затѣмъ также общество того же имени, входившее въ заговоръ декабристовъ. Очевидно, идеи славянскаго возрожденія находили воспріимчивую почву, благодаря тому наглядному пособію, какое заключалось въ самомъ положеніи южнорусской народности. Какъ бы то ни было, уже къ тридцатымъ годамъ XIX столѣтія около харьковскаго университета сложился кружокъ людей, который выступилъ съ сознательною мыслью работать на поприщѣ науки и литературы для возрожденія украинской народности, т.-е., съ одной стороны, для того, чтобъ раскрывать путемъ научнаго труда стихію этой народности, съ другой—путемъ литературнаго творчества на народномъ украинскомъ языкѣ вводить ее въ общую международную культурную связь. Всего десять лѣтъ спустя послѣ открытія университета въ Харьковѣ начинаются попытки періодическихъ изданій—появляется „Украинскій Вѣстникъ", „Украинскій Журналъ", „Харьковскій Демократъ", пока еще не обнаруживающіе опредѣленнаго направленія. Но уже „Украинскій Альманахъ", напечатанный въ 1830 году, ясно отражаетъ на себѣ стремленіе своихъ составителей работать для культурнаго украинскаго возрожденія. Съ тѣмъ же характеромъ является, черезъ годъ, новый альманахъ „Утренняя Звѣзда", а „Украинскій Сборникъ",—который, начиная съ 1835 г., долженъ былъ имѣть характеръ правильнаго періодическаго изданія—былъ уже всецѣло посвященъ украинской народности, и первое произведеніе, которымъ онъ открылся, была „Наталка-Полтавка". Съ такимъ же исключительно малорусскимъ характеромъ являются позже, въ сороковыхъ годахъ, „Снiпъ", изд. Корсуна, частью „Молодикъ", изд. Бецкаго, „Южнорусскій Сборникъ", изд. Метлинскаго. Между 1833 и 1838 годами шло въ Харьковѣ одно научное изданіе, которое очень сильно отразилось на подъемѣ интереса къ изученію украинской народности: подразумѣваемъ „Запорожскую Старину" И. И. Срезневскаго, посвященную думамъ и ихъ историческому объясненію. Срезневскій являлся, вмѣстѣ съ тѣмъ, и главной силой литературныхъ изданій, т.-е. „Украинскихъ Сборника" и „Альманаха". Этотъ юный, въ высшей степени энергичный и даровитый, великоросъ выросъ въ Харьковѣ и страстно полюбилъ свою новую

родину: онъ былъ, несомнѣнно, самымъ выдающимся въ ряду харьковскихъ дѣятелей 30-хъ годовъ; изъ остальныхъ на первомъ планѣ стоитъ Вадимъ Пассекъ. Позже въ сороковыхъ годахъ, когда Срезневскій вернулся изъ-за границы, гдѣ онъ изучалъ славянскія нарѣчія и литературу и занялъ каѳедру въ харьковскомъ университетѣ, онъ своими лекціями также много содѣйствовалъ воспитанію въ учащемся юношествѣ симпатій къ мѣстному и народному элементу въ наукѣ и общественной жизни. Одновременно, и въ томъ же направленіи, работалъ въ университетѣ проф. Метлинскій: далеко уступая Срезневскому какъ ученый и профессоръ, Метлинскій превосходилъ его той настойчивостью, съ какой онъ направлялъ вниманіе юношества именно на украинскую народность и ея изученіе. Самъ украинскій поэтъ и страстный собиратель малорусскихъ пѣсенъ, Метлинскій и своимъ личнымъ примѣромъ указывалъ пути, по которымъ должны были идти его ученики.

Такимъ образомъ, въ харьковскомъ обществѣ, начиная съ двадцатыхъ годовъ, черезъ тридцатые и сороковые, образовалась такая атмосфера, которая направляла вниманіе соприкасающихся съ ней людей на изученіе украинской народности и на духовную работу на почвѣ ея языка и историческаго преданія. Вѣроятно, эта атмосфера заставила даровитаго Гулака-Артемовскаго, послѣ первыхъ его русскихъ литературныхъ опытовъ, обратиться къ малорусскому языку; и, конечно, только она дала намъ Квитку. Совсѣмъ пожилымъ человѣкомъ, русскимъ литераторомъ съ длинной, хотя и не особенно значительной карьерой позади, осмѣлился Квитка, подкрѣпляемый сочувствіемъ мѣстной среды, выступить на новый путь—литературнаго творчества на языкѣ малорусскомъ и, къ счастью, еще успѣлъ дать нѣсколько произведеній непреходящаго значенія. Та же атмосфера, въ центрѣ которой былъ университетъ, успѣла приготовить для будущаго такого важнаго для Украины дѣятеля, какъ Костомаровъ, уже не говоря о многихъ лицахъ меньшихъ размѣровъ и значенія.

А между тѣмъ на южнорусской территоріи возникъ новый просвѣтительный центръ: подразумѣваемъ университетъ кіевскій. Онъ появился на свѣтъ въ 1834 г. по инціативѣ генералъ-губернатора Бибикова и тогдашняго министра народнаго просвѣщенія гр. Уварова. Уже самыя эти имена свидѣтельствуютъ ясно, что онъ возникъ изъ соображеній по преимуществу политическаго характера. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ возстанія 1830—31 г. закрытъ былъ виленскій университетъ и кременецкій лицей, поставленный на такую высоту его основателемъ Тадеушемъ Чацкимъ,—учрежденія польскія. Необходимо было дать что-нибудь въ замѣнъ.

Кіевскому университету вручалась миссія утверждать значеніе Русскаго государства и народности въ обширномъ районѣ юго- и даже сѣверозападнаго края. Конечно, университетъ, какъ университетъ, не могъ ограничить свою дѣятельность офиціальной программой. Просвѣтительный центръ, устроенный на исконной южнорусской территоріи, не могъ не натолкнуться на иныя задачи, стоящія въ сторонѣ отъ требованій офиціальной программы. Уже первый ректоръ университета Максимовичъ, одной стороной своихъ взглядовъ какъ бы совершенно удовлетворявшій офиціальнымъ политическимъ требова-

ніямъ, другой—выдвигалъ нѣчто такое, что, по меньшей мѣрѣ, не вмѣщалось въ програму этихъ требованій. Съ переселеніемъ въ Кіевъ, гдѣ, впрочемъ, онъ оставался недолго, для Максимовича открывается новая сфера литературной и научной дѣятельности, всецѣло посвященная Украинѣ. Еще раньше онъ предпринялъ изданіе „Сборника малороссійскихъ народныхъ пѣсенъ"; теперь онъ вкладываетъ всѣ свои незаурядныя силы въ изученіе исторіи, археологіи, этнографіи, топографіи Украины, ея языка и словеснаго творчества, воплощая въ своемъ лицѣ, по словамъ одного біографа, цѣлое ученое историко-филологическое учрежденіе для изученія Кіевской Руси. Въ то же время онъ издаетъ „Кіевлянинъ" и позже „Украинецъ", первыя научно-литературныя изданія, появившіяся въ Кіевѣ, которыя онъ также посвящаетъ почти исключительному мѣстному изученію. И что еще важнѣе и знаменательнѣе: онъ, ученый по образованію, положенію, личнымъ вкусамъ, составляетъ книги для народа— „Букварь", „Книгу Наума о великомъ Божьемъ мирѣ", и перекладываетъ псалмы на украинскій языкъ. Очевидно, само положеніе украинской народности подсказывало южнорусскимъ дѣятелямъ кое-что такое, до чего сѣвернорусскимъ надо было доходить длиннымъ путемъ накопленія мысли и историческаго опыта.

Конечно, идеи славянской взаимности, единенія, возрожденія проникали въ Кіевъ по тѣмъ же путямъ, какъ и въ Харьковъ. Максимовичъ, еще въ бытность свою въ Москвѣ, былъ горячимъ приверженцемъ этихъ идей, и, безъ сомнѣнія, онъ не оставался въ этомъ отношеніи одинокимъ, когда перенесъ свою дѣятельность на родину, въ Кіевъ. Но на южнорусской почвѣ—въ связи съ ея особенными условіями — идеи эти должны были претерпѣвать такія измѣненія, которыя отклоняли ихъ далеко отъ родственнаго имъ по происхожденію московскаго славянофильства. Жизнь скоро дала любопытный образчикъ этой эволюціи идей. Въ 1846 г. въ Кіевѣ, при участіи профессора мѣстнаго университета, Н. И. Костомарова, устроилось тайное общество или братство, которое избрало своими патронами славянскихъ первоучителей Кирилла и Меѳодія. Кирилло-Меѳодіевское общество было вполнѣ незначительно по своимъ размѣрамъ и вліянію, да и не имѣло оно времени пріобрѣсть ни большихъ размѣровъ, ни замѣтнаго вліянія: уже въ мартѣ слѣдующаго 1847 года всѣ его дѣйствительные члены: Гулакъ, Костомаровъ, Бѣлозерскій, Шевченко, Кулишъ, и нѣкоторые другіе сдѣлались жертвами доноса, были арестованы и подверглись тяжелымъ наказаніямъ, мало соотвѣтствовавшимъ офиціально признанной степени ихъ виновности *). Но болѣе чѣмъ незначительное по внѣшнимъ проявленіямъ своей дѣятельности общество это въ высшей степени любопытно съ другой стороны—со стороны тѣхъ идей, которыя оно собой представляло. На программной канвѣ единенія и возрожденія славянскихъ народностей мысль этихъ южноруссовъ, питавшаяся впечатлѣніями отъ положенія своей родной народности вышила такіе узоры: уничтоженіе крѣпостного права вмѣстѣ съ

*) Въ докладѣ гр. Орлова императору Николаю I Кирилло-Меѳодіевское общество названо „ученымъ бредомъ трехъ молодыхъ людей" (Гулака, Костомарова, Бѣлозерскаго).

упраздненiемъ вообще всякихъ сословныхъ привилегiй и преимуществъ; религiозная свобода и вѣротерпимость; полная свобода мысли, научнаго воспитанiя и печатнаго слова. Общеславянское будущее представлялось этимъ молодымъ украино-славянистамъ лишь въ видѣ обширной федерацiи славянскихъ народностей. По отношенiю къ задачамъ практическимъ ставилось на первомъ планѣ просвѣщенiе украинскаго народа, изданiе для него полезныхъ книгъ, основанiе сельскихъ школъ при содѣйствiи образованныхъ помѣщиковъ. Однимъ словомъ, въ идеалахъ членовъ Кирилло-Меѳодiевскаго братства можно усмотрѣть нѣчто такое, что стоитъ совсѣмъ въ сторонѣ отъ идей панславизма, и на первомъ планѣ, на ряду съ западнымъ или западническимъ либерализмомъ, ясное влiянiе идей христiанскаго соцiализма въ духѣ Ламеннэ. Ученые мечтатели были разсѣяны далеко отъ своей родины, но идеи ихъ остались. На украинской почвѣ эти идеи подверглись новымъ измѣненiямъ. Отъ панславизма остался лишь какъ политическiй идеалъ, федеративный строй, съ равенствомъ всѣхъ входившихъ въ него народностей, съ полнотой гражданскихъ правъ внутри народности; отъ христiанскаго соцiализма—лишь атмосфера гуманности, гдѣ вниманiе привлекается ко всѣмъ труждающимся и обремененнымъ; и, наконецъ, на первомъ планѣ, съ полнымъ господствомъ и преобладанiемъ въ мысляхъ и чувствахъ выступила украинская народность съ ея подавленными исторiей интересами, и требованiями для нея самостоятельнаго культурнаго развитiя, которое обезпечило бы народной массѣ дальнѣйшее участiе въ общечеловѣческой жизни. Конечно, лишь уничтоженiе крѣпостного права сообщило этому построенiю ту необходимую устойчивость, безъ которой оно имѣло бы совершенно утопическiй, безпочвенный характеръ.

Эта новая фаза развитiя руководящихъ идей въ умахъ культурныхъ южнорусскихъ людей носитъ названiе украинскаго народничества или украинофильства. Случайность подарила Украинѣ человѣка, который силой своего генiя вдохнулъ живую душу въ то, что, можетъ-быть, иначе осталось бы мертвою схемой. Незначительный членъ Кирилло-Меѳодiевскаго братства, однако, подвергшiйся такой карѣ, которая превосходила кару всѣхъ остальныхъ его членовъ, человѣкъ этотъ, Тарасъ Шевченко, сыгралъ такую роль въ дѣлѣ возрожденiя украинской народности, какая рѣдко выпадаетъ на долю одного человѣка. Языкъ, на которомъ писалъ Шевченко, не могъ быть языкомъ некультурнымъ или несамостоятельнымъ; историческое преданiе, которое трепетало напряженной жизнью въ его пламенныхъ стихахъ, не могло не находить живыхъ нитей въ душѣ южнорусскаго человѣка; та народная душа, которая сообщала его поэзiи всѣ эти безконечные оттѣнки и переходы чувствъ и мыслей, то глубоко-нѣжныхъ, то утонченно-изящныхъ, то безконечно-скорбныхъ, то потрясающихъ душу мстительнымъ гнѣвомъ, непримиримой ненавистью, — эта душа не могла не быть душой богато одареннаго народа, блестящая будущность котораго не нуждалась въ особыхъ утвержденiяхъ.

Когда освобожденiе крестьянъ расчистило поле для дѣятельности въ пользу народа, тотчасъ же появился литературный органъ, всецѣло посвященный интересамъ украинской народности. Органъ этотъ—„Основа“ (1861—62 гг.); около

него сгруппировались всѣ представители тогдашняго украинофильства. Во главѣ ихъ стояли тѣ же старые члены Кирилло-Меѳодіевскаго общества: Костомаровъ, Шевченко, Кулишъ и Бѣлозерскій, какъ издатель,—все люди, не только выжившіе, но и выстрадавшіе тѣ идеи, съ которыми они теперь являлись. Къ нимъ примкнули молодые украинцы, въ которыхъ было живо національное чувство. Издавалась „Основа" не на югѣ, а въ Петербургѣ: случалось и раньше, что работа для украинской народности шла въ сѣверныхъ центрахъ, — укажемъ хотя бы на примѣръ Бодянскаго, который столько лѣтъ и такъ плодотворно работалъ въ Москвѣ для созиданія южнорусской исторіи *). Въ краткое время своего существованія „Основа" успѣла сдѣлать очень много какъ для уясненія теоретической стороны украинофильства, такъ и его ближайшихъ практическихъ задачъ; кромѣ того, на страницахъ ея появилось, даже и помимо стихотвореній Шевченко, много литературныхъ произведеній, составляющихъ до сихъ поръ украшеніе малорусской литературы. Но реакція въ настроеніи русскаго общества, наступившая съ польскимъ возстаніемъ, отразилась и на „Основѣ", которая прекратила свое существованіе. Съ тѣхъ поръ украинское народничество, когда-то такъ дружно группировавшееся около „Основы", подверглось опять дальнѣйшему развитію, разбившему его на нѣсколько отдѣльныхъ теченій. Но послѣ этого, въ предѣлахъ русской Украины, оно не имѣло уже возможности представить себя и свои взгляды на судъ общественнаго мнѣнія въ какомъ-либо собственномъ періодическомъ изданіи. Такое представительство выпало на долю Галиціи.

Первый раздѣлъ Польши, по которому Галиція отошла къ Австріи (1772 г.), засталъ русскую народность края въ состояніи полнаго пригнетенія: дѣло ея казалось проиграннымъ всецѣло и окончательно. Народная масса находилась въ рабствѣ и не могла проявлять никакой духовной жизни; русское мѣщанство было малочисленно, безправно и безсильно; тѣ единичные представители шляхты русскаго происхожденія, которые не утратили еще русской вѣры, уже не имѣли съ народомъ ничего общаго, кромѣ этой вѣры: ни языка, ни національныхъ традицій или симпатій. Кромѣ того, русская вѣра въ Галиціи была сближена съ католичествомъ своимъ уніатскимъ обрядомъ, такъ что высшее духовенство, выбиравшееся преимущественно изъ монаховъ-базиліанъ, было больше католическимъ, чѣмъ православнымъ; низшее же духовенство—бѣдное и невѣжественное, такъ какъ было лишено всякой поддержки, матеріальной или духовной, со стороны государства—выдѣлялось изъ рядовъ своей крѣпостной паствы лишь тѣмъ, что пользовалось благомъ личной свободы, да и то не вполнѣ: семьи священниковъ не были освобождены отъ панщины юридически, а фактически и сами священники притягивались къ панщинѣ самоуправствомъ шляхты, на которую негдѣ было искать ни суда, ни расправы **). Остатки самостоятельной

---

*) Въ „Чтеніяхъ Москов. Общества Любит. Исторіи и Древностей" за 1846—77 гг. (съ перерывомъ въ 10 лѣтъ) напечатанъ имъ цѣлый рядъ малорусскихъ историческихъ памятниковъ.

**) Только рескриптомъ 1774 года, т.-е. 2 года спустя послѣ присоединенія къ Австріи, были освобождены отъ панщины священники и ихъ семьи.

духовной жизни тлѣли лишь въ Львовскомъ Ставропигiальномъ братствѣ, да въ православномъ Манявскомъ скитѣ; но что могли значить они передъ лицомъ польской культуры, которая заливала край во всѣхъ уголкахъ и во всѣхъ проявленiяхъ его интеллектуальной жизни? Такимъ образомъ, русская народность Галицiи была стиснута тѣсными узами зависимости экономической, правовой, культурной и, казалось, обречена безповоротно на гибель. Но, тѣмъ не менѣе, она не погибла.

Австрiя, получивъ этотъ кусокъ Польши, тотчасъ замѣтила, что здѣсь, рядомъ съ поляками, естественно ей враждебными на первыхъ порахъ, живутъ русскiе, столь же естественно враждебные этимъ ея врагамъ, т.-е. полякамъ. Разумѣется, политическая мудрость должна была воспользоваться положенiемъ, чтобы черезъ покровительство русскимъ ослаблять поляковъ. Кромѣ того, русскiе могли расчитывать въ случаѣ надобности на помощь Россiи, и Австрiи приходилось считаться съ этимъ условiемъ. Однимъ словомъ, присоединенiе къ Австрiи открывало для русской народности нѣкоторыя перспективы, до тѣхъ поръ закрытыя. А личныя свойства наслѣдника Марiи-Терезiи, императора Iосифа II, человѣка просвѣщеннаго и гуманнаго, придали этимъ перспективамъ неожиданный захватъ въ ширину и глубину.

Помимо дипломатическихъ соображенiй, вся дѣятельность Iосифа II, въ ея общемъ направленiи и характерѣ, была въ высшей степени благопрiятна подъему русской народности изъ того приниженiя, въ какомъ она находилась.

Стремясь къ освобожденiю крестьянства отъ крѣпостной зависимости, Iосифъ II издалъ рядъ указовъ, которые значительно измѣнили къ лучшему положенiе русскаго хлопства въ Галицiи: введенiе инвентарей ограничило панщину и, вообще, экономическiй произволъ помѣщика по отношенiю къ крѣпостному; крестьянинъ освобожденъ былъ отъ доминiальнаго (владѣльческаго) суда и подчиненъ общей государственной юрисдикцiи; возвращены были народной массѣ нѣкоторыя важныя личныя права, какъ, напримѣръ, право вступать въ бракъ безъ разрѣшенiя владѣльца, право прiобрѣтенiя въ собственность и передачи по завѣщанiю земельнаго имущества, право приписки къ городскимъ обществамъ и цехамъ, право поступать въ учебныя заведенiя наравнѣ съ лицами другихъ сословiй и пр. Такимъ образомъ, если русскiй хлопъ и не прiобрѣталъ общественной равноправности, то все-таки въ значительной степени освобождался отъ власти своего пана—поляка, а такое измѣненiе общественныхъ отношенiй не могло пройти безслѣдно. Не меньшее значенiе имѣло для галицкой русской народности другая сторона правительственной дѣятельности Iосифа II,—именно то противодѣйствiе, которое онъ направлялъ на католицизмъ и католическое духовенство. Какъ противовѣсъ исключительнымъ притязанiямъ католической религiи, выдвигалось значенiе другихъ вѣроисповѣданiй и, между прочимъ, православнаго въ обоихъ его обрядахъ; предпринятая правительствомъ Iосифа секуляризацiя церковныхъ имуществъ и добытыя такимъ образомъ средства обращены въ просвѣтительный фондъ, которымъ пользовались граждане всѣхъ христiанскихъ вѣроисповѣданiй. Изъ всего этого русская нацiональность Галицiи извлекла для себя огромныя выгоды. Унiатское ду-

ховенство вышло изъ того состоянія приниженности, въ какомъ оно находилось раньше: жалованье отъ государства дало ему извѣстную матеріальную независимость, а просвѣщеніе поставило его въ положеніе духовнаго руководителя своей паствы. По отношенію къ просвѣщенію заботы правительства Іосифа II были особенно замѣтны. Кромѣ семинаріи въ Вѣнѣ, основана была русская семинарія въ Львовѣ съ хорошей библіотекой и большимъ количествомъ казенныхъ стипендій. Затѣмъ открытъ былъ (1784 г.) львовскій университетъ, при которомъ на шести каѳедрахъ богословскаго факультета преподаваніе должно было идти на русскомъ языкѣ. Вслѣдъ за тѣмъ австрійское правительство назначило особые фонды на устройство сельскихъ школъ при церквахъ и на изданіе учебниковъ для этихъ школъ.

Такимъ образомъ, галицко-русская народность однимъ поворотомъ историческаго колеса получила такія благопріятныя условія для своего развитія, о какихъ еще незадолго передъ тѣмъ едва ли смѣла и мечтать. Но она не сумѣла ими воспользоваться. И не мудрено: національное самосознаніе, пригнетенное въ теченіе столѣтій, не могло окрѣпнуть сразу, чтобы возвыситься на степень руководящаго начала общественной жизни. Такъ, напримѣръ, русины не сумѣли извлечь для своей народности ничего изъ законовъ объ языкѣ, этомъ существенномъ содержаніи всякой національности. Для нихъ самихъ такъ же, какъ и для внѣшней имъ среды, русскій языкъ представлялся или въ видѣ языка церковно-славянскаго, языка богослужебныхъ книгъ, т.-е. мертваго, неспособнаго къ развитію, или же въ видѣ языка простонароднаго, „хлопской мовы", на которой было неприлично изъясняться человѣку, стремящемуся къ культурному положенію, къ обособленію отъ хлопской массы. Польская культура, а вмѣстѣ съ нею и польскій языкъ продолжали оставаться для русиновъ единственными проводниками образованности. Всѣ новыя благопріятныя условія послужили лишь къ тому, чтобы расчистить поле борьбы внутри той единственной культурной группы, которая признавала себя за русинскую: началась борьба уніатскаго духовенства съ православнымъ, чернаго съ бѣлымъ.

А между тѣмъ, и внѣшнія условія измѣнились къ худшему. Императоръ Францъ совсѣмъ не былъ намѣренъ идти по стопамъ Іосифа II. Онъ снова заключилъ конкордатъ съ папой и вообще стремился возстановить въ прежней силѣ значеніе католической религіи. По отношенію къ Галиціи эта перемѣна политики имѣла такіе результаты. Католическое духовенство, взявши снова полное преобладаніе надъ духовенствомъ уніатскимъ, воспользовалось своимъ вліяніемъ, чтобы парализовать всѣ просвѣтительныя мѣры Іосифа II въ пользу русинской народности. Русскія каѳедры львовскаго университета были закрыты, а вслѣдъ затѣмъ и самый университетъ перенесенъ въ Краковъ (1805—8 гг.), въ Львовѣ же остался лишь лицей съ богословскимъ факультетомъ, гдѣ преподаваніе велось уже на латинскомъ языкѣ. Когда въ 1817 году началось дѣло преобразованія народныхъ школъ, для этой цѣли была сформирована школьная комиссія, въ составѣ которой, на ряду съ одиннадцатью нѣмецкими членами, входили католическій архіепископъ и уніатскій митрополитъ. Эти духовные представители комиссіи подняли споръ о томъ, на какомъ языкѣ, русскомъ

или польскомъ, должно происходить преподаваніе въ русинскихъ народныхъ школахъ. Комиссія пришла къ заключенію, что польскій языкъ, какъ единственный настоящій языкъ края, долженъ быть принятъ и во всѣхъ народныхъ школахъ; простонародный же, русинскій, языкъ, который представляетъ не что иное, какъ отклоненіе того же польскаго языка, не можетъ быть допущенъ въ правительственныя школы, гдѣ могутъ учиться и дѣти лицъ высшихъ сословій, для которыхъ было бы оскорбительно обучаться на мужицкомъ жаргонѣ. По отношенію же къ церковно-славянскому языку, необходимому для русиновъ, какъ языку ихъ вѣроисповѣднаго культа, имъ предоставлялось право заводить для обученія этому языку частныя школы, безъ пособія изъ государственныхъ фондовъ. Такимъ образомъ, снова нанесенъ былъ тяжелый ударъ дѣлу возрожденія галицко-русской народности.

Какъ это ни странно на первый взглядъ, но, тѣмъ не менѣе, несомнѣнно, что просвѣтительныя европейскія вліянія—нѣмецкія на первомъ планѣ—легче проникали въ отдаленную Малороссію и вообще въ Южную Русь, чѣмъ въ сосѣднюю Галицію. Объясняется это соціальнымъ положеніемъ русинской народности. Ея единственной культурной группой, какъ уже сказано выше, было духовенство, а духовенство всюду представляетъ собой среду, плохо проводящую все новое и чуждое. Даже такіе толчки, какъ реформы Іосифа II, не разбудили его отъ вѣковой спячки. Въ то время какъ на Украинѣ уже появился Котляревскій, а вслѣдъ за нимъ Артемовскій-Гулакъ и Квитка, не упоминая о писателяхъ меньшаго таланта и значенія,—въ Галиціи даже передовые люди своей народности съ презрѣніемъ относятся къ простонародному языку, языку „скотопасовъ", по выраженію одного, выдающагося, изъ галицкихъ патріотовъ Зубрицкаго. Но духъ времени, тѣмъ не менѣе, дѣлаетъ свое вѣчное, неотвратимое дѣло. Философскія идеи Гердера, вліяніе нѣмецкаго романтизма съ его тяготѣніемъ къ старинѣ и народности въ поэзіи, не могли не проникнуть и въ галицкое общество при его близкомъ знакомствѣ съ нѣмецкимъ языкомъ, какъ языкомъ его государственности; идеи славянской взаимности и возрожденія завладѣваютъ умами передовыхъ людей славянскихъ народностей, живущихъ въ предѣлахъ той же Австрійской монархіи; польскіе ученые начинаютъ интересоваться галицко-русскимъ народомъ, въ особенности его пѣсеннымъ творчествомъ, и появляется сборникъ пѣсенъ Вацлава Залѣсскаго, въ то время какъ польскіе поэты украинской школы обращаются къ исторіи украинскаго русскаго народа, причемъ Падурра пользуется даже украинскимъ языкомъ, хотя и извращаетъ его на польскій ладъ; наконецъ—и это самое главное,—въ Галицію проникаютъ какими-то путями произведенія русскихъ украинцевъ, и прежде всего „Энеида" Котляревскаго. Польское возстаніе 30-го года, сильно отразившееся въ Галиціи, откуда шла на помощь масса польской молодежи, послужило и для русиновъ тѣмъ толчкомъ, который сообщаетъ творческую работу косной мысли. Революціонное движеніе, всегда столь обаятельное для молодости, захватывало вмѣстѣ съ поляками отчасти и русиновъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, рѣзко выдвигало впередъ вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ народностей, польской и русской, и о дальнѣйшей постановкѣ

стихъ отношеній. Вскорѣ послѣ польскаго возстанія уже начинають обнаруживаться первые ясные слѣды національнаго самосознанія среди галицкихъ русиновъ, — прежде всего среди учащейся молодежи, львовскихъ студентовъ-богослововъ.

Три ласточки, открывшихъ весну возрожденія галицко-русской народности, эта „русская троица"—были Шашкевичъ, Вагилевичъ и Головацкій, причемъ всѣ преимущества талантливости, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, ясности и стойкости убѣжденій находятся на сторонѣ Маркіана Шашкевича. Къ этимъ тремъ присоединились еще студенты и священники, и образовался кружокъ человѣкъ изъ двадцати, рѣшившихся посвятить свою дѣятельность возстановленію народнаго языка въ его естественныхъ правахъ. Первымъ шагомъ въ этомъ направленіи была церковная проповѣдь на „хлопскомъ" языкѣ, несмотря на то, что такое появленіе „хлопскаго" языка на церковномъ амвонѣ производило впечатлѣніе общественнаго скандала. Затѣмъ появился альманахъ „Днѣстровская Русалка" (1837 г.). Этотъ альманахъ, совершенно невинный по существу и посвященный, главнымъ образомъ, народнымъ пѣснямъ, встревожилъ австрійское правительство, не желавшее въ силу своей тогдашней, крайне реакціонной, политики никакихъ проявленій народной жизни, и отмѣтилъ собой начало новой эры въ исторіи Галицкой Руси. Тотчасъ же появились подражанія, частью литературныя, частью научныя, работы этнографическія, касающіяся русской народности, изслѣдованія грамматики мѣстнаго языка.

Однако, движеніе это на первыхъ порахъ не было особенно значительнымъ. Такъ какъ носителемъ народности была лишь народная масса, а масса эта была хлопской, т.-е. неравноправной, неправоспособной и, слѣдовательно, презираемой, то общественная психологія здѣсь, какъ и всюду, не могла выбиться изъ узъ, налагаемыхъ этимъ основнымъ фактомъ. Среди самого духовенства, несмотря на его патріотическое настроеніе, принятымъ языкомъ былъ языкъ господствующаго класса, т.-е. польскій. Проповѣди говорились по-польски; по-польски писались стихотворенія съ патріотическимъ содержаніемъ; церковныя книги печатались латинскимъ шрифтомъ. Крутой поворотъ въ этомъ отношеніи принесъ 1848-й годъ: измѣнивъ существенно положеніе хлопской массы, онъ измѣнилъ и положеніе вопроса о русинской народности въ Галиціи.

Волна революціоннаго движенія потрясла всю западную половину европейскаго материка. Въ Австрійской имперіи движеніе это отозвалось чувствительнѣе, чѣмъ гдѣ-либо: возстала Венгрія, возстали славянскія народности Австріи, подготовленныя предыдущимъ умственнымъ движеніемъ, съ чехами во главѣ, и образовали изъ своихъ представителей общій федеративный сеймъ въ Прагѣ. Правительство поспѣшило навстрѣчу народнымъ требованіямъ. По отношенію къ Галиціи эта поспѣшность была тѣмъ усиленнѣе, что Австрія разсчитывала найти въ русинахъ въ эту трудную минуту противовѣсъ безпокойнымъ полякамъ. Неожиданные дары, захватившіе русиновъ врасплохъ, посыпались на нихъ какъ изъ рога изобилія. Разомъ уничтожено было крѣпостное право въ тѣхъ его остаткахъ, какіе задержались отъ реформъ Іосифа II, и народу Галиціи была дана „конституціонная свобода", т.-е. русская народность одновре-

менно получила полноту не только гражданскихъ, но и политическихъ правъ. Былъ возстановленъ львовскій университетъ, и на каѳедрахъ богословія, русской словесности, русской исторіи вновь началось преподаваніе на русинскомъ языкѣ. Русскій же языкъ былъ введенъ въ семинаріяхъ, духовныхъ училищахъ и даже тѣхъ гимназіяхъ, гдѣ преобладаніе по численности принадлежало русскимъ ученикамъ. Сельскія школы были переданы въ вѣдѣніе уніатскихъ консисторій и этимъ путемъ также превращены въ русскія. Весь этотъ неожиданный поворотъ событій возбуждалъ крайнее негодованіе господствующей національности края—поляковъ. Они готовы были считать начинающееся движеніе выдумкой русиновъ, столкнувшихся съ правительствомъ на зло полякамъ. Они кричали, что русиновъ „выдумалъ" гр. Стадіонъ (губернаторъ края), что если русинская народность и существовала когда-нибудь, то уже давно выродилась и исчезла, что русинскій языкъ есть только нарѣчіе языка польскаго и т. п. Возбуждаемые этимъ противодѣйствіемъ, русины воспользовались предоставленнымъ конституціей правомъ сходокъ и собраній и устроили изъ представителей русинской интеллигенціи „Русскую раду", которая имѣла большое значеніе въ развитіи національнаго самосознанія. Съ „Головной Русской радой", имѣвшей мѣсто въ Львовѣ, находились въ связи тридцать четыре рады, учрежденныя въ менѣе значительныхъ городахъ и селахъ. Члены Головной рады, въ цѣляхъ содѣйствія просвѣщенію и изданія книгъ, созвали „Соборъ русскихъ ученыхъ и любителей просвѣщенія народнаго" и основали „Матицу"—общество для изданія полезныхъ книгъ для народа. Общимъ усиліемъ галицко-русской интеллигенціи, при содѣйствіи правительства, устроенъ былъ Народный домъ, гдѣ помѣщалась русская библіотека, музей, русская книготорговля, народный клубъ. На фонды этого дома содержалась первая галицко-русская газета „Галицкая Зоря". Направленіе этой газеты можетъ служить яснымъ указателемъ того настроенія, которое господствовало въ это время среди галицкихъ русиновъ. Они выставили такую программу, которая долго потомъ была программой передовой части галицко-руской интеллигенціи: прежде всего „добро и счастье народа" въ демократическомъ смыслѣ этого слова, причемъ особенно подчеркивается, какъ первенствующая субстанція этого добра и счастья, права вѣры и религіознаго обряда; затѣмъ „развитіе и поднятіе народности во всѣхъ ея частяхъ": совершенствованіе языка, введеніе его въ школахъ высшихъ и низшихъ, изданіе газетъ и полезныхъ книгъ на народномъ языкѣ, поднятіе галицко-русскаго языка на одинъ уровень съ другими полноправными языками государства и т. д.; наконецъ, охрана конституціонной свободы и правъ и стремленіе искать улучшенія лишь на путяхъ, не выходящихъ за предѣлы этихъ коституціонныхъ правъ. На практикѣ „Галицкая Зоря" не отожествляла народнаго добра съ вопросомъ вѣры и церковнаго обряда, а на понятномъ языкѣ разъясняла народу его конституціонныя права и разныя стороны аграрнаго вопроса, который всталъ теперь передъ галицкимъ народомъ, получившимъ въ надѣлъ землю за выкупъ, равнявшійся трети ея стоимости, но со спорной постановкой сервитутныхъ правъ (правъ пользованія общими угодьями).

Итакъ, „Галицкая Зоря", органъ Львовской или Головной Русской рады,

вполнѣ отражала въ себѣ настроеніе галицко-русскаго общества, неожиданно захваченнаго такимъ исключительнымъ историческимъ моментомъ, какой представлялъ 1848-й годъ. Съ одной стороны, газета эта свидѣтельствуетъ о быстромъ и высокомъ подъемѣ національнаго самосознанія, силой вѣрнаго инстинкта, связавшаго дѣло народности съ дѣломъ народа, съ принципомъ демократическимъ; но, съ другой стороны, она же даетъ доказательства, какъ слабо развиты, мало опытны были русины въ политическомъ отношеніи, какъ неясно пока понимали они основныя задачи своей общественности. Дальнѣйшія событія отчетливѣе обнаружили всѣ эти недостатки галицко-русскаго общества.

Прошло полтора года, и политика австрійскаго правительства сдѣлала крутой поворотъ въ сторону реакціи. Реакція эта захватила и Галицію. Конечно, всегда легче не дать, чѣмъ взять обратно, и пріобрѣтенныя русинами институціи продолжали существовать, служа опорой для дальнѣйшаго развитія въ духѣ національной самостоятельности; но движеніе тормозилось съ разныхъ сторонъ. Вотъ тутъ-то и обнаружили русины указанныя выше отрицательныя стороны своей общественной психологіи. Они раздражали поляковъ неумѣстной заносчивостью, сами шли навстрѣчу реакціоннымъ мѣрамъ австрійской политики, тратили свои и безъ того незначительныя силы на предметы маловажные, въ родѣ „очищенія обряду“ (религіознаго) или употребленія той или иной азбуки, не замѣчая изъ-за этихъ деталей существенной стороны вопросовъ; наконецъ, разбились на партіи, которыя проводили время во взаимной враждѣ и борьбѣ. Характеристика этихъ партій, въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, показываетъ, какъ неясно было еще въ эту эпоху національное самосознаніе русиновъ.

На первомъ планѣ выступаетъ теперь партія лойяльная, или св. Юра, Святоюрская. Ее составляло, главнымъ образомъ, уніатское духовенство, въ особенности высшее, съ митрополитомъ во главѣ. Святоюрская группа по принципу держалась заодно съ правительствомъ и такимъ путемъ захватила въ свои руки болѣе вліятельныя учрежденія, просвѣтительныя и иныя, въ томъ числѣ и Народный домъ. Ставя выше всего интересы уніатскаго обряда, эта партія относилась съ подозрительностью ко всѣмъ проявленіямъ свободной мысли и пользовалась возможностью ихъ преслѣдовать. Остальная часть галицкой интеллигенціи, не раздѣлявшая съ этой ультрамонтанской группой ея исключительныхъ симпатій, разбилась опять-таки на двѣ партіи. Одна изъ нихъ, получившая позже названіе старорусской, установилась на такой точкѣ зрѣнія, что дальнѣйшее развитіе галицкой народности возможно только при содѣйствіи Россіи и черезъ усвоеніе русской культуры и русскаго литературнаго языка. Другая партія полагала, что правильное національное движеніе возможно только на своихъ собственныхъ историческихъ основахъ и путемъ развитія своего собственнаго языка и возведенія его на степень языка культурнаго: партія эта получила названіе народовцевъ. Впрочемъ, выяснили обѣ партіи окончательно свои принципы и программы лишь позже, а пока дѣйствовали ощупью. Первая направила всѣ свои усилія на то, чтобы усвоить общій языкъ русской гражданственности, но она не могла достичь этого, такъ

какъ литературный языкъ слѣдуетъ въ своемъ развитіи за развитіемъ общественной жизни, а галицкая жизнь была слишкомъ не похожа на жизнь Россіи. Въ своемъ стремленіи достичь недостижимаго, галичане этой группы сочиняли смѣшной и нелѣпый искусственный языкъ, который противники не безъ основанія обзывали „язычіемъ", и на этомъ такъ называемомъ „твердомъ языкѣ" писали торжественныя оды, представлявшія, съ точки зрѣнія русскаго литературнаго языка, пародіи на Ломоносова и Державина. Въ то же время обѣ группы тратили свои скудныя силы на смѣшныя мелочи, вели борьбу съ гр. Голуховскимъ, намѣстникомъ Галиціи и представителемъ правительственной реакціи, изъ-за того, употреблять ли кириллицу или такъ называемый гражданскій шрифтъ; враждовали между собой безконечно изъ-за того, какъ слѣдуетъ писать: „русскій" или же „руській", такъ что значеніе буквы „с", удвоенной или просто смягченной, выросло до знамени двухъ партій, раздѣлявшихъ общество.

Но вотъ пришли шестидесятые годы, и опять наступила перемѣна къ лучшему. Неудачи въ Италіи снова повернули Австрію на путь политическаго либерализма, и она опять зажила свободной жизнью конституціоннаго государства. Въ то же время до Галиціи достигла та волна украинскаго литературнаго движенія, которое имѣло свой кульминаціонный пунктъ въ „Основѣ". Особенно сильное значеніе имѣло для галичанъ знакомство съ произведеніями Шевченко. Умственная и общественная жизнь галицкаго общества начала выходить изъ своего прозябанія, и это отразилось съ особенной силой на народовцахъ, молодой русской партіи, или украинофилахъ, какъ еще называли ихъ по терминологіи, заимствованной изъ россійской Украины. Появилось нѣсколько литературныхъ органовъ этого направленія: „Вечерницы", „Мета", „Нива", „Русалка" и т. п. Направленіе это сначала было поверхностнымъ, несоразмѣрно увлекалось декоративной стороной украинской исторіи и народнаго быта, но постепенно пріобрѣтало болѣе глубокій характеръ въ своемъ стремленіи слить развитіе національнаго самосознанія съ реальными интересами народной массы. Конституціонная жизнь открывала широкое поле для развитія практической дѣятельности въ пользу народа—въ отстаиваніи его интересовъ политическимъ путемъ, въ содѣйствіи ему путемъ устройства читаленъ и библіотекъ, обществъ трезвости, вспомогательныхъ кассъ, потребительныхъ товариществъ и т. п. Такимъ образомъ, народовцы все опредѣленнѣе и тверже становились на положеніе политическихъ руководителей народа, развивая въ то же время литературный языкъ на мѣстныхъ народныхъ основахъ. А между тѣмъ произошли нѣкоторыя измѣненія внутри старорусской партіи, или москвофиловъ, какъ ихъ называли противники. Ранѣе они не отдѣляли себя рѣзко отъ партіи народовцевъ: одни и тѣ же лица, случалось, участвовали въ литературныхъ органахъ обѣихъ партій, какъ въ „Правдѣ", такъ и въ „Словѣ", писали, какъ, напр., Гушалевичъ, поэтическія произведенія на языкѣ народномъ, прозаическія на твердомъ и т. п. Но со второй половины 60-хъ годовъ старорусская партія строже устанавливается на своемъ принципѣ единаго общерусскаго народа и единаго языка и находитъ средства расширить свою дѣя-

тельность въ этомъ направленіи, представляя теперь уже рѣшительную оппозицію партіи народовцевъ. Когда молодая партія народовцевъ основала въ 68 г. просвѣтительное общество „Просьвіта", во главѣ котораго стоялъ проф. Огоновскій, вслѣдъ за ней и старая устроила такое же просвѣтительное общество имени М. Качковскаго. Въ рукахъ этой партіи оказались тѣ старыя значительныя учрежденія, которыми распоряжалась раньше партія Святоюрская, какъ-то: Ставропигійскій Институтъ, Народный домъ, Галицко-русская Матица и т. п.; ей принадлежало нѣсколько литературныхъ органовъ, газетъ и журналовъ; въ рядахъ ея числились писатели и ученые съ извѣстными именами, раньше принадлежавшіе частью, или всецѣло иному, народовческому, направленію, какъ-то: Я. Головацкій, пр. Наумовичъ, Зубрицкій, Устіановичъ, Гушалевичъ и др. Партія, кромѣ дѣятельности чисто-литературной, также начала развивать дѣятельность практическую среди народа, устраивая въ параллель своимъ противникамъ, также сельскія читальни и иныя учрежденія просвѣтительнаго характера.

Какъ ни ослабляли галицкія партіи свои силы враждой и междоусобной борьбой, все-таки за это время, съ сорокъ-восьмого по семидесятые годы, онѣ успѣли оттѣснить польскую культуру, еще недавно господствовавшую среди русиновъ. Конечно, это не лишило польскую національность господства въ той русской части Галичины, гдѣ она представляла собою все крупное землевладѣніе. Мало того: съ семидесятыхъ годовъ австрійская политика перестала поддерживать русиновъ въ ихъ борьбѣ съ польскимъ элементомъ и передала ихъ, такимъ образомъ, въ распоряженіе господствующей національности, представляющей собой въ галицкомъ сеймѣ подавляющее большинство. Но зато, съ другой стороны, развитіе національнаго самосознанія, въ связи съ усиленными заботами галицкой интеллигенціи о культурномъ подъемѣ крестьянской массы, позволили выдвинуть эту массу на арену политической дѣятельности. Въ 1873 г. созвано было впервые въ Галиціи „народное вѣче", и такимъ путемъ крестьянство было привлечено къ участію въ общей духовной жизни народности.

Ростъ національнаго самосознанія захватываетъ галицкихъ русиновъ вплоть до того общественнаго фундамента, какой представляетъ собою крестьянство; въ верхней, культурной, части общества духовная энергія въ этомъ направленіи развивается все съ бо́льшей и бо́льшей интенсивностью. Эта интенсивность наблюдается, впрочемъ, лишь въ той части галицкой интеллигенціи, которая выше охарактеризована подъ именемъ народовцевъ. Вмѣсто старыхъ литературныхъ органовъ, не стоявшихъ на высотѣ современныхъ требованій, у народовцевъ съ начала 80-хъ годовъ является „Діло", „Зоря", „Батьковщина"—газеты, твердо и опредѣленно стоявшія на „національно-демократическихъ" принципахъ, благодаря которымъ и сама партія постепенно пріобрѣтаетъ новое названіе національно-демократической партіи. „Просьвіта", просвѣтительное общество, о которомъ была рѣчь выше, выдѣляетъ изъ себя въ 1873 году Общество имени Шевченко съ цѣлью содѣйствія литературѣ и наукѣ изданіемъ трудовъ оригинальныхъ и переводныхъ. Съ 1892 года это общество, подъ именемъ „Наукового Товариства имени Шевченко", поставило

своей исключительной задачей развитіе науки на мѣстномъ языкѣ. Съ этого недавняго времени Товариство успѣло развить такъ широко свою дѣятельность, что несомнѣнно недалеко то время, когда австрійское правительство увидитъ себя вынужденнымъ къ учрежденію мѣстной академіи наукъ, по примѣру другихъ славянскихъ и неславянскихъ областей Австро-Венгріи; уже и теперь оно выдаетъ Товариству денежную субсидію.

Гдѣ есть жизнь—тамъ развитіе, гдѣ развитіе—тамъ дробленіе, и національно-демократическая партія уже успѣла выдвинуть изъ себя новую вліятельную фракцію, которая стремится къ тому, чтобы вывести дѣло галицкой народности изъ рамокъ національной исключительности и связать его съ европейскимъ радикальнымъ теченіемъ общественной мысли и жизни. Новыя настроенія выдвигаютъ и новыхъ лицъ, между которыми первенствующее мѣсто принадлежитъ крестьянскому сыну Франку, совмѣщающему въ себѣ таланты поэта и публициста съ настроеніями практическаго дѣятеля. Но передъ волнующимся океаномъ современности, надъ которымъ рѣютъ неясныя тѣни будущаго, прекращается дѣло историка.

Южнорусская народность, внѣ предѣловъ Россіи, живетъ не только въ Галиціи; небольшое число русиновъ есть еще въ Буковинѣ и Венгріи или Угорщинѣ *).

Воеводство или герцогство Буковина, лежащее на югъ отъ Галиціи, составляетъ особую провинцію Цислейтаніи съ центральнымъ пунктомъ въ Черновцахъ, съ собственнымъ областнымъ сеймомъ и управленіемъ. Буковинскіе русины имѣютъ общее происхожденіе съ галицкими, но уже съ XV в. Буковина вошла въ составъ Молдавіи, съ которой вмѣстѣ перешла подъ власть Турціи и, отдѣлившись такимъ образомъ отъ остальной Червонной Руси, образовала нѣкоторыя особенности. Самой замѣтной изъ этихъ особенностей является православный обрядъ, который былъ сохраненъ буковинскими русинами въ его старой неприкосновенности. Занятая во время турецкой войны русскими войсками Буковина была уступлена Екатериной Австріи послѣ мира въ Кучукъ-Кайнарджи. Въ настоящее время здѣшнимъ русинамъ приходится отстаивать свою народность какъ отъ нѣмцевъ, языкъ которыхъ есть офиціальный языкъ области, а, слѣдовательно, и ея администраціи, университета и среднихъ школъ, такъ, одновременно, и отъ румыновъ, стремящихся расширять свою національность на счетъ русинской. Но самая потребность отстаивать національность, пробужденіе національнаго самосознанія, явились у буковинскихъ русиновъ очень недавно. Оно связывается съ талантливой личностью Федьковича (1834—87). Гуцулъ (буковинскій горецъ), по происхожденію Федьковичъ, развилъ свой незаурядный талантъ вліяніемъ, съ одной стороны,

*) Въ восточной Галиціи русиновъ считается 2850000, въ Угорщинѣ около 600000 въ Буковинѣ—250000.

нѣмецкой, а съ другой—украинской литературы. Вліяніе Шевченко было такъ сильно, что до извѣстной степени подчинило себѣ Федьковича, несмотря на несомнѣнную силу и оригинальность его поэтическаго дарованія. Уровень культурной мысли на Буковинѣ былъ такъ низокъ, что, когда Федьковичъ началъ писать свои стихи и повѣсти, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, его произведенія находили признаніе и оцѣнку въ Галиціи и на Украинѣ, но не на родинѣ. Однако, такова власть живого и талантливаго слова: оно разбудило пригнетенную русскую народность Буковины къ интеллектуальной жизни. Въ 1870 г. появляется здѣсь первая газета „Зоря Буковинская", и съ этихъ поръ подъемъ національнаго самосознанія на Буковинѣ идетъ очень энергично. Въ настоящее время буковинскіе дѣятели въ области науки, литературы и общественной жизни идутъ рука-объ-руку съ галицкими, и газета „Буковина" занимаетъ почетное мѣсто въ ряду періодическихъ изданій на южнорусскомъ языкѣ.

Значительно хуже стоитъ дѣло возрожденія русинской народности въ Угорщинѣ, несмотря на ея численное превосходство надъ Буковиной. Причиной этого служитъ тотъ матеріальный и духовный гнетъ, подъ какимъ съ давнихъ поръ держатъ мадьяры эту отрасль южнорусскаго племени.

Угорская Русь занимаетъ сѣверо-восточную часть Венгріи; центральными пунктами ея являются Пряшевъ и Ужгородъ. Когда и какъ забросали историческія судьбы эту горсть русскаго народа за Карпаты—не извѣстно. Надо думать, что венгры, занявшіе въ X вѣкѣ Тиссо-Дунайскую равнину, уже нашли русское населеніе по ту сторону Карпатъ. Въ XIV вѣкѣ одинъ изъ литовскихъ князей Коріатовичей перебирается изъ Подолья въ Венгрію и получаетъ въ удѣлъ отъ венгерскаго короля русскую Угорщину; этотъ фактъ связывается съ устройствомъ въ Мункачевѣ православнаго духовно-просвѣтительнаго центра. Но православіе подверглось здѣсь такому же натиску со стороны католицизма, какъ и въ Галиціи, и натискъ этотъ привелъ къ такимъ же результатамъ: въ половинѣ XVII вѣка угорско-русское духовенство приняло унію. Только обнаруженный при Маріи-Терезіи угорскими русинами австрійскій патріотизмъ доставилъ имъ въ 1773 году независимую мункачевскую русско-уніатскую епархію, изъ которой потомъ выдѣлилась епархія пряшевская. Но нѣкоторымъ интересомъ и участіемъ къ дѣламъ своей вѣры и обряда и исчерпываются проявленія самостоятельной духовной жизни угорскихъ русиновъ. Даже духовенство ихъ, единственная культурная группа, всегда отличалось крайне низкимъ уровнемъ просвѣщенія: это объясняется, съ одной стороны, оторванностью этой вѣточки южнорусскаго племени отъ остальной его массы, съ другой—хищнымъ характеромъ мадьярской національности, среди которой она заброшена. Духовенство не сумѣло отстоять даже правъ церковно-славянскаго языка, уже не говоря о мѣстномъ русинскомъ, и съ начала XIX в. въ семинаріяхъ преподаваніе ведется на латинскомъ языкѣ. Однако, 1848 годъ былъ поворотнымъ пунктомъ и въ исторіи Угорской Руси. Два новыхъ условія принесъ онъ съ собой: уничтоженіе крѣпостного права и ближайшее непосредственное знакомство съ русскими людьми—извѣстна роль русскаго государства при усмиреніи революціоннаго движенія въ Венгріи. Къ этимъ условіямъ при-

соединилось и влiянiе сосѣдней Галицiи. Но только одно изъ галицкихъ направленiй нашло отголосокъ и сочувствiе въ Угорщинѣ: это такъ называемое старорусское или москвофильское. Украинофильское же, стремившееся къ тому, чтобы развивать культуру на основѣ мѣстнаго народнаго языка, встрѣтило въ Угорщинѣ самое враждебное отношенiе. Угорскiе русины твердо стали на томъ, чтобы примкнуть къ языку и духовной культурѣ, выработанной русской государственностью. Но, разумѣется, они лишь растрачивали свои скудныя силы на преодолѣнiе тѣхъ трудностей, какiя представляетъ собой духовная работа въ стихiи чужой рѣчи: никакое творчество въ этихъ условiяхъ не было возможно. Оттого литературная дѣятельность угорскихъ русиновъ поражаетъ своей скудостью и безсилiемъ и, наконецъ, совсѣмъ замираетъ: слѣдующее же поколѣнiе, дѣти этихъ самихъ старорусскихъ дѣятелей, кидаетъ безнадежное дѣло, и подъ давленiемъ господствующей нацiональности омадьяривается. Въ то время какъ въ Галицiи работа народовческой партiи—культурное движенiе на нацiональной основѣ—все растетъ и усиливается, здѣсь, въ Угорщинѣ, замираютъ и тѣ жалкiя проявленiя, какiя возникли-было послѣ 48 года. Однако, мадьяризацiя могла захватить только культурный классъ: для простонародной массы усвоенiе мадьярскаго языка представляло слишкомъ большiя трудности, такъ что угорскiе русины въ массѣ продолжали оставаться при своемъ собственномъ русинскомъ языкѣ. Но языкъ этотъ, въ данныхъ условiяхъ, погружалъ народъ въ полнѣйшее разобщенiе со всякими просвѣтительными влiянiями, въ полнѣйшее невѣжество, которое отражалось и на матерiальной сторонѣ народнаго быта. Видя себя поставленнымъ въ необходимость бороться съ обѣдненiемъ народа, мадьярское правительство пришло къ тому, что само начало издавать учебники для школъ на мѣстномъ языкѣ и газету для народныхъ учителей. Съ половины девяностыхъ годовъ, подъ влiянiемъ Галицiи, начинается въ Угорщинѣ чувствительный поворотъ къ тому же народническому направленiю, которому Галицiя обязана такимъ значительнымъ подъемомъ своей нацiональной культуры; но суждено ли этому новому направленiю вырасти и окрѣпнуть,—покажетъ будущее.

Невыносимый экономическiй гнетъ, которому наравнѣ съ гнетомъ культурнымъ, подвергаются русины галицкiе отъ поляковъ, угорскiе—отъ мадьяръ, толкаетъ тысячи крестьянскаго люда изъ Прикарпатья и Закарпатья искать счастья за океаномъ. Такимъ образомъ, есть уголки въ Америкѣ, гдѣ можно теперь слышать южнорусскую рѣчь и даже читать газету на народномъ языкѣ. Въ Монтъ-Кармелѣ уже въ теченiе нѣсколькихъ лѣтъ правильно выходитъ такая газета подъ названiемъ „Свобода“.

Главные источники. „Бесiди про часи козацьки на Украини“; Багалѣй. „Очерки и Матерiалы по исторiи колонизацiи и быта Слободской Украины“, „Исторiя Харьковскаго университета“; Данилевскiй, „Украинская Старина“; Головинскiй, „Слободскiе козачьи полки“; Шимановъ, „Главнѣйшiе моменты въ исторiи землевладѣнiя Харьковской губ.“; „Записки о Слободскихъ полкахъ съ начала ихъ появленiя до 1766 г.“; „Экстрактъ о Слободскихъ полкахъ“; Щелковъ, „Харьковъ, историко-статистическiй опытъ“; Теличенко, „Протестъ Слободской старшины и

козаковъ противъ реформы 1765 г.“; Скальковскій, „Исторія Новой Сѣчи“; Щербина: „Колонизація Кубанской области“, „Исторія самоуправленія кубанскихъ козаковъ“; Короленко, „Исторія Черноморскаго войска“; Кондратовичъ, „Задунайская Сѣчь“; „Кіевская Старина“ съ 1882 г.; „Основа“; Антковичъ, „Лекціи по исторіи Галицкой Руси“; Пыпинъ, „Исторія русской этнографіи“, т. III, „Этнографія Малорусская“; Петровъ, „Исторія украинской литературы“; Огоновскій, „Исторія литературы русской“; Головацкій, „Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси“; Купчанко, „Нѣкоторыя историко-географическія свѣдѣнія о Буковинѣ“ и пр.; Феерчакъ, „Литературное движеніе угроруссовъ“; „Зоря“ съ 1874 г.; „Литературно-науковый вістныкъ“ съ 1898 года; Коцовскій, „Оглядъ національной працѣ Галицкихъ Русинôвъ“; „Записки Наукового Товариства имени Шевченко“.

Оглавленіе.

Перечень иллюстрацій.

А) Рисунки въ текстѣ.

Б) Рисунки на отдѣльныхъ таблицахъ.

КОЗАЦКІЙ ПОДПОМОЩНИКЪ.

КОЗАЦКІЙ МАЛОРОССІЙСКІЙ ПОЛКОВНИКЪ.

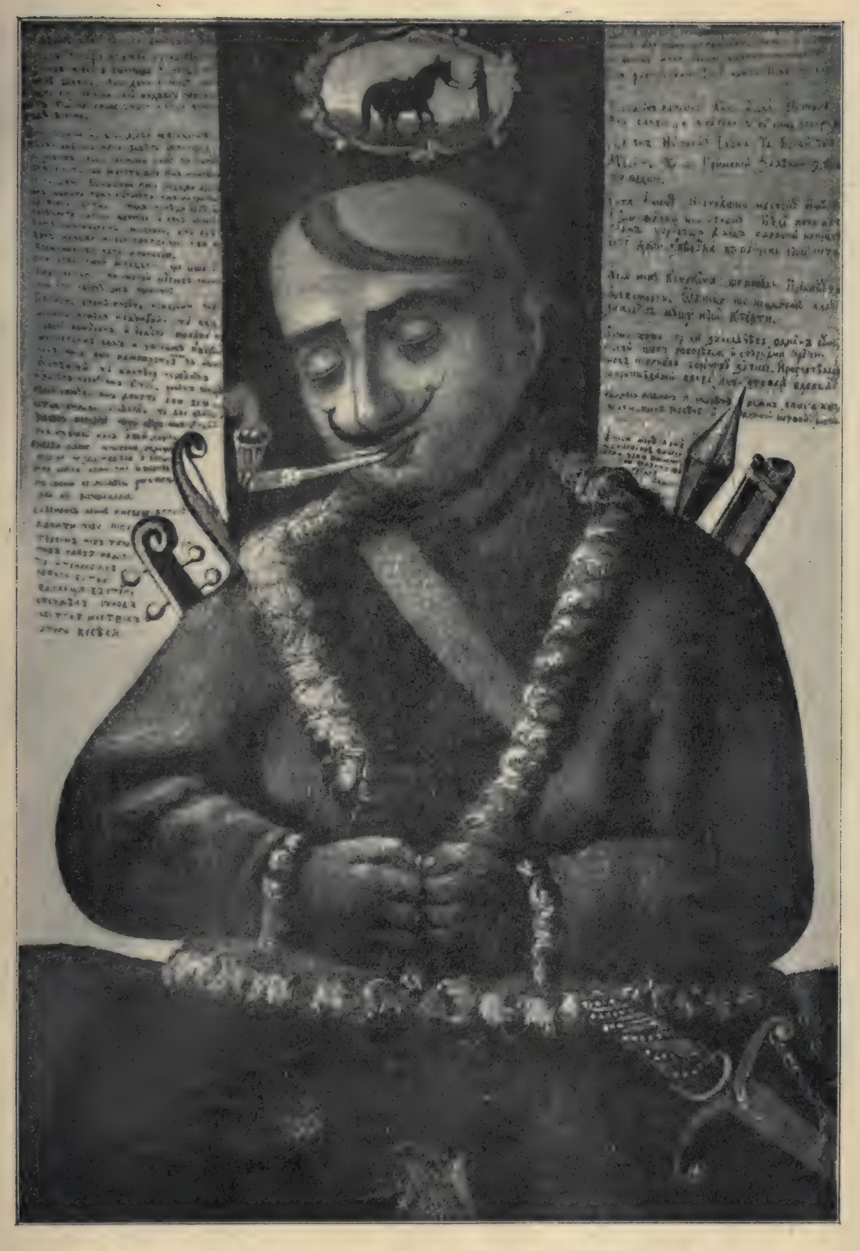
МАЛОРОССІЙСКІЙ КОЗАКЪ.

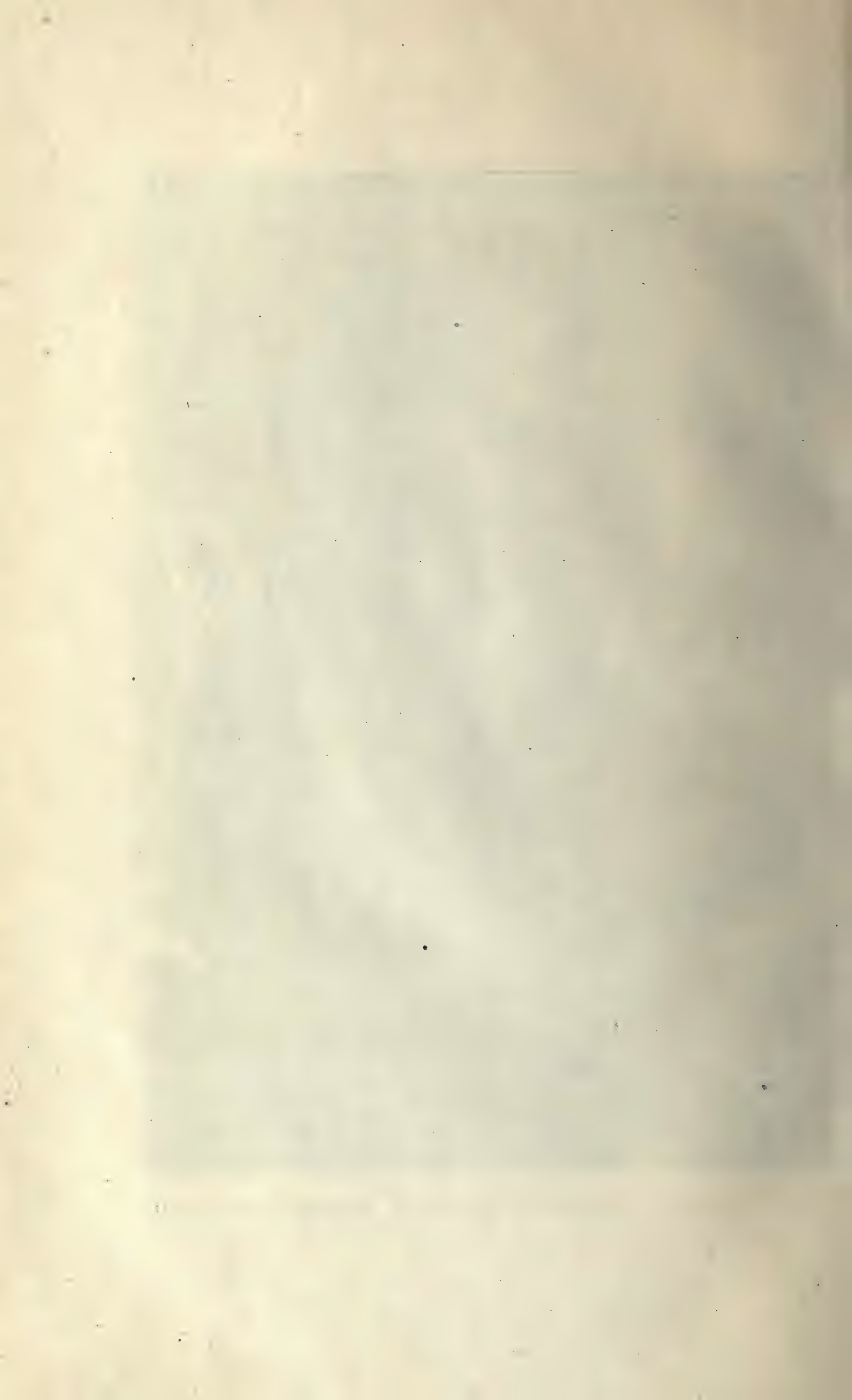
МАЛОРОССІЙСКІЙ СОТНИКЪ.

УМАНЬСКІЕ ГАЙДАМАКИ.

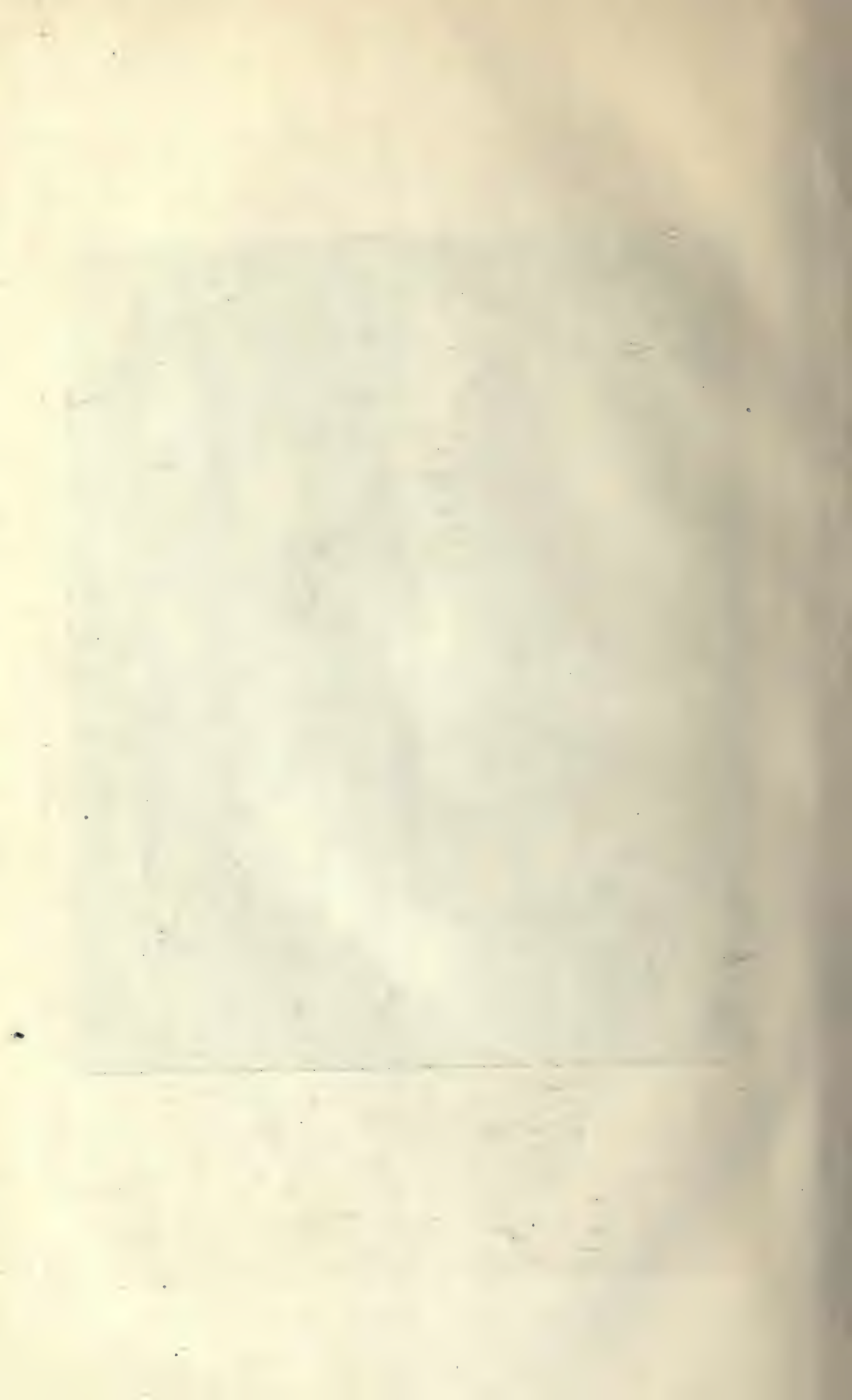

КОЗАКЪ МАМАЙ, НАРОДНАЯ КАРТИНА ДРЕВНЕЙ РЕДАКЦІИ.

КОЗАКЪ МАМАЙ, НАРОДНАЯ КАРТИНА БОЛѢЕ НОВОЙ РЕДАКЦІИ.

ИКОНА ПОКРОВА СЪ МОЛЯЩИМИСЯ ЗАПОРОЖЦАМИ.

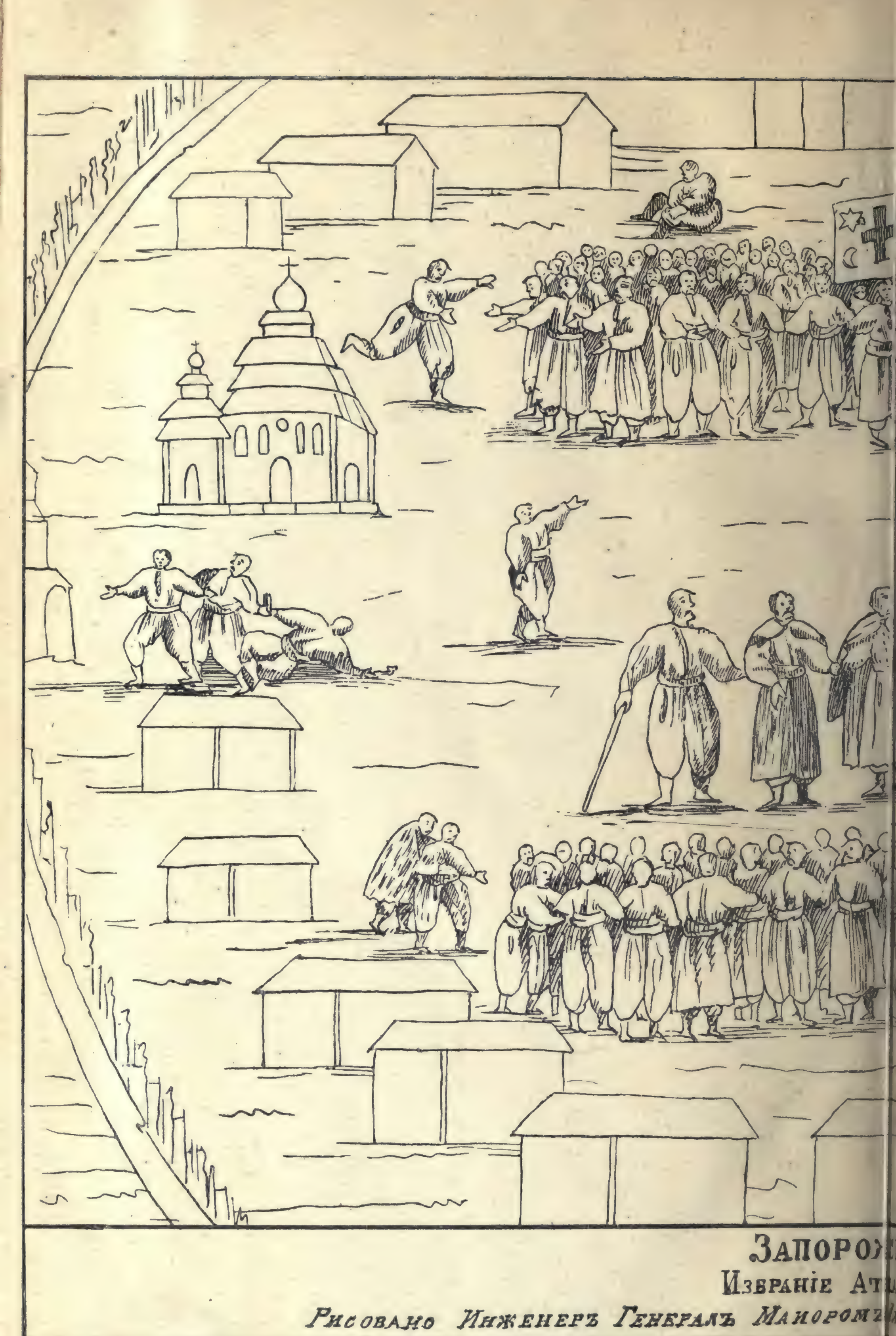
КАРТИНА ИЗЪ СОБРАНІЯ А. ПОЛЯ, ИЗОБРАЖАЮЩАЯ ГРУППУ ЗАПОРОЖЦЕВЪ.

ПАМЯТНИКЪ КОШЕВОГО ИВАНА СѢРКА ВЪ Д. КАПУЛОВКѢ.

НАМОГИЛЬНАЯ ПЛИТА КОШЕВОГО П. Н. КАЛНЫШЕВСКАГО ВЪ СОЛОВЕЦКОМЪ МОНАСТЫРѢ.

ЗАПОРОЖСКІЯ ГАЛЕРЫ И ЧАИКИ ПО РОВИНСКОМУ И БОПЛАНУ.

Запорож
Избраніе Ат
Рисовано Инженеръ Генералъ Маиоромъ

…ская Сѣчь
…ана Кошеваго
…Александромъ Ивановичемъ Ригельманомъ около 1785 г.

H

